

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

ВОСПОМИНАНИЯ

**КНИГА
ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ**

Москва
2018

УДК 82-94
ББК 84(2)
О-11

Составитель:
Г. И. Касабова

О-11. О времени, о Норильске, о себе... Книга 14 /
Ред.-сост. Г. И. Касабова. — М.: АО «Первая
Образцовая типография», 2018. — 600 с: ил.

ISBN 978-5-7164-0818-0

УДК 82-94
ББК 84(2)

*Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без ссылки на правообладателя запрещается*

ISBN 978-5-7164-0818-0

9 785716 408180 >

© Составление. Касабова Г. И., 2018

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

1. ЭКСПЕРИМЕНТ НА ЛЮДЯХ:

**Нам убедительно ввали, или
думать не каждому охота?**

Семейное прикосновение к истории (а значит — живое!) происходит через родных и близких людей. У многих сохранились старые фотографии, какие-то вещи прошлых лет, письма, книги, награды... Есть семьи, где старшие рассказывают молодым, как жили, трудились, что носили, ели, как праздники отмечали... Домашние беседы, записанные воспоминания о прошлом — это и есть живое постижение истории страны, города или села, фамилии, которую носишь.

Больше 18 лет записываю и собираю воспоминания норильчан о жизни на Таймыре примерно с 30–40-х годов до времени акционирования Норильского горно-металлургического комбината имени А.П. Завенягина. Как в капле воды отражается мир, так и история рождения Норильского промышленного района очень наглядно характеризует историю Страны Советов во всем ее трагизме и противоречиях. В жесточайших условиях советского концлагеря люди сопротивлялись обезчеловечиванию, как собственному, так и тех, кто рядом. При этом они проявляли чудеса стойкости, доброты, изворотливости, хитрости и оптимизма. Они не произносили высоких слов, им и в голову не приходило себя или кого-то назвать сопротивленцем в годы репрессий — жили, как могли, приспособлялись, осторожничали, конечно, но старались в большом, а чаще в малом остаться в ладу со своей совестью.

Со многими работавшими в самые тяжелые годы на Таймыре познакомиться лично мне не довелось.

Не застала их в живых, но зримо представляла их по дневниковым записям, рассказам их детей. И вольнонаемные, и репрессированные, пусть в разной степени, были несвободны, унижены не только тяжкими условиями работы... Ведь на Крайнем Севере и климат, и природа оказались их противниками. Сколько заключенных остались навсегда в вечной мерзлоте, до сих пор неизвестно, но их останки продолжают находить в самых неожиданных местах. Погибших в лагерях много, очень много! Узнаем ли когда-нибудь, сколько именно?

В документах заключенных именовали з/к, вольнонаемных — в/н (они сами в шутку расшифровывали это сокращение как временно неарестованный). Вспыхнувшие надежды на перемены в хрущевскую «оттепель» довольно скоро погасли: в стране мало что изменилось — разве что массовые аресты и бессудные расстрелы прекратились. И вернувшиеся из лагерей молчали. Так прервалась связь времен и поколений. Очень многие только в 90-х годах узнали о репрессированных родственниках.

Но самые отчаянные писали о пережитом в лагерях «в стол», пряча от домашних. Например, Моисей Исаакович Евзеров писал «Записки горного инженера» от чужого имени. Наверное, он думал, что, если за ним опять придут («Вы давали подписку о неразглашении сведений о лагерях?»), у него будет козырь: это художественное произведение, где герой Михаил Ильич Левин. И приведет в пример А.И. Солженицына. Страх продолжал жить в нем — прочитайте его записки в книгах 1-й и 2-й издания «О времени, о Норильске, о себе...» — и вы почувствуете последствия... Когда М.И. Евзерова реабилитировали, он из Норильска приехал в Донбасс, где его арестовали. Его тут же вызвали в КГБ и вызывающе грубо сказали: «Сколько времени вам надо, чтобы собраться?» Он пытался объясниться, показывал справку о своей реабилитации, его оборвали и велели убираться из

города. Он вернулся в Норильск. На нервной почве почти потерял зрение... Записки отца принесла Инесса Моисеевна Евзерова-Качурина (ее воспоминания опубликованы в книге 4-й издания «О времени, о Норильске, о себе...»). Благодаря ей воспоминания Моисея Исааковича были опубликованы в 2001 году — через 15 лет после его смерти.

Вернувшись из лагерей, даже реабилитированные молчали. Не потому, что дали подписку об этом, а ради своих детей. Как бы стали жить их сыновья, дочери со знанием жестокости и несправедливости государства к их семье? Другое дело — Норильск, город-лагерь. Мне казалось, что уж здесь-то о лагерях знают даже дети. Оказалось, нет. В 2009 году я познакомилась с Юлией Сергеевной Агафоновой. Громкая фамилия ее прославленного отца хорошо известна норильчанам. Сергей Павлович Агафонов — первый норильчанин — Герой Социалистического Труда, на долю которого выпали, пожалуй, самые трудные годы строительства поселка и комбината. На ближайшей встрече в клубе норильчан «69 параллель» в Москве, когда мы отмечали его 10-летие, Юлия Сергеевна купила все книги нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...». Тогда я обратила ее внимание на книги шестую, седьмую и восьмую: «Впервые прочитаете о восстании заключенных после смерти Сталина». Вот тут я и услышала:

— Вы не поверите, я очень поздно узнала, что в Норильске был лагерь...

— И вы ни разу не видели колонны заключенных с вооруженной охраной, собаками?

— Ни разу! А жили мы в одном из трех коттеджей для начальства*. Мы недавно при встрече со школьной подругой вспоминали те годы, и почему-то в моей памяти возник такой случай. Как-то в классе на перемене одна девочка стала рассказывать о каком-то

* Эти домики стояли в значительном отдалении от массовой застройки и дороги, по которой ездил транспорт и шли заключенные. — *Ред.*

талантливым человеке. Не помню никаких подробностей, он что-то хорошее для всех норильчан сделал, а потом одноклассница добавила: «Он заключенный». Учительница заметила мое изумление и тут же переключила всех на другую тему. Сама удивляюсь, что на каком-то интуитивном уровне это только теперь выплыло из моей памяти.

Вот тут я и поняла, что родители Агафоновы осознанно и постоянно оберегали любимую дочку от жестокой правды жизни. Удивительно, что это им удалось. Альбина Александровна Брилева (ее воспоминания опубликованы в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...») с дошкольных лет видела колонны заключенных и воспринимала это как обыденность: идут на работу, возвращаются вечером. Ведь ничего другого они на улицах не видели, а разговоров на щекотливые темы с ними не вели.

Еще один пример. Норильчанка А.Ф. Паншина рассказала мне, что она, старожил из старожил, о восстании заключенных узнала только в 90-х годах. В 1953 году она уехала в отпуск как раз перед восстанием в лагерях. Вернулась, когда вся смута закончилась. Никто из ее окружения не заикнулся о «волынке» з/к — здесь умели держать язык за зубами...

Долгие годы дети учили в школе историю родной страны, не подозревая о ее фальсификации и мифологизации. Если бы не горбачевская гласность, мы бы так и не узнали, что штурм Зимнего дворца не было, что это только эпизод фильма гениального режиссера Эйзенштейна. Мало того, за два месяца до переворота иностранные журналисты интересовались у Ленина, когда в России будет революция, и он ответил: «Ее совершат следующие поколения... Лет через 50...» Все школьники знали, что вождь учился в гимназии вместе с Керенским, который потом бежал от революции в женском платье. Все это тоже полная чушь. Если сопоставить даты жизни этих деятелей (11 лет

разницы!), то станет понятно, что учиться в одно время им просто не пришлось.

Фальсифицируя историю нашей страны, советские историки не придумали ничего нового. История мира знает множество примеров чистого вранья, подтасовки фактов, которые приправлены конкретными деталями, правдоподобной ситуацией и прочими житейскими штрихами. Так в реальную историю вторгаются мифы, легенды, слухи, которые передаются из поколения в поколение. Когда придуманное подвергается проверке, у идеологов случаются проколы. На что они рассчитывали, приписав Черчиллю одобрительные слова о Сталине, который якобы принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой? На массовое незнание английского даже образованной частью СССР? На жестокую цензуру и неизбывный страх людей? И все же нашлись энтузиасты, перечитавшие все, что написано и произнесено Уинстоном Черчиллем за всю его жизнь. Никогда не говорил он таких слов! Желаемое не удалось выдать за действительное.

История знает и долгую жизнь вранья. Пример — потемкинские деревни. Авторами мифа о них были французский посол Сегюр, саксонский посланник Гельбиг, лейб-медик австрийского императора Иосифа II Вейкард (*Горянин А. Мифы о России и дух нации. М.: PentaGraphic, 2002*). Несмотря на то, что несообразность и противоречивость этого мифа доказаны, миф о потемкинских деревнях жив и сегодня. В советские времена этот миф включали в школьные учебники как исторический факт, характеризующий прогнивший царизм.

Технология подмены правды ложью стара как мир. Ее до мельчайших деталей можно проследить в потрясающей по убедительности книге Юрия Дружникова «Доносчик 001, или Вознесение Павлика Морозова» (М.: Русский путь, 2006). Под заголовком дается такой текст: «Первое независимое расследование зверского убийства подростка, донесшего на отца, и процесса создания из мальчика самого известного советского

*Единственная подлинная
фотография Павлика Морозова,
найденная автором книги
и впервые опубликованная
в Лондоне (1988 г.)*

героя, проведенное тайно через пятьдесят лет после трагических и загадочных событий московским писателем, который рискнул сопоставить официальный миф с показаниями последних очевидцев и секретными документами».

Это увлекательный политический детектив, основанный на реальных событиях. Восхищают настойчивость и дотошность Юрия Дружникова в поисках правды. Ему пришлось ознакомиться не с одной Герасимовкой (деревни с таким названием были в нескольких губерниях и областях), пока он не нашел точный адрес семьи Морозовых: Тавдинский район Свердловской области (Северный Урал). Оказалось, что нет даже фотографии пионера-героя — из книг смотрели непохожие друг на друга лица. Не было точности и в том, кто убил братьев Морозовых, — в публикациях автор насчитал не менее десяти человек. Документов о Павлике в архивах не сохранилось, в мемориальном музее не было ни одной его личной вещи, ни одной семейной реликвии. Юрий Дружников опросил свидетелей в 13 городах страны, нашел секретные документы ОГПУ, разыскал подлинных убийц Павлика, рассказал, как его сделали героем, нашел чудом сохранившуюся единственную его фотографию, проследил судьбы Морозовых, крестьян Герасимовки, сотрудников ОГПУ, причастных к делу об убийстве П. Морозова, журналистов, писателей, поэтов,

создавших миф о пионере-герое в статьях, стихах, прозе, музыке, в красках, в камне...

В начале книги перечислены 53 основных участника событий. Позже из них 21 человек был арестован по политическим мотивам и один — за изнасилование девочки. Девятнадцать человек были убиты (трое, по-видимому, отравлены), семеро спились, трое сошли с ума, судьба двоих (чекиста Быкова и журналиста Антонова) осталась неизвестной. Из троих следователей остался жив один — он через 50 лет дал свои показания по делу. В конце книги Ю. Дружников впервые опубликовал мартиролог «Советские дети-герои, убитые за доносы (1927–1940)». Список неокончательный и содержит 45 фамилий. Дети подражали Павлику Морозову и доносили на родителей, учителей, зажиточных крестьян, своих товарищей, на голодных, которые ели в поле колоски... За это они были убиты. Все сведения взяты из официальной прессы. «Судьбы юных стукачей представляются настоль-

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

Перед вами подлинная фотография Павлика Морозова. Семейный снимок, на котором запечатлен герой-пионер.

Вариант

облика героя-пионера — фальшивка, опубликованная к 35-летию со дня смерти героя с комментарием: «Перед вами подлинная фотография Павлика Морозова. Семейный снимок, на котором запечатлен герой-пионер, был обнаружен в архивах свердловской фотохроники, переданных областному краеведческому музею»

*(Тавдинская правда.
27 августа 1967 г.)*

ко драматичными, что рано или поздно к ним еще обратятся историки», — считает автор.

Это печальные итоги реального воздействия пропаганды на советских детей. Может показаться странным, но ее разрушительное влияние на сознание продолжается до сих пор. Доказательство этого прозвучало на радиостанции «Эхо Москвы» в 2009 году. С привлечением слушателей, как всегда, в прямом эфире обсуждалась тема раскулачивания. Позвонила женщина и сказала, что ее дед был расстрелян. Она считает: правильно, он был кулак и где-то зерно топил. Ей бы дело деда почитать: все-таки родственникам оставили это право. М.М. Пришвин в дневниках пишет, что долго не понимал причины ожесточенной травли кулаков: «Теперь только ясно понял причину

На съемках кинофильма «Бежин луг» о Павлике Морозове. Сергей Эйзенштейн демонстрирует, как следует вырвать сына-пионера из рук отца, который собирается избить мальчика. В роли отца известный актер Борис Захава. 1936 г.

злости: все они даровитые люди и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. <...> Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие» (*Пришвин М.М. Дневники. 1930–1931. СПб.: Росток, 2006*). Дико в наше время не знать о трагедии раскулачивания... Уж сколько об этом написано, да многими ли прочитано? Несомневающийся, нелюбопытный разум не рождает потребности к знаниям. Миф о врагах народа усваивается легче, он запоминается сам, тем более что ему всегда предшествует шумная пропагандистская кампания.

В 1920 году А.В. Луначарский проповедовал: «Практиковать сейчас добро и человечность — предательство, нужно сначала с корнем вырвать врагов» (*Детская дефективность, преступность и беспризор-*

Член редколлегии «Пионерской правды», общественный обвинитель Елизар Смирнов (сидит за столом, второй слева) допрашивает Данилу Морозова (стоит). На первом плане: дед Сергей Морозов. Тавда, 1932 г.

Бронзовый монумент герою-пионеру Павлику Морозову на Красной Пресне был единственным в мировой истории памятником доносчику. Москва, 1980-е гг.

ность. М., 1920. С. 11). Заместитель председателя Центрального бюро детской коммунистической организации Архипов был более конкретен в газете «Пионерская правда»: основная задача пионерской организации — «воспитывать ненависть» (*Дружников Ю.* Доносчик 001, ... С. 105). В 1933 году в газете «Правда» за 29 октября эту мысль продолжил пролетарский писатель М. Горький: «Здесь уместно напомнить подвиг Павла Морозова, мальчика, который

понял, что человек, родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека — нельзя щадить». Он не примерил этих слов на себя... В это время по Москве уже гуляли слухи о том, что его сын завербован органами и доносит им, что говорит отец в отсутствие своего помощника...

Публичная школа ненависти к врагам иногда мстит своим создателям и пропагандистам. Уж они-то хорошо знали губительную силу доноса. Редактор журнала «Пионер», воспевавшего пионера-героя, Станислав Фурин, узнав о доносе на него сотрудницы, выбросился из окна своего кабинета, предпочтя смерть аресту и допросам в ОГПУ.

Чтобы скрыть свое неумение хозяйствовать, советская власть перевела стрелки на «кулаков-мироедов». Поиск врагов — это стержень ее внутренней и внешней политики. Когда жалели убитого мальчика, даже не задумывались о том, что он донес на родного человека, подарившего ему жизнь. Ненависть к богатому жива в народе до сих пор, в его сознании он все еще враг. Для этого, правда, наврали всем с три короба в строгом соответствии с большевистским

Мать убитых Павлика и Феди Татьяна Морозова и брат Алексей

*Татьяна Морозова, мать Павлика, в своей комнате.
Алупка, 1981 г.*

принципом: цель оправдывает средства. Но иначе бы власть не достигла желаемого результата.

В героической истории пионера Павлика Морозова правда только его имя и его донос на отца. Все остальное — грязная ложь. Трофим Морозов был не кулаком, а уважаемым в Герасимовке председателем сельсовета, его трижды переизбирали единогласно. Он не давал подчистую забрать хлеб у сельчан. Они утверждали, что из-за этого ОГПУ следило за Трофимом. Первый донос написала на него жена, она же потом подговорила и сына. Это была месть брошенной женщины. Ее мужа в деревне не осуждали за это — она была ленива (всегда в доме грязно, дети неухожены) да сварлива. Его, без вины виноватого, отправили в лагерь, там он был расстрелян. Пионером Павлик не был, вот и получается, что «пионерский отряд состоял из одного Павлика, причем сам он пионером не был», как написал Юрий Дружников.

Как водится, писателя пытались судить за клевету на пионера-героя, но он выбил все козыри офи-

циальных органов, представив неоспоримые доказательства свидетелей и очевидцев, документы. В книге Ю. Дружников дает даже список неопубликованных документов и воспоминаний.

...Я не думала, что звонок на «Эхо Москвы» («правильно расстреляли деда-кулака») так сильно меня зацепит. Уж казалось бы, сколько о драмах коллективизации, о сопротивлении колхозам сказано, написано в статьях, снято фильмов... В конце концов внучка расстрелянного деда не на Марсе жила... Почему же она, уже наверняка немолодая женщина, до сих пор не задумалась о жизни семьи, страны? Не умеет? Не хочет? Я нашла ответ на этот вопрос у Юрия Афанасьева, авторитетнейшего историка. Когда-то он прославился убийственной характеристикой депутатов, назвав их агрессивно-послушным большинством. В XXI веке он уточнил характеристику апатичной части населения страны: это люди «нерассуждающего разума». Удивительно точное определение.

Конечно, нам столько десятилетий правдоподобно врали, парализовали волю и ум страхом, отрезали от мира «железным занавесом», всякими путями и уловками отучали задавать хотя бы себе неудобные вопросы... Так и родился «хомо советикус», ему легче было жить «нерассуждающим разумом». А потом я поняла, что не только мы такие.

Почему многие оказываются столь легковверными? На этот вопрос дали удивительный ответ американские психологи. Они никакого отношения не имеют ни к нашей истории, ни к нашим гражданам. Они поставили эксперимент на своих. О нем рассказал в «Новой газете» (№ 68 (1386), 15.09–17.09, 2008 г.) Александр Генис в интереснейшей статье «Тайна клубничного йогурта».

Ученые предложили испытуемым попробовать в темноте (!) новый клубничный йогурт. Но вместо клубничного всем подали шоколадный йогурт и попросили поделиться впечатлениями. Девятнадцать из

тридцати двух испытуемых подмены вообще не заметили. «Один любитель клубники поклялся есть только этот сорт», — не без ехидства заметил А. Генис. «Участники эксперимента не были идиотами, но они так хорошо знали, чего ждать, что сумели переубедить себя, язык и разум», — делает вывод автор.

По-моему, у нас вся жизнь с 1917 года и до сих пор — это подобный долголетний эксперимент на людях. Их бездумная вера, информационная темнота не допускают не только разномыслия, но даже сомнения... «Никаких ошибок быть не может!» — уверенно гипнотизирует массовое сознание власть. Мифы — это древняя политехнология. Ее разрушает только правда, а ее-то и скрывают.

Мы до сих пор не разобрались со своей историей. Про революцию начали художественно врать, когда уже почти стерлась живая память о ней. Но зачем было создавать миф о подвигах на войне? Настоящих, непридуманных героев было величайшее множество! Они своей единственной жизни не жалели, например,

*«ГПУ — недремлющее око пролетарской диктатуры».
Плакат, 1932 г.*

как Александр Матросов. Однажды в книге норильского историографа А. Львова я нашла строчку: «Под Новгородом в 1942-м закрыл собой амбразуру вражеского дзота Иван Саввич Герасименко, строитель Норильска в 1938–1941 годах». Решила узнать о нем: кто такой, где работал. В архивной картотеке Норильска его не оказалось, нашелся в Дудинке. Да, был такой, ушел на фронт в 1941-м... И все! Я тогда еще не знала, что строитель Норильска — это чаще всего заключенный. Думаю, иначе бы работникам архива позволили бы дать журналисту хоть какую-то информацию... Но в начале 1978-го это было еще невозможно.

*Иван Саввич Герасименко,
один из 300 бойцов,
повторивших подвиг
Александра Матросова.
Ушел на фронт из Норильска
в 1941 году, погиб в 1942-м*

Их было трое пулеметчиков: командир отделения Иван Герасименко, Леонтий Черемнов и Александр Красилов. Они, как будто сговорившись, бросились на вражеский дзот. Тогда же, в 1942 году Николай Тихонов посвятил им поэму. Много лет спустя (?) запись о подвиге трех коммунистов (вступили в партию накануне) в своем фронтовом дневнике прочитал (!) капитан I ранга А. Данильченко (эта странноватая, на мой взгляд, фраза из газет). Вот он-то и рассказал, что произошло в разгар боя и как позже бойцы этой же роты пытались повторить их подвиг и закрыть своим телом вражеский дзот. Четверо были ранены, а Сергей Коваленко из Могилева погиб. Подвиг А. Матросова повторили около 300 бойцов. Да и сам он был не первым, просто о нем первом по горячим следам написали газеты. До него не пощадили своей жизни сержант Васильковский и лейтенант Шевляков. О довоенной жизни этих Героев Советского Союза в газетах

Фотографии из фронтовых газет

ЧЕТЫРЕСТА ГИТЛЕРОВЦЕВ!

ГЕРОЙ

Федора Дьяченко и близкие к нам разлетелись в разные стороны, и только Федор остался на нашей земле, на нашу славу и на нашу свободу. Благодарим его за то, что он с честью выдержал перед нами, и за то, что он пришел на фронт. Страна гордится им, но в солдатах для войны знаменитый герой Симанюк земляку Дьяченко промах. — Чем больше этих гадов.

Снайпер Федор Трофимович ДЬЯЧЕНКО в засаде.

ЕД

чек
Вои
фран
чеш
но, ч
тиз
убь
таля
и за
него.
оба
шум
днего
си и
ты в
того.
На с
среди
тет д

Вечная благодарность герою, уничтожившему сотню фашистов

Дата	Кол-во уничтож. фаши.	Инициалы	Группа	Подпись командира
3-12	4			Иванов
4.12.42	3			Иванов
5.12.42	2			Иванов
6-12	5			Иванов
9-12	2			Иванов
10-12	2			Иванов
11-12	5			Иванов
13-12	3			Иванов
15-12	8			Иванов
18.12.42	4			Иванов
19.12.42	2			Иванов
20.12.42	3			Иванов
20.12.42	6			Иванов
	48			

Федор Трофимович Дьяченко

Счет снайпера Ф.Т. Дьяченко

Ф. Т. Дьяченко среди школьников Ленинграда, 1979 г.

ничего не было сказано. Сегодня невольно возникает вопрос: может, они воевали в штрафбате, в которых только кровью можно было смыть «позор лагерного прошлого»? Да и закрывать своим телом огневую точку с позиции военной науки целесообразно ли? Доводилось читать, что это даже невозможно...

У Героя Советского Союза, который тоже был «строителем Норильска», Ф. Т. Дьяченко я побывала в Ленинграде в 1980 году. Федор Трофимович прославился как знаменитый снайпер. Он рассказал, что получил 58-ю статью за конфликт с милиционером. В 1941 году стал проситься на фронт. Ему сказали: «Успеешь к красной дате календаря свою работу сделать — отпустим!» А штукатур Дьяченко был мастер по лепнине на стенах, потолке. Денно и ночью трудился, спал на рабочем месте — успел! Его много раз приглашали в Норильск на День Победы, он обещал, но так ни разу не собрался. И от него отступились. Прочитав о нем, я не смогла ни у кого узнать его адреса — в Ленинграде нашла по справке телефон, до-

говорила о встрече. Тогда по его глазам и по разговору я поняла: он не хочет в Норильск, тяжело было вспоминать...

До сих пор в советских мифах была хоть какая-то житейская зацепка: конкретные люди или событие, факт. Но чтобы весь миф от начала до конца был художественным вымыслом, как «подвиг» 28 героев-панфиловцев... Впервые его озвучил журнал «Новый мир» в февральском номере в 1966 году. Он же в 1997-м опубликовал рассекреченные материалы расследования Главной военной прокуратуры в 1948 году под названием «Справка-доклад «О 28 панфиловцах»». «Новая газета» в 2009 году (№ 40, 17.04) опубликовала выдержку из показаний бывшего командира 1075-го стрелкового полка Ильи Карпова: «Никакого боя 28 панфиловцев с немецкими танками у разъезда Дубосеково 16 ноября 1941 года не было — это сплошной вымысел». Автор идеи — главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг, исполнитель — заведующий литотделом газеты Александр Кривицкий. «Новая газета» рассказала о судьбе двух «героев». Поразительно, что и сегодня находятся люди, которые настаивают на лжи и при этом считают себя патриотами. А какой мощный памятник в честь несуществующих «панфиловцев» стоит у деревни Дубосеково... Люди рядом с высеченными «героями» кажутся лилипутами.

Историей надо не только гордиться, ее нужно изучать — в ней много чего за долгие века понамышано... И трагического, и случайного, и героического, и предательского — всякого, как это и бывает в жизни во все времена...

2. НОРИЛЬСКИЕ МИФЫ:

**Неправда, что город построили комсомольцы,
что дата рождения комбината 1935 год,
что вредительство на нем прекратилось
с приходом Завенягина...**

О Норильске долго никто не знал — на карте его обозначения просто не было. Но слухи о нем уже просочились... Говорят, там не голодают... А какие деньжищи платят! В выходные горняки в Ленинград летают пивка попить. Норильчане в отпуске своим землякам, даже незнакомым, деньги запросто одалживают. Шепотом сообщали, что там лагерь заключенных. Выпускников вузов отправляет на работу Лубянка. А десятиклассники так подготовлены, что все легко поступают в столичные вузы...

Миф о баснословных заработках северян жив и поныне. В 2009 году в Торгово-промышленной палате на торжествах по случаю 75-летнего юбилея края губернатор А. Хлопонин сказал: «Раньше норильчане любили слетать с полочки на субботу-воскресенье в Москву пива попить. И мы, красноярцы, сегодня настолько уверены в себе, что считаем лишним раз в таком замечательном месте в центре Москвы рассказать про край — это просто замечательно» (Новая газета. 2009. 7 дек.). Справедливости ради скажу, что главная тема заметки ее собкора в Красноярске А. Тарасова — несоответствие прожиточного минимума и зарплаты работников краевых детсадов. Что же касается пивных маршрутов выходного дня, то я еще в 80-х годах пыталась найти даже не их участников, а хотя бы тех, кто о них слышал, увы... Очередная байка... Чисто количественное сравнение зарплат в советские времена было, конечно, в пользу норильчан. Но когда подсчитаешь, сколько теплой одежды требуется семье, сколько тратится на питание и все необходимое хоть в Заполярье, хоть в Центральной

России, то особой выгоды норильчан не обнаружишь. Одни билеты на самолет чего стоят. Вот поэтому большинство каждый год в отпуск не едет...

В 2010 году официально Норильскому комбинату 75 лет. Может, это тоже миф? Ведь все знают, что первые дома на этом месте поставили в 1921-м, один из них сохранился как музей. Без знания истории города не понять, почему и какие мифы о нем родились и какая у него настоящая судьба.

С 1935 года, почти четверть века, Норильск был заполярным советским концлагерем, закрытым поселением, куда ни по земле, ни по воде, ни по воздуху попасть было нельзя без вызова, пропуска, контроля НКВД, МВД, КГБ. Норильск был жгучей смесью обычного с тяжкими общими работами лагеря и шарашки, где требовался интеллектуальный труд. Власть поставила перед ним наитруднейшую задачу: в кратчайшие сроки освоить месторождения угля, меди, никеля, кобальта, драгоценных металлов. И это на Крайнем Севере — суровом и удаленном от центра страны!

Срочно потребовались творческие люди, профессионалы разных профессий. Их выявили на месте, привезли из других лагерей, и закипела круглосуточная работа. В те годы многие производственные достижения в горном деле, строительстве, мерзловедении, металлургии и других областях сопровождались словом «впервые». Если в книгах, изданных до горбачевской гласности, вы прочитаете, что 1 июля 1935 года в Дудинку прибыли первые строители, знайте, это были первые заключенные... В марте 1939 года Норильск получил медно-никелевый штейн, еще через три месяца — фанштейн. В этом же году начали строить Большой завод, ТЭЦ, город. Все это сделано руками заключенных, многие положили на это жизни. Недаром Норильск окрестили городом, стоящим на костях человеческих.

После смерти Сталина лагеря стали закрывать. Созданные на месте комиссии по реабилитации осужденных по 58-й статье работали очень напряженно,

но быстро. Нельзя же всерьез расследовать дела о покушениях на Сталина или осуждение «врага народа» за написанное на снегу четверостишие запрещенного Есенина или за слова «Сталина надо повесить», когда его портрет упал со стены... Получив справку о реабилитации, многие уезжали из Норильска. А строящийся комбинат все так же остро нуждался в рабочих руках. Вот тут и объявили город всесоюзной комсомольской стройкой.

В 1956 году в Заполярье потянулись молодежные десанты, демобилизованные солдаты. Началось бурное развитие и комбината, и города. Он прирастал не только многоэтажными домами, но и школами, детскими садами, кинотеатрами, Дворцом культуры, спортзалами, плавательным бассейном. В 70-х годах Норильск уже стали называть чудом XX века, построенным за Северным полярным кругом, жемчужиной Заполярья. О нем все больше писали газеты, рассказывали, что построили его комсомольцы, и знакомили с теми из них, кто трудится сейчас. О прошлом или вскользь, или официально — то есть никак.

Комсомольский призыв 1956 года называют первым. Но до него в Красноярском крае объявляли мобилизацию на Норильский комбинат в 1942 году. Вот как об этом сообщает Т.Я. Гармаш, норильский архивариус: «В Красноярске комсомольцев вызывали в райком, вручали путевки и говорили: «Поедете на Таймыр строить металлургический комбинат». Парни протестовали: «Не хотим на Таймыр! Хотим на фронт!» Им отвечали: «Не нарушайте дисциплину. Вас отправляют туда, где вы нужнее. Это также важно, как и фронт. И так же трудно» (Историко-географическая и социологическая справка о Таймыре, Норильске и комбинате. Норильск, 1973. С. 36).

К 40-летию первого комсомольского призыва в городской газете «Заполярная правда» я собирала «круглый стол». Звонила на медный, никелевый заводы, мне сказали, что первый призыв — это металлурги. Нашла семь человек. Сколько прибыло

в 1942 году комсомольцев, никто не знал, а эти стали вспоминать... почти детство. Шестерым тогда было по 14 лет, одному — 11. Специальные люди выискивали в районах под Красноярском подростков из бедных или многодетных семей, сирот. Отказаться было страшно — время-то было военное! Все они были худющие, голодные, плохо одетые. По Енисею прибыли в Дудинку, потом в Норильск и никогда не пожалели об этом. В Норильске их откормили, одели, определили на учебу, а потом за них выбрали профессию — все стали металлургами: их стаж уже подходил к 40 годам. Все семеро «комсомольцев» считали Норильск своим спасением и второй родиной.

Позже я поняла, почему мне так не повезло с комсомольцами. Видимо, и не могло повезти — за эти годы мало кто остался работать на металлургических производствах. Особенно мужчинам достались самые опасные для здоровья участки. Чтобы непосвященному было понятно, о чем речь, расскажу о своих ощущениях в цехе Надеждинского завода — его строили финны по последнему слову современной металлургии в 80-х годах прошлого века. Печи и все оборудование на даже непрофессионала производят неизгладимое впечатление... до тех пор, пока не происходит выброс газа. Ощутила настоящий ужас — из глаз полились слезы, я так закашлялась, что помчалась бегом по лестнице наверх, чтоб укрыться в кабинете. Недаром горняки говорят: лучше на 1000 км под землю спуститься... И недаром металлурги выходят на пенсию в 45 лет... Участники «круглого стола» не с первых лет пошли на производство — доучивались в школе, потом в техникуме...

В военные годы были комсомольцы и среди вольнонаемных. Они, конечно, проводили общественную работу, вывешивали лозунги «Комсомольцы — фронту!». Но уж слишком малочисленной была комсомольская организация... Я мало что знала о ней. Но однажды семейный архив Алексея Николаевича Свечникова мне передала его вдова Галина Александровна. (Спасибо ей и Владимиру Ивановичу Полищук за доставку из

Рязани в Москву семи тяжелых коробок с материалами.) Первое, на что обратила внимание, — это письма его коллег, металлургов 25-го завода. Он вел с ними большую переписку, когда готовил к печати книгу «Драгоценные металлы Норильска» (М.: ГУП Издательский дом «Руда и металлы», 2000). Тут-то и выяснилось, что многие из них прибыли в Заполярье «по мобилизации Красноярского крайкома комсомола». Из писем я узнала, что комсомольцев приехало 300 человек (за редким исключением все называли эту цифру). Кто-то пошел в школу, кто-то на ускоренные курсы. Они и документы того времени приложили. Это их воспоминания, копии трудовых книжек, благодарности за перевыполнение производственного плана 1944 года по приказу Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР, Генерального Комиссара Государственной безопасности товарища БЕРИЯ от 3 марта 1945 года (именно так — все слова с большой буквы), свидетельство об окончании курсов в 1942 году и 1951-м, фотографии, пожелтевшие газеты. Давайте их почитаем.

Эта заметка была опубликована в «Заполярной правде» 5 июня 1968 года под рубрикой «Они были первыми». Вот ее текст.

Неласково встретил нас Норильск летом 1942 года. Моросил мелкий нудный дождь. Пасмурно. Холодно. Словно не хотела земля Таймыра принимать новоселов, словно не верила, что мы приехали не на один год, не на два, а надолго, может быть, на всю жизнь.

Не испугались мы, не запросились обратно «на материк», а, если можно так сказать, ощетинились на этот холод, дождь, неуют. Решили перебороть все невзгоды.

...Подошел маленький автобус, забрал нас и повез с Нулевого пикета неизвестно куда. Кругом тундра. Где же город?

Огромный серый барак* у кирпичного завода стал нашим первым жилищем. Нары в два яруса. По-военному мобилизованные, мы о лучшем и не думали.

ТУДА, ГДЕ ТРУДНЕЕ

5.06.68г

Неласково встретил нас Норильск летом 1942 года. Моросал мелкий иудный дождь. Пасмурно. Холодно. Слово не хотела слышать Таймыра допринимать новостей, словно не верила, что мы приехали не на один год, не на два, а надолго, может быть, на всю жизнь.

Не испугались мы, не задорились обратно «на материк», а если можно так сказать, определились на этот холод, дождь, неуют. Решили перебороть все невзгоды.

Подождав мадальский автобус, забрал нас и повез с нулевого пикета неизвестно куда. Кругом тундра. Где же город?

Огромный серый баркас у кирпичного завода стал нашим первым жилищем. Нары в два яруса. По-военному мобилизованные, мы в лучшем и не думали.

Основная масса приехавших — комсомольцы, молодежь из различных уголков страны. Были среди новоселов и коммунисты, и беспар-

тийные. Не было только интыков. А суровый Север и война обезличили нас общим упорством — выставить!

Нелаская юность сталась моему поколению.

Бывало, по кочкам, по шпалам бежим от кирпичного завода на ТЭЦ, на малую богатейшую фабрику, позднее — на большую. Плохо одетые, плохо обуты, ветер насквозь пронимает, но не помню случая, чтобы кто-то не вышел на работу или опоздал, или жаловался на свою судьбу. Судьба была одинакова для всех — идти туда, где всего труднее. И шли, потому что надо было идти, потому что не идти не могли.

Не случалось и того, чтобы один-двае отстали, отбегали от коллектива. На все обсуждалась и вела одна большая сила — комсомол.

Вне комсомола нас не существовало. Комсомольские дела заполняли всю нашу жизнь.

Брались за любое де-

ло, с готовкою, с азартом. Жаль, что эти слова теперь утратили то первоначальное значение, которое вкладывали мы, комсомольцы в те и в те лет.

...Деревья упорно не хотели расти в городе. Но каждый год, снова и снова молодежь вывозила на воскресники, копали ямы, засыпали землей, привезенной из тундры, и вновь садили деревья. Своими силами построили первый в Заполярье спортивный зал.

А сколько старых домов стоят на фундаментах, выложенных руками комсомольцев! Рыть котлованы мы выходили целыми бригадами, сменами: жилья не хватало.

На учебу оставались только вечера. Длинные, холодные зимние вечера. Но и их не хватало. Вне художественной самодельности себя никто не представлял. Те, у кого не было талантов петь либо плясать, приходили в клуб просто так, помогали оборудовать сцену, доставляли костю-

мы, шили, клеили, рисовали. Вечера молодежи проходили весело.

А наутро вновь спешили в цехи, выдавали по полторы нормы, после смены оставались еще на два-три часа и работали в фонд обороны. Вы помните те суровые дни, другая моя комсомольская юность, Екатерина Ромашова, Анастасия Мошкина, Татьяна Аксенова, Надея Громова, Ранса и Ольга Рукосуева, Зинаида Усольцева?

Я могу назвать еще десятки фамилий, с кем вместе вывозили на воскресники, собирали металлолом и пели хором на наших вечерах.

Помню, как однажды мне надо было участвовать в лыжном соревновании, а не в чем. Тогда Рита Хромых била свои сапоги и дала мне, а сама сидела спокойно, пока я не вернулась. Разве такое забудется?

А лыжи были почти самодельные, крепление плохое, на полдороге вдару спадет одна лыжина, а сходить с лыжи

не дозается, так на одной до финиша и приходиться ехать. Сойти с лыжи считалось большим позором. А в черные пурги лыжи, когда невозможно выйти из домы, мы брались за руки по двое-трое и все равно шли на респекти художественной самодельности. Юность брала свое: побеждала холод, пурги и неуют барачной жизни.

В 1943 году несколько девушек пришло к секретарю ГК ВЛКСМ Т. Якубову и попросили отправить на фронт.

— Норильск — тот же фронт! — ответили им.

В этом же году с «материка» привезли 700 мальчиков на учебу в ФЗО, меня и Эюю Сердакову направили туда воспитателями. И так каждый раз: шли туда, где нужнее.

...Прошло двадцать пять лет. Неузнаваемо изменился Норильск. Этот новый, красивый город мы любим больше, чем кто-либо, потому что в его строительстве есть доля нашего труда, комсомольца военных лет.

Д. АРЕНДОВА
работница никелевого завода.

<...>

Брались за любое дело, с азартом, с огоньком, с азартом. Жаль, что эти слова теперь утратили то первоначальное значение, которое вкладывали мы, комсомольцы военных лет.

...Деревья упорно не хотели расти в городе. Но каждый год снова и снова молодежь вывозила на воскресники, копали ямы, засыпали землей, привезенной из тундры, и вновь садили деревья. Своими силами построили первый в Заполярье спортивный зал. А сколько старых домов стоят на фундаментах, выложенных руками комсомольцев! Рыть котлованы мы выходили целыми бригадами, сменами: жилья не хватало.

На учебу оставались только вечера. Длинные, холодные зимние вечера. Но и их не хватало. Вне художественной самодельности себя никто не представлял. Те, у кого не было талантов петь либо плясать, приходили в клуб просто так, помогали оборудовать сцену, доставляли костюмы, шили, клеили, рисовали. Вечера молодежи проходили весело.

А наутро вновь спешили в цехи, выдавали по полторы нормы, после смены оставались еще на два-три часа и работали в фонд обо-

роны. Вы помните те суровые дни, друзья моей комсомольской юности, Екатерина Ромашова, Анастасия Мошкина, Татьяна Аксенова, Надя Громова, Раиса и Ольга Рукосуевы, Зинаида Усольцева?

Я могу назвать еще десятки фамилий, с кем вместе выходили на воскресники, собирали металлолом и пели хором на наших вечерах.

Помню, как однажды мне надо было участвовать в лыжном соревновании, а не в чем. Тогда Рита Хромых сняла свои сапоги и дала мне, а сама сидела босиком, пока я не вернулась. Разве такое забудется?

А лыжи были почти самодельные, крепления плохие, на полдороге вдруг спадает одна лыжина, а сойти с лыжни не хочется, так на одной до финиша и приходится ехать. Сойти с лыжни считалось большим позором. А в черные пурги зимой, когда невозможно выйти из дому, мы брались за руки по двое-трое и все равно шли на репетиции художественной самодеятельности. Юность брала свое: побеждала холод, пурги и неуют барачной жизни.

В 1943 году несколько девушек пришли к секретарю ГК ВЛКСМ т. Якубову и попросили отправить на фронт.

– Норильск – тот же фронт! – ответили нам.

В этом же году с «материка» привезли 700 мальчиков на учебу в ФЗО, меня и Зою Сердакову направили туда воспитателями. И так каждый раз: шли туда, где нужнее.

...Прошло двадцать пять лет. Неузнаваемо изменился Норильск. Этот новый, красивый город мы любим больше, чем кто-либо, потому что в его строительстве есть доля нашего труда, комсомольцев военных лет.

*Д. Арендова,
работница никелевого завода.*

И эти письма я читала со смешанными чувствами... Только в молодости все нипочем...

Надежда Ивановна Пидченко-Брюханова

(из письма А.Н. Свечникову)

В 1942 г. в июне к нам приехал представитель из пос. Норильск по мобилизации комсомольцев на комбинат. Я только закончила 10 классов, но в то время комсомолкой не была. Пошла в горком комсомола с заявлением, чтобы меня взяли в Заполярье. Мою просьбу удовлетворили. Так я попала в Заполярье. Три месяца училась на курсах мастеров, а потом работала на опытной установке завода № 25.

Прочитали все и дали «одобрили»!

Имя отчество
НОРИЛЬСКИЙ КОМБИНАТ
ОТДЕЛ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 756. Дана 9-го декабря 1942 г.

Выдано Брюхановой Надежде Ивановне в том, что она 5-го ноября 1942 г. окончила курсы по специальности мастеров-сидремотолков и сдала государственные экзамены с оценкой Отлично.

Постановлением экзаменационно-квалификационной комиссии, протокол № 125 от 5 ноября 1942 г. Брюханова неаквалифицирована в качестве сидремотолков и имеет право работать по специальности мастера-сидремотолков.

Главный инженер и зам. начальника Норильского комбината (ЗВЕРЕВ).

Начальник отдела подготовки кадров Норильского комбината (ЕПИШЕВ).

Зак. № 2074. Тип. Норильского комбината, Тарах 1942.

В июне 1945 года нас отозвали на новый завод. Здесь в первую очередь изучили технологическую схему цеха, трубопроводы, насосы, пачуки — в общем всю аппаратуру...

Постепенно подошел срок запуска в работу цеха. Начали с восьми часов утра. Но обнаружилось много неполадок, подтеканий, проливов. Запуститься не удалось ни во вторую, ни в третью смену. Наша работала в ночь — с нуля часов. К этому времени руководство уезжало домой. Мы получили массу указаний и наставлений. В случае необходимости просили звонить прямо домой, вплоть до начальника завода.

Конечно, спать в эту ночь я кое-кому не дала. Особенно досталось начальнику ТВС завода (Плешкову?): не хватало пара и воздуха. Он приехал на завод и ко мне: «Где я могу видеть мастера смены?» Я объяснилась. Он недоверчиво на меня посмотрел. А мне тогда было 22 года. Сердито ушел. Но пар и воздух дали сразу же.

Запуститься нам удалось только около четырех часов утра. Успешно осадили марганец. Отфильтровали. Подготовили раствор на осаждение гидроокиси кобальта. Смена подходила к концу. Я заполняла рапорт. Постепенно начали подъезжать руководители, сменщики. Нас поздравили с успехом. Среди приехавших был начальник ТВС, который, как я узнала позже, звонил Владимиру Алексеевичу Дарьяльскому и удивлялся, что такое серьезное дело доверили обыкновенной девчонке.

<...> Сегодня днем смотрела по телевизору передачу о Норильске... Какой красивый город! А мороз, как в наше время, минус 41°... Мы жили в тяжелое время, построек было мало. Мы ходили группами, чтоб никого не унесло. Автобусов почти не было, потом появился большой «МАК» с жесткими сиденьями — помещалось 200–250 человек, когда мы ехали на опытную установку. Когда на 25-м заводе нам дали на 2-м этаже квартиры в соцгороде (внизу помещалась милиция), были просто счастливы...

*Город Ейск-2,
Краснодарский край,
май, 1980 г.*

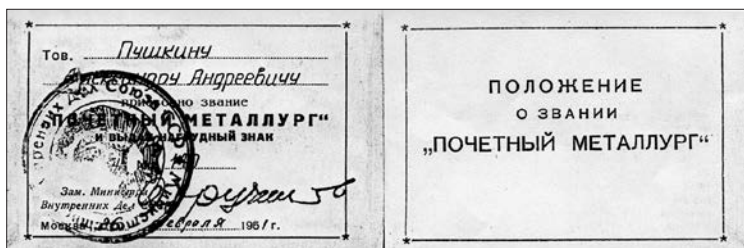
Евгения Аркадьевна Хребтова-Михалева

(из письма А.Н. Свечникову)

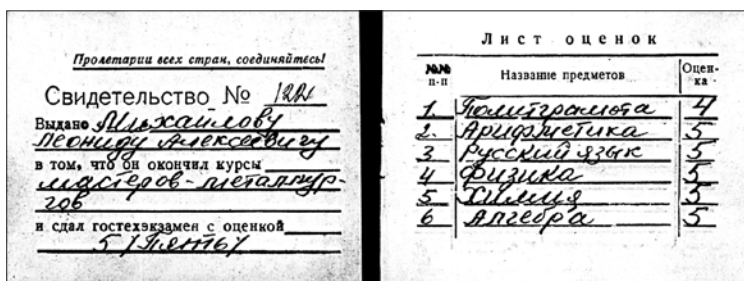
Я родилась в семье железнодорожников, школу закончила в Южно-Енисейске Красноярского края в 1942 году. К нам на прииск приехал представитель из Норильска, чтобы мобилизовать комсомольцев на работу. наших ребят почти всех забрали на фронт, а мы, девушки, решили поехать на север. С сопровождающим ехали на барже почти месяц — так в числе 300 человек оказалась в Норильске и я. Жить пришлось в невероятно суровых климатических, бытовых и моральных условиях.

Работали трудно — за всю смену не присаживались. Но все было интересно и хотелось все больше узнать о профессии металлурга. Нам было по 18–19 лет, мы не унывали, не пугались трудностей и окружающего нас контингента. На работу старались не опаздывать, даже когда переметало дорогу и приходилось добираться на смену пешком. При нас, мастерах, старались не сквернословить, звали нас только по имени-отчеству. Работали во вредных условиях, были отравления газом (не ладилось с вытяжкой). Рабочие ходили в резиновых сапогах и противокислотных спецовках — растворы моментом прожигали в них дырки. Мы тоже ходили в резиновых сапогах и халатах, но хотя бы иногда так хотелось принарядиться, надеть туфли — мы же целый день на работе... Надевали, но даже с 6-часовой смены уходили в чулках с дырками. Когда дома переодевались, все равно от нас пахло хлоркой, но мы не придавали этому большого значения...

Пережили мы много, уставали очень. А все равно занимались общественной работой и летом всей сменой отдыхать выезжали на «Валек» в тундру. Я помню всех. И Ивана Лихачева, слесаря, он погиб на работе. Спустился в пачук по веревочной лестнице, а там в конусе был кек, в который из неисправного крана по-

Удостоверение о звании «Почетный металлург» А.А. Пушкина

Свидетельство об окончании курсов

пала серная кислота. Там скопился газ. Иван ремонтировал вентиль и уронил ключ в пачук. Полез за ним, никого не предупредив. Когда хватились его, было поздно — он задохнулся газом...

С вредного производства я ушла на пенсию в 1962 году — в 45 лет.

Город Ангарск,
1987 г.

Валентина Васильевна Козырева-Кургиян

(из письма А.Н. Свечникову)

Алексей Николаевич, посылаю вам выписку из трудовой книжки времен Норильска, автобиографию, свидетельство об окончании курсов мастеров (экзамены сдала на отлично) и отпечатанную в типографии комбината благодарность, подписанную начальником Норильского комбината

НКВД СССР комиссаром Госбезопасности А. Панюковым за № 2107 от 5 мая 1945 года.

Я родилась в 1925 году в селе Рыбное Удерецкого района Красноярского края, но в ноябре 1929 года с семьей отца из сельской мест-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИИИИИ ИИИИИ

ИИИИИ СССР
НОРИЛЬСКИЙ КОМБИНАТ
ОТДЕЛ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 758. „9“ Декабря 1942 г.

Выдано Козыревой Валентине
Васильевне в том, что она
5 ноября 1942 г. окончила курсы по специальности мастеров-гидрометаллургов сдала госстек-
экзамен с оценкой „отлично“

Постановлением экзаменационной неа квалификационной
комиссии, протокол № 100 от „5“ ноября 1942 г.
Козырева неа квалифицирована мастера-
гидрометаллурга и имеет право работать по спе-
циальности мастера гидрометаллурга

Главный инженер
и з.м. начальника
Норильского комбината
 (ЗВЕРЕВ).

Начальник отдела
подготовки кадров
Норильского комбината
 (ЕПШЕВ).

Зак. № 2074. Тираж Норильского комбината, Тираж 10000.

Свидетельство В.В. Козыревой об окончании курсов, 1942 г.

*Благодарность В.В. Козыревой
от Норильского комбината за производственные достижения,
1945 г.*

№ записи		Дата		Сведения о приеме на работу, перемещениях по работе и увольнении (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
		Год	Месяц		
			Число		
			по		
			Одн.		
			ло		
1	1942 XII	II			
2	1943 У	5			
3	1943 X	1			
4	1943 XI	2			
5	1945 У	25			
6	1946 XI	28			
7	1951 X	12			
8	1952 II	18			
9	1952 IX	5			

Стек работа по найму до поступления в Норильский комбинат на работу

Норильский комбинат

Мастер опытной установки "НК"
 Бригадир опытной установки "НК" завода
 Мастер опытной установки "НК" Завода
 Мастер центральной хим. лаборатории ОМЦ
 Мастер очистного отд. 25 завода
 Мастер опытно-металлургического цеха
 Переведена и.о.ст. инженером экономистом ФНКО УМЗ
 Сменный конст. мастер электротехнического цеха
 Уволена по ст. 44 п. "А" КЗОТ

Записано 00 слов

Прик. № 556 от 11/ХП-42 г.
 Прик. № 340 от 6/УТ-43 г.
 Прик. № 621 от 3/Х-43 г.
 Прик. № 693 от 5/ХП-43 г.
 Прик. № 94 от 17/УП-45 г.
 Прик. № 595 от 29/ХП-46 г.
 Пр. № 935 от 24/Х-51 г.
 Пр. № 131 от 17/П-52 г.
 Пр. от 2/Х-52 г.

Нач. отд. кадров
 У М З

От. инженер по кадрам
 (Рахмонов)
 Б.А. Аракелян

5/7-40.

Выписка из трудовой книжки В.В. Кургиян (Козыревой), 1948 г.

ности переехала на золотые прииски южно-енисейской тайги, где и закончила школу. В 1942 году в числе примерно 300 человек девушек-комсомолок приехала в Норильск. После курсов работала мастером опытной установки, потом очистного отделения завода № 25. В производстве кобальта работала на комбинате до 1952 года. В 1959 году с мужем и детьми переехала в г. Ереван. До 1984 года работала старшим лаборантом в научно-исследовательском институте в лаборатории тяжелых цветных металлов... <...>

Очень хотелось бы вспомнить выдающуюся своим трудом Анну Кулакову. Она тоже крестьянская девушка (Красноярский край, Кежма). У Ани миловидная головка (беленькая, румянькая, неженькая), но она явно не соответствовала ее необычайно сильной, тяжелой, безустальной натуре в труде. Однажды на собрании очистного отделения наш начальник К.Н. Бродницкий сказал, что из смены Кулаковой они хотят сократить всех рабочих, оставить ей 2-3 фильтровщика, и хватит. Все вопросительно переглянулись, затем поняли, про что он, и стали смеяться. Кулакова работала одна за всех сменных рабочих — открывала вентили, включала насосы, перекачивала растворы, заливала реактивы из сливных дозаторов и т.д. Целую смену она без остановки с нулевой отметки до верхнего этажа (отм. +8,5 м) курсировала, распаренная и пунцовая, пот с ее лица лил дождем, она его никогда не вытирала (всю смену проливной дождь!). Ни с кем не разговаривала, время от времени заходила в конторку мастеров, заполняла журналы, рапорта, сводки и — опять в обход. Рабочие ее смены сидели, беседовали, курили, коротали время, но она к ним не обращалась даже после того собрания. Физически сильная была — как танк! Она вышла замуж за механика Степанова, такого же молчуна и трудягу.

*Город Ереван,
26 июня 1989 г.*

Татьяна Артемьевна Аксенова-Гладышева

(О ней написал А.Н. Свечников, работавший с ней в одной смене на кобальтовом заводе. Несмотря на это, о себе Т.А. Гладышева не написала ничего. Алексей Николаевич собрал о ней публикации в «Заполярной правде», письма тех, кто с ней работал, и сам побывал у нее дома спустя тридцать с лишним лет на улице Талнахской, где когда-то стояли бараки и жили прибывшие в 1942 году комсомольцы.)

Каждый барак с нарами в два этажа был рассчитан на 60 человек. Ни водопровода, ни канализации. За водой бегали в заводскую котельную — это в мороз-то! Место было топким, и баракам вели дорожки из досок. Питались скудно, все витаминны сушеные. На второй или третий норильский год девушкам дали в награду по 5-6 свежих картофелин. Девчата начистили, намыли их, приготовили варить. Кто-то не удержался и попробовал сырую... И пошло... Так вот сырой и съели... Потом позже Татьяна пробовала ее в надежде на чудесный вкус — уже не то...

Вначале они сами

ЗАПОЛЯРНАЯ ПРАВДА

О ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

Тем и сильна

КОНЕЦ СМЕНЫ, как всегда, очень напряженный. — В сейчас, только сейчас проверю. — бросила на ходу Татьяна Артемьевна и заехала в другой конец отделения. За ней трудно успеть. Почти бегом, не думая заглянуть, забиралась по крутым, как кобальтовые трамсы, лестницам, ловко лазирова в узком проходе между трубами, агрегатами. Дошла до северного фланжера, постукала, по трубе изложил — лусто, стала быстро крутить некоторые из множества вентилей — одна выкрутить, другие открывать... — Загляни и в дисковый... — А через минуту докладывала мастеру смены А. П. Толстикову: «Сначала — на репутацию, второй — на запонки, третий...»

Заступавшая смена может быть довольна — все в порядке. С. Соловьева и Татьяна Артемьевна, бодр, шутит. Никаких признаков усталости. А горюшкин восторг труда, семлет, лобит на пенки... — Девчатам должна была быть не пенки. Но ни на не может оставить ставку ближнего соседа, родной коллектив, цех. — Сколько раз собиралась уходить, — говорит Татьяна Артемьевна с грустью. — Хотелось себе и этому, но как только дело доходит до конкретного человека, невзначай становится несколько раз уже reveals... —

В цеховом хранилище кобальтового как-то зашел разговор о сокращении нескольких рабочих. Кто-то, видимо, по незнанию, назвал ее имя. Так не рал бы. Многие среагировали на это с негодом — поспешить надо такти, как Татьяна Артемьевна. Да, она десяти некоторых молодых ступит... — А. Гладышева в Норильске с 1942 года. Приехала семнадцатилетней девушкой, по набору военного времени. Помощь отсюда фронту. И именно ей в таком, как она, симпатично было почитать письма по программам кобальта комбината, ценнейшего сырья и для оборонного производства.

Сначала с ней строили опытную установку НК (норильский кобальт). Опытно-исследовательская установка в учебно-исследовательском комбинате. Его тоже, как того, не было. Училась в тригонометрии. Для строительства установки не было отгульного кирпича — разбавили цементно-песчаную смесь. В 1943, за девять месяцев, получили первые три килограмма кобальта... В 1945 писали уже завод № 25, тепловый хранилище кобальтовый цех никелевого завода. И первой руководившей этим цехом (и аппаратница) там была — Татьяна Артемьевна.

БЛИЖИ отпустили назад — возвращается, 32 года уже исполнилось. В цехе, казалось бы, все по-прежнему. Но это оттого, что все перемены произошли на ее глазах и только стали привычными. А ведь было... Было, что ведром черпала и на себе рыскало тесканом. Вручную дозировали ингредиенты. Самые легкие не то варить передаде вручную

глазах мадали полеванию каково-нибудь мужичком.

— И сейчас некоторые работают на плоские условия труда. — замечает Татьяна Артемьевна — согласна, что иногда не идеальны, можно много улучшить, усовершенствовать. Но исподволь уже адаптировался на виденье какого цвета зорор. А нан когда-то было обычным работать в этом хлюде металлургического газа, если сменить. Не смывая противогаса. А что делать? Время было военное. И так нулеи был кобальт... А сейчас — вот она, механизация, автоматика, Татьяна Ар-

темьевна широким местом показывает на щиты управления (она сама в это время использовала приборы, по которым следят за объемом, температурой, давлением, подавая сигналы). Такого теперь работа аппаратура гидрометаллургического отделения.

Иногда перешли здесь на новую смену — осамодвижим кобальта гидрометаллургическим способом, легче и быстрее. Сразу же подоспели заваре производственные заступавшие условия труда стали значительно лучше. Вот и цен яван вкларе вышло слово грядет... И...

НЕ ХИЩКАТЬ, никогда не парит, присутствие это, быть оптимистом — это, пожалуй, главная черта, которая отличает Татьяну Артемьевну. Первая этим принципам, она строго придерживается на протяжении военного времени. С характерной ей легкой юмористической ноткой, которая не утрудняет, уме выведя зануи, несколько лет вместе прожила в одноименном цехе с братом, темного, но доброй души человека. Далеко не в идеальных условиях выростила двоих детей: сына и дочь.

Сейчас арюда бы... все наладилось? Сама грустится в работе — пометкой и уважительным отношением к коллегам, гордостью. Выросли и нашлось свое место в жизни детей. Ничто не мешает работать заступавшей. Но трудно об этом разговаривать с Татьяной Артемьевной. Она просто рассказывает о себе, о семье, о детях, о том, что после смены не может дома сидеть — в последние годы стала страдать от вегетативной дистонии. Избавила на своем «Москвиче» все нерастерности Норильска. Побывала всюду, куда только может свести ее на машине или добротным пешком... Да, да, с рюкзаканом за спиной исходить по всем пешкомным тропам. И уверяет, что знает много мест, куда не ступала нога человека. В прошлом году, например, в горы Путорана вышла не тронутые никем земли работы. Да так много... Она точно может сказать, в каком году где болело всего было голубина, брусника, морошка. Причем с однозначной определенностью укажет заветные места туанды и непосредственно в горы, в лабиринты Караевских гор и на таком-то километре за Аляшкан.

Еще, наверное, и попутно, вспоминает суровой северной красотой, она не спешит в свою благоустроенную квартиру, а в лабиринты Караевских гор и на таком-то километре за Аляшкан.

СЕРЬЕЗ, циничный взгляд, при всем своем знании военной истории. Она Панчева, мадала «за доблестный труд в Великой Отечественной войне». Она — участница войны, «ветеран труда» — страны, комбината, завода — она чувствует себя настолько свободно. Не пришла сидеть в президиум и говорить длинный список. Она пришла трудиться. Без лишних слов. Не совать. Там и живет сейчас. Там и

строили опытную установку НК (норильский кобальт). Трудовой стаж Татьяна Артемьевна отсчитывает с 15 лет, в 17 прибыла в Норильск. Одновременно училась. Для строительства не было кирпича — разбирали какую-то котельную. В 1943 году за девять месяцев получили первые три килограмма кобальта.

В конце войны девушек премировали полушубками — трикотиновыми с белым мехом. Татьяна Артемьевна вспоминала: «За время войны мы как-то отвыкли от всяких нарядов. Да и денег оставляли себе только на то, чтобы хватило на продукты. Остальные отдавали в фонд обороны страны. Одевались кто во что горазд, но в основном в стеганые ватные брюки, фуфайки, шапки-ушанки и валенки или сапоги. Летняя одежда мало чем отличалась от зимней... Первой в новой шубе я увидела Нину Ситникову (ее воспоминания о Ф.Т. Киреенко в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 318-325). Я откровенно залюбовалась ею, а потом что-то перевернулось во мне: самой-то еще нет и двадцати...

Почти полвека в Норильске

Татьяна Артемьевна Гладышева живет в Норильске уже сорок семь лет. Нет, репрессии, слава богу, обошли ее стороной — в 42-м военкомом отправлялась на Таймыр вольным человеком. Считается — добровольцем.

До этого жила в Енисейске.

Вспоминает, как получила письмо из военкомата (думала — на фронт), как провозжали офицер построил сотню девушек бараках, обитых дранкой. Спали на двухъярусных койках — все же не нармы. На работу ходил пешком, целочкой сквозь пургу — опять же не колонной и без конвоя. Ску-

дья лубу парохода «Сталин» и поплыл он вниз по течению... Жили добровольцы в больших бараках, обитых дранкой. Спали на двухъярусных койках — все же не нармы. На работу ходил пешком, целочкой сквозь пургу — опять же не колонной и без конвоя. Ску-

дья одежонка скоро пришла в ветхое состояние. Летала ее без особой надежды на новую...

В 42-м уже дала никель Большой металлургический завод. Начинали осваивать промышленный выпуск кобальта. На месте сегодняшнего КХЦ работала опытная технологическая установка «КБ» — норильский кобальт. Татьяна Артемьевна была принята на нее фильтровщицей. С тех пор место работы так ни разу и не поменяла.

Здесь же, на заводе, получила номер 25, познакомилась со своим будущим мужем. Вместе с ним воспитала двоих детей.

В 45-м окончилась война. В 46-м получила свой первый отпуск. Многие норильские друзья накануне говорили: «Уедешь — не вернешься. Закружит голову «материк». Вернулась. В 47-м получила первую награду — медаль «За трудовую доблесть в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». Потом было еще несколько правительственных наград, в том числе и премия Совета Министров СССР.

В конце мая Татьяна Артемьевна Гладышева ушла на заслуженный (в самом прямом смысле этого слова) отдых.

— Справно зато уезжать, — признается. — Да и куда поехать. А главное, как оставить город, которому отдано почти все? И все же, если уеду, скажете меня норильщицей.

Фото Ф. Черединой.

Мы ведь жили по законам военного времени. Требования к соблюдению производственной дисциплины были категоричны. За опоздание на смену можно было попасть под суд. Никакие личные заслуги не спасали. Помню, в лаборатории были срочные дела. Пришла с работы под утро, а утром снова в лабораторию. Показалось, что только прилегла, — гудок, да какой! Мелькнуло в голове: проспала, что-то теперь будет! Мгновенно сорвалась с места, бегу на работу, плачу... А гудок все гудит, заело, что ли? Влетаю, а навстречу мой начальник, улыбается и обнять меня хочет. Я что-то залепетала об опоздании, а он: «Какая работа, Танечка! По-бе-да!» И только тут я заметила всеобщее веселое возбуждение.

Татьяна Артемьевна Гладышева ушла на пенсию 31 мая 1989 года.

Да, малочислен был комсомольский призыв 1942 года. Но им, вольнонаемным, энтузиастам, досталось трудностей немногим меньше, чем заключенным. Они тоже надрывались на работе, недоедали, недосыпали, бытовая неустроенность отнимала и силы, и время, и здоровье, страх наказания вряд ли покидал и их... В сущности, они тоже были несвободны, отдавали они себе отчет в том или нет...

Официальный миф о том, что Норильск и комбинат построили комсомольцы, существовал до 90-х годов. Гласность свела его почти на нет: в норильский музей, местные газеты хлынули потоки писем от репрессированных. Они рассказывали, за что получили 58-ю статью, о пытках на допросах, о мучительных и унижительных этапах до Красноярска и Дудинки, о жестокостях лагерной жизни, о тех, кто не дожид до свободы.

Несмотря на очевидные свидетельства норильских узников, миф о том, что Норильск построили комсомольцы, умирал долго, в спорах. Мне кажется, он не умрет, пока живы сталинисты, имею в виду не только пожилых людей.

В конце 2004 года на очередной клубной встрече я обратилась к норильчанам, живущим в Москве и Подмоскowie, с просьбой написать воспоминания о восстании заключенных. Не хочется рассказывать, что я услышала в ответ... Кажется, это были два или три пожилых человека, им ответили рядом сидящие. У нас спора не получилось. А в свое время такие столкновения были на страницах газеты «Заполярная правда». Было опубликовано такое мнение: пусть комсомольцев в те времена было мало, но вольнонаемных — членов партии, комсомольцев все равно было больше, чем заключенных. Основной силой были они, а не з/к. И что город стоит на костях человеческих — это тоже ложь. Острая дискуссия об этом развернулась, например, в «Заполярке» 12 сентября 1989 года. На страницах газеты спорили бывший директор Норильского комбината А.Б. Логинов (ему досталось расформирование лагерей) и В.Т. Гумейко, проработавший на предприятиях комбината 43 года, из них 11 лет заключенным особорежимного лагеря (о нем рассказано в книге 10-й издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 11–12). И хотя архивы в полной мере сегодня остаются недоступными для исследователей, уже опубликованные документы, в том числе о количественном и качественном составе з/к, дают основания утверждать, что Норильский комбинат построили заключенные, в основном — политические.

Приведу свидетельство норильчанина Олега Александровича Ремейко, сына репрессированных родителей. Он утверждает, что высказывание о построенном на костях заключенных Норильске — буквально. Много лет спустя после окончания школы он побывал в городе своего детства и хотел посетить кладбище — отдать дань памяти захороненным заключенным. Ходил в растерянности по знакомому месту и не находил его. А потом понял: он на нем стоит, теперь кладбище под бетоном площадки базы механизации и автотранспорта (отказавших-

ся здесь работать убедили длинным рублем, подробнее об этом в воспоминаниях О.А. Ремейко в книге 10-й издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 418–420). В.Т. Гумейко писал в уже упомянутой «Заполярной правде», что «хоронили тела заключенных по ночам — под Шмидтихой, за горой Двугорбой и в других местах».

Валерию Чанчикову в 1953 году старший брат Юрий сообщил доверительно, что все лето по ночам он возил полуголые трупы расстрелянных на полуторке. Тогда все говорили: горы трупов! (см. книгу седьмую издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 532–533). Мне рассказывал Михаил Иосифович Махновецкий о страшном детском впечатлении. Он родился после ареста отца и впервые увидел его, когда ему было 8 лет и 9 месяцев. Как-то он вышел с сестрой погулять возле дома. День был солнечный, почти везде сходил снег. И вдруг он увидел торчащие из-под земли руки, кости... Сюда всю зиму возили трупы заключенных. Их не закапывали, а просто складывали на мерзлую землю и засыпали снегом. Это было в 1946 году в Пашкиной деревне.

Норильский миф о строителях-комсомольцах, о вольнонаемной рабочей силе имеет такое же ключевое значение для понимания истории страны, как и название войны с фашизмом: у нас она — Великая Отечественная, а во всем мире — Вторая мировая. Смысл разногласий — в замазывании правды. В первом случае правда в том, что заключенные были основным расходным материалом экономики государства. Вышла из строя тысяча з/к — пришлют три! Потому что к естественным смертям от голода и холода надо прибавить и расстрелянных. Ну не дураки ли: рабочих рук не хватает, а они их сами же и уничтожают! И все по плану! Во втором случае тоже официально никак не признаем, что два года (1939-й и 1940-й) СССР был с Гитлером в друзьях (Сталин назвал его «боевым другом»). 28 сентября

1939 года в Кремле подписали договор «О дружбе и границе», продавали Германии нефть, медь, олово и другое стратегическое сырье, в газете «Правда» фюрера поздравили с днем рождения, в Бресте состоялся наш совместный с гитлеровцами парад войск... Вместо признания очевидных фактов мы выставляем, как щит, трудовые и военные победы всего народа и прикрываемся теми, кто ради страны жизнь положил. А их — десятки миллионов! И если бы не политика родного государства, столько жертв могло бы и не быть... Но известно, что мы за ценой не постоим! По подсчетам ученых, последнее столетие обошлось России в 137 миллионов жертв. Озвучила цифру И. Карацуба (доцент МГУ, кандидат исторических наук) в передаче «Тем временем» 23 марта 2009 года на телеканале «Культура». Истинная историческая правда о нашей стране в массовом сознании россиян никак не приживается (например, 58 % соотечественников по-прежнему считают, что Вторая мировая война началась не в 1939-м, а в 1941 году — данные ВЦИОМ). В умах наших граждан как бы продолжается война, но уже с мифическим врагом...

Еще один миф о Норильске, он жив до сих пор. Официально город отсчитывает свое начало с 1935 года — с момента подписания приказа Г. Ягодой о создании Норильскстроя и лагеря (опубликован в книге первой издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 6–7). А между тем его пункт 1 гласит: «Принять в сроки, установленные СНК, от ГУСМП (Главное управление Северного морского пути. — Ред.) в Москве, Норильске и промежуточных базах весь личный состав, ассигнования, постройки, оборудование, материалы, архив и проч., касающиеся Норильска». Да и сам Норильскстрой создан не в 1935 году, а раньше. А первый домик, давно ставший музеем, был поставлен в 1921 году...

Может, пора назвать исторически более точную дату рождения Норильска? Он явно старше. Может

быть, за точку отсчета взять первые построенные дома, тем более что один из них сохранился? Или приказ № 341 о создании Норильскстроя? Он издан 3 августа 1930 года по Всесоюзному объединению «Цветметзолото». Несправедливо забывать историю Норильска до 1935 года, не говоря уже о забытых поколениях Сотниковых... По этой же логике первооткрывателем месторождений является один Н.Н. Урванцев, а ведь открытия делали и другие советские геологи.

Устоявшийся миф о том, что на Норильском комбинате все значительное началось с А.П. Завенягина, тоже не более чем миф. Не умаляя важной роли этого незаурядного человека и талантливого организатора производства, справедливости ради надо назвать еще две фамилии: М.А. Зингер и В.З. Матвеев. Один был расстрелян, другой погиб в лагерях, понятно, с них советскую историю не начнешь. Но теперь-то не пора ли и им воздать должное, они тоже были незаурядные личности.

М.А. Зингер и В.З. Матвеев — первые руководители Норильскстроя. Изначально именно Главсевморпути, а конкретно Михаилу Акимовичу Зингеру было поручено строительство первого этапа комбината. Не один месяц он готовил документы, делал расчеты, а 12 июня 1935 года прибыл в Норильск. Участвовал в совещаниях, еще не зная, что строительство важного объекта уже отдано грозному силовому ведомству: кто тогда мог бы поставить для стройки на Крайнем Севере тысячи дармовых работников? Только НКВД! Только ГУЛАГ!

Зингер и Матвеев встретились в Норильске 2 июля 1935 года. В тот же день В.З. Матвеев издал свой первый приказ о вступлении в должность начальника Норильскстроя НКВД, а М.А. Зингер вернулся в Москву. Очень скоро он заметил за собой слежку. Не знаю, спасли бы тогда его выдержка и терпение... Но для него все кончилось трагично. Михаил Акимо-

вич сам пришел в органы: «Если виновен, то арестуйте, если невиновен, то оправдайте...» Его арестовали в 1936 году и без промедлений расстреляли... Через три года был арестован и Матвеев — «за вредительскую работу» в Норильске, сослан в Архангельскую область в Талагилаг, где заключенным и окончил свою жизнь... История М.А. Зингера стала известна только в 90-х годах прошлого века благодаря его сыну: Эльгард Михайлович искал следы деятельности отца до ареста и приехал в Норильск. (Подробнее о первых руководителях комбината можно прочитать в книге 5-й издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 8–41.)

Но вернемся к А.П. Завенягину. Он смог осуществлять стратегические планы развития металлургии на 69-й параллели, в том числе и потому, что за три года В.З. Матвеев создал инфраструктуру поселка-лагеря. Заработала узкоколейка Валек–Норильск, началось строительство железной дороги Норильск–Дудинка, был заложен подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка рудных штолен, вошел в строй кирпичный завод, стали добывать известняк и керамзит, освоили однотонную установку непрерывной флотации, создали химлабораторию, мерзлотную и метеостанцию, заработали радио, телефоны, почта, техническая библиотека... И так далее, полный список конкретных объектов и дел очень длинен... Именно работа В.З. Матвеева позволила А.П. Завенягину успешно идти дальше: он организовал на месте мощную проектную службу, добился, что на комбинате был осуществлен полный металлургический цикл, от добычи руды до получения чистых никеля, меди, кобальта. Он уже мог выбрать и площадку для будущего города...

Завенягин не мог не знать о трагической судьбе своих предшественников. И все же очень горько и в его отчете читать об итоге деятельности В.З. Матвеева — «вредительство». Сергей Александрович Сне-

гов, сам норильский узник, физик, писатель, в одном интервью высказался так: «...все эти начальники Норильлага были в чем-то более зэками, чем мы. <...> Но идеализировать «доброе начальника» не буду. В Норильске были и каторжные лаготделения, и расстрелы «по списку», и...» Это он уже конкретно о Завенягине сказал, ведь подписывал их он*.

Сколько раз Авраамий Павлович мог сам стать заключенным, знал только он сам. Мы можем об этом догадываться по фактам его биографии, потому что свое личное дело он основательно подчистил, как только у него появилась такая возможность (стал заместителем Берии). Достоверно известно только, что доносы на него не прекращались. Он получал и партийные выговоры, о чем свидетельствуют документы партийного архива в Красноярске. А публично в том, как сильно он испугался, А.П. Завенягин признался однажды норильчанке Лидии Михайловне Бизяевой. Он рассказал, что в 1919 году его с товарищами по комсомолу захватили в плен белогвардейцы, повели на расстрел. «И тут какая-то свалка образовалась... Драка... Нарочно это устроили. Солдаты стали растаскивать людей. А остальные бросились врассыпную, удрали. «Вот когда я боялся! Бежал так, что только пятки сверкали. А сейчас ничего не боюсь. Даже готов жизнь отдать за другого человека...» (см. книгу пятую издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 62–63). Это было сказано уже в послесталинские вегетарианские времена при встрече в Агуджерах под Сухуми, куда Завенягин приехал как куратор Средмаша в исследовательский институт, тогда его возглавлял А.Д. Бизяев.

В шестом номере журнала «Посев» в 2006 году впервые была опубликована на русском языке ста-

* *Виноградский Л.* Норильск: и ненавижу, и люблю!.. // Сибирская газета. 1990. 21–27 мая.

тья французского поэта, писателя, драматурга Поля Клоделя «Время в аду». Она начинается так: «Я имею в виду советский ад». Статья, современная по духу и мысли, была написана в 1938 году. Уже тогда многие знали, что «никогда еще люди, живущие в СССР, не были так несчастны, как теперь, ни в одной стране мира нет более несчастного и поработанного народа» (Андре Жид). Не знали этого только сами советские люди. Они думали, что при капиталистах живут еще хуже. И терпели нужду и тяжкий труд: лишь бы не было войны! И задорно пели «Эх, хорошо в стране советской жить...» А на самом деле их родина «в героические революционные годы» уже превратилась в самую безжалостную машину эксплуатации человека человеком, которая и в страшном сне не могла присниться самому К. Марксу. «Даже античность не ведала такого скопления пленных рабов, лишенных человеческого облика».

Полю Клоделю не довелось самому побывать в СССР, но он приводит свидетельства тех, кто бывал там на заводе, в шахте, на стройке, в колхозе, на профессорской кафедре, а также тех, кто сидел в тюрьмах. Например, он цитирует убийственный абзац из книги «Страна великой лжи» французского писателя, историка Бориса Суварина (1900–1984). Обращаю внимание, что под таким же псевдонимом сегодня пишет в Интернете журналист «ЕЖа». Борис Суварин — это имя русского революционера из романа Э. Золя «Жерминаль».

«Весь СССР снизу доверху — одна сплошная ложь. В четырех словах, которые обозначают эти четыре буквы, содержатся, по крайней мере, четыре лживых утверждения. Каждая статья Конституции лжива. Ложь — естественная составная часть псевдосоветского общества. Сталина, согласно Основному закону, не существует — это ложь. Политбюро, согласно официальным документам, никогда не су-

ществовало — ложь. Партия, лучшие представители народа — ложь. Пятилетние планы, статистика, показатели, достижения — ложь. Улики — ложь. Фотографии — ложь. (Интересно, знали ли тогда за рубежом о сфабрикованном снимке, где Сталин сидит рядом с Лениным? Мы-то точно даже и подумать не могли, что это фальшивка. — Ред.) Свидетели — лжесвидетели, свидетельства — лжесвидетельства. Собрании, съезды — театрализованные представления. Диктатура пролетариата — грандиозный обман. Стихийный подъем масс — результат тщательной подготовки. Правые, левые — и то, и другое ложь. Радостная жизнь — зловещий фарс. Новый человек — старая горилла. Вместо культуры — бескультурье. Гениальный вождь — тупой тиран. Социализм — наглая ложь. Единодушие — ложь. Троцкизм — ложь. Шпионаж — ложь. Даже одно из обвинений, предъявленное врагам народа, что они якобы подкладывали гвозди в масло, — безусловно, грандиозная ложь, поскольку ни то, ни другое здесь не найдешь даже по баснословным ценам. Единственная реальность — это террор, разлагающий ум и отравляющий совесть. Ложь — важнейшее следствие террора».

Эту характеристику советской системы, точную по сути, дал один из создателей коммунистической партии Франции, член исполкома Коминтерна, он жил в нашей стране. Как человек чести и здравого смысла, он серьезно разочаровался в коммунистических идеях, увидев их воплощенными в жизнь. А Поль Клодель в статье «Время в аду» попытался остаться оптимистом: «...Рано или поздно побеждает истина...» С тех пор прошло более 70 лет. Мы по-прежнему несвободны, живем во лжи и страхе... Отчаяние сменяется надеждами — и опять все сначала... Но у нас нет другого выхода, кроме одного: оставаться оптимистом и брать пример с лягушки, барахтающейся в молоке. Мы тоже должны выбраться из СССР — в Россию.

Что самое отвратительное в советской системе? Она в человеке подавляет Человека, она культивирует его отвратительные качества, без которых не выжить. Она управляет страхом и ложью. Но люди сопротивляются этому, каждый по мере сил и возможностей. Четырнадцать книг опубликованных воспоминаний людей, прошедших норильские лагеря, живших долгие годы в поселке-лагере, дают множество примеров сопротивления жестокой репрессивной системе на Крайнем Севере. При этом слово «сопротивление» не написал никто.

Не помню, по какому случаю и где я прочитала китайскую поговорку «Лучше запись дурака, чем запись мудреца». Она подвигла меня применить ее к нашему сборнику воспоминаний норильчан. Пожалуй, «дурак» не звучит обидно по-русски ни в китайской поговорке, ни в наших сказках. Это простак, свободный от груза мыслей, от сложных размышлений над происходящим. Его запись — это фотография жизни, а не суждения и оценки «мудреца». Норильчане тоже рассказывают свою жизнь, уже как бы остыв от своих чувств. Как бы — потому что они уже успокоились душой, они знают все, что случилось потом, чем сердце успокоилось у них, у детей и даже внуков. И все же прошлое и сегодня живет в них, они возвращаются к нему в мыслях, в разговорах с домашними, с друзьями, особенно на встречах норильчан в Москве в клубе «69 параллель». Такие же клубы, землячества есть в Красноярске, Минусинске, Латвии, Литве... В Будапешт съезжаются из Австрии, США, других стран венгры, прошедшие Норильлаг. Один из них, живущий в Швейцарии, в Гриндельвальде, в 6-й книге нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...» опубликовал свои воспоминания (см. с. 518–563). Венгры обязательно посещают Дом террора, где очень большой зал — норильский. В Таллине в 2009 году на встречу пришли только четверо. Арно-Тоомас

Пихлак (его воспоминания тоже можно прочитать в 6-й книге) потом рассказал, как они шутили, что лагерные ограничения в питании, отказ от спиртного и женщин сделали их долгожителями. Им далеко за восемьдесят, но они по-молодому шутят и поднимают тосты в память о друзьях. И молодели от своих воспоминаний... Они были счастливы, что остались живы. А ведь их судьба нашим потомкам покажется страшной, странной и ужасно несвободной... И очень жаль, что сегодня их уже нет с нами...

Так можно ли представить советское время по воспоминаниям норильчан, например? Об одном и том же они пишут подчас взаимоисключающее... И все-таки — можно! Ведь общая картина жизни никогда не бывает одномерной.

Не вина людей, что они до сих пор представляют ее упрощенной — без контрастов и противоречий. Ложь на государственном уровне жила так долго (и продолжает жить!), что многим людям стала казаться правдой. В своих воспоминаниях Инна Вожаева-Шубина (см. книгу 5-ю издания «О времени, о Норильске, о себе...», с. 441–445) рассказала о сохранившейся в семейном архиве анкете специального назначения МВД, которую заполняли все работники Норильского комбината, ведь он был приписан к этой системе. Уже не было ни одного публичного троцкиста, «железный занавес» навсегда разделил семьи эмигрантов и оставшихся в России, уже после революции прошло много лет, а советские люди еще долго продолжали заполнять многочисленные пункты анкеты на нескольких страницах: колебался ли в проведении линии партии, где и когда принимал участие в революционном движении до Октябрьской революции, был ли под судом, за границей, есть ли там родственники, не находился ли на территории, занятой белыми, служил ли в иностранной или царской армии, не применял ли наемную силу до революции, служил ли кто в семье

в охранке или полиции... Пятьдесят два вопроса в том числе и тем, кто в 1917 году «пешком под стол ходил». У анкеты устрашающий эпиграф из пяти пунктов: писать только лично, подробно, четко и разборчиво, прочерки не разрешаются, ссылки на документы обязательны, в конце анкеты написать то, что ею не предусмотрено, но имеет существенное значение... Иван Николаевич Вожаев, 1910 года рождения, заполнял эту анкету в 1939 году. Его дочь написала, что этот привычный для того времени документ «как будто окунул в атмосферу подозрительности, враждебности и доносов...».

Еще один пример бюрократической подозрительности обнаружила в архиве А.Н. Свечникова, когда рассматривала присланные ему пожелтевшие фотографии. На одной из них красным карандашом чьей-то официальной рукой помечено: «ОМЦ Кириенко», а ниже аккуратно выведено «6.XII.1949. Личность Кириенко удостоверяю, инспектор ОК комбината мл. лнт», и далее нечитаемая подпись. Лучше бы фамилию всем известного начальника опытно-металлургического цеха написал без ошибок...

Бескорыстие и искренность революционно настроенных людей в 1917 году были бесспорны. Мой дед Федор в Гражданскую один из 18 большевиков выжил, когда в очередной раз белые взяли уральскую деревню Кленовскую — бабушка спрятала его на сеновале. Белогвардейский штык глубоко проткнул его, но он не подал голоса и тем самым спасся. Дед рано умер и не успел увидеть, как после победившей революции стали жить сельчане. Его бы запросто арестовали, ибо он имел не одну лошадь и корову, о мелкой живности и говорить нечего — семья Егарминых была большой... Он любил читать, дружба с поповской дочкой способствовала этому. В первые же годы советской власти он написал о революции пьесу «Черный ворон». Как первый председатель сельсовета сам же

ее поставил и сыграл в ней главную роль. Мой отец говорил, что с Федора началась наша семейная профессиональная родословная, он сам, его брат и сестра, а потом и я стали журналистами.

Другой мой дед — Афанасий погиб в Первую мировую войну в 1914 году. Он так и не успел узнать, кто у него родился. Это была моя мама. Члены семьи предпринимателя средней руки, как сейчас бы сказали, имели дома в уральском городе Невьянске, в старинном селе Быньги, славившемся церковью, которая и сегодня охраняется как памятник архитектуры и духовной культуры.

После революции семья Сухаревых лишилась всего, брата деда Афанасия раскулачили — его арестовали, а жену и девять детей посадили на телегу и отправили в никуда, а их двухэтажный дом, где на первом этаже была кормившая семью лавка, конфисковали в пользу государства. Бабушка пошла работать почтальоном, доросла до начальника почтового отделения, но это особого достатка ни ей, ни дочери не принесло. Мама поехала учиться в Питер, но через два года вернулась — на лекции ходить было не в чем, картонки приспособливала вместо подошвы... Из Невьянска в Свердловск ее увез молодой журналист из первой молодежной газеты «На смену!» Иван Егармин, мой отец. Он начал работать в 14 лет, поставил на ноги младших сестру и брата. Воевал с фашистами с первого дня до победного, который встретил в Берлине. До 30-летия Победы не дожил три месяца, с собой унес пулю в ногу...

Больше я ничего из дореволюционной истории семьи не знаю — не принято было рассказывать об этом. Впрочем, как и о войне с фашистами. Вернувшись с очередным красным галстуком из школы, отец садился за письменный стол, наливал себе больше, чем 100 граммов, мрачнел, сидел молча. Иногда вытирал незаметно слезы. В такой момент к нему было

лучше не подходить... Когда его не стало, нашли целый чемодан фронтовых газет, листовок «Передай по цепи!», солдатских писем-уголков, простреленных фотографий, книжечку солдата РОА... Читала его записные книжки (а на фронте запрещалось вести дневники) и понимала, какой все-таки в нем сидел цензор... До последних дней жизни...

Вспомнились стихотворные строчки из пионерского детства: «Всем известно, что земля начинается с Кремля...» Мировой пожар, к счастью для человечества, раздуть большевикам не удалось, а вот пример всему миру, как не надо строить жизнь людей, получился поучительный. Страшный исторический эксперимент над российскими народами привел к тому, что наша страна отстала от развитых государств на столетие, а в чем-то и больше. Из большевистской колеи выбраться трудно — многие еще так и не поняли ее гибельной глубины, а на пути столько серьезных препятствий...

редактор-составитель
*Галина Ивановна
Касабова*

Да, это было...
С нами
и со страной...

*«История ничему не учит,
а только наказывает за
незнание уроков»*

В.О. Ключевский

Три материала рассказывают о времени сталинских репрессий. Это истории трех семей: Афанасьевых, Аграновских и Ярутиных. Старшие представители этих поколений прошли Норильлаг: им достались первые, самые трудные норильские годы. Петр Михайлович Афанасьев написал, что ему «потребовалось 17 лет, чтобы сказать, что в моих действиях не было состава преступления! Но и то — лучше поздно, чем никогда...»

В 1971 году на торжественном собрании в институте «Унипромедь» коллектив тепло поздравил с 75-летием Петра Михайловича Афанасьева. Тогда взял слово Петр Яковлевич Ярутин, бывший ректор Горного института Свердловска и тоже норильлаговец: «Среди коллег заключенных не было честнее и прямее человека. Его всегда выбирали старшим — а вы представляете, что такое быть старшим в лагере?» Больше он говорить не смог.. Его друга П.М. Афанасьева не стало в 1980 году. А ему самому суровая судьба определила 70 лет жизни... Петр Яковлевич Ярутин скончался в 1980 году.

Сегодня мы помним Аграновских, как семью профессиональных журналистов. Старший Абрам Давидович хлебнул норильского лагерного лиха сполна. Его сын Валерий издал книгу о репрессиях в Норильлаге под названием «Последний долг: жизнь и судьба журналистской династии Аграновских с прологом и эпилогом». Она производит ошеломляющее впечатление даже на тех, кто о сталинских репрессиях знает не понаслышке... Отцу Абраму Давидовичу Аграновскому и его сыну Валерию Норильск и норильчане обязаны очень многим: они навсегда сохранили, как живую, страшную историю заполярного города... Валерий бывал в Норильске, встречался со многими лагерниками, в том числе с теми, кто знал его отца. Когда читаешь его потрясающую книгу, понимаешь, как справедлива история: она злопамятнее людей и сохраняет имена не только достойных, но и палачей: например, известного своей жестокостью Шахматова.

Еще одну норильскую историю мы узнаем от Валерия Аграновского: как отмечали юбилей Норильского комбината в 1977 году. Он теперь навсегда для многих норильчан соединится с историей создания стихотворения Константина Симонова «Жди меня». Завершает эту подборку «Да, это было... С нами и со страной...» история семьи Ярутинных, которые, как и П. Афанасьев, тоже из Свердловска. Эта история, рассказанная в документах, письмах репрессированных родителей детям и в воспоминаниях дочерей Ярутиных. Это три документальных свидетельства о времени сталинских репрессий. Все это было, по меркам истории, не так уж и давно...

Галина Касабова

Петр Афанасьев:

«Мы ехали в единственном составе, который не дошел до Норильска. Нас выгрузили в тундре...»

В начале лета 1938 года меня в последний раз перевезли из городской тюрьмы и поместили в так называемую КПЗ (камера предварительного заключения) в подвале под областным управлением милиции. Здесь, по-видимому, когда-то краткосрочно помещались уголовники. В период массовых арестов 1937–1938 годов КПЗ была филиалом внутренней тюрьмы НКВД. Неприспособленный подвал затоплялся ливневыми водами.

Когда мы заселили камеру, на койке, которая досталась мне, лежал матрац, середина которого была пропитана кровью. Пришлось перевернуть его. У дверей камеры около плинтуса обнаружили запись: «Погибаем от пыток. Палачи Гайда, Мизрах, Парушкин, Варшавский. Группа комсомольцев». По верху филенки на полутораметровой высоте азбукой морзе сообщалось, что сидел здесь уполномоченный НКВД по Нижнему Тагилу.

Разговорился с В.В. Каоугалем, начальником ОКСа областного управления НКВД. Как строитель он хорошо знал расположение подвала КПЗ. По его объяснению в подвале вдоль проспекта Ленина имеется несколько комнат, в том числе прокурорская, где приводятся в исполнение смертные приговоры.

Товарищем по заключению оказался главный

инженер Главэнерго, бывший главный инженер Уралэнерго Ладогин. Бывалый матрос, участник Гражданской войны, член ВКП(б) с 1917 года, он стал талантливым инженером. Арестовали его в Москве и привезли в Свердловск. Путем всяческих ухищрений следователь убедил его, что дело не в нем, а нужно сфабриковать материалы так, чтобы можно было предъявить английскому правительству неоспоримые данные об их шпионской деятельности против Советского Союза (Ладогин был в длительной командировке в Англии). Как мог такой умный, эрудированный коммунист хотя бы на время поверить явной чепухе, но поверил. Несколько дней Ладогин и следователь дружно фабриковали протокол допроса о шпионской деятельности. Следователь составлял, а Ладогин исправлял, чтобы материал выглядел правдоподобно. В разгар согласованной работы Ладогина вдруг перестали вызывать к следователю. У него наступило прояснение. А в августе 1938 года Ладогина пропустили через выездную сессию Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Председатель сессии Зарянов не стал слушать его объяснений, а закричал: «Уведите от меня этого шпиона!»

Четвертым сокамерником был юрист, член Московской коллегии защитников. В Свердловске не работал и даже не приезжал. Очевидно, свердловское управление НКВД помогало московским коллегам обрабатывать тех, кто был намечен для репрессий. Юрист рассказывал, что ехал из Москвы в одном арестантском вагоне с Туполевым. Туполева провезли дальше в Сибирь.

Пятый — работник треста «Уралцветмет», хозяйственник. И, наконец, шестой — Тююшев, рабочий Верх-Нейвинского завода. Типичный уральский рабочий, сохранивший старинный уральский говор, бесхитростный труженик. Бессмысленность его ареста поражала. О причинах ареста сам он объяснял так. В Невьянском районном управлении НКВД ра-

ботал его племянник, с которым у него были какие-то имущественные споры. Племянник грозился «упечь» дядю. Тююшев — инвалид Первой мировой войны. Оба большие пальцы рук прошиты пулеметными пулями и торчали в разные стороны. В Невьянске над ним издевались, заставляя часами стоять в углу. Однажды он не выдержал, снял брюки и опорожнился в кабинете следователя. Он часто вспоминал, что следователь обругал его так, как теперь «буржуев называют». Мучительно долго вспоминал, как именно, но не мог. Однажды ночью вспомнил, разбудил соседа и сказал: «Следователь назвал меня фашистом!». Это оскорбление он считал самым тяжелым.

Ночью с 8 на 9 августа 1938 года меня вызвали к Ерману. Когда проводили по нижнему этажу внутренней тюрьмы, я понял, что приступила к работе Военная Коллегия Верховного Суда СССР. Как и в январе 1938 года, на время ее работы обычный надзор тюрьмы осуществлялся работниками милиции старших званий (со шпалами в петлицах). Коридор застлан коврами, надзорные в мягкой обуви неслышно подходили к волчкам дверей, где сидели те, кто ждал осуждения.

Оказалось, что Военная Коллегия не удовлетворилась материалами моего дела, и Ерман решил провести очную ставку с главным геологом треста «Уралмедьруда» Аркадием Васильевичем Ефремовым, первооткрывателем крупного на Урале Левихинского месторождения. Я уже отмечал, что арестовали нас одновременно. В тюрьме мы с ним не встречались, но «тюремное радио» передавало, что он не поддается ни на какие провокации. Когда я вошел в кабинет, Ерман приказал мне сесть на стул при входе. На другой стороне комнаты за столом сидел Ерман, справа от него сотрудник, который вел протокол очной ставки, а слева Ефремов. Ерман задавал вопросы Ефремову. Ответы его меня поразили. Ефремов подтверждал, что был завербован Федораевым в контрреволюционную

организацию в тресте «Уралмедьруда». Он подробно рассказывал о своем участии в контрреволюционной организации. Однако на последний вопрос: «Что вам известно о контрреволюционной деятельности Афанасьева?», после некоторого замешательства, сказал: «Я слышал от Федораева, что Афанасьев им завербован. Но я о какой-нибудь контрреволюционной деятельности Афанасьева ничего не знаю.» Я категорически отверг предъявленные мне обвинения.

Под утро 9 августа в камеру вошел прокурор и вручил мне отпечатанное на машинке и никем не заверенное обвинительное заключение, из которого явствовало, по какой статье я предаюсь суду Военной Коллегии. Когда я прочитал его, то понял что эта ночь будет для меня последней. По натуре я не особенно храбрый человек, но мысль о близкой смерти не вызвала тяжелых воспоминаний. Я устал от такой жизни. Решил поспать и крепко заснул. Разбудил меня стук в дверь надзирателя. Он дал мне мешок с биркой, предложил сложить вещи, на бирке написать свою фамилию.

8 августа 1938 года — первый день выездной сессии. Я попал на второй день. Уже по пути, который я проделал «на суд и обратно», я познакомился с техникой молниеносного рассмотрения дел Военной Коллегии. Из подвала КПЗ выводили очередного заключенного и заводили в дровяник против окна моей камеры, чтобы он не столкнулся с тем, кого уже вели с суда. Потом из дровяника заключенный перемещался в небольшую комнату рядом с помещением, где заседал суд. Под зал заседания отвели место у одного входа в здание областной милиции. Выходную дверь закрыли и наглухо задрапировали плотной материей. Спinoй к задрапированному выходу сидел состав Военной Коллегии: председательствующий Зарянов, справа военный с ромбами в морской форме и слева тоже военный с ромбами. С краю за небольшим столиком сидел секретарь в чине капитана. Справа

от входа стояло ведро с кружкой, от которой резко пахло валерьянкой. Стояло несколько скамеек для «зрителей», роль которых выполнял следственный аппарат управления НКВД.

Когда меня ввели и остановили там, где полагалось, впереди лицом ко мне стоял конвоир. Ел глазами. Второй конвоир находился сзади. Судебное следствие было молниеносным. Зарянов удостоверился, что я Афанасьев, и спросил, знаю ли, в чем меня обвиняют. Мой ответ: «Сегодня ночью получил никем не подписанный, напечатанный на пишущей машинке текст обвинительного заключения». Зарянов спросил, признаю ли я себя виновным? Я ответил, что не признаю. У меня перед партией и Советским государством никакой вины нет. Если признаете меня виновным, то уничтожьте. Исправляться мне не в чем.

Зарянов ответил: «Учтем. Уведите».

Сейчас мне непонятно мое стремление к смерти. Видимо, целый год бессмысленного нахождения в следственной тюрьме, да еще в тяжелейших условиях, породило такое состояние. Меня увели в КПЗ. Камера с нарами без окна. Здесь находились шесть заключенных. Среди них оказался Арсений Васильевич Ефремов. Он со слезами бросился ко мне на шею и объяснил свое поведение на очной ставке. Целый год он стойко держался и не соглашался подписывать провокационные протоколы. Дня два назад он заявил Ерману, что ему все надоело, он хочет умереть и согласен подписать все, что предлагают. На мой вопрос, действительно ли говорил Федораев о моей вербовке в контрреволюционную организацию, Ефремов ответил, что такого разговора у него с Федораевым никогда не было.

Когда число прошедших «судебное следствие» дошло до 10 человек, нас по одному стали выводить в зал суда для заслушивания приговора. Осужденных к смерти позже уже никто не видел. Их уводили

в подвал помещения, о котором говорил В.В. Каоугаль. Вход в подвал был выстлан коврами. Когда пришла моя очередь, меня быстро ввели в зал, и Зарянов приступил к оглашению приговора. Я признавался виновным по всем статьям обвинительного заключения. Мой слух уловил фактическое обвинение: «Я так вел капитальное строительство на предприятиях треста, что вызвал пожары на рудниках.» За весь год ни один следователь об этом и не заикнулся. Не было этого и в обвинительном заключении. А вот в приговоре этот факт оказался доказанным. Приговор: «12 лет тюремного заключения, 5 лет поражения в правах, конфискация имущества.» При выходе из зала суда обвинительное заключение изъяли.

Ночью всех перевезли в городскую тюрьму. Поместили в камеру, которая была вспомогательным помещением и не имела в двери традиционного волчка. Стояли жаркие, душные дни и ночи. Мы изнемогали в непроветриваемом помещении. Многие заболели. У меня вся спина покрылась сыпью. Спали вповалку на полу. Рядом со мной лежал М.К. Степанченко, с которым мы встретились вторично. Он спросил: «Кто это плакал и обнимал тебя в камере КПЗ?» Я ему рассказал о трагической гибели А.В. Ефремова. Был в числе осужденных к 12 годам тюремного заключения и главный инженер ОКСа Левихинского рудоуправления Труфанов. Познакомился с Володей Бубновым, бывшим секретарем Пермского горкома ВЛКСМ, которого и в тюрьме не покидала комсомольская жизнерадостность.

Началась отправка осужденных Военной Коллегией в стационарные тюрьмы. В сентябре 1938 года пришел и мой черед.

7 января 1969 года. Еще один год разменял. В октябре 1968 года при Обкоме ВЛКСМ создан совет ветеранов партии, комсомола, войн и труда. Мне поручено руководить секцией ветеранов труда. Общественная деятельность, включая выступления

с докладами в молодежных организациях, обгоняет мысли о старости, а она идет. Никуда не денешься. В связи с 50-летием комсомола ЦК ВЛКСМ наградил меня почетным юбилейным знаком.

В один из сентябрьских вечеров 1938 года в камеру явился конвой для этапирования оставшихся осужденных. Вызывали группами по 8–10 человек, проверяли по спискам и в военном фургоне увозили на железнодорожную станцию в Свердловск, где и водворяли в арестантский вагон. Маневровый паровоз повел вагон на прицепку в хвост поезда Свердловск–Ленинград. Обитатели арестантского вагона между собой не общались. Купе закрывались плотным материалом, чтобы не было видно, кого проводят в уборную. При посадке снабдили хлебом и селедкой на все время пути.

На станции Званка вагон отцепили и только через сутки прицепили к мурманскому поезду. Куда нас везут? Степанченко работал в Мурманской области и безошибочно определил — на Соловки. И действительно, вагон по железнодорожной ветке подали на пристань Папов остров. После длительной стоянки заключенных погрузили на морской катер «Слон» (Соловецкий лагерь особого назначения).

Тяжело было проходить катеру мимо стоявшего у пирса немецкого лесовоза с фашистской свастикой на борту. Команда глазела на нас, идущих под конвоем.

Часа два шел катер к Соловкам. Мрачные стены кремля наводили уныние. Холодный, сильный ветер мешал двигаться. Степанченко совсем обессилел и не мог идти. Пришлось взять его багаж.

Нас приняли сотрудники тюрьмы и почти сразу повели в баню. После мытья холодной водой выдали тюремную одежду. Объявили карантин. Недели через две-три он закончился, и мы со Степанченко расстались: нас разместили в разные камеры. Я попал в мезонин трехэтажного монастырского

здания. Здесь была просторная монашеская келья с двумя окнами на залив, где приставали катера прибрежного плавания. Окна снаружи на всю высоту задраены деревянными «намордниками» с раструбами вверх. В камере помещались шесть человек. Подобраны были осужденные Военной Коллегии из разных областей СССР, все с тюремными сроками на двенадцать лет. Мы тогда еще помнили свои обвинительные заключения и быстро выяснили, что тексты документов сфабрикованы по единому стандарту. Менялись только собственные имена, места проживания и работа.

Арестантская жизнь строго регламентирована. Подъем. Оправка. Завтрак. Получасовая прогулка в деревянных боксах. Обед. Ужин. Отбой. Пищу через кормушку в двери передавал надзиратель. Гимнастика запрещена. Книг почти не давали, хотя библиотека была. Одного из нас посадили в карцер за то, что он якобы через книгу пытался установить контакт с другими заключенными.

Связь с женой после декабря 1938 года у меня оборвалась. При опросе тюремной администрацией, с кем желаю переписываться, я указал свердловский адрес жены и воронежскую прописку тещи. Все сокамерники получили письма от родных и денежные переводы, а я — нет. Однажды, когда принимали заявку на продукты через тюремный ларек, я написал ее на «ура», хотя меня не извещали о поступлении перевода. Рисковал попасть в карцер. Продукты неожиданно получил, а через день меня ввели в пустую камеру, где дали прочитать письмо от жены. Она сообщила, что в течение целого года через следователя Гайду посылала ежемесячные денежные переводы, отправила и сапоги, когда Гайда сказал, что мне они нужны. Первый денежный перевод я получил лишь через полгода (забегу вперед: Гайда был арестован в 1940 году, сначала осужден к тюремному заключению на 10 лет, а потом расстрелян).

Сокамерники со временем надоели друг другу. Что было интересного в жизни каждого, все уже знали. Начались бессмысленные ссоры. Тюремное безделье убивало все человеческое. У одного заключенного появились на спине болячки-струпья. Он длительное время вызывал врача. Наконец, в форточке-кормушке появилась голова молодого человека, назвавшего себя доктором. Заболевшему было приказано стать у своей койки и снять рубашку. Молниеносный осмотр спины через форточку и резюме: «Помощь не нужна». Форточка захлопнулась.

...Наступила весна 1939 года. Из окна доносился голос кукушки. Детвора звенела по-весеннему. Открылась навигация. В бухте слышны гудки судов, поддерживающих связь острова с материком. Тюремное прозябание становилось все невыносимее. И тут началось что-то необычное. В коридоре послышалось движение, обычно заглушенные шаги надзора сменились громким топотом. Вскоре нас стали вызывать на медицинский осмотр. Мы терялись в догадках. Однажды всех обитателей камеры повели в соседнее монастырское помещение, в обширную комнату, уже заполненную заключенными. В ней стояли железные кровати с постельными принадлежностями. От массы новых людей кружилась голова. Начались знакомства, разыскивались земляки. Станный вид у людей в арестантском обмундировании. Ситцевые брюки имели желтые лампасы. На рубашках и халатах обшивались воротники и полы, а на спине халата что-то вроде бубнового туза. Многие объясняли, что желтые пятна — хорошая цель если заключенный совершит побег.

Всех узников разбили на три смены. Начались круглосуточные земляные работы, строительство аэродрома на берегу залива, дренажи вокруг здания Соловецкого лагеря. Фундаменты для какого-то большого завода на месте старого монастырского кладбища. После длительного безделья заключенные рабо-

тали с большой энергией. Те, кто трудился на берегу бухты, первыми увидели, что на рейде встало большое морское судно. Оно было для нас.

В солнечный день началась погрузка на судно «Буденный». Его чрево было приспособлено к перевозке людей: установлено шесть этажей деревянных нар по левому и правому бортам. В кормовой части уже находилось четыреста заключенных уголовников, которых погрузили в Архангельске. Всего арестантов было до трех тысяч. Мы со Степанченко разместились на четвертом этаже. Ничего нам из постельных принадлежностей не полагалось. На Соловках нам выдали личные вещи. Они пригодились. Из своих вещей мы соорудили постели. Началось трудное морское путешествие с судами экспедиции 1939 года.

Спасательных средств на лесовозе не было. Даже ходили слухи, что, когда началась Великая Отечественная война, «Буденный» торпедировала немецкая подводная лодка и с живым грузом он пошел на дно. Мы дошли благополучно, хотя ох и трудным был путь. На борту устроили небольшую одноместную уборную. Круглые сутки здесь стояла очередь. Ведь ехал трехтысячный отряд. А подъем на палубу из затхлого трюма доставлял наслаждение. За несколько минут можно было окинуть взором неоглядные просторы моря с их тяжелыми, свинцовыми громадными волнами.

Однажды лесовоз встал на якорь. Пополнил запасы пресной воды и топлива. Недалеко стоял на якоре ледокол «Ленин». По палубе ходили люди, сушилось выстиранное белье. Тягостно было смотреть на эту картину нормальной человеческой жизни.

Среди заключенных организовалась группа активистов из более ловких и пронырливых. Командование лесовоза уполномочило их получать и раздавать среди едущих хлеб, сахар и пр. До вечера на палубе готовилась горячая пища, а затем переходили на су-

хое питание. Мучительно не хватало воды. Мы опускали на веревке ведро с верхней палубы. Уголовники сосредотачивались на каком-либо этаже и перехватывали воду.

За время путешествия познакомились с товарищами по несчастью. В этапе не было крупных партийных и советских работников. По приговору Военных Коллегий они остались навечно там, где их судили. Из сослуживцев по «Уралмедьруде» на лесовозе оказались В.М. Суворов, Р.М. Кац и Б.Б. Зеeman (все беспартийные специалисты). Работники свердловского облплана Истомин и Фукс ехали больными. По приезде в Дудинку Истомин умер, Фукс скончался позднее в Норильске. Румянцев из Магнитогорска также вскоре после приезда умер в Дудинке. Председатель одного из райисполкомов Свердловска — Фоминых — вернулся из Норильска в Свердловск, был реабилитирован, но вскоре умер.

На восьмой день морского путешествия лесовоз бросил якорь против Дудинки. Береговой катер начал переброску прибывших на берег. Первыми вывезли уголовников, которые уходили отягощенные вещами, награбленными у узников. Мы со Степанченко переночевали последнюю ночь на нарах лесовоза. Утром 18 августа 1939 года и нас погрузили на открытые платформы узкоколейной железной дороги, которой тогда был связан Норильск с Дудинкой. На дорогу выдали по банке рыбных консервов, которые тут же были съедены. Поезд двигался медленно, но, к счастью, погода была не холодная, что за 69 параллелью редкость. Оказалось, что мы прогадали, попав в последний эшелон. Мы ехали в единственном составе, который не дошел до Норильска. Нас выгрузили в тундре километрах в восьми от города. На склоне горы Надежда виднелись лагерьный пункт и объекты угольной штольни.

Начался тяжелый марш по мокрой, чавкающей под ногами тундре. Обессиленные обладатели багажа

бросали его на дороге. Лишь бы самим добраться. Прибывших расселяли в земляные бараки, которые наскоро были построены. Зону еще не огородили колючей проволокой, и обозначалась она колышками. Предупредили, что выход за зону считается побегом, и оружие будет применяться без предупреждения. До нашего прибытия на Надежде уже была группа арестантов. Они встретили нас на правах старожилов. Меня, как горняка, потянуло на породный отвал, который отсыпался в зоне. На отвале встретился с двумя, судя по одежде, узниками. Один из них назвал меня по имени. Он оказался Сергеем Коноваловым, которого я когда-то знал, как окрвоенкома из Ирбита. В момент ареста он был уже начальником Свердловского областного управления местами заключения. Второй тоже свердловчанин — Леонид Кокуллер, заведовал хозяйственными делами Свердловского обкома партии и облисполкома. Обоих привезли из полтавской тюрьмы.

Провели регистрацию прибывших. Не разобравшись, я записался у первого стола и ошибся — попал на общие работы по прокладке узкоколейной железной дороги от угольной штольни до рудного карьера. Как потом выяснилось, за следующим столом регистрировали для работы в самой угольной штольне. Подземная работа лучшая во всех отношениях — не на пурге и не в холоде. Но было уже поздно. Земляные работы, отвозка грунта в тачке в условиях Заполярья была очень тяжела. Такой труд требовал усиленного питания. После смены многие, и я в том числе, ходили на кухню помогать поварам-уголовникам чистить картошку, носить снег для таяния. Перепадал дополнительный кусок. Без этого выдержать было трудно. Тех, кто не выполнял норму, кормили «гарантией» — мизерным тюремным пайком. На «гарантии» люди скоро выбивались из сил и кончали моргом. Коновалов как-то сказал руководителям штольни, что чернорабочим на стройучастке

работает горный инженер, те предприняли попытку взять меня в штольню, но воспротивился прораб-строитель: я числился одним из лучших рабочих.

Вспоминается первое утро выхода на работу. Еще не оправившиеся от изнурительного путешествия все спали крепко. Вошел нарядчик из заключенных-уголовников. Приторно-слащавым голосом объявил:

— Вставать пора! На работу, товарищи!

Все спят. Голос нарядчика загремел:

— Вы что? Так вашу перетак... На курорт приехали? А ну живо! Марш из барака...

На верхних нарах остался лежать больной. Начальник конвоя, здоровенный верзила, поднялся к нему:

— Чего не встаешь?

Отвечает:

— Болен...

— Есть разрешение медпункта?

Отвечает:

— Не был у врача...

Верзила схватил больного, как пушинку, и тот, качаясь из стороны в сторону, вышел из барака. Вскоре он умер.

Наш этап весь переболел дизентерией и куриной слепотой. Бани в зоне «Надежда» не было. В санитарный день возили мыться в Норильск. Связь с городом была скверная. Из зоны выходили при хорошей погоде, а когда спускались в норильскую впадину, там бушевала пурга. Пропускная способность бани была такая, что нас делили на три группы. Одна моется, две ждут на морозе. А когда мылась третья группа, то первые две замерзали на улице. Многие погибли от этой бани. Первая заполярная зима показала себя. Страшные, черные пурги. Черные буквально. В двух-трех метрах ничего не видно. В последующие годы эту черноту как-то уже не замечали.

Часто заключенных выгоняли на расчистку железнодорожных путей. С горькой усмешкой читал

я в «Молодом коммунисте» № 9 за 1968 год очерк В. Москалева о Норильске: «А.П. Завенягин... создавал комсомольские ударные бригады, которые пробивали траншеи в снегу, чтобы по ним мог пройти железнодорожный состав. В эти бригады шли все комсомольцы...» Если в бригадах и были комсомольцы, то бывшие, осужденные, реабилитированные лишь после 1953 года. Много для снегозащиты железнодорожной колеи сделал заключенный инженер М.Г. Потапов, который изучил силу и направление ветров. По его расчетам были установлены постоянные и переносные щиты.

Однажды по трассе строящейся узкоколейки проходила группа начальствующего состава. В идущем позади я узнал горного инженера В. Н. Масленникова, с которым работал в Свердловске в «Севгипросевмете». Он узнал меня и пообещал устроить в проектное управление. Слово свое Масленников сдержал. Итак я в Норильске. Когда перезнакомился с проектировщиками, то они оказались этапированными из разных тюрем, кроме Соловков, — из Орла, Полтавы, Казани, Мариинска, иркутского Александровского централа и других мест заключения. В 1939 году началось некоторое отрезвление. 1938-ой год промышленность и строительство закончили с плохими показателями. Требовались рабочие руки, чтобы исправить положение. Всех арестантов решили перевести в категорию лагерников. Крупные объекты строительства, которыми ведал НКВД, в 1939 году получили рабсилу из тюрем строгого режима. В первую очередь укомплектовали лагеря Колымы, Воркуты и Норильска.

...28 января 1969 г. Суровая нынче зима. Метеорологи говорят, что больше 100 лет не было на Урале таких низких температур. В ноябре 1968 года температура по Свердловской области опускалась до минус 30-40 и даже до 50 градусов. Вот и январь 1969 похож на ноябрь 1968-го. Состав заключенных норильско-

го лагеря — это необоснованно репрессированные в 1936-1938 годах. Бытовиков и рецидивистов-уголовников было процентов 25-30. К осужденным по 58-ой статье они относились враждебно. Понимали вздорность обвинений в политических преступлениях, но злорадствовали: «Хорошо с вами разделались Сталин и Ежов». Из идеологических врагов нашей партии в лагере я встретил лишь одного — бывшего анархиста Нахалкина. Он как был по своим убеждениям анархистом, таким и остался.

Среди необоснованно репрессированных первое слово хочется сказать о профессоре Н. Н. Урванцеве, который разведдал норильское месторождение. Товарищи по лагерю шутили над ним: «Николай Николаевич! Нельзя ли закрыть Норильск, а открыть где-нибудь поужнее?» В отделе запуска проектов работали А. Гарри, Е. Драпкина, М. Нанейшвили со своим братом. Об Алексее Николаевиче Гарри хороший очерк написал репортер «Известий» Л. Кудреватых (Неделя № 3, 19.01.1969). «В 20-ые и 30-ые годы имя Гарри стояло в первом ряду набирающей силу советской журналистики. Кольцов и Гарри!!! Перенеся все лишения тюрем и лагерей, Гарри дожил до реабилитации. В газете «Известия» появилось сообщение: «20 мая 1960 г. скончался член Союза писателей, активный участник Гражданской войны, кавалер двух орденов Красной звезды А.Н. Гарри».

Мария Викторовна Нанейшвили, жена генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, дочь старого большевика, секретаря пермского окружкома ВКП(б) Нанейшвили, держала себя в лагерных условиях достойно. Когда ее арестовали в Москве, то осталась беспризорной малолетняя дочь. Ее взяли на воспитание мужественные люди. В 1950–1951 годах, когда проходила новая волна арестов, вспомнили, что дочь Косарева подросла. Ее арестовали и выслали в Красноярский край. Больших усилий стоило Марии Викторовне добиться, чтобы дочери

разрешили отбывать ссылку в Норильске с матерью. Сейчас после реабилитации они живут в Москве.

Писатель Евгений Рябчиков тоже вкусил горького хлеба в Норильске. О нем вспоминает авиаконструктор А. С. Яковлев в своей книге «Цель жизни»: «Центральный авиаклуб стал одной из жертв «ежовщины». В связи с «делом авиаклуба» пострадал сотрудник «Комсомольской правды» Евгений Рябчиков. Наши отношения с Женей Рябчиковым не ограничивались только служебными. В один из дней 1937 года он пригласил на свой день рождения. Собралось много журналистов, вечер прошел очень весело. Разошлись в первом часу ночи. В ту же ночь Женю арестовали как врага народа. В конце войны Яковлев, тогда заместитель наркома авиационной промышленности, на приеме у Сталина встретился с одним из первых начальников Норильского горно-металлургического комбината Завенягиным. Пользуясь хорошим настроением Сталина, Яковлев заговорил с Завенягиным о Рябчикове и попросил, если можно, пересмотреть его дело. Сталин обронил: «Посмотрите». Этого оказалось достаточно. Вскоре Рябчикова освободили.

Иосиф Иванович Заплавский, начальник шахты «Центральное Ирвино» в Донбассе, организовал рекорды Алексея Стаханова по добыче угля, которые прогремели на весь Советский Союз. Стаханов и сейчас гремит, а Заплавский как «враг народа» отбывал срок в Норильске. Киностудия выпустила фильм о вредительстве в Донбассе, в которой из колоритных фигур о вредительстве и диверсии являлся Поплавский (или Заплавский). Подходил к концу срок его приговора. Работал он на угольной штольне «Кайеркан». Одну неделю не дожил И.И. Заплавский до конца срока. Умер от разрыва сердца. Александр Иванович Мильчаков, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ, блестящий оратор, талантливый журналист, реабилитации в 1954 году дождался в Норильском

лагере. В Норильске я встретил и бывшего ректора Свердловского горного института Петра Яковлевича Ярутина, которого привезли из Полтавской тюрьмы. Его я уже упоминал. В августе 1937 года в свердловской внутренней тюрьме НКВД в камере № 28 мне досталась постель, которую мне сдал Ярутин.

15 марта 1969 г. Суровая зима на исходе. Стало теплее, но эпидемия азиатского гриппа свирепствует. Три раза начинал болеть. Лежал в постели. Кололи. Как будто прошла болезнь. Выйдешь и — снова грипп. В начале марта ездил от обкома ВЛКСМ в командировку в Пышминский район. Приехал и в третий раз слег. Давно не был в селах. Дышится легче. Приятно смотреть на деревянные дома с резными и ярко окрашенными наличниками. Глаз радуется после бетонных и кирпичных стандартныхстроек.

22 июня 1941 года. В проектно-институте Норильска был нерабочий день. На территории второго лаготделения из динамика я услышал обращение Молотова в связи с нападением на Советский Союз гитлеровской Германии. Передача по лагерьной трансляции была прервана. Несколько дней не работало радио. Все настороженно ждали развития событий: каким будет отношение к заключенным в связи с войной. Вспоминали 1937–1938 года, когда в лагерях работали «тройки» и вносили исправления в приговоры. Многие осужденные к тюремным и лагерным срокам решениями троек уничтожались. На Соловках называли гору Секирную, где проводились расстрелы, в Норильске — «Второй Норильск», в Дудинке — в акватории Енисея.

Ждали провокаций. К счастью, события пошли по другому пути. Через несколько дней были восстановлены радиопередачи. Никаких секретов от заключенных о ходе военных событий не делалось. Отношение к нам стало даже человечнее. Среди заключенных началась массовая подача заявлений о направлении на фронт для защиты Родины. Все знали,

что если и удовлетворят просьбу, то начинать боевую жизнь придется в штрафных батальонах. Лишь рецидивисты-уголовники оставались в стороне. Подавшие заявления прошли медицинские экспертные комиссии. Через некоторое время было объявлено, что на фронт пошлют когда потребуется, а пока надо работать на Норильском комбинате, обеспечивающем фронт оборонным металлом.

Известен случай, когда из норильского лагеря по настоянию военкома отправили на фронт по их просьбе несколько заключенных, работавших в геологоразведочной партии на Нижней Тунгуске. Один из мобилизованных ученый Гумилев, сын Анны Ахматовой, писал потом в Норильск, что попал в Москву «через Берлин». Тюремная одиссея Льва Николаевича Гумилева на этом не закончилась. Он вновь был арестован. И еще в марте 1956 года об его освобождении ходатайствовали его мать Анна Андреевна Ахматова и писатель Александр Алексеевич Фадеев.

Война меняла состав лагерного населения. Ежегодно, с открытием навигации по Енисею, привозили военнотружущих, осужденных военными трибуналами, и жителей оккупированных немцами районов («за связь с врагом»). В те годы зачеты за добросовестную работу арестантов были отменены. А зря. Они ускорили бы строительство Норильского комбината. Правда, два-три раза заключенным, занятым на инженерно-технических должностях и отличившимся на работе, сокращались сроки за участие в проектировании горных объектов, мне дважды снижали сроки — на полтора и один год.

В феврале 1947 года меня вывели из-за проволоки. Срок закончен. Решил никуда из Норильска не выезжать, так как получил паспорт с ограничениями места жительства. Это касалось столиц республик, областных центров, крупных рабочих районов. Паспорт вроде «волчьего». Жене с двумя детьми я не советовал ехать в Заполярье. Она не стала слушать

никаких доводов. Пришлось договориться с начальником проектного управления А.Е. Шаройко, чтобы ей послали вызов. В июле 1947 года Нина приехала, а с нею 12-летняя дочь Ира и 10-летний сын Боря, родившийся через 10 дней после моего ареста, его я еще не видел. Жена, оставшаяся в свои 24 года «соломенной вдовой», с двумя детьми на руках, вела себя героически и в 34 года, не задумываясь, поехала в Заполярье и не считала это подвигом. Она поступила работать старшим техником в проектное управление. Ребята стали учиться в школе. Вроде жизнь устраивалась.

После окончания войны режим в лагерях стал ужесточаться. Появились «каторжные команды», в которые собирали всех заключенных, осужденных по 58-ой статье и по воинским статьям. В основном в них были осужденные в военное время. На верхней одежде заключенных стали ставить номера. По приходе с работы узников закрывали в бараках на замок. Многих, осужденных в 1937 году и не закончивших срок наказания, отправляли досиживать в стационарные тюрьмы. Так, М.К. Степанченко перевели в Александровский централ под Иркутском. По окончании срока он снова приехал в Норильск, но уже как вольнонаемный.

Из проектного отдела меня перевели преподавателем специальных горных дисциплин в Норильский горно-металлургический техникум. В техникуме я встретился с очень интересным человеком — Н.М. Федоровским. Николай Михайлович, член КПСС с 1904 года, — крупный ученый-минералог, член-корреспондент АН СССР. Он был одним из основателей Московской горной академии. По указанию Ленина, Николай Михайлович ездил в Берлин для приобретения научной литературы, активно переписывался с Эйнштейном, дружил с А.Е. Ферсманом. Репрессировали Федоровского в 1937 году. В 1949–1950 годах он преподавал в Нориль-

ском горном техникуме. В 1950-м его отстранили от преподавания и поместили в режимный лагерь (Горлаг). После реабилитации дочь увезла его, разбитого параличом, в Москву. В 1958 году «Правда» поместила траурное извещение ЦК КПСС о смерти Николая Михайловича.

Третьим начальником Норильского комбината после А.А. Панюкова был инженер В.С. Зверев, выпускник Орджоникидзевого института. Как начальник он был деятельный, инициативный. Ужесточение режима шло, по-видимому, помимо него. Он был бессилён что-либо предпринять. Большую роль в жизни лагеря стал играть политотдел, который возглавлял Кузнецов, участник пьяных оргий. Ему было безразлично развитие комбината, лишь бы режим соблюдался. В 1950 году, по указанию МВД, было решено «очистить» комбинат от бывших заключённых-специалистов. Из нашего техникума всех преподавателей уволили, предложили покинуть территорию комбината. Жену, как специалиста, работающего в проектно-отделе, оставили в Норильске.

Куда ехать с «волчьим» билетом-паспортом? С Е.К. Красницким мы решили вылететь самолетом в Красноярск. Через 13 лет я впервые оставлял Заполярье. Первая остановка с ночевкой в Туруханске. Осенняя тайга после тундры казалась сказочным зрелищем. Полузабытый воробей выводил своим чириканьем столько рулад, что казался соловьем.

В объединении Красноярскуголь нам посоветовали ехать в трест Канскуголь. Управляющий трестом Попов обрадовался притоку специалистов. Мне предложили работать старшим инженером-экономистом. Как я и чувствовал, органы МВД играли с нами, как кошка с мышкой. В октябре 1950 года приехавшие специалисты стали исчезать. Однажды ко мне на работе подошел «некто» в штатском, попросил пройти в соседнюю комнату и предъявил ордер на арест. Пошли на квартиру, я взял все, что могло пригодиться,

и... снова тюрьма. Внутренняя тюрьма Красноярского краевого управления госбезопасности.

Началась комедия с оформлением дела, состряпанного в 1937 году, — дела, по которому я был осужден и уже отбыл срок. Нормы уголовно-процессуального кодекса, которые следовало выполнять в 1937 году, начали выполнять с большим усердием в 1950–1951 годах. В следственную комнату приходил военный прокурор в чине подполковника или полковника, и в его присутствии предъявлялось обвинение. Стыдно было за этих прокуроров в больших чинах. В 1923 году и я был прокурор по первому Ленинскому декрету. А кем были они?

Дело вел следователь майор Борисов, человек неглупый, любящий советскую литературу. Он с большим удовольствием в своем кабинете вел разговор о творчестве Горького, об отдельных его произведениях. На мое недоумение по поводу новой судебной комедии Борисов отвечал, что на этот счет есть указания свыше. «Неужели вся наша энергия уходит на это?» — спрашивал я. Через некоторое время, опять-таки в присутствии военного прокурора, мне было объявлено об окончании «следствия».

За время пребывания в тюрьмах, лагере и ссылке я встретил лишь в Красноярской тюрьме одного (только одного!) ренегата из арестованных в 1937 году. В момент ареста он, инженер-текстильщик из Москвы, имел билет коммуниста. Человек этот вращался в руководящих сферах. После тюремного заключения по приговору работал на канской текстильной фабрике. Каких только гнусностей не услышал я от него и по адресу компартии, и даже по адресу Ленина. Как он восхвалял буржуазный мир! И все только потому, что пострадал.

После длительного пребывания в тюрьме, в марте 1951 года мне объявили постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года о ссылке в отдаленные районы без указания срока. Я попросил

направить меня в Енисейск. Мне выдали проходное свидетельство и предложили добираться «своим ходом».

Денег на самолет нет. Ехать попутной грузовой машиной не мог — нет валенок. Даже шапку за сутки до ареста у меня украли. Зашел в знакомую квартиру, где встретил жену Красновицкого — Екатерину Петровну. Она дала мне валенки и шапку, и я поехал в Енисейск в кузове грузовой машины. Стояли сильные морозы. К тому же, когда до Енисейска оставалось шесть километров, буран окончательно перемел дорогу. Чтоб не замерзнуть, я эти шесть километров одолел пешком. В гостинице под несколькими одеялами отогрелся и заснул. На другой день познакомился с одним ссыльным рабочим, который арендовал дом из двух комнат. Одну он сдал мне.

Оказалось, что устроиться ссыльному на работу было почти невозможно. Куда бы я ни обращался, в приеме отказывали. Настроение хуже некуда. Когда выходил на берег Енисея, то появлялись мысли: не воспользоваться ли услугами проруби... В комедатуре, где ссыльные отмечались два раза в месяц, висел указ за подписью Молотова, что за побег или его попытку виновные подвергались тюремному заключению на срок до 25 лет. А побегом считался выход за околицу населенного пункта. Но все же мне повезло. Я устроился в стройконтору № 1 Норильского комбината, которая достраивала аэродромы на трассе Норильск—Красноярск. Стал мастером земляных работ на лётном поле. Мое продвижение по службе было стремительным: вскоре старший мастер, а затем и старший прораб.

Проектный отдел комбината, узнав о моей судьбе, добился разрешения начальника комбината о моем возвращении в Норильск. Жена взяла отпуск и приехала с сыном в Енисейск, затем съездила в Красноярск, чтобы ускорить решение моего перевода в органах госбезопасности. Когда в сентябре 1951 года я, наконец, получил возможность выехать в Но-

рильск, то до Дудинки шли уже последние пароходы. Мы с трудом сели на один из них, без места, спали на полу палубы. От Дудинки до Норильска ехали на открытой платформе узкоколейки. Дождь. Снег. Ветер. Холод. Жена в результате заболела экссудативным плевритом. Врач-рентгенолог Елена Васильевна Зеeman спасла ее от рокового конца.

1951–1953 годы я работал в проектной контроле комбината. Отношение к ссыльным ухудшалось. Ходили слухи, что они будут переведены на лагерное положение, а семьи выселят. Шла ставка на уничтожение остатков репрессированных в 1937–1938 годах. А необоснованные репрессии продолжались: «ленинградское дело», «дело врачей»... Март 1953 года. Из выступлений Молотова, Маленкова, Берии над гробом Сталина явствовало: надеяться на изменение политики необоснованных репрессий оснований нет. Амнистия 1953 года, выработанная для уголовного элемента, не относилась к осуждению по 58-й статье. По стране прошла волна убийств, ограблений и прочих преступлений. Продолжалось это до тех пор, пока благодетельствованные амнистией преступники вновь не были осуждены.

За 15 лет после приговора военной коллегии десять раз я обращался в Центральную военную прокуратуру, Военную Коллегию Верховного суда СССР, к Генеральному прокурору СССР, в центральные партийные и советские органы с заявлением об отмене неправомерного приговора. Каждый раз получал стандартный ответ: «Оснований для пересмотра нет». Снова и снова я писал, приводя доводы, которые мне казались убедительными, но ответы не менялись. Во второй половине 1953 года написал длиннейшую обоснованную жалобу с указанием фактов, которые должны были выяснить органы суда и следствия, чтобы установить мою невиновность. И вот косвенным образом я узнаю, что по моей последней жалобе производится расследование. Допрашиваются те

люди, на которых я ссылался. В 1954 году жена была в Москве в Центральной военной прокуратуре, и там ей сказали, что по делу ведется расследование и можно надеяться на положительное решение. Военная прокуратура оказалась неискренней: когда давали жене эту неопределенную справку, Военная Коллегия Верховного суда СССР уже отменила приговор. Вот текст этого долгожданного акта: «Дело по обвинению Афанасьева Петра Михайловича пересмотрено военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1954 года. Приговор военной коллегии от 9 августа 1938 года и постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 января 1951 года в отношении Афанасьева П.М. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Потребовалось 17 лет, чтобы сказать, что в моих действиях не было состава преступления! Но и то — лучше поздно, чем никогда. Послал заявление в ЦК КПСС о моем восстановлении в партии. Получил письмо с просьбой прибыть в Свердловский обком партии. Руководство комбината при содействии начальника главка А.А. Миронова оформило командировку для поездки на Урал. Работник обкома рассказал, что он еле нашел материал о моем исключении из партии в Ленинском райкоме. Постановление датировано ноябрем 1937 года. Целых три месяца я сидел в тюрьме и числился членом партии. В декабре 1954 года я присутствовал на заседании бюро Свердловского обкома КПСС, решением которого восстановлен в рядах партии с прежним стажем. Изъятые при аресте в 1937 году партийные и советские документы и реликвии получить не удалось. Их уничтожили. Съездил в Дегтярку, в Левиху и на родину в Таватуй. Знакомые встречали, как выходца с того света. Бедная мама не дождалась моего возвращения... Новый, 1955 год встречал в Норильске с женой. Ира училась в Ленинградском универси-

тете, Боря — в Ленинградском политехническом институте.

Май 1971 года. После всех злоключений мы с женой уже более 15 лет живем в Свердловске. Стареем. Радуемся жизни детей. 10 октября 1971 года отметил 75 лет. К закату жизни годы мчатся с космической скоростью. Теперь дети, и Боря и Ира, оба кандидаты наук. Боре можно собирать материалы для докторской диссертации. Что он, кажется, и делает. Живем с женой сейчас в нормальных условиях: двухкомнатная благоустроенная квартира. Было бы здоровье. А друзей детства, просто хороших знакомых становится все меньше и меньше. Умер Анатолий Иванович Парамонов, член КПСС с 1907 года. Ушли из жизни Макаровы Владимир Иванович и Юлия Васильевна, друзья по норильским скитаниям. Умерла сестра Павла. Моложе меня на 4 года. Остались мы вдвоем с братом Алексеем. Он младше меня на 8 лет.

Петр Михайлович один из немногих, кто за большую работу по коммунистическому воспитанию молодежи занесен в областную книгу «Ветеранов-активистов» Свердловского обкома ВЛКСМ. В октябре 1971 года на торжественном собрании в институте «Унипромедь» коммунисты, сотрудники отмечали 75-летие П.М. Афанасьева. Говорили много хорошего. А одно короткое выступление коснулось сердца каждого.

Поднялся невысокий седой человек:

— Мы вместе были в Норильске много лет. Его постоянно выбирали старшим среди коллег-заключенных. Потому что не было среди нас честнее и прямее человека... А вы представляете, что такое быть старшим в лагере?..

Он хотел сказать еще что-то, но не смог. Сел, опустив голову, чтобы окружающие не видели слез. Это был бывший ректор Горного института П.Я. Ярутин.

О революции, о первых годах Советской власти и рождении комсомола, об индустриализации, о пар-

тии рассказывал П.М. Афанасьев молодежи. Он любил бывать среди тех, кому строить будущее. И никто из слушателей не представлял, что Петр Михайлович пострадал в годы сталинизма. Эти записки помогут восполнить пробел и многое понять, как это было с Афанасьевым, с Ярутиными многими другими, преданными партии и Родине людьми, подвергшимися незаслуженным репрессиям. Да, это было... Со мной и со всей страной...

В 1980 году Петра Михайловича Афанасьева не стало.

Аграновские:

«Дед, сыновья, внук...»

По биографии старшего Аграновского можно изучать историю нашего государства. Родился Абрам Давидович Аграновский в 1896 г. в селе Мены Сосницкого уезда Черниговской области. Революция застала его студентом Харьковского университета, где он учился на врача. В Гражданскую войну он — комиссар госпиталей на Южном фронте, комиссар санчасти 12-й армии. В 1918 г. вступил в ряды РКП(б). Но не военная служба и не медицина стали главным делом его жизни... Всерьез его увлекла журналистика. В 1922 г. врач Аграновский напечатал свой первый фельетон в харьковской газете «Коммунист». Первая его книга вышла в 1924 году и называлась «Дымовщина» (1924) — о процессе по убийству селькора Малиновского в Дымове. Затем вышли книги «Культура и мещанство: письма из Германии» (1925), «Люди-вредители: Шахтинское дело» (1928), «Смерть Хаким-заде» (1929), в 1930 году вышел сборник фельетонов «От Столбцов до Бухары». В 1937 г. все рухнуло. «По навету врагов народа был репрессирован и осужден на десять лет тюрьмы, — писал Абрам Давидович в автобиографии позднее. — В 1942 полностью реабилитирован и восстановлен в партии».

8 апреля 1937 года его арестовали и отправили в Лефортовскую тюрьму, где 7 января 1938 года судили, приговорив к 10 годам лишения свободы и 5-ти — поражения в правах с конфискацией имущества. Сразу после суда Аграновского отправили в Норильлаг. Здесь он оказался в одном бараке с Алексеем Гарри,

с которым потом очень сдружился. В Норильске ему пришлось обратиться к своей специальности врача, но не лечебного, а санитарного. Спустя какое-то время, он стал одним из руководителей санитарной службы (САНУ) в Норильске. Даже в лагере Абрам Давидович оставался в душе журналистом. В Норильске (1938–1941 гг.) была написана книга «Записки журналиста», которая была посвящена встречам автора с известными политическими и литературными деятелями. Писались эти «Записки» в трех тетрадях с проштемпелеванными страницами. Но когда Аграновского в октябре 1941 года перевезли в Красноярск для нового расследования, завершившегося прекращением дела, они пропали: то ли были изъяты начальством, то ли отданы им самим кому-то из его товарищей по лагерю на хранение. Его старший сын, Анатолий Аграновский, в письме к журналисту, краеведу С.Л. Щеглову (псевдоним С. Норильский), писал: «...норильский период жизни отца известен мне хуже. Но, судя по тому, что знаю, он там оставался человеком принципиальным, смелым, многих спасал от гибели, налаживал норильскую медицину и даже (это я точно знаю) провел в Норильске первую заполярную конференцию ученых-медиков (а силы в тамошних местах собрались немалые)».

К счастью, Абраму Аграновскому разрешили работать по его основной специальности — врачом. В июле 1937-го была арестована и выслана сначала в Сегежу (Карело-Финская ССР), а потом в Карагандинский лагерь и жена «врага народа» Фаня Абрамовна Аграновская. В своей книге «Последний долг» самый младший из Аграновских, Валерий, вспоминает, как он и старший брат Анатолий остались в московской квартире одни, как пытались выволочь из лагеря ни в чем неповинного отца. Им даже удалось попасть на прием к председателю Президиума Верховного Совета СССР М. Калинину. Тот выслушал их, сочувственно кивая головой, у него у самого жена

в это время сидела в лагере... Когда дело А.Д. Аграновского было прекращено «За недоказанностью участия в совершении преступления и исчерпанием всех возможностей это доказать», он сохранил любопытный документ — рапорт начальника санотдела Норильлага Золотарева: «За отличную работу в лагере прошу разрешить оставить за врачом Аграновским телогрейку первого срока носки в связи с выбытием его из лагеря». На рапорте — резолюция: «Оставьте. Еремеев». И дата: 12 сентября 1941 года. Да, новая телогрейка тогда — это почти как каракулевая шуба... В октябре А.Д. Аграновский, все еще числившийся врачом Норильлага, прибыл пароходом в Красноярск, однако еще несколько месяцев просидел в тюрьме, пока окончательно разобрались с его делом. И здесь большую положительную роль в его судьбе сыграл первый секретарь крайкома партии А.Б. Аристов. В июле 1942 года Абрам Давидович писал жене: «Значит, я решил остаться в Красноярске, сюда собрать всех вас, кроме Толеньки, которого не следует, я думаю, срывать с учебы... В Красноярске я, во-первых, буду восстанавливаться в партии — через крайком. Работать буду, по-видимому, в крайздраве. Переговоры начал... Буду писать в местной газете «Красноярский рабочий», получил даже аванс у редактора, и он ждет, чтобы я дал первый материал».

Дальше в письме Абрам Давидович написал, что встретили его в крайкоме партии тепло — «вплоть до того, что кормят меня, пошили костюм, устроили в гостиницу и т. д.» В 1942–1943 годах А.Д. Аграновский работал в санчасти Норильлага на станции Злобино, одновременно сотрудничал с «Красноярским рабочим». Потом его пригласили в отдел пропаганды крайкома, где он трудился ответственным секретарем комиссии Отечественной войны. Окончилась война. Абрам Давидович послал письмо редактору «Правды» П.Н. Поспелову. Так, мол, и так, прошу вновь принять на работу, квартира в Москве имеется. Ответ

пришел лишь через несколько месяцев, адресован он был в редакцию «Красноярского рабочего»: «Вызвать в Москву не можем. Пospelов». Почти весь 1946 год А.Д. Аграновский трудился непосредственно в штате «Красноярского рабочего», чуть ли не ежедневно, как вспоминал М.К. Миронов, выдавая «на-гора» по материалу. Он досконально изучил положение в сельском хозяйстве края, с которым не расставался и после того, как уехал в Москву и стал работать в журнале «Огонек».

Но и это еще не все, что можно и нужно рассказать об Аграновском. Оказывается, он успел собрать материалы для книги о Красноярском ПВРЗ, гордости красноярской индустрии, к 50-летию завода. В рукописи (357 печатных страниц) живо и образно, в лицах описана история старейшего предприятия города, его революционное прошлое, становление и развитие при советской власти. Однако книга так и не увидела свет. Ни в московском издательстве «История заводов», ни в Красноярске. А ведь она наверняка представляет интерес и для коллектива нынешнего ЭВРЗ, и для историков, да и вообще для любознательных читателей...

Старший сын, Анатолий, мечтал поступить во ВГИК, но его «завалили» на первом же экзамене. Некоторое время работал на кинофабрике, а потом, махнув рукой, поступил на исторический факультет пединститута им. К. Либкнехта, который в годы войны был эвакуирован на Алтай. И здесь у него, вслед за отцом, вспыхнул интерес к журналистике. Он стал сотрудничать в местной газете «Красная Ойротия», ездить в командировки. В одном из писем матери сообщил: «Пошел по папиным стопам. И, честное слово, журналистика — мое дело». В апреле 1943 года Анатолий приехал в Красноярск, где к тому времени собралась вся семья. Мать тоже освободили из лагеря, ее официально причислили к статусу эвакуированной. После окончания пединститута получил направле-

ние на работу в село Рыбное Канского района, стал преподавать в местном артиллерийском училище. Первое «высокое» журналистское поручение получил непосредственно от секретаря крайкома партии К.У. Черненко, близко знавшего отца, — написать о Рыбинском доме инвалидов войны. Какое-то время Анатолий был курсантом авиашколы, выучился летать. Но вот война закончилась. Анатолий с азартом ринулся в журналистику, работал в разных изданиях. Но особенно плодотворным был период, связанный с «Известиями». Именно тогда он стал одним из самых заметных советских публицистов. Вслед за отцом Анатолий был принят в Союз писателей. Книга Л.И. Брежнева «Возрождение» — тоже его работа. Самому младшему из Аграновских — Валерию — было восемь лет, когда арестовали отца. Он бедовал вдвоем с братом-студентом. Поскольку помощи, кроме родного дяди С.И. Куделина, ждать было не от кого, они старались в учебе не отставать.

В 315-й школе Москвы Валера был отличником. В Красноярске он учился в 10-й средней школе, мужской (тогда обучение было раздельным). Здесь сдружился с Геральдом Аристовым, сыном первого секретаря крайкома партии Аверкия Борисовича Аристова. В конце 1944-го Валерия назначили (он так в своих воспоминаниях и пишет: «назначают», а не выбирают) секретарем школьного комитета комсомола. Вот тогда-то и возник у него конфликт с руководством школы, взбудораживший весь город и привлечший внимание журналистки «Красноярского рабочего» Лии Гераскиной. По версии Валерия, в основе конфликта лежало антисемитское высказывание одной из преподавательниц, по версии Гераскиной — высокомерное поведение самого Валерия, противопоставившего себя коллективу. В итоге Аграновского исключили и из школы, и из комсомола. Лия Борисовна наверняка рассказала о случившемся в 10-й школе на страницах «Красноярского рабочего». Но на

этом не остановилась и написала пьесу «Аттестат зрелости», которая вскоре была поставлена на сцене местного театра, а затем и в московском ТЮЗе. Мало того, по ней был снят художественный фильм. О содержании пьесы можно судить по краткой аннотации, в которой сказано, что поднимает она важную и актуальную тему коммунистического воспитания молодежи. Крепкий комсомольский коллектив десятиклассников сурово осуждает отличника Валентина Листовского, зазнавшегося и оторвавшегося от коллектива. Листовский исключен из комсомола. Он тяжело переживает случившееся, а потом с помощью товарищей и учителей пересматривает свое поведение и возвращается на путь истинный. Как пьеса, так и фильм, роль Листовского в котором блестяще сыграл совсем еще молодой Василий Лановой, имели шумный успех и вызвали горячие споры юных зрителей во многих уголках Советского Союза.

От себя Валерий писал, что драматург изобразил его этаким суперменом, «столичной штучкой» с гнусным характером. «Я, конечно, себя не узнал, но и не обиделся, ведь пьеса вполне профессиональная, конфликт — «типичный»... Могу гордиться: стал прототипом отрицательного героя». Думаю, что Лия Гераскина верно уловила и распознала суть натуры своего героя. Остается что: подобная стена отчуждения между жителями периферийных городов, между «избранными» и прочим «населением» сохраняется и по сию пору... Валерий окончил юридический институт, а потом, как отец и старший брат, с головой ушел в журналистику. Работал в разных газетах, 17 лет — в «Комсомольской правде».

Вот как вспоминает писатель Владимир Тендряков Абрама Аграновского: «Всего один раз столкнула меня жизнь с этим человеком. И когда я вспоминаю его, то возникают в памяти картины заснеженной степи, обрывистые берега Волги, тихие улицы Камышина. Мы, трое студентов Литературного института,

впервые выехали в серьезную командировку от одной московской редакции. Нашим руководителем был Абрам Давидович Аграновский. Он старый и опытный мастер, первый свой фельетон опубликовал еще в 1922 году, до того как мы появились на свет. Огромный багаж знаний, обширная биография, страна, изъезженная вдоль и поперек. От Белоруссии до Алтая, от Украины до Урала, от Смоленщины до Средней Азии и Сибири — всюду бывал этот беспокойный человек. Несмотря на преклонные годы, он поражал своей энергией. Никто из нас не имел репортерской хватки. Попадая в новое место, к новым людям, мы с робкой растерянностью оглядывались кругом — на что глядеть, за что хвататься, где лежит этот так называемый материал? А едва только Абрам Давидович спрыгивал с машины на землю, как, словно по волшебству или по наитию, становилось многое известно: Петр I пожаловал городу Камышину медный арбуз на шпиль, здесь существует школа лесоводов, здесь есть крупная мелиоративная станция, здесь где-то живет (где — выясним!) человек, который много лет занимался декоративным садоводством...

Абрам Давидович не давал нам бесцельно глазеть по сторонам, тащил в райком, из райкома в редакцию местной газеты, из редакции в школу лесоводов, из школы к садоводу-декоратору. «Поспевай, молодежь, не жалуйся на усталость!» И всюду он заставлял нас расспрашивать, въедаться в собеседников, вызывать их на душевный разговор. Именно потому, что нашим руководителем был такой человек, эта поездка по волжским степям оставила в нашей памяти яркий след, у каждого из нас как-то повернула творческую биографию. Нельзя без душевной благодарности вспоминать удивительную отзывчивость Абрама Давидовича. Не только искренне, а бурно, весело, напористо радовался он нашим маленьким успехам. Он не боялся перехвалить нас. И вряд ли в его похвалах был педагогический расчет, нет, делалось это просто от

души, восторженной, чистой души доброго человека. А как нам помогали эти похвалы! Какими сильными мы после них себя чувствовали! Сильными и, ей-ей, умными, хотя и не были еще таковыми. Чиста и благородна его жизнь...»

Умер Абрам Давидович внезапно, будучи в командировке, в июне 1951 года. В числе других был некролог и в «Литгазете», который подписали А. Сурков, А. Чаковский, Б. Горбатов, Б. Полевой, М. Светлов, А. Бек, С. Смирнов и другие известные писатели.

Про внука Абрама Давидовича и сына старшего Аграновского, Анатолия, можно сказать, что они — творческое продолжение деда. Алексея Аграновского можно представить так: доктор биологических наук, профессор МГУ, авторитет в вирусологии (можно сказать: пошел по стопам деда). Но и это еще не все: его творческим пристрастием стала музыка и гитара. Алексей — признанный блюзмен, лидер группы «Черный хлеб». Он объясняется с людьми музыкальными вариациями слов и сам так объясняет, каково ему было расти в пишущей семье и не вырасти в писателя или журналиста.

В интервью Анне Кудрявской, вспоминая отца и деда, он применил выражение своего друга, исполнителя блюза и рок-н-ролла Валерия Гелюты: «У них каждое слово было в законе. Работая в самые глухие, застойные времена, отец не высказывал всего, что думал. В этой недосказанности был даже какой-то кайф, потому что умный и сдержанный читатель все равно это вычитывал. У моего папы так каждое слово было, и это для меня один из стандартов. А внимательные читатели есть всегда. Времена меняются не так сильно, как нам хочется и думается... Отец жил по принципу «Зачем говорить, когда можно не говорить». Такая его взвешенность объяснялась не существованием цензуры, а тем, что он был человек не нервный. Это очень важная проблема. Помните, как у Чехова: «Любого только что родившегося младенца следует

старательно омыть и крепко высечь со словами: «Не пиши!» Это гениально! Папа, на самом деле, очень хотел, чтобы я пошел по его стопам. У меня и дед, Абрам Аграновский, был талантливый журналистом. Он работал в «Правде», был совершенно партийный, в отличие от папы, но это абсолютно не важно. У деда Абрама были публикации тончайшего юмора, но при этом он оставался человеком идейным. И папа хотел, чтобы, как это бывает в крупных корпорациях, я стал Аграновским III. Но мне этого не хотелось.

Семейная история Аграновских убеждает: если есть в ней сильное творческое начало, оно непременно передается по наследству...

*(по материалам Википедии,
Красноярского «Мемориала» и Интернета)*

Валерий Аграновский:

«ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ “ЖДИ МЕНЯ”»

История, которая будет сейчас вам рассказана, имеет прямое отношение к известному стихотворению Константина Михайловича Симонова, берет свое начало в Колымских лагерях зимой 1939 года, а завершается весной 1981 года уже в Москве при моем, можно сказать, косвенном участии.

Но все по порядку, и коли так, то сначала о молодом в те давние годы журналисте Залмане Афроимовиче Румере, главном герое моих «вариаций». Он попал на Колыму с должности заведомом рабочей молодежи и члена редколлегии «Комсомольской правды», причем, что называется, прямо от тоста за новогодним праздничным столом.

Проходил Румер по делу Косарева, тогдашнего генерального секретаря ЦК ВЛКСМ, и был арестован «по личному указанию врага народа Берия», как не без гордости написал в автобиографии Залман Афроимович, вернувшись в Москву в эпоху «всеобщего реабилитанства». Я собственными глазами прочитал эту строку из автобиографии, не поленившись съездить недавно в «Литературную газету», в которой до последнего своего дня работал Румер, чтобы взглянуть на его «личное дело»; впрочем, я всего лишь проверял себя, поскольку всю историю Залмана Афроимовича и без того знал, имея счастье полных два года, начиная с 1960-го, работать с ним вместе в «Экономической газете» и часто слушать неторопливые и всегда обстоятельные рассказы старшего коллеги.

Так как я уже помянул тост за праздничным новогодним столом, доскажу подробности: арестовали Залмана Румера поздно вечером 31 декабря 1938 года. Он был дежурным редактором новогоднего номера

«Комсомолки», весь день провел в редакции, а когда последняя полоса была им подписана, соорудил с бригадой в редакторском кабинете «закусон». Они успели выпить за Новый год, подняли второй тост, как и положено, за товарища Сталина, тут и вошли двое: «Извините, вы Румер?» Залман Афроимович сразу все понял по их физиономиям (нам он рассказывал, употребив другое слово: «рожам»), но спокойно велел им подождать в приемной, «уж позвольте допить за Иосифа Виссарионовича». Они вышли. Позволили. Румер махнул стопку и, не закусив, пошел в сопровождении двоих по коридору. Кто-то из дежурной бригады догнал их уже у лифта, сунулся было с вопросом к Румеру, но он сказал: «Потом, старичок, завтра приду на работу, поговорим». Пришел он, как вы догадываетесь, ровно через семнадцать лет.

Что еще надо сказать о Залмане Румере, прежде чем двинуться дальше? Когда мы виделись с ним последний раз на этом свете, он неважно себя чувствовал, тер рукой сердце, был мрачен, но, не меняя мрачного вида, оптимистично сказал: ничего, старик, прорвемся, тем более что помирать мне нельзя. Я заметил, что всем нельзя, он, однако, мне возразил, сказав, что ему особенно: «Представь, идет редколлегия «Литературки», и вдруг кто-то входит: товарищи, только что позвонили: Румер умер! И все смеются, такой, понимаешь, эффект. Можно ли мне помирать?» Говорил он, как всегда, негромко, спокойно и без капли юмора: «Смешнее некуда». Залман Афроимович почти не ошибся: 20 июня 1981 года кто-то приоткрыл дверь в кабинет Чаковского, где шла редколлегия...

Теперь я мог бы сразу приступить к истории, случившейся с моим героем на Колыме зимой 1939 года, но, заботясь о драматургии повествования, прошу вас, читатель, перенестись со мной в год 1977-й. Центральный Дом литераторов: писатели встречаются с работниками Норильского металлургического комбината. Мероприятие, как мне сказали, казенно

планировали провести в Малом зале, но народа почему-то оказалось так много, что пришлось на ходу перебираться в Большой. Делегация норильчан под звуки марша построилась на сцене: человек тридцать молодых рабочих в одинаковых синих с погончиками блузах, в красных лентах через левое плечо к правому бедру, как у победителей эстафетного пробега по Садовому кольцу. Все на зависть красивые: девушки — полногрудые, мальчишки — с осиными талиями и в коротких «комсомольских» стрижках, на них любо-дорого было смотреть, зал с упоением аплодировал. Потом полилась через репродукторы слегка смикшированная «Мой адрес не дом и не улица, мой адрес...» в исполнении Кобзона, а молодые рабочие при помощи мелодекламации, как пионеры на взрослых форумах, отрапортовали писателям об успехах родного комбината: зарифмованные в стихах тонны, проценты плана, рекордные добычи и количество новорожденных на каждую тысячу жителей заполярного Норильска.

Вел вечер Константин Михайлович Симонов, ему помогал Евгений Иванович Рябчиков, которого я хорошо знал, как и то, что ему пришлось в свое время отдать несколько лет жизни северным лагерям. Они сидели на сцене за отдельным столиком, на котором стоял микрофон, бутылка минеральной воды и пара фужеров. Симонов по-домашнему снял пиджак и бросил на спинку стула. Черный свитер с высоким горлом, помню, делал всю его фигуру молодой и задорной.

Вечер тем временем формально и скучно катился к своему завершению, все ждали концерта «мастеров искусств», как вдруг слово попросил Давид Кугультинов. Симонов жестом пригласил его к микрофону, поэт быстрыми шагами поднялся на сцену: пышная шапка волос, словно сильным порывом ветра, была сдвинута немного вверх и назад, так что всему облику знаменитого калмыка как бы придавалось летящее вперед состояние. Я видел иногда в ЦДЛ Давида Ку-

гультинова, мне попадались в журналах переводы его стихов, богатых метафорами и всевозможными иносказаниями, но даже предположить, о чем он может говорить на встрече с работниками Норильского металлургического комбината, я, конечно, не мог, но с первых же его слов занервничал, да и весь зал насторожился, я уж не говорю о норильских руководителях.

— Друзья мои, — сказал Кугультинов, — я не хотел бы портить вашего праздничного настроения, но не могу не вспомнить людей, на костях которых стоит Норильск!

«МОЙ АДРЕС НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА» ТУТ ЖЕ УБРАЛИ

Кугультинов ни слова не сказал о трудовых героических буднях нынешнего Норильска, а вспомнил о том, как молодым человеком написал письмо Сталину в защиту своего маленького народа, «друга степей», обвиненного в тотальной измене Родине и высланного с собственной земли, после чего и оказался в Норильске на долгий десяток лет «покорять вечную мерзлоту». Боюсь напутать слова из стихотворения поэта и запятые не так расставить, хотя, конечно, мог бы взять с полки сборник Кугультинова, переписать правильно, а не цитировать строки по памяти, но, согласитесь, у слов, выверенных благодарной памятью, а не холодными глазами, другой вкус: «Я счастлив тем, что даже в годы горя не поступался правдою своей (...), ни денег я не приобрел, ни славы, но высшею наградой дорожил, и рад, что в многотрудной жизни на эти строки право заслужил».

Стоит добавить, что поэт, сидя в зале, выступать, по-видимому, не собирался, он молчал, как многие из нас молчали (чтобы не сказать: помалкивали), хотя даже мне было о чем рассказать в этот вечер людям, вспомнив собственного отца, отдавшего дань Норильску. Кугультинов, думаю, отправил запис-

ку Симонову, когда кто-то из молодых норильчан пожаловался на трудности покорения Севера: его бригада из четырех человек почти два года живет в одной комнате общежития (дом, правда, с паровым отоплением), но мечты о семье и детях приходится откладывать на неопределенный срок. Вот тут поэт и взял слово.

Говорил он сначала сдержанно, не распалая ни себя, ни зал. Он вспомнил время, когда его «бригада» из двухсот человек, причем отнюдь не добровольцев-комсомольцев, жила в бараке, в котором ни комнат отдельных не было, ни труб отопления, а только сплошным настилом нары в два этажа. На них вприкурку, согреваясь телами, лежал согнанный с разных концов страны «интернационал», не о семье мечтающий, не о продолжении рода и даже не о том, чтобы жить, а о том, чтобы выжить: по утрам люди не сразу поднимались с нар, а прежде помогали друг другу отодрать волосы, примерзшие за ночь к стенам барака. Я запомнил еще несколько поэтических строк из той горькой и неожиданной речи: «...иная даже верная жена писала отречение от мужа... и дети, рыдая, отрекались от отцов...»; запомнил я и такой печальный образ: признание поэта в том, что, работая над стихами, он «слезами рифму закреплял»; ну и, конечно, последние слова Кугультинова, произнесенные хоть с пафосом, но в трагической тональности: «Норильск, Норильск, скажи мне, почему ты все же дорог сердцу моему?»

Зал словно переменялся, в нем оказались совсем не те люди, которые были до выступления поэта. Во-первых, по возрасту: сразу бросилось в глаза обилие стариков, каждый из которых как бы охранялся или оберегался более молодыми людьми, чем-то друг на друга неуловимо похожими. Господи, сообразил я, да они же пришли со своими детьми и внуками! Во-вторых, по настроению: до речи Кугультинова и я избегал смотреть в глаза соседям, и они, я это чувствовал, уходили от моего взгляда, — мы все,

по-видимому, подозревали кого угодно, кроме себя, в намерении бездумно провести вечер, как и было написано в пригласительных билетах «в кругу друзей», а теперь стало ясно, что здесь собрался «круг товарищей по несчастью», которому ни мастера искусств не нужны, ни легкое времяпрепровождение, — и, стало быть, можно смело узнавать друг друга, можно открыть глаза. Кугультинов вернулся в зал, а горечь и ностальгия потянули на сцену стариков, чтобы вспомнить непарадный Норильск, живых и погибших товарищей, да еще в присутствии своих родственников.

И вот уже посыпались-замелькали с трибуны известные или малоизвестные стране имена бывших норильчан: Саня Мильчаков, Лизонька Драбкина, Алеша Гарри, Благой Попов, Машенька Нанейшвили, Жорка Жженов, Лева Гумилев... Я видел, как Евгений Иванович Рябчиков потянулся к Симонову, что-то шепнул ему с озабоченным выражением на лице (что еще мог шепнуть, кроме как: «Костя, дело пошло не туда, нас не погладят по головке?»), а Симонов в ответ только поднял плечи всего лишь: мол, а что тут можно поделать?! В этот момент кто-то из стариков вспомнил с трибуны кладбище на окраине Норильска, сказав: «У нулевого пикета...» (его, между прочим, зал сразу понял: «Людэвэ, людэвэ!» — раздалось с разных сторон), и оратор повторил: «Правильно, я говорю о людэвэ», — и показал носовой платок всему залу, на котором вышитыми крестиками были помечены места захоронений его товарищей по нескольким баракам второго лаготделения, а потом поднял над головой этот платок с планом кладбища, названного по имени сторожакитайца, как единственный памятник погибшим, если не считать кровоточащей памяти.

Я прекрасно понимал Симонова: как остановить оратора, как показать старику, куда надо поворачивать это горькое пиршество воспоминаний? Дождавшись паузы, Константин Михайлович что-то шепнул

Рябчикову, наверное: «Женя, объяви меня». Тот немедленно объявил. Не помню точно, с чего начал Симонов, но сказал он примерно следующее: до войны ему пришлось написать стихи, посвященные другу, сидящему в ту пору в Норильске, но, по понятным причинам, опубликовать их удалось несколько позже, в начале войны, и, если зал не возражает, Симонов готов их сейчас прочитать. Поднявшись из-за стола, Константин Михайлович не встал на трибуну, а сделал по сцене два-три шага к зрителям, остановился у самого края сцены и в полной тишине, без микрофона, грассируя, начал:

— Жди меня, и я вернусь, только очень жди...

На третьей строке зал вдруг поднялся. Мы стоя выслушали известные каждому из нас стихи, вдруг приобретшие совершенно иное, я бы даже сказал — оглушительное звучание.

Сейчас я полностью процитирую стихотворение, а вы, читатель, если сочтете, конечно, это возможным, еще раз вчитайтесь в его смысл, чтобы убедиться: ничего в них нет о войне, а есть о сосланном в Норильск товарище Симонова. Только одна строка может вызвать у вас сомнение, как вызвала и у меня, в которой говорится об «огне» («как среди огня, ожиданием своим ты спасла меня»), но сомнение отодвинется, если вы сочтете за этот «огонь» не пушечные залпы, а, положим, огонь мартенов Норильского металлургического комбината, возле которого был тот, кого и следовало «спасать».

Итак, вот эти знаменитые стихи, в которых я шрифтом выделю совсем уж «норильские» строки, а затем продолжу рассказ обо всей этой невероятной истории, решающую роль в которой призван сыграть (надеюсь, еще не забытый вами) Залман Афроимович Румер:

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,*

*Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня.
Выпьют горькое вино
На помин души.
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — повезло —
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

Аплодисментов не было. Ни одного хлопка. Молча стояли. Минуту. Вторую. Может быть, три. Потом Константин Михайлович смущенно сказал: «Прошу садиться». Как говорят после того, когда поминают вставанием. Старики кулаками смахивали слезы с покрасневших глаз. Зал осторожно сел на свои места.

Зал думал. Согласитесь, странно прозвучали со сцены ЦДЛ в исполнении Симонова — идеально к месту! — эти совершенно не военные стихи: ни фашистов в них нет, ни врагов, которые «сожгли родную хату», ни самолетов, ни противотанковых орудий, ни солдат, ни политработников, ни «коммунистов, которые вперед!», ни окопов, ни выстрелов, ни «смерти, до которой четыре шага», ни Родины, истоптанной оккупантами, ни «пяди, которую не отдадим без боя», ни пролитой крови своей и чужой, ни прочей атрибутики типичных военных стихов, тем более той грозной и призывающей поры, когда они официально были напечатаны в «Правде».

С другой стороны, если «Жди меня» действительно были связаны с политзаключенным другом Симонова, сидевшим в Норильске, какими им следовало быть, чтобы иметь шанс на публикацию? Откровенно признаться, как и весь зал, я был в смятении.

Но это еще далеко не конец истории. Случилось так, что какое-то время спустя, когда Симонова уже не стало, я оказался в одном доме за общим столом с милейшей и прелестнейшей Евгенией Самойловной Ласкиной, бывшей женой Константина Михайловича, матерью его сына Алексея, талантливого и ныне известного кинорежиссера. За столом я рассказал «в лицах» потрясшую меня историю, происшедшую в ЦДЛ, хотя, как я понял, отзвуки ее Евгения Самойловна уже слышала. Тем не менее она позволила мне высказаться, а потом сказала: увы, все было со стихами «Жди меня» не так.

Уже шла война, год был сорок первый, мы с маленьким Алешей находились в эвакуации, и вот однажды в Москву с фронта приехал на несколько суток Константин Михайлович. Впрочем, продолжила Евгения Самойловна, вы могли бы взять его дневники за тот год, опубликованные в первом томе «Разных дней войны», и сами прочитать, как за то короткое время Симонов написал, по его выражению, «за один

присест» не только «Жди меня», но и «Не сердитесь, к лучшему...», и «Майор привез мальчишку на лафете». Ночевал он на даче у Льва Кассиля в Переделкино, утром никуда не уехал, весь день работал, так и родились «Жди меня». В дневнике даже есть объяснение того, почему в тот жаркий июльский день появилась строка «жди, когда снега метут»: это было написано, как сказано у Константина Михайловича, не для рифмы, она, наверное, могла бы найтись и другая, а потому, что уже тогда война представлялась ему долгой. Через какое-то время «Жди меня» были опубликованы в «Правде». «Предполагать, — закончила Евгения Самойловна, — что, поддавшись общему настроению и не желая быть ему в диссонанс, Симонов на вечере в Доме литераторов слегка мистифицировал историю написания «Жди меня», я, как вы понимаете, не могу, даже если все и было так, как вы, Валечка, нам рассказали», — закончила Евгения Самойловна.

В ПОДОБНЫХ СЛУЧАЯХ СЛЕДУЕТ РЕМАРКА: НЕМАЯ СЦЕНА

Я не знал, что и подумать, если бы история на том закончилась и если бы жизнь не была такой непредсказуемой, какой она является на самом деле. Вот и пришла нам с вами, читатель, пора возвращаться к Залману Афроимовичу Румеру, с которого я начал эти воспоминания. Прошло еще какое-то время, и случилось так, что я зашел по делам в «Литературку» и, конечно, нос к носу столкнулся на втором (или четвертом?) этаже, где как раз располагался (в старом здании на Цветном бульваре) отдел писем газеты с его заведующим Залманом Афроимовичем. Увидев меня, он мрачно произнес: «Зайди ко мне, вот ключ от кабинета, я только на минутку к Чаку». Ну что ж, зашел, сел в кресло, закурил и подумал, что надо бы выяснить, наконец, у Румера давно обещан-

ные им подробности о том, как выносили Сталина из Мавзолея.

Дело в том, что еще в начале шестидесятых годов, когда мы вместе работали в «Экономической газете», Залман Афроимович от кого-то узнал примерные дни (они держались, конечно, в глубокой тайне от общественности), когда Сталина «вынесут на мороз» (по выражению Румера), и стал дежурить на Красной площади по ночам, не желая пропустить этот момент торжества справедливости и, представьте себе, не пропустил. Пришел утром (кажется, в октябре шестьдесят первого года) в редакцию усталый, но довольный, сказал только одно слово: «вынесли», а подробности обещал «потом», вот так и полетели годы, мы и виделись редко, да я и спрашивать перестал.

Скоро Румер возник на пороге своего кабинета, взял у меня сигарету (своих он никогда не носил, все надеясь бросить курить), затянулся и, как всегда, спокойным и деловым тоном сказал: «Ты, говорят, был в ЦДЛ, когда Симонов выступил перед норильскими? Расскажи мне подробности». Я коротко рассказал, а заодно уж и о том, какой была реакция на мою историю Евгении Самойловны, но вот что услышал в ответ от Румера, а уж вы, читатель, выводы делайте сами.

В декабре 1939 года, находясь в Колымских лагерях, Залман Афроимович попал в переделку, едва не стоившую ему жизни. Кто-то из товарищей по бараку показал ему листочек со стихами, написанными от руки и под названием, как вы уже догадываетесь, «Жди меня», причем неизвестного автора. Румеру стихи понравились искренностью, он взял листочек себе, а через сутки или двое стукнули, как и положено в таких случаях, «куму» (спецоперу). Тот вызвал к себе Румера: чьи стихи, как появились в зоне, кто передал, кому сам показывал — полный допрос с составлением протокола. То, что стихи «лагерные»,

что посвящены именно политическим, а не каким-нибудь бытовикам или уголовникам, ни у «кума», ни у Залмана Афроимовича сомнений не было, да и быть не могло.

Прикинув, что ему шьется новое дело, и оно может стать групповым (если в нем замешаны хотя бы два человека), Румер, избегая большей беды, решил «признаться»: никто мне листочек не давал, я тоже никому не показывал, а стихи написал, извините, гражданин начальник, — я! «Кум» признанием удовлетворился, экспертиз проводить не стал, признание и без того царица доказательств (а тут и вовсе похоже: все они, бывшие журналисты, и на воле стихами баловались, кто ж того не знает!), быстро оформил дисциплинарное дело на Румера и тут же закрыл его пятнадцатую сутками шизо (штрафного изолятора).

Прошло после этого эпизода года два, уже шла война, «кум» перебрался подальше от фронта в начальники лаготделения и вдруг однажды вызывает к себе Румера, показывает ему какую-то центральную газету: что же ты, так твою так, чужое присваиваешь, это ж стихи товарища Симонова, и называются так же! И еще пять суток не пожалел для Румера с кружкой кипятка и пайкой липкого серого хлеба в день.

Вернувшись после реабилитации в Москву и встретив как-то Симонова в редакции, Залман Афроимович специально познакомился с ним, чтобы сказать, как он это всегда делал, совершенно серьезно и даже без намека на шутку: «Нехорошо, Константин Михайлович, присваивать чужие стихи.» — «В каком смысле?» — «Так ведь ваши «Жди меня» я написал!» И выложил всю колымскую историю. Я, конечно, спросил, какова была реакция Симонова. «Нормальная была реакция, — ответил Румер, — пошли тут на угол в «Нарву», я поставил Косте сто пятьдесят, а он — мне. Соавторы! Ну, еще на «ты» выпили, на брудершафт. Так что, Валерий, он правду сказал в ЦДЛ: до войны писались стихи».

Что скажете, дорогой читатель? Как оцените произошедшее, со всеми подробностями мною вам рассказанное? Мне же лично еще надо избавиться, чтобы сделать какие-то выводы, от некоторых сомнений, чем я сейчас и займусь прямо на ваших глазах. Замечу только, что, если бы я был биографом Константина Михайловича или просто литературоведом, вопрос бы решился для меня просто и бесповоротно. А так...

СОМНЕНИЕ ПЕРВОЕ

Действительно ли так прямо и сказал Симонов со сцены Дома литераторов, что стихи «Жди меня» были написаны им до войны и связаны с судьбой товарища, сидевшего в Норильске, или это мне показалось? То, что я не один сидел в зале, что все мы, потрясенные, поднялись и стоя слушали стихотворение Константина Михайловича, еще ни о чем не говорит: «показаться» могло и всему залу, такие случаи бывают и даже не редки.

СОМНЕНИЕ ВТОРОЕ

Действительно ли стихи эти были написаны на даче в Переделкино уже во время войны, как и сказала мне об этом Евгения Самойловна Ласкина, сославшись на дневники Симонова? Впрочем, вы сами можете раскрыть на странице 241 первый том «Разных дней войны» и убедиться, что Евгения Самойловна скрупулезно точна, не говоря уже о том, что официальная библиография относит написание этих стихов именно ко времени их первой публикации. Более того, в сборнике «Константин Симонов в воспоминаниях современников» Борис Савельевич Ласкин пишет (это я прочитал уже после разговора с Евгенией Самойловной и по ее совету): «Летом 1979 года, узнав, что я с семьей живу на даче в Переделкино, уточнив ее адрес, Симонов как бы между прочим

спросил: «Не в этом ли доме во время войны и потом жил Лев Кассиль?» Когда я подтвердил это, Симонов надолго задумался и сказал: «В таком случае, мой мальчик, могу тебе кое-что сообщить. Осенью тысяча девятьсот сорок первого года приехал я с фронта на короткое время, и так случилось, что целые сутки провел в Переделкино на даче у Кассиля. И вот как раз тогда, именно там, где ты сейчас живешь и работаешь, я написал стихотворение «Жди меня»».

Это цитата из воспоминаний Ласкина, к которой я хотел бы добавить только то, что разговор Бориса Ласкина с Симоновым состоялся после описанного мною вечера в ЦДЛ! Спрашивается: если Константин Михайлович сказал правду со сцены Дома литераторов, зачем ему понадобилось мистифицировать Ласкина? Если же правда была сказана Ласкину и она же изложена в дневниках, какой был смысл Симонову вводить в заблуждение множество людей, с болезненной чуткостью внимающих каждому слову, произнесенному Константином Михайловичем в тот вечер со сцены?

СОМНЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Действительно ли произошла на Колыме история, рассказанная мне (и, как потом выяснилось, не только мне) Залманом Афроимовичем, и при этом я (и все остальные его слушатели) не ослышались, а он не оговорился, что именно зимой 1939 года, а не зимой 1941 года? Впрочем, даже если Румер ошибся (или мы его не так поняли), и «Жди меня» на самом деле были написаны не до, а во время войны и тогда стали гулять в списках по лагерям редким для того времени «самиздатом», то все же трудно понять, зачем надо было Константину Михайловичу объявлять всему залу, что посвящены эти стихи, оказывается, вовсе не Валентине Серовой, а другу, сидящему в Норильских лагерях, хотя, с другой стороны, заявление

Симонова очень уж совпадает с воспоминаниями Залмана Румера? Не знаю, читатель, как вы, а я просто теряюсь.

Вот уж воистину прав Алеша, сын Константина Михайловича Симонова, написавший однажды, что все мы выросли во времена, одним из принципов которых было: когда создаются легенды, факты молчат. Я бы только поправил Алексея: когда факты умалчиваются, тогда-то и создаются легенды...

И пожалуй, самое последнее и главное, о чем необходимо сказать: как бы там ни было, до войны ли написал Симонов «Жди меня» или в жарком июле 1941 года, сама возможность естественного и правдивого «наложения» военных стихов на лагерные (или, если угодно, лагерных на военные) несет в себе так много красноречивого содержания, что, право, нет никакого резона и удовольствия докапываться до историко-библиографической истины, особенно, когда ее можно найти в самой жизни. На том и поставлю точку.

*Петр Яковлевич Ярутин.
Норильск, 1956 г.*

Ярутины:

*История семьи в документах,
письмах и воспоминаниях...*

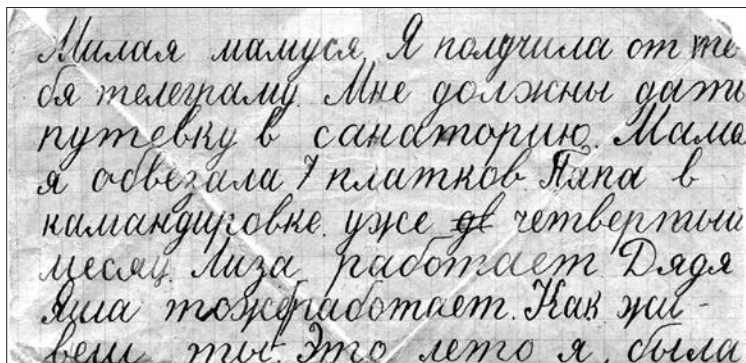
Ярутины, 1954 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

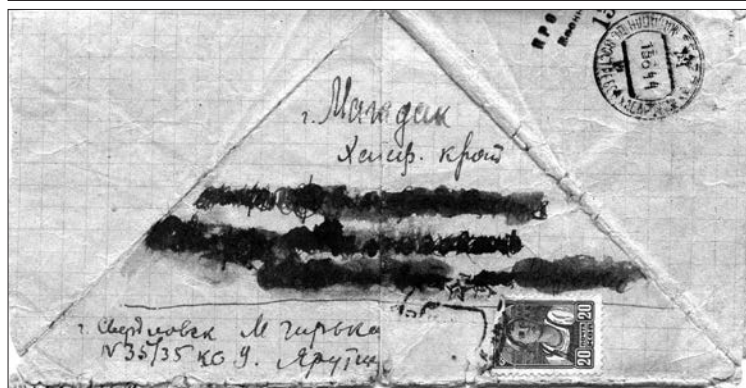
Похожих историй, какая случилась в семье Ярутиных в 1937 году, было очень и очень много. Когда арестовали Петра Ярутина, следователь как бы между прочим «подсказал» его жене: «А вы бы срочно уехали куда-нибудь из Свердловска...» На что Вера Петровна ответила наивно и удивленно: «Зачем?». Следователь намекнул, что и ее могут арестовать... Вера Петровна не поверила, пока и за ней не пришли... Она-то надеялась, что в деле мужа скоро разберутся, и он вернется домой...

Петр Ярутин долго не знал, что жена его тоже арестована, что по этапу ее тоже доставили в пересыльный лагерь, а потом на Дальний Восток... А она, зная об его аресте, не могла и подумать, что муж находится на Крайнем Севере — в Норильлаге... Самой ей удалось послать родной сестре Анне Петровне из Томской пересыльной тюрьмы всего одно письмо. С него вы и начнете читать семейную переписку Ярутиных.

Представьте девочку, которая старательно пишет по прописям такое письмо: «Милая мамуся! Я получила от тебя телеграмму. Мне должны дать

у бабушки. А у тети Маши
я редко бываю, потому что
маме некогда. Папа в Москве
Папа в Кафани. А мы с ма-
мой дома. Скоро уеду.
Я очень скучаю о тебе.
Привет от мамы, от Лизы, от
дяди Яши. Целую крепко-крепко
твоя дочь Кама.

путевку в санаторию. Мама, я обвязала 7 платков. Папа в командировке уже 4-й месяц. Это лето я была у бабушки, а у тети Маши я редко бываю, потому что маме некогда. Папа в Кафани, а мы с мамой дома. Привет от мамы, от Лизы, от дяди Яши. Целую тебя крепко-крепко, твоя дочь Кама».

Сегодня мало кто поймет суть этого письма и не потому, что оно очень короткое и что-то перепутал ребенок... Адресовано оно маме и рассказывает она почему-то тоже о маме. Не странно ли это?

Объясняется все очень просто, если перевернуть пожелтевшую тетрадную страницу. На ней почтовая печать, на которой крупно «просмотрено» и мельче «военная цензура 13390». Листок пожелтел и был свернут в почтовый треугольник. На одной стороне его адрес с маркой, а на другой печать цензуры. Листочек так часто перечитывали, что края его искрошились, и сам он почти истлел, хотя его хранят долгие годы в сложенном листке с надписью «Первое письмо Камы в лагерь к маме и мамин ответ на него (1944 год)».

Вот еще одна семейная реликвия, которую тоже завернули в листок бумаги. Это маленькая фотография

Кама такого размера, какой делают для документов. Подпись гласит: «Кама в тюбетейке». Вообще тюбетейка не очень заметна. Главное здесь в том, что ее связала для дочки мама в томском лагере. Тогда женщины распускали все трикотажное и вязали тюбетейки своим детям, пока кто-то не донес, что рисунки-то их на свастику похожи... Несколько женщин увели после этого «за ворота», что не означало для них ничего хорошего.

Очень печальна история семьи Ярутиных, хотя начиналась она счастливо. Вот фотография супругов: они отправились в свадебное путешествие по Крыму. Арест Петра Яковлевича на долгие годы разрушил семейное счастье семьи... Они расстались с дочерью, когда ей было 3 года, а встретились через 10 лет в Норильске.

Петр Яковлевич долго не знал, что жену после его ареста тоже увезли в тюрьму, а она не знала, где он. Их «связными» стали родная сестра Веры Анна и ее муж Николай Брюханов. Они на 10 лет заменили Каме родителей, через них удалось наладить и переписку Петра Яковлевича и Веры Петровны. Это случилось только тогда, когда ему пришла первая весточка из магаданского лагеря от Веры. А ответ мужа она получила в январе 1942 года: ей не сразу разрешили получать письма. Только через

Счастливые супруги Ярутины сфотографировались на память в Крыму. Это было их свадебное путешествие, 1930 г.

несколько месяцев ей отдали читать письма мужа, и она стала читать их одно за другим в один день...

РАССКАЗЫВАЮТ ДОКУМЕНТЫ

Всем известно, каким языком говорят документы: казенным. Он краток и, как правило, лишен подробностей и эмоций. Как ни странно, именно по этой причине официальный язык бывает очень красноречив. Убедительным доказательством могут стать документы Петра Яковлевича Ярутина.

(Из журнала «Архивы Урала» № 9–10, 2006 г. Ежегодный научно-популярный журнал, издается с 1995 года.)

Справка на арест Ярутина П.Я.

25 марта 1937 г.

Ярутин Петр Яковлевич,
1895 года рождения,
уроженец д. Соколовой
Баженовского района
Свердловской области,
из крестьян, служащий,
образование высшее, русский,
гр-нин СССР, не судившийся.
Член ВКП(б) с 1918 г.
Доцент Свердловского
горного института
бывший директор института).
Проживает: [...]

...Ярутин П.Я. с 1932 года является активным участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, существовавшей на Урале и по к-р деятельности входил в к-р группу, возглавляемую Стригановым, Дьяковым и Головиным.

Принадлежность Ярутина П.Я. к к-р организации подтверждена показаниями арестованных: [...].

Показание [...] от 3 февраля 1937 года:

«Стригановым и мною ...из числа активных участников троцкистской организации были выдвинуты: ...Ярутин П.Я. – директор горного института».

Показание [...] от 2 января 1937 года:

«Среди внештатных работников отдела кадров Обкома ВКП(б) были участники нашей организации: Ярутин – б. директор горного института... они занимались, главным образом, следственной работой в различных хозяйственных организациях и учреждениях. Кроме того, они, являясь директорами ВТУЗОВ и ВУЗОВ, вели подпольную троцкистскую работу среди студенчества и молодежи».

Показание [...] от 19 февраля 1937 года:

«Ярутина считаю скрытым троцкистом на основании моих личных разговоров с ним... С Ярутиным Петром Яковлевичем я встретился в конце 1933 году в г. Москве... в ресторане «Савой». Ярутин и раньше знал, что я троцкист и исключался за это из партии, но... я ему подробно рассказал, что я связан с Мрачковским С.В., с ним работал на БАМе и что я остаюсь на троцкистских позициях. Здесь же я Ярутина информировал о том, что мы, троцкисты, стоим теперь за более решительные методы борьбы и что в повестке дня борьбы стоит вопрос снятия Сталинского руководства в партии, во что бы то ни стало, хотя бы насильственным путем. Ярутин на это мне заявил, что ему мои убеждения не мешают и вновь настаивает на своем предложении поехать работать к нему на должность пом. директора...

В дальнейшем разговоре я его спросил, как он сам политически настроен? Получил ответ: «Приедешь в Свердловск, там ближе узнаем друг друга»...

Через Красносельского Ярутин тесно связался с Стригановым, о чем он мне сам говорил. Кроме того, Ярутин был связан ... с известным уральским троцкистом Степановым, это я так же знал с его слов (Ярутина)».

Ярутин подлежит аресту и привлечению к уголовной ответственности 58-10 ч.1 УК и 58-11 УК РСФСР.

Подписи

Приговор по делу Ярутина П.Я.

5 августа 1937 г.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР ...в закрытом судебном заседании, в городе Свердловске 5 августа 1937 года, рассмотрела дело по обвинению:

Ярутина Петра Яковлевича, 1895 г.р., служащего, в преступлениях предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено виновность Ярутина в том, что он с 1933 г. являлся участником к.-р. троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1-го декабря 1934 года злодейское убийство т. С.М. Кирова, по заданию организации в 1933-1936 гг. среди студентов Свердловского Горного института проводил к.-р. троцкистскую пропаганду и в своей антисоветской деятельности был организационно связан с троцкистами Бобылевым, Дьяковым и Головиным, т.е. в совершении преступлений предусмотренных ст.ст. 17-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного суда СССР приговорила Ярутина Петра Яковлевича к тюремному заключению сроком на десять лет с поражением в политических правах на пять лет с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества.

В срок наказания осужденному зачесть предварительное заключение с 19/IV-1937 г.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Подписи

Анкета к ходатайству о досрочном освобождении или сокращении срока наказания заклученного Ярутина П.Я.

1944 г.

Фамилия, имя и отчество: Ярутин Петр
Яковлевич.

Возраст: 1895 г., русский.

Соцпроисхождение: из крестьян-бедняков.

Занятие в момент совершения преступления:
доцент кафедры обогащения полезных иско-
паемых.

...Подробная характеристика начальника Управ-
ления лагеря и начальника Политотдела (или
нач. ОИТК) о выполнении производственных норм
выработки и поведении:

Работает в центральной лаборатории руко-
водителем углеобогатительной группы, разрабо-
тал схему обогащения норильских углей, а за-
тем под его руководством выполнено проектное
задание у обогатительной фабрики. При прове-
дении исследовательских работ он проявил себя
как очень инициативный инженер. Им предложен
процесс обогащения угля в суспензии хвоси-
тов флотации. Проведенные опыты подтвердили
большую эффективность этого процесса, дающего
возможность увеличить выход коксующегося угля
при гашении. На производстве и в быту дисци-
плинирован.

Нач. Норильского комбината
и исправ.-труд. лагеря НКВД СССР
полковник госбезопасности Панюков

Начальник Политотдела
Норильского комбината НКВД СССР
майор госбезопасности Козловский

Резолюция: «Считать возможным заключенному
Ярутину Петру Яковлевичу снизить срок наказа-
ния на шесть месяцев».

Начальник оперативного отдела
ГУЛАГАНКВД СССР полковник госбезопасности:
Нач. следственного отделения».

Производственная характеристика на заключенного Ярутина П.Я.

1944 г.

З/к Ярутин Петр Яковлевич работает в Норильском Комбинате с 1939 года в качестве горного инженера по обогащению полезных ископаемых. 2,5 года з/к Ярутин работал на угольной штольне по обрабатыванию и обогащению норильских углей, а также по улучшению качества каменных углей Норильска.

С сентября 1941 года по настоящее время з/к Ярутин работает в Научно-исследовательской обогатительной лаборатории комбината.

Первые два года он являлся руководителем углеобогатительной группы при НИОЛ, а последние два года старшим инженером и руководителем углеобогатительной лаборатории. За это время з/к Ярутин П.Я. выполнил целый ряд очень важных научно-исследовательских работ и налажено 12 ценных опытов, в этом числе по крупной работе: обогащение коксующихся углей 1-го пласта Норильского месторождения. Разработана техническая схема обогащения углей 1-го пласта Норильского месторождения и др.

З/к Ярутин П.Я. наряду с работой в лаборатории руководил проектом по проектированию углеобогатительной фабрики коксоуглинического завода комбината. Проект одобрен экспертизой и утвержден зам. наркомом НКВД.

В настоящее время з/к Ярутин П.Я. одновременно с работой в лаборатории читает курс «Дробление и грохочение» на обогатительном отделении Норильского горно-металлургического техникума.

За все это время з/к Ярутин П.Я. проявил себя исключительно добросовестным и инициативным инженером, особенно в последние годы Великой Отечественной войны.

За свою работу з/к Ярутин П.Я. неоднократно был премирован и по представлению начальника комбината получил снижение срока от особого совещания при НКВД СССР — на 6 месяцев.

Учитывая, что з/к Ярутину П.Я. срок отбывания в лагере оканчивается в октябре 1946 года — мы считаем, что з/к Ярутин П.Я. вполне заслуживает досрочного освобождения, о чем и ходатайствуем.

Начальник
Научно-исследовательской
обогачительной лаборатории
комбината

Бочарников

Директор Норильского
горно-металлургического техникума *Окулов*

Расписка Ярутина П.Я. в получении объявления о реабилитации по его делу

14 июля 1955 г.

Мне, Ярутину Петру Яковлевичу, проживающему в гор. Норильске Красноярского края, 14 июля 1955 года объявлено определение Военной коллегии Верховного суда СССР №04223/55 от «29» апреля 1955 года о реабилитации по моему делу.

14 июля 1955 года.

Ярутин

Справка контрольной комиссии Свердловской областной организации Коммунистической партии РСФСР об аресте, исключении из партии и реабилитации П.Я. Ярутина

9 апреля 1991 г.

Справка по делу т. Ярутина П.Я. (по материалам УКГВ по Свердловской области № 16/Я-365 от 13 февраля 1991 г.).

Из материалов архивного дела установлено, что т. Ярутин Петр Яковлевич, 1895 г.р., русский, образование высшее, член ВКП(б) с 1918 года, партийный билет №0949755, в момент привлечения к партийной ответственности работал доцентом кафедры обогащения полезных ископаемых Свердловского горного института.

КОМИТЕТ
государственной безопасности СССР
УПРАВЛЕНИЕ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

13 02.91. № 16/Я-365

г. Свердловск

СПРАВКА

Дело по обвинению ЯРУТИНА ПЕТРА

ЯКОВЛЕВИЧА, 1895 года рождения, ур. с. Соколово, Баженовского района, Свердловской области, до ареста - доцент кафедры Свердловского горного института, пересмотрено и приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 4 августа 1937 года и Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 2 декабря 1950 года отменено и прекращено за отсутствием состава преступления.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 апреля 1955 года Ярутин П. Я. реабилитирован.

Начальник подразделения

25. 1-88. г. Зак. 621.

Л.А. Плотиников

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ

Краснознаменного
Приамурско-Уральского
военного округа

с 27 марта 1991 г.

№ 164/562

443068, гор. Куйбышев-88
пр. Масленикова, 12

003506 * Дубликат

СПРАВКА

Дело по обвинению Ярутиной Веры Петровны, 1908 года рождения, пересмотрено военным трибуналом Уральского военного округа 24 января 1956 года.

Постановление от 27 сентября 1937 года в отношении Ярутиной В.П. отменено и дело прекращено.

Ярутина В.П. по данному делу реабилитирована.

Зам. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
ПРИАМУРСКО-УРАЛЬСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ИСТИЦИИ

В. НИКОЛАЕВ

Исп. вх. Я-20

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Управление архивами
Свердловской области
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
АРХИВНАЯ СПРАВКА

Коваленко Ками Петровне

20.12.94г. № 1063

620151 г. Екатеринбург
ул. Пушкина, 22

ЯРУТИН Петр Яковлевич, 1895 г.р., уроженец с. Соколово Баженовского (Октябрьского) района Свердловской области. Русский, член ВКП(б) с 1918г. - Образование высшее, директор Горного института г. Свердловск.

ЯРУТИН П.Я. был арестован органами НКВД 19 апреля 1937г. как активный участник контрреволюционной троцкистской организации (ст. 17; ст. 58-8-II УК РСФСР).

Состав семьи на момент ареста:

жена Ярутина Вера Петровна;
дочь Кама, 3 года.

Решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 5 августа 1937г. ЯРУТИН Петр Яковлевич был приговорен к 10 годам тюремного заключения с поранием в политических правах на 5 лет, с конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Наказание отбывал в Норильском НКВД.

За высокие производственные показатели и отличное поведение в быту постановлениями Особого совещания при НКВД СССР от 28 августа 1945г. и 10 июня 1946г. ЯРУТИНУ Петру Яковлевичу был снижен срок наказания на 9 месяцев. ЯРУТИН П.Я. был освобожден из заключения 15 августа 1946г.

Постановлением Особого совещания при МГБ СССР от 2 декабря 1950г. ЯРУТИН Петр Яковлевич был сослан на поселение в Красноярский край под надзор органов МГБ.

Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 29 апреля 1955г. приговор Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 5 августа 1937г. и Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 2 декабря 1950г. в отношении ЯРУТИНА Петра Яковлевича были отменены, производство по делу прекращено за отсутствием состава преступления.

По данному делу ЯРУТИН Петр Яковлевич полностью реабилитирован. Основание: ГЛАССО, б. 1, зач. 2 д. 29470.

зам. Директор архива

М.Н. Зотеева

Исп. вх. Л-21

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Управление архивами
Свердловской области
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ
АРХИВНАЯ СПРАВКА

г. Екатеринбург
Коваленко Кама Петровна

20.12.94г. ID62

6-0161 г. Екатеринбург
ул. Пушкина, 22

ЯРУТИНА Вера Петровна, 1908 г.р., уроженка г. Сысерти Свердловской области. Русская, беспартийная, образование - н/среднее. До ареста работала художником универмага "Пассаж".

ЯРУТИНА В.П. была арестована органами НКВД 28 августа 1937г. по обвинению в том, что знала о контрреволюционной деятельности своего мужа и не донесла органам советской власти (ст.58-8, II, 12 ст.17 УК РСФСР).

Состав семьи на момент ареста:

муж Ярутин Петр Яковлевич, арестован 19 апреля 1937г.,
дочь Кама, 3,5 года.

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27 сентября 1937г. ЯРУТИНА Вера Петровна была заключена в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет. Наказание отбывала в г.Магадане.

Определением № 164 Военного трибунала Уральского военного округа от 24 января 1956г. Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 27 августа 1937г. в отношении ЯРУТИНОЙ Веры Петровны было отменено, дело производством прекращено за отсутствием в её действиях состава преступления.

По настоящему делу ЯРУТИНА Вера Петровна полностью реабилитирована.

Основание: ГАОСО, ф.1 I оп.2 д.16700.

Директор архива

исп. Зякина 58-98-37

М.Н.Зотеева

Прокуратура РФ

**ПРОКУРАТУРА
Свердловской области**

620219, г. Екатеринбург,
ГСП-1036, ул. Московская, 21

СПРАВКА

Дана Коваленко Кати
Петровне 1933 года рождения в том,
что в 1937 году его(ей) отец, мать
Ярутин Петр Яковлевич

был(и)(а) необоснованно репрессирован(а)(и)
по политическим мотивам (ст. 58-8, 11 УК РСФСР
расстрелян(а)(и); умер(ла)(ли) в местах лишения

16.05.94 № 13/1562-94 свободы; находился(ась)(лись) в местах лишения
свободы, в связи с чем Коваленко К.П. остался(ась) в несовер-
шеннолетнем возрасте без попечения родителя(ей).

На основании ст. 2^I Закона РФ "О реабилитации жертв политических
репрессий" от 18 октября 1991 года является пострадавшим(ей) от полити-
ческих репрессий.

Генеральный помощник прокурора
Младший старший советник юстиции

В.А.Волков

Исключен из партии Ленинским райкомом ВКП(б) 23 мая 1937 г. как враг народа.

4 августа 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам ссылки. Обвинялся в том, что якобы являлся участником контрреволюционной троцкистской организации на Урале, разделял террористические намерения, вел агитацию в студенческой среде.

В уголовном порядке реабилитирован 29 апреля 1955 года.

После отбытия наказания продолжал работать в горном институте, умер в 1979 году.

Его жена Ярутина Вера Петровна в настоящее время проживает в г. Свердловске. [...]

В беседе с ней установлено, что Ярутин П.Я. восстановлен в партии в 1955 году, ему выдан новый партийный билет. Состоял на учете в парторганизации горного института.

По данным Ленинского райкома КПСС партбилет т. Ярутина П.Я. № 08371115 выслан в ЦК КПСС 25 апреля 1979 года (после его смерти).

Подпись

ПИСЬМА ИЗ ЛАГЕРЯ ДОМОЙ, ИЗ ЛАГЕРЯ — В ЛАГЕРЬ...

Это первое письмо Веры из заключения и единственное из Томской тюрьмы...

16.12.1937 г.

Здравствуйте, мои дорогие и родные. Я жива, здорова и сегодня у меня радостный день. 12 декабря разрешили написать родственникам письмо. Меня страшно беспокоит, как чувствует себя Кама, моя родная доченька. Как она плохо выглядела после болезни, поцелуйте ее от меня и скажите, что мама очень ждет от нее письма, где она обещала нарисовать кошечку и домика. Я не знаю, где живет Нюра, пусть она подробнее напишет о моей дочурке, а в следующем письме буду ждать фотографию. Как у нее аппетит? Много ли она гуляет? Ходит ли в садик? Как ее волосенки? Получила ли мою зарплату Аня по доверенности? Сообщите мне, все ли вы здоровы, как чувствуете себя? Папа, я рада, что повидала тебя, увидимся не скоро, жалею мою доченьку, не обижайте, будьте к ней внимательнее, сохраните мою Камочку, т.к. я живу мечтой встретиться с ней и с вами. Я имею право писать вам одно письмо в месяц, и вы мне тоже ответьте одним письмом. Один раз в 3 месяца разрешается посылка, денежную помощь в любой сумме, но выдавать на руки разрешается по 20 рублей. Относительно посылки: я хотела вас попросить, когда будет у вас возможность, послать мне полотна, хоть сурового, дорожку и др. вещи, ниток для вышивания, (...), т.к. я имею возможность заниматься вышиванием, вязанием — из старых, рваных рейтуз, фуфаяк вяжем новые фуфаячки. Из продуктов, если будет возможность, пошлите сала, хотя немного. С посылкой не торопитесь, а вот с письмом другое дело, буду высчитывать деньки, когда получу от вас весточку, я до весны буду в Тамске. Ну, пока, всего хорошего, целую Вас всех, а за меня еще поцелуйте мою Камочку.

Поздравляю Вас с наступающим Новым Годом, желаю быть здоровыми. Если будут деньги, переведите хотя бы 10 рублей, буду благодарна.

Мой адрес: город Пломск, Пломская тюрьма, спец-лагерь. Якутиной Вере Петровне. Ну, жду ответа. Папа, пожалуйста, береги свое здоровье, обо мне не беспокойтесь, берегите дочь.

*Якутина Вера Петровна.
Мое имя и отчество пишите полностью*

Петя — Вере в Свердловск... Он еще не знает, что ее тоже арестовали почти сразу после вынесения ему приговора...

07.01.1939 г.

Здравствуй, моя родная, любимая Верусинька! Прежде всего, спешу поздравить тебя с Новым годом и пожелать провести этот год весело и счастливо. Еще прошу поцеловать мою милую дочурочку Камусиньку и сказать ей, что папка очень и очень скучает по ней. Я заочно целую вас обеих крепко, крепко и желаю счастья. Еще кланяюсь папаше, я о нем ничего не знаю, женился ли он, и желаю ему счастливо провести Новый год. Еще кланяюсь твоей родной сестре, нареченной... Ане и ее супругу Николаю Тихоновичу, и сыну их Вове. Всем желаю счастья. Еще кланяюсь двоюродной сестрице Нинусе и желаю счастья, если еще не замужем, то желаю в новом году ей счастливо замужества. Еще кланяюсь моей родной сестрице Марии Яковлевне со всем ее семейством и желаю ей счастливой жизни. Я сообщал ей, что получил от нее один рубль в декадре и если сможет послать хотя бы сколько-нибудь в январе, то я буду благодарен. Я понимаю, что это ей трудно со своей семьей, но и тебе, наверное, нелегко выделять для меня денег.

Теперь о себе. Для меня 1 января было, как и 31 декадра 38 года: «День был как день обычный, серый» — эти слова поэта как нельзя лучше подходят. Прав-

да, я скрасил его. В ночь на 1 января не совсем хорошо спалось, и хотя я лег как обычно и как все в 10 часов, но, вероятно, до 1-2 часов ночи почти не спал, часов нет на руках, точно не могу установить время. Лежа с закрытыми глазами, продумывал вопрос уравнивания движущихся масс, например, шатунна дробилки БЛЕК. Правда, этот вопрос достаточно разработан, тем не менее, меня интересовал. А утром 1 января все продуманное записал в тетрадку. Пока что я пришел к заключению, что следует уравнивать (почти полностью) усилие, направленное в горизонтальной плоскости, тогда нагрузка на подшипники будет наименьшая. Правда, я должен сказать, что к этому вопросу думаю еще возвратиться, но это, вероятно, сделаю тогда, когда буду иметь пособия по математике и механике. Вот благодаря этому факту я буду помнить встречу 1939 года. Если бы не это обстоятельство, то встреча 1939 года выскользнула бы из памяти также быстро, как встреча 1938 года, которую абсолютно ничем не могу вызвать в памяти.

Давно я не писал тебе, все ждал от тебя, но сегодня решил написать о своей жизни. Живу все так же серо. Да можно ли, находясь в заключении, жить лучше? Если и скрашивается моя жизнь, то лишь тем, что порою продумываю какие-либо технические вопросы, вспоминаю нашу совместную жизнь и мечтаю о будущем. Да еще если не скрашивает, то поглощает время занятия английским языком и чтением литературы. Английский углубляю, прорабатываю на второй раз. Теперь мне кажется, что я как будто языком до заключения не занимался. Мне кажется, что преподавание его у нас было поставлено плохо. Кроме того, время поглощается чтением литературы, среди которой попадаются новинки издания 1938 года, как, например, «Хлеб» А. Толстого и др.

Новое в моей жизни — это то, что теперь глаза мои вооружены очками, а то последнее время я мог читать 1–2 часа в день, а остальное время не мог. Да и чтение

было с большим затруднением. Кроме того, в августе болел желудок и пайку хлеба в 700 грамм не сведал. Теперь с пайкой справляюсь, но за это время все жировые запасы иссякли. Ну, пока до свидания. Целую вас всех моих родных, а тебя и Камусиньку крепче всех и желаю получить хотя бы кратенького твоего письма.

Ваш супруг и папка Петър

Вера – сестре.

26.02.1940 г.

Дорогие родные мои, шлю Вам горячий привет с далекого севера. Ваша телеграмма очень быстро дошла до Магадана, за 3–4 дня, но получила я ее позднее. Затерялась квитанция ответа. Но независимо от той телеграммы я послала 20 февраля вам телеграмму и 50 рублей денег. Я же теперь работаю и, возможно, иногда буду посылать своей веселенькой дочурке. Милая Нюра, очень прошу тебя, пиши мне о Камочке все-все, но не в одном письме, а постепенно, как она развивается и вообще... За эти два с половиной года много что произошло в этой маленькой жизни. Родная моя, пришлите мне фотографии, как хочется взглянуть на мою крошечку. Напиши, какого она роста, изменился или нет цвет волос, в письмо положи хоть несколько волосиков. Нюра, любая весточка о вас мне дает силы и бодрость, и вы все стоите перед моими глазами. Ведь я так далеко от вас, одинокая, но все думы и мечты встретиться с вами. Очень прошу, берегите себя и Камульку, будьте здоровы. Я пока здорова, в настоящий момент работаю в игрушечном цехе. Если бы была возможность, я бы своей дочурке много-много игрушек сделала: мишку, кролика, матрешку смешную, ну, может быть, и сделаю когда-нибудь, лишь бы она была здорова. Сестреночка моя родная, о себе-то пиши мне, как вы живете? Где ты работаешь, как материально живете, работаешь или нет по своей специальности? Как Коля, Вова? Привет папе и Ксене. Как их здоровье, пусть

папа обо мне не беспокоится, а бережет свое здоровье. Внучка, наверное, любит его?

В июле 1938 года подавала заявление в Президиум Верховного Совета, но ответа до сих пор нет, . Еще буду писать, хочу, чтобы вернули меня к жизни и к труду, и к ребенку.

Любимая моя сестреночка, ужель я долго не увижу всех вас и родную доченьку? На самом деле в течение всего времени каждый день жду освобождения. Очень и очень тяжело, тоска, страдание по воле и по вас.

Любимая моя сестреночка, пиши мне часто, я получать могу хоть каждый день. Когда я была в Тлоске, я была ближе к вам, сейчас я так далеко и одно утешение для меня — это работа и надежда хоть что-нибудь получить от вас.

Климат здесь ничего. Зима, можно сказать, мягче, чем в Свердловске. Сегодня 25 февраля и снег под ногами совсем мягкий и черный. Аня, письма можешь писать еще и по адресу: ДБК, Магадан, женкомандировка местпрома. Да и телеграммы также быстрее получу в руки.

Как Яша с Тосей и ребятами? Они ведь большие выросли, Маричка, Теночка. Как Маня, Лиза? Они тоже могут мне писать. Горячий привет всем. Всех вас обнимаю, целую крепко-крепко.

Ваша Вера.
23.07 1940 г.

Дорогие мои родные, шлю вам привет из далекой Колымы. Сегодня 23 июля, а я от Вас не имею ни одного письма. Позапрошлый год 28 июля 1938 года я имела от Вас одно письмо, и вот в Магадан получила три телеграммы. Последняя телеграмма июльская, где я узнала, что Камуся на даче и здорова. Я так была счастлива, сестреночка родная, с письмами так трудно, хотя я их получу, может быть к осени, но ты все равно пиши мне, моя родная, мне так скучно, и шли мне телеграммы, особенно зимой. Имей в виду, несколько слов родных вливают бодрость и силы. Даже если я вижу вас во сне, то я так

сильно переживаю, что просыпаюсь, но скорее стараюсь заснуть и продолжить прежний сон, но это лишь сон. Любимая сестреночка, как часто я вспоминаю те дни, когда мы были все вместе. Прошу, берегите мою доченьку, очень-то не балуйте ее, чтоб она не была капризной. Нет, она такая же, наверное, осталась чудная девчулка. Когда это письмо придет, Камуся будет уже дома, опишите ее отдых, жду фотографий. Письма вообще-то уже поступают, и я каждый день мечтаю их получить.

Аня, я написала заявление в Президиум Верховного Совета в августе 1939 года и написала в мае 1940 года Верховному прокурору СССР и копию в Свердловскую областную прокуратуру. Если к тебе придет копия этого заявления, то ты, может справишься о пересмотре и сообщи о результатах, можно телеграммой. Я не знаю о судьбе моих вещей, облигациях и сберкнижке. Если ты не получила еще ничего, то опись осталась у тебя. Пожалуйста, напиши № сберкнижки и точную сумму облигаций. Я отсюда напишу доверенность, из Пломска я писала не один раз...

Опишу колымский климат. Зима — солнечная и легко переносится, а весна — мало солнца, много дождей и туманов. Сейчас лето, а на горах еще лежит кое-где снег, но июль держится теплый. Облака здесь часто спускаются совсем на землю и, вообще, здесь такое чувство, что ты живешь где-то в облаках, и когда такое давление, то сердечникам очень трудно, т.к. здесь еще 75% кислорода. Я ничего, этот климат переношу.

Как живет Коля? Привет ему большой от меня. Как папino здоровье? Поцелуй его за меня. Сестренки Маня, Лиза и ты, как чувствуете себя, так хочется узнать, как вы живете, не скрывайте от меня ничего. Интересно, как здоровье Маши, Пети? Как живет Вова? Ну мне все хочется знать, ведь за три года я пока получила два письма. А ведь жду-то я все время, и все время напряжены нервы. Я пока здорова, креплюсь надеждой встречи с вами, мои родные, а пока поддерживайте меня письмами. Моей Камушке будет скоро 8 лет, постараюсь к ее рождению прислать денег сколько смогу. Будьте все здоро-

вы, мои дорогие. Привет всем, Тосе, Яше и ребяткам. Целую, обнимаю вас крепко. Вера.

Какое неинтересное мое письмо, однообразное, как моя жизнь. На это письмо отвечай скорее. Хотя какое-то вы получили от меня письмо? Анечка, хотя немножечко, хотя пять волосиков пришли Камулькиных в письмо и сколько сантиметров она ростом. Целую тебя, а ты сейчас же Камусю поцелуй за меня.

Твоя Вера.

Адрес тот же:

Магадан, п.я. № 261/3, мне.
Привет всем родным и знакомым.

06.09.1940 г.

Родные Аня и Коля! И милая дорогая Камусинька! Сегодня для меня был особенно радостный день. Я получил ваше письмо, которое вы писали 31 марта, и в котором была фотокарточка Камусиньки. Читал письмо и глядел на карточку, радовался и плакал.

Радовался тому, что вы все живы, здоровы и что не забыли ни меня, ни Верусиньку. Плакал потому, что тяжело переносить эту разлуку.

Хотя я не потерял надежды на пересмотр моего дела, но все же порою приходят грустные тяжелые мысли, сомнения в счастливый конец этой тяжелой, бесконечно тяжелой разлуки.

Вот уже 8 месяцев, как мое заявление на имя Верховного прокурора Союза СССР направлено в Москву, а ответа до сих пор нет и нет. 19 мая написал заявление на имя председателя Верховного Суда Союза ССР, но еще не получил извещения, направлено или нет в Москву. Подожду еще некоторое время и буду писать на имя любимого вождя народов Сталина и ЦК ВКП. Может быть и трудно, но я верю, что можно добиться снятия этой подлейшей клеветы, возведенной врагами народа.

В своем заявлении я писал и о Верусиньке. Я очень рад, что у нее хорошо со здоровьем и работой. Пишите ей, чтобы она хлопотала о пересмотре ее дела. Может

быть, из вас кто будет в Москве, справились бы в прокуратуре, не затерялось ли где мое заявление.

За ваши заботы о Камусиньке я очень и очень благодарен. Я был бы счастлив переслать Вам хотя бы несколько десятков рублей для Камуси, но, к моему огорчению, не могу этого сделать.

Немного о себе. Работаю над обогащением Норильских углей. По качеству они близко подходят к Кизеловским углям, особенно по трудности обогатимости. Но все же по качеству они выше, в частности, имеют несколько ниже зольность, поддаются ручному обогащению и меньше содержат серы. Как и Кизеловские, хорошо коксуются. Для условий Заполярья уголь — это великое дело. Например, прошлую зиму прожили в палатке, и это можно было благодаря углю.

Работа моя интересная. Наряду с вопросами обогащения, занимаюсь контролем качества угля, выдаваемого как с шахты, так и с сортировки. За год работы удалось наладить бирочную систему учета и бракировки угля по видимой породе. Правда, это двигалось медленно, при большом консерватизме и, возможно, и недоверии, но теперь это принято и себя оправдало.

Вот несколько дней занимаюсь подготовкой опытов по гидротранспорту угля. Есть прекрасная идея транспортировать уголь от рудника до Норильска (2 км) водой по желобам. Принятие этого вида транспорта даст колоссальную экономию, но люди боятся, рассуждая примерно так: «Как же это так, в условиях севера, где около 100 дней открытых вод, транспортировать уголь водой, а остальную часть года как доставлять уголь?». Практически даже при существующем виде транспорта (авто и ж.д.), вся основная масса угля доставляется за этот промежуток времени, ибо зимой пурги и метели весьма сильно препятствуют движению, временами сокращая его до нуля. На время зимы могли бы дать прекрасный эффект подвесные дороги, при соответствующем подборе направлений, чтоб не могло заносить снегом. Плотно с гидротранспортом выдвигается вопрос мокрого обогащения. Вот вся моя работа, правда, одновременно под-

Родной Астас,

30/III 40г. Я, наконец получил твоё письмо да три фото и письмо это с фотографией Камилки, она такая маленькая стала, так выросла, я буквально не могу на неё навалиться, у тебя наверное есть тоже с ней фотография. Я очень рада, что узнала о тебе, что ты здоров, хотя здоровья наверное не выжмешь, очень крепко береги себя. Ты всё думаешь, что я уже дома, что я уже с Камилкой, но это всё лишь мои твои и мои надежды, но я ещё не теряю надежды и верю счастливое материнство и хочу быть со своей доченькой и тобой.

Я пока здорова, работаю в нарядные время в вышивальном цехе. Где ты работаешь и живёшь? Пиши.

Д.В.К. Мараган Лодовый Дунки 20/3

твоя Верушина.

30/III 40г.

Трагедия Петра!

18/II-41

За все это время я получил от тебя только одну вестьочку. И так странно была обречена ей, что до сих пор ты много ее согреваешь мое сердце. Урину в Нахидом писем, хотя по мажорской записке, посылаю тебе. Может быть эти несколько строк будут для тебя небольшим утешением.

Но знаю как ты любишь и видишь выполнение и мечты о тебе. Конечно, работа занимает наибольшую часть времени. И когда работа обрывает твою работу как и прежде. В настоящее время работа как создаются экспериментальные аппараты и аккумуляторы энергии по карманным углям. Через полгода вероятно буду так же, как в свое время изобрел карманные угли.

Завтра начнется движение по линии президентства Ватсуда Союза ССР. Это будет мое четвертое заявление, но стволы еще не получены ни на одно. 10-го числа после на имя ЦК ВКРФ, и предидущих 18 подруг переписи, но стволы тоже не.

Каждый день живу надеждами и светом. Не забывай о тебе. Мне хочется написать тебе, твой обреченный, твой, который не обречен.

15 июля 1942.
Каминка 2. Магдебург.

Дорогие родители мои!

Всех я вас обнимаю и крепко целую
иногда саинику Каминку. Ушло
пушет в дачного Севера, хитрого
и не привелитово в-дичи у нас вына-
дан еще снег, но с 13 июля, кажется
будет наступать лето, а весна здесь
созреет скучная, а так хочется
созреет сожжем кот-бн, может
быть теплее-бн стало на душе. Но
здесь 2, 2,5 м. че, а потом опять ду-
шеная жила. Раньше мои за 400 руб.
в поучиле и вас 3 месяца в 31 марта
Janp. и 2 июля 40г. в них было всего
дичиаровие и вышло мои 3 месяца
Раньше мои и сейчас я на это
беру и в душе и душе в-дичи
на матери. Материю и Лидию одну
мелко и нини 3. С наступлением
наблизился много уже поучиле
теперь, я еще не одно не поучиле
много-мн вы итн купивши в-дичи
в сорочковом розу, вы итн очень мало
купивши, у нас много поучиле
но 10-12.14 недели и следовательно фел-
тренили, вы уже меня начинае
забывать но я вас помню как
люб как и день, очень люблю вас
никогда не забываю и через месяц
кот-бн итн тысячу рубль, безо это
даст мне итн итн дождь духа
своем смотрела кино Возвраще
и тн и увидела девочку, как Каминка
тоже в Каминку, вот какой я и

Милая, родная моя дочка Камуза.

На днях я получил твое письмо и очень был обрадован, и тисе му, и толу, что ты выросла большая, и особенно был рад твоему письму, потому, что его писала ты сама. Учись родная доченька, овладевай умением писать так же и мамусе Вере ~~письма~~ письма. Танка и мамусе очень и очень понравятся в твоих письмах, Танка и Мамуся очень рады твоему письму.

Милая Кама, напиши мне как ты живешь, как вы с Колей играете, какие песенки поете. Какие есть у тебя игрушки? Танка Коля мне написал о том, что ты читаешь. Напиши мне о чем читаешь.

Обязательно напиши Камузе письмо. Есть ли от мамуси Вери письмо? И пишешь ли ей? Обязательно напиши ей письмо и напиши ей о чем ты пишешь, что я люблю ее и тебе очень и очень, что я не забыл ни тебе ни ее.

Милая Кама в письмах ко мне и к мамусе обязательно прикладывай картинки, которые ты

готовлю маленькую экспресс-лабораторию, когда будет готова, возможно, придется вести и химанализ угля.

Вот эта небольшая работа дает мне отраду и забвение. Аня, тебе, вероятно, Веруся говорила, что я работе отдавался «без остатка», когда был на воле, забывая семью, сыт ли или голоден. Много делаю своими руками, хотя мог бы по работе не иметь мозолей на руках, но я их имею, при этом весьма доволен. Если бытовые условия в дальнейшем не изменятся, то попытаюсь написать что-либо, мысли есть, есть и желание. Нужно только время и условия. Начал писать это письмо вчера, но не кончил, весьма утомился, и кроме того слишком чувствительно воспринял Ваше письмо. Сегодня, кажется, тоже не окончу. Так и вышло. Сегодня 9 сентября, следовательно, берусь писать третий раз. Еще раз благодарю за письмо, ведь я только через 3,5 года узнал так подробно (по сравнению с письмом сестры Машы) о Камусиньке и Верусиньке.

Аня и Коля! Я очень Вас прошу подумать над вопросом, не слишком ли Камуся быстро развивается? Не опасно ли для ее здоровья? Ах! Как я хотел бы видеть Вас всех и, особенно, Камусиньку и Веру. Я так страшно скучаю.

Как жаль, что Вера не пишет писем. Хотя я о ее жизни в Томске знаю многое от Заостровской, которая была вместе с ней, но все же хотелось бы получить от нее самой хотя бы несколько строчек.

Аня, я писал письмо для Камы, получили ли Вы его? Я очень рад за вас всех, что Вы живы и здоровы. Прошу кланяться папе Петру Михайловичу и желаю ему быть молодцом до нашей встречи. Привет Яше и Тосе, они такие милые, хорошие, и их ребятам. Хотелось бы видеть их сынов. Привет Вове, где он служит и когда призван, хотелось бы ему пожелать счастливой жизни и успехов в службе.

Аня, я писал письма и на Ваше имя и на имя Камы. Может быть Вы не получили их потому, что я писал на Малышева, 35. Или, может быть, улицу переимено-

вали? Ведь Вы даёте адрес: ул. Горького №35/35, кв. 10, т.е. старые номера дома и квартиры. Если живёте в старой квартире, то прошу беречь Камусю от покраски, мне кажется, что она все еще не закончена, хотя ее должны были сделать в день моего ухода от Вас.

Ну, кажется, весь исписался, хотя сказать хочется так много, но с пера не сходит, как с языка при свидании. Обычно это так и бывает: идут на свидание, готовятся говорить о многом, а встретятся — помолчат, растеряются, и почти ничего не скажут. Вы это знаете из литературы, а я со слов соседей, ибо самому испытать этого не пришлось. Вот и у меня теперь такое положение, ведь за 3,5 года пришлось многое испытать, да и людей многих разнообразных видел, много читал. Например, прочитал несколько философских романов Вольтера, да и других авторов.

Ну, пока до свидания, а то опять начинаю засыпать. Последнее время слишком много работаю — утомляюсь.

Иду Вашего ответа с нетерпением. Привет П.

P.S. Прошу кланяться сестрице Маше, привет всем ее домочадцам... Может быть мое заявление переслано в Свердловскую областную прокуратуру? Если представится возможность, то прошу справиться, в каком состоянии мое дело.

08.10.1940 г.

Получила я от вас два письма — мартовское и апрельское, а самое главное я рада фотографии. Моя Камусенька такая славенькая, она мне очень понравилась. В мартовском письме ты немного написала обо всех, а Вова совсем отличник, пошел добровольцем, наверное, такой здоровый интересный парень.

Лидии Федоровне от меня горячий привет, очень благодарна за внимание к Камуське. А вас, мои любимые, я и не знаю, как благодарить за воспитание моей доченьки, и я очень рада, что вы ею довольны, что она неплохая девочка, только прошу, ничего не скрывайте о Каме от меня, все пишите.

Анечка, дорогая, 30 сентября я вся была с вами, надела юбку, голубую кофточку и так пошла на работу. Был хороший теплый день, я даже посидела на воздухе. А 1 октября пошел снег и сегодня, 3 октября, он все еще лежит, возможно и не стает. И так грустно стало на душе, скоро море опять скуют льды, и несколько месяцев будем отрезаны от вас. Если будет возможность, то телеграммой можно будет дать знать о себе. Но тебя, моя родная, прошу, сообщайте о себе. Возможно, от меня и не будет ответа, так как бывает, что нам не разрешают телеграммы, а вам можно. Письма до декабря пиши, а потом начинай опять в марте и пиши часто. Я надеюсь, что я еще получу, может быть, сразу много, так бывает у нас.

Анечка, родная моя, обо мне не беспокойтесь. Я одета, а питаюсь в столовой лагеря. Хлеба достаточно и обеды бывают приличные. Конечно, мало жиров и сладкого. Обращение лагерного и производственного начальства хорошее. Все мы, женщины, живем дружно, но вообще все страшно нервное. Анечка, любимая моя, меня страшно интересует, пересматривалось или нет дело Пети. Мне так хочется, чтобы пересмотрели его дело, и тогда я, может быть, не буду больше жить в разлуке с вами, с моей любимой доченькой, ведь ей уже исполнилось 7 лет и еще пройдет немного времени, я совсем буду забыта. Вот исполнилось уже 3 года, как я разлучилась с вами и все время я живу тем, что вот скоро освободят. Но пока членами семей, видимо, не занимаются. Хочется верить и не терять надежду и если этой надежды не будет, то я совсем буду убита.

Родные мои, моя просьба — берегите мою доченьку, мою жизнь. Анечка, родная, на это письмо отвечай скорее по этому адресу: Магадан, Управление связи, бухгалтерия, Богдановой Анне Васильевне. В этом письме ты напиши мне о Пете и о вещах, конечно, за них, наверное, можно получить деньги. Анечка, не скрывай от меня ничего. Пиши и на лагерь тоже, но на Богданову отвечай скорее. Через нее я, конечно, получу быстрее. Это одна

моя знакомая девушка, которой я так благодарна за то, что она для меня иногда покупает кое-что покушать. Я работаю в заказном дамском цехе при местпроме, и к нам приходят заказчики, я вышиваю, на работу захожу в 8 утра.

Анечка, ты, пожалуй, пиши лучше иногда и не на почтовый ящик, а просто — местпром, женская командировка, по-разному. Моя просьба, пиши, не обращая внимания на то, что от меня не будет, часто нам запрещают писать, а получать мы имеем право, но телеграммы на Богданову, пожалуй, не пиши, а на местпром. К дню рождения послала денег 100 рублей, ждала телеграмму, что вы получили. Но теперь, наверное, долго не придется посылать деньги, меньше стала зарабатывать.

Анечка, с июля нам сказали, чтобы мы писали один раз в три месяца и пока не разрешили посылать телеграммы. Но это все временно, пока загружена почта. Ты скорее пиши мне. Анна Васильевна передаст письмо, еще успею получить. Напиши два письма, до января я успею получить, и в лагерь еще пошли одно, и пока до марта не пиши, но буду ждать телеграмму.

Я писала Верховному прокурору и прокурору Свердловского НКВД, копию тебе послала. Получила или нет? Потом я посылала для Пети письмо. Пришло оно или нет вместе с вашим? Где он живет, работает? Он думает, что я уже дома. Знает ли он о том, что я сижу как член семьи изменника родины? Очень немногие знают о свои мужьях, и мало кто пишет из них. Родные многие хлопочут, но ответы получают такие, что откладывают пересмотр с мая на июль, потом с августа на сентябрь, а теперь, очевидно, что зиму опять остаемся в Магадане.

Ты пишешь, что я раздетая. Все у меня есть. Только нет чулок, пояса с резинками и никакого халатика. Весной, в конце мая, если будет возможность, пошли мне, но больше ни одной тряпки. Условия такие, что не нужно пока ничего, некуда положить, и приходится носить все лагерное. Когда вернусь, то с удоволь-

ствию надену твое беленькое платьице, а сейчас оно мне не годится.

Аня, у нас бывает иногда кино и радиола. Но все это вызывает воспоминания, и грустно становится на душе. Вообще, сестреночка моя, вспоминаю я вас и плачу при одной только мысли о вас, мои родные. Птоска загрызает, не знаю, как отвлечься. Как я рада, что получила от вас письмо, это дает мне силы, твои письма хорошие.

Поздравляю всех Вас с наступающим праздником Октябрьской революции. В этот день я хоть и далеко от Вас, но мысли с Вами. Привет Коле, Вове. Камую поцелуй сейчас же за меня, привет бабусе, я ей очень благодарна за хорошее отношение к моей доченьке. Папе и Ксене привет, я очень рада, что они здоровы. Папа молодец, желаю ему здоровья. Зайчиков поздравляю с доченькой, или опять сыночек? Лизе привет и Мане. Как она живет? Маме привет и всему семейству.

Анечка, как Камуся — в садике или нет? Как хочется, чтобы она была в садике. Аня, получишь это письмо, телеграфируй, получила ли письмо от 1 октября.

Сестреночка, до свидания, целую всех вас крепко-крепко, будьте здоровы, скорей, скорей отвечай, я еще успею получить.

Ваша Вера.
02.02.1941 г.

Здравствуйте, мои родные Аня и Коля, и ты, моя милая дочурка Камусинька! Привет всем родным, папаше Петру Михайловичу, Яше и Птосе с семейством и сестре маме с супругом и детками. В январе получил вашу новогоднюю радиограмму и был весьма обрадован, что вы все живы и здоровы. Очень и очень хотелось бы получить подробное письмо, как вы живете, как растёт и развивается дочка Кама. Я даже не могу представить ее, как она выглядит? Получаете — нет, что от Веруси, хотя бы написали ей привет от меня. Я до сих пор не могу дождаться от нее письма. Не знаю, полу-

чила ли она мои письма. Можете ли вы представить, как тяжело переживать разлуку, и особенно, когда нет даже письма, в котором хотя бы немного изменилось состояние и пережитое, и переживаемое. Как она живет?

Несколько о себе. Я живу по-прежнему, работаю по специальности. 1940 год сработал по количеству и качеству хорошо. Единственную отраду и утешение находишь в работе. В работе и забываешься, ведь труд (сам процесс) одинаков, как на воле, так и в заключении. Может это кажется парадоксальным, но все же, я думаю, правильно. В начале января послал жалобу на имя ЦК ВКП(б) и президиума XVII партконференции. Хотя к концу приближается четвертый год, но я до сих пор не потерял надежды на освобождение. Вера в торжество справедливости живет во мне, и она является основным стимулом к жизни. Великая партия Ленина-Сталина вскрыла подлые дела клеветников, и тот радостный день нашего возвращения (меня и Веруси) к вам недалек. Будем же ждать его терпеливо.

Я очень беспокоюсь о том, как вы объясняете наше с Верой отсутствие Камусе? Надо теперь же ей сказать, где мы находимся, ибо скрывать от нее этого нельзя. Слишком будет тяжелый для нее психологический момент.

Напишите, пожалуйста, как она растет и развивается. Не думайте, что слишком мелочны те или иные моменты ее развития. Для меня все, что ни напишете о ней, будет ценно и утешительно.

Пока до свидания, ваш Петр

02.03.1941 г.

Родная Веруся! Первую весточку от тебя получил 16 февраля 1941 года. Всех переживаний передать не смог, как я был рад этому. Эта краткая записочка подняла целую душевную бурю. Попытка написать в тот же день тебе по адресу п/я №261/3 из-за душевного состояния не удалась. Только на следующий день, не-

сколько успокоившись, написал тебе подробное письмо. Обидно, я недостаточно ясно написал — это совет тебе беречь здоровье. Я хочу видеть тебя без изменения, т. е. такой, какой я тебя оставил в утро 19 апреля. Я твой совет о здоровье выполняю. Все, что зависит от меня, делаю. Правда, мои чувства к тебе не изменяются, несмотря ни на какие твои изменения. Но все же прошу беречь здоровье. Папаша Петр Михайлович — живой пример тому, как нужно беречь здоровье.

Да, ты, Верусенька, права, Камуся наша весьма стала хорошенькой. В этом году собирается в школу, причем сама мне об этом написала. Кроме того, нарисовала целую картину. Она теперь у меня над кроватью. Очень рад, что ты работаешь в вышивальном цехе, все же эта работа интереснее, да и пользы больше. Как бы хотелось иметь от тебя какую-либо вещь, вышитую тобой. Если сможешь послать, я очень и очень прошу и хочу иметь вещь, на которой имелись бы твои пальчики, любимые мною и целованные и целуемые (последнее мысленно) мною.

О себе. Я живу хорошо (по нашему положению), работаю на инженерной работе. Отношение ко мне хорошее. Живу при конторке. Правда, приходится работать во всех трех сменах, но я умею организовать время, поэтому успеваю и отдыхать... (около 2-х строк вымарано цензурой).

Я внес предложение обогащать их воздушным методом. Поработать придется много, но зато вопрос большой и заслуживает этого. Порою настолько увлекаюсь работой, что забываюсь настолько, что переношусь в забытьи в домашнюю обстановку. Сидел, работая в нашей спальне, и среди ночной тишины слышал, а, может быть, чувствовал твое дыхание в спокойном сне. Кажется, порою, я был бы счастлив и в этой обстановке, если бы ты и Камуся были здесь при мне.

Ну, хватит, а то я уже слишком замечтался. Ты права, Вера, когда пишешь, что я все жду от тебя весть

о возвращении. Это я жду каждый день, ибо пересмотр моего дела должен начаться с возвращением тебя. Я об этом пишу в каждом заявлении. Отказа на них еще не получил, не только хочу верить, но и верю, что все закончится счастливо. Но, как видно, нужно набраться терпения и ждать. Ты ждешь и веришь в счастливое материнство. Верь ижди, моя родная, оно должно наступить. С верой в счастливую жизнь жму твою руку, целую тебя горячо. Твой Петр.

Пиши: пос. Норильск Красноярского края, п/я № 224. Жду твоего большого, большого письма! Поздравляю тебя с наступающим Международным женским днем. Желаю тебе всех и всяческих благополучий. Прежде всего, встречи с Камусинькой, а потом и со мной.

24.02.1942 г.

Дорогой и родной Петя!

Спешу поделиться своей радостью. В течение 1,5 месяцев 42 года я уже имею от тебя 4 письма. На первое ответила, которое было от июля 41 года, а эти три — февральское, мартовское и апрельское. Петя, ну какой же ты молодец, не получая от меня в течение четырех лет ничего, кроме коротенькой записочки, продолжал мне писать. Я знаю, что это очень трудно — писать, не зная, получаю ли я их. Я очень и очень благодарна тебе, мой дорогой, т.к. эти письма меня подбодрили, и я знаю о твоей жизни, и, самое главное мое большое желание было, чтоб тебя использовали более или менее по специальности. Я знала, что только тогда ты сможешь забыться на своей работе, которой ты действительно увлекался и любил, и благодаря этому будешь забывать наше большое несчастье.

Я очень рада, что ты получил от меня хоть ту маленькую записочку, и она согрела твое большое сердце, так же и как твои письма для меня большая радость. Я сейчас не чувствую себя такой одинокой и несчастной,

у меня есть ты, мой дорогой. Из твоих писем я узнала многое о Камусеньке, и мы все трое пока живы и здоровы, только бы скорее, как можно скорее, мой родной, собраться нам опять в нашу счастливую семью.

От Ани я не имею писем с июля 40 года, но на днях получила февральское 41 года письмо от няни, которая прожила с Камусей 3,5 года. Камуся ее попросила написать мне письмо. Пишет она о том, что ей придется расстаться с Камусей, т.к. ей 72 года, заболели ноги, и «какое горе, жаль Камочку оставлять, я ее очень люблю, она цинница, придет из садика — все расскажет, да так, что большой так не расскажет». Пишет о том, что «Камочка каждый день помнит о вас, подойдет ко мне: «Бабуся, скоро ли мама с папой вернутся, уж нет терпения ждать», и говорит: «Я зацеловала бы дядев, которые вернули бы мне мою маму». Мне очень тяжело, что Камуся так ярко помнит о нас, лучше бы, если не помнила. Но я знала, что она будет меня помнить, слишком много чувств, любви и обожания было проявлено к ней со стороны тебя и меня, ну как же можно было не любить такую чудную девоньку. Сегодня еще несколько слов из письма бывшей нашей соседки Умновой. Ее девочка пишет, что Кама большая, тоненькая, с длинными косами, хорошо одетая, скоро пойдет в школу и будет учиться музыке. Ну как тебе нравятся отзывы о нашей дочуре?

Хороший мой, твою же отцовскую теплоту и любовь к Камусе я очень хорошо поняла и почувствовала из твоих писем, что картинку ее ты хранишь под стеклом, А описать так ярко, с такими подробностями ее картинку и мечтать о том, чтоб послать ей в подарок цнты, может только горячо любящий отец и хороший семьянин. Петя, ты беспокоился за меня, как все это я переживу. Скажу, что слишком тяжело. Первое, это тот удар, что не стало тебя, и в течение четырех месяцев напряженное состояние, каждый стук в дверь приводил меня в ожидание тебя, а дальнейшее совсем

парализовало меня, я была в очень плохом состоянии. При всем этом надо учесть то обстоятельство, что ты слишком оберегал меня от всех неприятностей, а это был ужасный, кошмарный удар.

Родной мой, ужель не будет той счастливой минуты, когда наша разлука будет в прошлом, и мы по-прежнему будем счастливы. Ты пишешь, что мало отдавал внимания семье. Но я считаю, что, хотя ты и действительно мало был с нами, это я чувствовала, но зато когда ты был свободен хоть несколько часов и мы с тобой шли в театр или были дома, то эти часы были очень хороши, радостны, ты был очень хороший и старался отметить наши редкие встречи.

Теперь я напишу кое-что о себе. То было все в прошлом, настоящее не интересное. О своем здоровье: я здорова пока, за это время, т. е. в Кольме, болела флегмоной ноги, лежала полтора месяца в больнице. Получилось это у меня от шибы, но закончилось благополучно, т. к. была под наблюдением хорошего профессора, и хороший уход. Сейчас работаю в вышивальном цехе, но вышивкой занимаюсь мало, т. к. зрение очень испортила, а сейчас делаю заказные одеяла. Отношение со стороны начальства неплохое и девчата относятся все ко мне неплохо. Деньги Камусе с апреля 41 года не посылала, а в феврале подала заявление, хочу послать 50 рублей. И еще большая радость — разрешили мне перевести с моего личного счета 100 рублей в фонд обороны страны.

Петя, ты спрашиваешь, пишу ли я куда-нибудь заявления. Писала в 40 году в Президиум Верховного Совета, но не получила никакого ответа. Тебе что-то тоже не отвечают, когда же разберут, а сейчас и не до нас. Радуюсь вместе с тобой, что предложения, которые ты вносишь, реализуются, и ты получаешь удовлетворение от своей работы. Сейчас меня очень интересуют результаты пневматического обогащения угля, я думаю, что ты уже написал мне, и я узнаю. Теперь несколько слов о климате: морозов сильных в самом Магадане бывает мало, но бывают вьюги. Лето не так уж пло-

хое, но весна — апрель, май — без солнца. В это лето на кедрах были даже шишки с орешками. Я временно работала на торфе, тогда кушала бруснику и черные какие-то ягоды, грибов мало. Петья, кино «Большой вальс» я смотрела, и страшно понравился голос и сама Карла. Я согласна с тобой, что роль Польди очень трудная, но я восхищена художественной сценкой в лесу, где он воодушевляется и создает прекрасный вальс «Лесная сказка». «Музыкальная история» произвела на меня прекрасное впечатление. Полная жизни игра актеров и чудный голос, в котором не чувствуется ни капли напряжения. Если будет у нас, обязательно пойду слушать Лемешева.

Петья, ты пишешь, что у тебя здоровье лучше стало. Очень прошу — береги его, оставляй достаточно количество часов для сна, а то ты никогда раньше об этом не думал. Помни, что силы уже не те, сохраняй их, родной мой, помни, что у тебя есть дочура и я, бывай на воздухе. Напиши, почему весну и осень тебе труднее переносить? У нас есть туманы, такие, что облака висят на земле. Пиши более подробно о себе. Получаешь ли письма от Маши? Привет Лоре. Наю не знаю. Какая? Поповой привет от меня и от Колегаевой, она здорова, работает на швейной фабрике. Привет тебе от девушек, которые рядом со мной. Я могу тебе отправить не более одного письма в месяц. За январь послала, сейчас посылаю за февраль, а ты, может быть, больше сможешь написать. Пиши, я жду с нетерпением, как хочется хоть в письмах поделиться с тобой, родной мой. До свидания, крепко целую, твоя Вера.

Приписка: Есть ли у тебя фото Камуси? Если нет, я могу послать.

18.07 1942 г.

Дорогой мой, радости моей нет конца, я получила от тебя 4 письма, адресованные на п/я № 3 от 1940 г. В январе 42 года я получила тоже 4 письма за январь, февраль, март и июль 41 года.

Дорогой мой, самый хороший, в твоих письмах я тебя узнаю и чувствую, как и прежде, любимым человеком. Ты, зная меня, и в этих тяжелых условиях, хотя и не получал от меня ни слова, упорно писал мне. Как мне нужно твое родное слово! Читая твои письма, я чувствую, как ты разговариваешь со мной и пишешь ты простым хорошим языком, полное впечатление разговора тебя со мной. Ты пишешь, что мысли обо мне не покидают тебя, родной мой, то же и со мной происходит, мысли о тебе и Камусе не покидают меня, и настолько они сильные, что, несмотря на расстояние, которое разделяет нас с тобой, все передается. Я так страдаю и понимаю твои страдания и только живу мечтой на нашу встречу.

Родной мой, после того, как я потеряла тебя и Камусю и с вами ушло мое счастье, моя радость, моя жизнь, и с тех пор не блещают мои глаза, и не стало счастливого смеха. Как устала я от невыносимых страданий, хочется сбросить с себя их, никому ненужную разлуку и вновь, глядя на вас, моих родных и любимых, радоваться и быть по-прежнему счастливой. Но этого еще нет, и наше горе пережить невозможно. Но будем надеяться, что все будет хорошо. Мы опять будем писать о пересмотре, я много писала, но ответа нет.

Из дома с 40 года писем нет, есть фото Камуси. Как они сейчас живут, не известно. Петья, получила от тебя 8 писем, и я теперь имею представление о твоей жизни и рада, что ты работаешь по специальности. А что ты по-прежнему увлекаешься работой, так это я знаю, что, несмотря ни на что, ты остаешься честным тружеником, каким был и раньше, я в этом никогда не сомневалась. Вот что пропадает твоя творческая работа, переживаю вместе с тобой. Но ты уже кое-что внес полезного в производство, мой маленький мальчик и неутомимый работник. Я всегда удивлялась раньше твоей невероятной энергии и жизни с интересом, особенно в области своей специальности.

Пару слов о себе. Работаю пока в заказном цехе, но не на вышивке, т.к. зрение за полтора года испортилось, стегаю одеяла. Здоровье пока ничего. С тех пор, как вышла из больницы с ногой, больше пока не болела. Как твоё здоровье? Пиши подробнее о себе, мой родной. Крепись, береги главное, здоровье.

*Скучаю, тоскую, крепко целую. Пиши, жду,
твоя Вера.*

08.09.1942 г.

Вчера выпал у нас первый снег. Позавчера получил от вас первое письмо в этом году, а за все это время третье.

Родная Аня, не обижайтесь, я не хочу бросить вам с Колей упрека, что редко пишете, ибо более частые письма, вероятно, были бы менее милые. Ах! Как я страшно был обрадован вашим письмом. Обрадован тем, что вы все: ты, Коля, Камуся и Вера, папа и Яша с семейством, сестра Маша с семейством — все живы и здоровы. Ты вообще, Аня, молодчик. Твои письма как бы на миг открывают тысячеверстную завесу, разделяющую нас и дают, хотя бегло, но окинуть вас жаждущим взором. Я теперь уже представляю Камусю, занятую по хозяйству. Как бы хотелось покушать суп, разогретый ею. А в некоторой работе помочь ей. Право, мне даже видится в сию минуту, как она моет пол своими маленькими хрупкими ручонками, особенно возится с ведром, которое она, вероятно, превышает не больше, как в три раза. Но труд — великое дело! Аня, ты скажи ей, что папка был и есть всегда за трудовое воспитание. Я и сам на 11 году жизни... (далее три строчки вымараны цензурой) ... Что же? Ничего, вырос, окреп. Провел две войны: три года первой империалистической и 4,5 — гражданской, 7,5 лет проучился. Остальное вы знаете. Если здоровья хватит, то еще мечтаю встретиться с вами... (Еще четыре с половиной строки вымараны.)

Я чувствую себя еще бодро и настолько бодро, что готов на крыльях лететь к своей милой Верусе. Иногда

даже вижу ее во сне и ласкаю. Камусю и Люсю особенно часто вижу. Сохранилась ли их общая фотография, увеличенная? Вот жаль, нет Люси, она бы теперь тебе, родная Аня, помогала и доставляла много беспокойства, зато как радостно было смотреть на ее детскую кипучую энергию. Нет, стоит жить хотя бы ради встречи с вами, моими родными. Хотя бы ради «минутной радости земной». Я, как и вы, мечтаю жить вместе, ибо не хочется допускать мысли, чтобы вы могли потерять Камусю. Ведь вы ей дали больше, чем мы. Но и самому, хотя бы со стороны, жить вашей с Каминой жизнью. Если обстоятельства позволяют, то я бы только этого хотел. Что теперь мне от жизни нужно? Тихой маленькой работы и теплоты родных, чтобы забыть и забыть все пережитое. Не знаю, как смотрит Вера, я боюсь думать о ее сравнительно молодых годах, чтобы не оскорбить ее чувств. Мне кажется, что я не ошибусь, если скажу о ней, что она слишком благородное чувство имеет, чтобы думать об устройстве новой для нее жизни.

Прежде чем подымать эти вопросы, нужно дожить до дня радостной встречи, а потом все вместе обсудим и решим, как быть... (Окончание письма утеряно.)

19.11.1942 г.

Здравствуй, родная Аня! Прости за краткость обращения. Но ты ведь сестра Веруси, а я всегда так к ней обращаюсь. Она сестра тебе и мать для Камуси в прошлом, а ты в настоящем. Камуся — дочь мне. И все вы одинаково далеко (пространственно) от меня, пожалуй, Веруся и дальше. Аня, я писал Вам, что получил твое письмо и был весьма обрадован. Теперь же хочу поделиться своей большой радостью — получением писем от Веры и папки.

От Веруси я получил два письма, больших и теплых (январское и февральское), одну радиogramму (сентябрьскую) и денежный перевод 30 руб. Сможешь ли ты представить, как я был обрадован?! Это первые ее

письма со дня нашей разлуки. Она пишет, что в течение 1,5 месяцев получила от меня 4 письма, что здоровье ее хорошее. Правда, лежала 1,5 месяца в больнице, болела флегмоной ноги, но все закончилось благополучно. От вас письма получает очень редко. Пишите чаще ей, это все же некоторое облегчение в ее положении. Хотя изредка, пишите и мне, особенно больше о Камусе и Вере. Не знаю почему, но в этом году я и от Маши не получаю писем. Да и Камуська пусть что-нибудь черкнет в вашем письме. Ведь она совсем стала большая. Наверное, если встретимся, то не узнать будет ее. Все жду письма от Коли, а также жду, что пошлете табаку.

Я теперь работаю в исследовательской лаборатории. Работа протекает успешно и дает отраду и стимул для жизни. Сознание того, что я все же могу приносить пользу в это тяжелое время для страны, воодушевляет для творческой работы. Питаю себя надеждой, что по окончании разгрома гитлеровских банд, наступит счастливый день нашей встречи.

Пока до свидания, привет всем родным. Целую вас всех и особо Камуську. Пишите больше, жду с нетерпением ваших писем.

Ваш Петр.

18.10.1945 г.

Родная Верусинька! Сегодня 18 октября, а я все еще не написал тебе письма. Все ждал результатов о представлении. На днях эти результаты объявлены приказом по комбинату. Я получил 6 месяцев льготы, следовательно, завтра 19 октября буду начинать первый день последнего года. Правда, я ждал больше льгот, однако и за это благодарен, ведь это позволит надеяться, что в будущем году, бог даст, встретимся. Если без Камусиньки, то хотя бы с тобой, моя родная.

В предыдущем письме я тебе писал, что со мной велись переговоры о преподавании курса обогащения в техникуме. В октябре я был официально приглашен

и теперь уже прочитал 10 часов лекций. Пока лекции прошли неплохо, однако следует отметить — слушатели слабовато подготовлены. А, может быть, последнее неверно, ибо я привык к студентам ВЛПУЗа, и тем более старших курсов, а в данном случае все же техникум. Моя аудитория состоит из одной группы в 17 человек и все девушки, это результат набора в годы Отечественной войны. В нынешний набор принято значительно больше мужчин, вследствие чего и на специальность обогащения также будет больше мужчин. Моя научная работа в лаборатории протекает по-прежнему. Следует отметить новое то, что работаю над проблемой обогащения железных руд. Объект исследования с точки зрения обогащения чрезвычайно интересный, и именно интересен тем, что руды весьма трудно обогащаемы. Как видишь, мне в этом вопросе везет. В свое время занимался Кизеловскими углями, которые также весьма трудно обогащаемы. На Асбесте пришлось осваивать фабрику, запроектированную по канадскому методу обогащения на бедных рудах (2%). С обоими вопросами мне удалось, если не блестяще, то, во всяком случае, успешно справиться. Здесь, в Норильске, так же столкнулся с труднообогащаемыми углями, однако удалось также успешно справиться (правда, пока что в лабораторных условиях). Руда также оказалась весьма трудно обогащаемой, но я надеюсь, что и с этой проблемой справлюсь. Теперь у меня в лаборатории уже я сам пятнадцатый. Это не то, что в 42 году, когда я был третьим.

Да, могу поделиться с тобой полученной удовлетворенностью в одном из вопросов, о котором я писал раньше, еще в 1942 году, это вопрос моего изобретения суспензии для обогащения угля. И что проведенные опыты в 1942 году дали хорошие результаты. На днях вернулся из заграничной командировки начальник нашей лаборатории, который рассказывал, что в Америке он видел две установки по обогащению цинковых руд в тяжелой суспензии, и что суспензия так же применяется для

обогащения железных руд. И что научные круги считают этот метод обогащения перспективным.

Приходится только сожалеть, что с 1942 года не могу добиться изготовления опытного аппарата. Сегодня был в нашей комбинатской библиотеке (технической) и вот, когда я назвал свою фамилию, то одна из сотрудниц библиотеки Надя Стешевская отозвалась и сказала, что она, вероятно, знает мою жену. И спрашивает, что звать ее Верой? Я поправляю — Верусинькой. Надя отбыла срок в Ясе и там жила, пока не окончил срок ее муж. В этом году он был освобожден и вызвал ее в Норильск. Она вспоминала, как ты пришла первый раз в камеру и упала на кучу вещей. И вспомнила вашу поездку в вагоне.

Из дома, т.е. Свердловска и вообще с Урала, писем нет. От тебя тоже нет, страшно скучаю и только в работе нахожу забвение и отраду. Страстно жду нашей встречи. Дождусь ли?

Пока до свидания, пиши, телеграфируй. Твою телеграмму от 28 августа получил и несказанно был рад. Пока до свидания еще раз. Целую тебя крепко.

Твой Петр.

24.02.1946 г.

Родная моя Верусинька! Февраль был для меня очень радостный месяц. Получил от тебя июльское письмо и январскую телеграмму. С письмом получилось шиворот — на выворот. В октябре получил твое письмо от 1 августа, а потом получил июньское письмо, в котором ты пишешь, что болела один месяц. А в феврале июльское, в котором ты пишешь, что болела три месяца. Было очень тяжело читать, как ты, моя родная, перенесла эти три месяца и вообще, сколько за эти годы выстрадала. Конечно, если бы ты верила в Царство Небесное, то можно было смело умирать и быть спокойным, что в ад мучить не будешь. Однако о прошедшей жизни убиваться не следует, надо принять все меры к тому, чтобы остаток жизни прожить спокойно.

Родная моя, ты спрашиваешь о работе, но я думаю, что после 19 октября я смогу обеспечить свою семью и ты можешь заслуженно отдыхать. Ведь если не в этом году, то в будущем, я мечтаю о встрече всей нашей семьи, больше того, мечтаю о приросте семьи. Ты не смейся, я не шушу, а вполне серьезно мечтаю, надеюсь, что ты разделяешь мои мечты. Телеграмме твоей я искренне рад, жаль, что не написала, где работаешь. Но я полагаю, что вызов относительно тебя надо делать, вероятно, в ваши мастерские Дальстроя. В отношении вызова тебя я говорил со своим непосредственным начальником, он обещал поддержать. В апреле буду хлопотать, и, самое позднее, в мае. Вызов придется делать телеграммой. Мне хочется, чтобы ты в Норильск прибыла до закрытия навигации по Енисею, это значит, что ты в конце сентября должна быть в Красноярске. Днями постараюсь выяснить подробнее, как получить выезд из Красноярска к нам, это на тот случай, если ты поедешь без вызова. С вызовом проще, ты просто обратишься в представительство Норильского комбината, и тебе окажут содействие в посадке на пароход. В отношении денег дело несколько затруднительнее. На днях я справлялся о состоянии моего личного счета, оказывается, есть около трех тысяч. Буду пытаться получить разрешение на перевод их тебе. Думаю, что по разрешении вопроса о вызове тебя, разрешат и перевести деньги. В крайнем случае, буду просить кого-либо перевести тебе хотя бы 1—2 тысячи.

Родная моя! Я тебе писал, что этот год необычно сильно скучаю. Если раньше не замечал целые месяцы, то теперь ощущаю каждый день, хотя дни летят быстро. В труде и незаметно. Однако мысли о тебе, о нашей встрече не покидают меня, можно сказать, ни на одну минуту.

Верусинька! Ты просишь фотографию. Боюсь, что не смогу этого сделать. И не потому, что слишком состарился, нет! Я на свои силы надеюсь, хотя выгляжу не молодым. Между прочим, когда меня спрашивают

мужчины о годах, то я обычно говорю — 50, а на тот же вопрос женщин отвечаю — 41. И, думаю, что это так. Мне кажется, что только этим можно объяснить те случаи, когда люди примерно моего возраста женятся на женщинах в возрасте 28—35 лет. Таких случаев я знаю у нас несколько. Это те товарищи, которые все эти годы держались в высшей степени порядочно, хотя по положению имели возможность грешить. Во всяком случае, если представится возможность, то фото я тебе пошлю. Твою же фотографию я буду очень рад получить. Все эти годы я страшно добивался, чтобы прислали твое фото из Свердловска, но мне не только не прислали, но и почему-то упорно обходили этот вопрос молчанием. Последнее я объясняю тем, что не сохранилось фотографий. Очень и очень жаль. Жаль твою фотографию и Люсенки. Мне кажется, что твое желание иметь мою фотографию аналогичное моему. О том, что мы состарились, не нужно видеть фотографию, в этом можно быть уверенным. Но мне ты так, как есть, мила, ближе и роднее всех, и, думаю, что никто так роднее и ближе не будет до конца моей жизни. В минутное счастье я не верю, поэтому все эти годы его не искал, ибо мой интеллект ушел от понимания его. Хотя бывают минуты, когда каждая клеточка моего тела трепещет присутствию тебя. В эти минуты мои мысли уходят в то небольшое прошлое нашей совместной, такой радостной, такой счастливой жизни. Я не хочу забывать о том, что наша жизнь была безоблачной. О нет, даже больше, иногда были и целые тучки, но как в весенний день, когда пройдет дождевая туча, после которой солнце еще ярче светит и теплее греет, так и у нас. Кажется мне теперь, что те тучки, которые были, они только помогали познавать, насколько мы один другому близки и необходимы. И вот эта близость наших сердец до сегодняшнего дня дает надежду и успокоение, и заполняет мечтами голову о предстоящей встрече.

Я порой даже думаю о том, что вот ты уже в Дудинке (это конечная пристань на Енисее, где тебе бу-

дет необходимо сойти и пересестъ на железнодорожный поезд), и что вот-вот позвонишь мне. На всякий случай я тебе сообщаю мой номер телефона 8-47 — углебогатительная лаборатория. Правда, для разговора с Дудинкой у нас надо делать заказ на переговоры на определенные часы. Вероятно, и в Дудинке то же самое. Можно, конечно, из Красноярска послать телеграмму прямо на Центральную лабораторию (моя лаборатория на почте не известна), но бывает и так, что телеграмму получаешь через неделю по приезде, однако посылать все же надо.

Теперь о Камуське. Как быть с ней? Конечно, ее заберем с собой. Но из твоих писем видно, что ты хотела бы вначале проехать к ней, повидаться. Я понимаю тебя и переживаю то же самое. Однако прошу тебя не делать этого и по простой причине, что очень трудно передвигаться по ж.д. И пока утешься нашей встречей, а через некоторое время или ты поедешь за ней или даже вместе съездим. Моя родная, не осуждай меня и не обвиняй в эгоизме. Верь, что так, пожалуй, будет лучше.

Теперь несколько о своей жизни. Живу по-старому. Нахожy утешение в работе. В техникуме прошла зачетная сессия и 17 человек моих слушателей получили по 5, трое по 3 и двое по 2, одна не отвечала, а остальные по 4. В целом получились неплохие результаты. Завтра, вернее, уже сегодня, в 10 часов иду в техникум на переэкзаменовку этих трех.

Ну, пока до свидания, жду счастливой нашей встречи, а пока утешаюсь твоими письмами. Телеграмме январской очень рад. Теперь я знаю, что ты имеешь мои письма о конце 19 октября. Если будут известия раньше, буду телеграфировать. За работу 1945 года имею представление. На днях послал телеграмму, беспокоюсь о твоём здоровье.

Целую крепко-крепко,
твой Пётр
02.04.1946 г.

Дорогая Верусинька! На днях получил твое первое письмо, которое ты писала 20 дней спустя после 28 августа. Этого письма я ждал с нетерпением. Мне хотелось знать, как ты устроишься с квартирой. За работу я не опасался, зная, что золотым рукам всегда работа будет, беспокоился о квартире. Очень рад, что вы, хотя и на трех человек, получили комнату, тем более светлую и даже с паровым отоплением. Верусинька! Почему ты ничего не пишешь о своей работе? Правда, я из письма знаю, что ты можешь вышивать на работе, но что за работа, не пишешь. Ты можешь не стесняться, писать все, ведь ты знаешь, что любой труд облагораживает человека, следовательно, позорной работы быть не может. Да, ты пишешь, что исполняешь мой совет и занимаешься художественным выполнением игрушек. Нет, моя дорогая. Когда я тебе писал о твоей работе, то я понимал шире вопрос, а именно, хотел сказать, что твоя работа модисткой меня не шокирует. Ты по-прежнему мне родная и близкая и никто ближе и роднее тебя не существует. Все мои мечты как можно скорее приблизить наш день встречи. Я даже в одном из писем советовал тебе написать заявление на имя зам. наркома, а теперь заместителя министра внутренних дел Авраама Павловича Завенягина, в котором следует указать, что у меня кончается срок 19 октября 1946 года и что ты просишь дать тебе перевод в Норильск. Конечно, в заявлении следует указать, кем я работаю. У нас уже есть несколько случаев приезда жен к своим мужьям, которые кончают срок в этом году. Если ты не сделала этого до сих пор, то сделай по получении этого письма. Я со своей стороны принимаю меры по вызову тебя, возможно, что ты раньше получения этого письма получишь телеграфное уведомление от меня о результатах моих хлопот.

Милая Верусинька! Пишу я тебе это письмо, а настроение очень плохое. Возможно в связи с тем, что погода у нас резко изменилась, значительно потеплело, даже местами были небольшие лужицы. В связи с изменением погоды резко меняется барометрическое давление. А это

последнее очень резко сказывается на состоянии всего организма, особенно на нервной системе. Так что если ты найдешь в моем письме некоторую грусть, то ищи объяснение в состоянии моего здоровья. Одновременно с письмом получил от тебя вторую телеграмму от этого года. Очень рад, что ты получила от меня извещения, а то все предыдущие письма и телеграммы были полны тем, что нет от меня никаких сообщений. Хотя я писал тебе аккуратно каждый месяц. Тебя также следует похвалить, что ты, не имея от меня писем, все же писала, и вот, в конце концов, я и стал получать их. А ведь каждое полученное от тебя письмо это как бы кусочек нашей совместной жизни. Ты пишешь, что на первое время имеешь пару платьев и сносное пальто. Если я сумею перевести тебе пару тысяч рублей и ты будешь кое-что иметь из своих сбережений, то сообрази, сколько потребуются на проезд до Норильска (ведь ты проедешь не меньше месяца, вероятно), а остальное, если только оно будет, могла бы израсходовать на приобретение вещей, особенно теплых. Правда, трудно на таком большом расстоянии и после такой долгой разлуки что-либо уверенно советовать. Во всяком случае, я полагаюсь на твой жизненный опыт, который ты получила за эти годы.

Несколько слов о своей работе. Работаю по-прежнему в своей лаборатории. В настоящее время готовлюсь к докладу по вопросу обогащения углей. Доклад большой и ответственный, необходимо будет осветить, что сделано в этой области за несколько лет, начиная с 1938 года, по сегодняшний день, и что еще надлежит сделать в будущем. Одновременно ведутся текущие работы, и готовлюсь к переезду в новое здание лаборатории, которое строится специально для этой цели. С желудком своим все еще нахожусь в состоянии войны. Правда, за последнее время как будто более не замечается, однако пока хвастать нельзя. Вот все надежды на тебя. Ты мой лучший врач — исцелитель. Почему-то я убежден, что когда будешь ты в Норильске, то состояние моего здоровья должно резко улучшиться.

Прошлый месяц еще послал Камусе 100 рублей. Как видишь, стал проявлять отцовские чувства. Конечно, это слишком мало, но пока большего сделать не могу. Я не знаю почему, но в последнее время все больше и больше скучаю по тебе. Как будто по мере приближения дня встречи, все меньше и меньше остается надежды на ее осуществление. А сердце так ноет и ноет от одиночества. Я думаю, что и ты переполнена такими же чувствами. Но все же будем надеяться на наш радостный день встречи.

Пока до свидания. Обязательно телеграфируй о дне выезда. Целую тебя и крепко обнимаю,

твой супруг Петр.

25.06.1946 г.

Родная Верусинька! Хотелось бы поговорить с тобой, а не писать, но обстоятельства складываются так, что, вероятно, это письмо застанет тебя еще в Магадане. Я предполагаю, что раньше августа ты вряд ли выдерешься. Конечно, в Норильск следует стремиться приехать раньше сентября. Если вызов придет раньше, и тебя не будут задерживать, то тянуть нечего, сразу же следует выезжать. Сегодня получил от тебя телеграмму о том, что ты просишь хлопотать через Москву. Но я думаю, что, вероятно, этого не придется делать. Дело в том, что в Дальстрой отделе кадров Норилькомбината послан на тебя вызов, по получении которого, надеюсь, тебя отпустят. Во всяком случае, если для отдела кадров Дальстроя будет недостаточно вызова комбината, тогда придется хлопотать через Москву.

Последние дни мои усилия направлены на хлопоты о переводе тебе на дорогу денег, которые так же пошлю до востребования. Перед отъездом ты обязательно загляни на почту, хотя перевод буду добиваться телеграфный, но может и в этом случае быть задержка. Во всяком случае, моя родная, не беспокойся и надейся, что в этом году будем вместе. Если прожили девять с лишним лет

в разлуке, то теперь остались до встречи считанные месяцы и нервничать не следует. Правда, страстно хочется поскорее быть вместе, и потом решить вопрос о Камусиньке, как поступить с ней. Я от Коли получил беспокойное письмо, в котором он пишет, что они Камусю очень любят, и Камуся им тем же платит; но вот приближаются дни, когда они должны ее возвратить родным матери и отцу. Я ему ответил, что этот вопрос будешь решать ты. Конечно, для меня это не безразлично, но ты больше имеешь прав на его решение, ты мать!

В отношении твоей работы в Норильске я уже говорил кое с кем и даже имеется в виду швейная машина, на которой ты бы смогла работать. Во всяком случае, об этом не стоит беспокоиться, да и мастерские есть. Несколько беспокоит вопрос с квартирой, но и этот вопрос также утрясется, а первое время можно будет пожить в лаборатории. Последнее меня даже больше устраивает, особенно до приезда Камусиньки. Тем более, что лаборатория к осени будет отделана новая.

Теперь несколько о своей работе. Работаю по-прежнему много, но мне, кажется, устаю меньше. Работа интересная, Вот только что исследовал уголь нового месторождения. Оказались прекрасные уголь, и это лет через пять будет прекрасный уголь для комбината. Я не знаю чем объяснить, но производственной и строительной жизнью комбината настолько увлекаюсь, что сердце радуется каждому маленькому достижению. Вот сегодня днем слышу, гудит наша ТЭЦ — салют в честь получения Красного знамени и премии от министерства В.Д. за работу в мае. Так и хотелось кричать вместе с салютом и так, чтобы ты слышала. В новой лаборатории еще больше будет возможности заниматься творческой работой, и я думаю, что твой приезд будет большим стимулом к этому. Правда, я и теперь живу мечтами о нашей будущей жизни, но хочется скорей, скорей, чтобы эти мечты стали реальностью.

Моя любимая, родная женушка, приезжай же скорее, скорее ко мне! Как будто ты не хочешь того же са-

мого и тебя нужно спрашивать? Ведь по твоим письмам я чувствую, что ты так же страдаешь от этой разлуки. Но ничего, родная, успокойся, береги силы и здоровье, а любовь я для тебя всю сберег за эти долгие годы разлуки. Теперь еще несколько строчек о быте и здоровье. Последнее время желудок мой стал значительно лучше себя вести, причина его капризов — пониженная кислотность. Необходим Кисловодск, овощи, фрукты. Пока же заменяю все солянкой (не перепутай с селянкой). Живу у себя в лаборатории с разрешения командования, получаю сухим пайком и, оказывается, это большая помощь в работе и здоровье.

Перехожу к культурным развлечениям. Не так давно слушал оперетту, поставленную силами Норильска. Фабула из фронтовой жизни, когда одному красноармейцу никто не писал и вот, чтобы поддержать его (он из детского дома), ему организовали письма. Прислушал с большим наслаждением. Не преувеличивая, скажу, что за все эти годы получил наибольшее удовольствие. Реденько хожу в кино и несколько меньше читаю. Вот только что прочитал несколько томов комедий Мольера, а теперь перечитываю Тоголя, а некоторые вещи читаю впервые, особенно из его статей. В своих статьях Тоголь выглядит еще больше художником слова, чем даже в художественных произведениях. Мне хотелось бы прочитать тебе его статью о женщинах в 5-ом томе.

Верусинька! В одном из предыдущих писем я тебе советовал обратиться с просьбой в министерство В.Д. на имя зам. Министра Завенягина Авраама Павловича. Я тебе писал, что я от него лично получил по приезду в Норильск назначение работать инженером по обогащению угля и до сих пор работаю исправно, и мне кажется, что он распорядится перевести тебя. О всех изменениях в своей жизни телеграфирую мне.

Целую крепко,
твой Пётр.

24.07.1946 г.

Родная моя Верусинька! Хотелось бы эту кратенькую записочку переслать тебе скорее, чтобы ты, моя родная, порадовалась вместе со мной той большой радостью, которой весь я полон. Сегодня получили приказ по комбинату о льготах, в том числе есть мне три месяца, следовательно, срок окончания 19 июля. Как видишь, уже имею пять дней лишних. Конечно, я не жду вызова ни завтра, ни послезавтра, даже вообще в этом месяце, но в августе надеюсь освободиться. В предыдущем письме я писал тебе о своем желании видеть тебя в Норильске в сентябре, но обстоятельства изменились и теперь хочется, чтобы ты летела птичкой весенней, чтобы еще больше усилила мою радость. Моя родная, как хочется скорей, скорей видеть тебя, мою молодую старушку, обнять тебя и расцеловать твои глазки. Сколько слез они пролили за эти долгие годы разлуки, и они заслуживают того, чтобы были приглублены. Радость ты моя родная, приезжай же скорее, скорее ко мне. Все эти дни я несказанно волнуюсь, не имея вестей от тебя. Тебе пересланы вызов от Комбината 19 июня и перевод денег в первой половине июля, но от тебя нет никакой вести. Послал целый ряд телеграмм, а ответа от тебя нет. Страшно беспокоюсь, неужели тебя задерживают. Телеграфируй на Центральную лабораторию. Порою приходят грешные мысли, не раздумала ли ты ехать в Норильск. Я не пишу о том, что «не разлюбил ли», ибо это мне кажется поздно. Ты не брани меня за такие мысли, они бывают очень редки, да, по правде сказать, бывают ли, не выдумываю ли я их? Мне порою кажется до смешного то, что я очень уверен в тебе. Дело прошлое, за всю нашу совместную жизнь мне не приходила в голову не только мысль о твоей измене, или даже возможности измены, но даже думки о чем-либо подобном. И вот эти девять с лишним лет я так же относился к тебе и так же думал о тебе. Конечно, жизнь твоя была значительно тяжелее, чем моя. Как тебе Бог помог пережить? Но это все в прошлом. В настоящем хочу только видеть тебя,

дышать тобой и вместе с тобой забыть все горести. Когда я пишу эти строки и пытаюсь вообразить, какая ты стала, и мне смешно даже становится и весело от твоего преобразования. Я смотрю на женщин, которые в твоём возрасте, и мне кажется, что я никогда бы из них никого не полюбил. А вот ты другое дело. Ты мне мила даже в таком виде, как наша толстуха мамаша. А ты ведь если ещё не такая, то со временем будешь такой, и, как видишь, я и такую тебя люблю, да ещё как люблю.

Прошу тебя (как будто нужно тебя просить, будто ты сама этого не хочешь), приезжай скорей, отогрей душу у старика, омолоди ее. Я чувствую, что только ты волшебница надо мной, и только ты сможешь сделать со мной чудеса омолаживания. Я надеюсь, что ты сумеешь выхлопотать свой выезд. К нам из Красноярска на выезд не требуется никакого разрешения, однако в представительство комбината зайди и тебе окажут помощь в отправке на пароходе.

Пока до свидания. Целую крепко,

твой Пётр.

26.10.1946 г.

Родные наши Коля и Аня! Вот уже шестой день думается наше счастье и порою кажется, что оно не прерывалось. Единственно, что омрачает полноту наших сердечных переживаний, это отсутствие Вас. Как хотелось бы видеть Вас, обнять и расцеловать наших «старичков», милых и родных и самых близких нашим сердцам. Мы не сомневаемся, что вы радуетесь нашему счастью, но хотелось бы видеть Вас и вместе с Вами переживать эти радостные дни.

Дорогие Коля и Аня! Мы верим, что дождемся того дня, когда не в письме, а реально будем говорить с Вами и слышать Ваш голос и ощущать Ваше присутствие. Конечно, в письме нельзя передать всей картины нашей встречи, тем более биения сердец после долгих лет разлуки. Однако я попытаюсь изобразить момент нашей встречи.

Дело было на станции Дудинка, которая связана с Норильском узкоколейной железной дорогой. Я приехал из Норильска встретить Верусю, а она пришла к поезду встретить меня, но мы разошлись. Я пошел в зал для пассажиров, но ее не нашел, тогда я вышел на перрон и стал искать ее среди публики. И что же, вижу, она стоит на крыльце, которое ведет в служебное помещение. На ней была меховая шуба (еще свердловская), валенки и темнокоричневый берет. Когда я подошел к крыльцу и увидел, что она меня не узнает, я ей говорю: «Напрасно ждешь, он все равно не встретит», а сам поднимаюсь к ней на крыльцо, и когда подошел совсем близко, только тогда она узнала меня. Ну а дальше, все, что полагается при встрече близких и родных лиц.

Может вам показаться несколько странным и не вполне правдивым, но я искренне должен сказать, что с первого момента мы были вновь также близки, как были близки до нашей разлуки. Мне порою кажется, что никакой разлуки не было. Вы знаете меня, насколько я чуткий во взаимоотношениях и искренний. И вот я должен Вам сказать, что несмотря на молодость Веруси, она осталась благородной женщиной, женой, матерью, другом и товарищем. И я считаю, что все мои страдания благодаря ее благородству забыты, и до конца моей жизни дни окрашены в радужный цвет. Конечно, я ей многим обязан и постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы сделать ее счастливой и спокойной, тем более это не трудно для меня при ее скромных требованиях.

Коля и Аня! Вы может быть удивляетесь тому, что я пока не написал ни одного слова о Камусе. Но я думаю, что вы догадываетесь, что этот вопрос самый трудный для меня и для Веруси. Что за ее (Камусинькино) воспитание мы спокойны, это подтверждает и то, что Веруся, имея билет до Свердловска, все же остановилась в Красноярске и поехала дальше не в Свердловск, а в Норильск. Мы представляем, сколько сил и энергии Вы вложили в воспитание Камуси, и как она Вам близка

и необходима для дальнейшей Вашей жизни, но вместе с тем, как мы страстно хотели бы видеть ее. Мне кажется, единственно правильное решение этого вопроса было бы такое, чтобы вся наша семья собралась вместе. Но насколько выполнимо это, я пока что не решаюсь рисовать картины и не вижу путей к ее осуществлению. Конечно, самое легкое решение этого вопроса — приехать Вам жить в Норильск. Но в предыдущем письме я писал, что состояние моего здоровья таково, что мне необходимы если не фрукты, то, по крайней мере, в достаточном количестве овощи. Вместе с тем интересы дела еще заставляют задерживаться в Норильске. Хотелось бы дожить до пуска углеобогащительной фабрики. Вас тащить в Норильск как-то не хочется. Одним словом, рациональное решение этого вопроса хотелось бы оставить за Вами. В отношении наших реальных возможностей видеть Вас и Камусеньку — это, пожалуй, было бы такое решение — встретиться под Красноярском. Я хочу надеяться, что на будущее лето мне и Верусе удастся попасть в наш комбинатский дом отдыха под Красноярском, куда Вы с Камусей тоже могли бы подвезти хотя бы недельки на две. Если вы согласны на такой вариант, тогда будем принимать меры по подведению под него материальной базы.

Сегодня 26 октября — одиннадцатый день нашей новой жизни. И мы все еще не смогли написать Вам одного письма. Время занято так, что невозможно сосредоточиться. Пока что успели перечитать вместе Колины последние письма, адресованные мне. А до писем, адресованных Верусе, еще не добрались. Я три раза в неделю хожу в техникум — читаю курс «Дробление и грохочение», а в остальные дни я занят работой в лаборатории, да и готовлюсь перебираться в новое помещение лаборатории. Да и Верусе помогаю осваиваться. Живем пока в кабинете (у меня в лаборатории). Но после переезда в новое помещение у нас будет небольшая комната. В городе же квартиры раньше лета дать не обещают. Но и то, что мы имеем, нас на первое время вполне устраивает. Наши запросы слишком малы...

Привет

далекого

Ураша

Здравствуй дорогой папа!
Мы все чаще и чаще вспоминаем тебя
и маму, и все больше и больше ждем
вас. А мне особенно скорее хочется видеть
вас. - ведь я была совсем маленькая, когда
мы расстались. Но долгожданная встреча
уже близко. Нынче летом придет мама.
А на будущий год будем тебе ждать.
Вот мы скоро и увидимся. А я, папа,
стала совсем большая ты меня теперь
и не узнаешь. Так придется при встрече
мне тебе узнать. Ну да ладно как
нибудь узнаем друг друга только при-
езжай скорей! Папа я сейчас учусь в

четвертом классе, изучаю английский язык.
Говорят, ты и мама тоже его изучали. Вот
вы вернетесь и будем мы все трое разгова-
ривать на английском языке.

Дорогой папа, мне надо заканчивать
письмо. Пиши нам чаще. А тоже
буду тебе писать.

Будь здоров!

До скорой встречи!

Целую. Твоя дочь Катя.

3 апреля. 1946 года.

Приписка от Веры: *Дорогие мои, вот я и добралась, наконец, до Норильска. Путешествие мое продолжалось 1,5 месяца, вот только что избавилась от грязи, что приобрела в дороге, и начинаю осваиваться на новом месте. На работу пока что не устроилась, не знаю, куда еще. Беда вся в том — живем далеко. Не знаю, как я буду ходить одна, когда скоро, говорят, день будет продолжаться 2 часа, а остальное время — ночь. А работать надо, а то я имею какой-то вольный вид, а Петя с головы до ног надо сменить одежду, у него нет ничего. И вам надо помочь, но придется еще потерпеть немного, пока примем человеческий вид.*

ВСПОМИНАЮТ ДОЧЕРИ...

Рассказывает Кама Петровна,
старшая дочь Ярутиных

Моя мама (Зайцева) Вера Петровна была арестована 28 августа 1937 года как член семьи изменника Родины «ЧСИР». Это произошло через две недели после вынесения приговора папе Петру Яковлевичу Ярутину. Мне было 3 года, я была больна коклюшем в тяжелой форме, лежала в другой комнате, где как раз и шел обыск. Мама плакала и все время говорила своей сестре Анне Петровне: «Аня, почему меня забирают, что случилось?». Взрослые сделали все, чтобы у меня не осталось тяжелых воспоминаний об этом дне. И только много позже я узнала, что мне «повезло» в том, что я болела коклюшем. Только родная сестра имела право на то, чтобы я осталась жить у тети Ани, и меня не отправили в детдом.

Не знаю, сможем ли мы сегодня почувствовать семейную ситуацию, когда разлучены не только родители и дети, но и сами они не знают, кто из них в каком лагере находится. Они писали письма друг другу, а мне, их дочери, совершенно неожиданно в 1947 году пришлось узнать, кто мои родители и что

они в Норильске. Это было голодное послевоенное время. Я была худющая и маленькая. Меня вдруг стали собирать в дальнюю дорогу — к маме и папе! Мне сказали, что женщина, которая из Свердловска едет в Норильск, возьмет меня с собой. Я помню, как она по пути от Красноярска мешками покупала картошку, капусту: она-то знала, что овощи в Норильске только сухие продают... И вот наш пароход пришвартовался в Дудинке. Приветливая бойкая женщина посадила меня на мешки, и я сидела наверху и глазами искала маму с папой в Дудинке. И слышу голос женщины: «Она где-то здесь сидит...». А потом папа снизу ко мне руки протянул, и я спрыгнула прямо к нему... Это была незабываемая встреча с папой. «Иди ко мне!» — сказал папа и стал меня обнимать. Так мы встретились через 10 лет.

Потом мы из Дудинки в Норильск ехали по узкоколейке, тоже новое впечатление для меня. Приехали в Норильск, там уже на лошадке приехали домой. Двери нам открыла мама, сказала: «Уже приехали?». И заплакала... Мы зашли в комнату. Они жили в коммунальной квартире с двумя соседями. Наша комната была небольшой и квадратной. Для меня за ширмой стояла кровать и стол для занятий. В комнате мне сразу стало уютно. Я заметила везде вышитые салфетки, думочки — чистота и порядок.

Мама к папе приехала всего на год раньше, в 1946 году. Папа был уже на свободном поселении в Норильске. Мама мало рассказывала о том, что она пережила. Это было для нее мучительно, но из того, о чем она вспоминала, я поняла, что в лагере ее очень выручали руки, она стегала одеяла, шила детские игрушки, вышивала шторы, скатерти... Она была настоящая мастерица. Мама часто вспоминала Софью Швед, тоже свердловчанку. Они подружились в Томской тюрьме, где им долго пришлось жить. Софья Швед об этом времени написала воспоминания. Они были опубликованы в Челябинске в 2005 году благодаря ее сыновьям Феликсу и Александру. В книге «За-

Камусе 4 годика

ветные тетради» Софья Швед пишет и о нашей маме. Из этой книги я многое узнала, о том, что пережила мама, о том, о чем она молчала, когда вернулась к семье. Вот почему я хочу привести страницы из книги Софьи Швед.

«Три недели пути в теплушке, и мы, наконец, в Томске. Нас выстраивают колонной человек в двести, и мы впервые со времени ареста шагаем пешком по улице города. Всюду с любопытством и испугом разглядывают процессию пестро одетых женщин, явно не похожих на уголовников. Старушки крестятся и издали крестят нас, опальных. Пришли в какой-то огромный барак с двухэтажными нарами, стоявшими четырьмя рядами во всю длину здания. Там уже женщины из других городов. Теснота невообразимая. Нам сообщают, что в Нарым нас повезут только весной. Там будто бараки еще не построены. На нарах мы оказались рядом с Верой Ярутиной, и мы сразу как-то «прилипли» друг к другу. Барак решили разгрузить. Сделали это довольно

Маме от Камы

оригинальным способом: объявили запись на зимние вещи (рейтузы, варежки, чулки и т.д.). Когда в списке набралось пятьдесят человек, сказали: «Хватит, больше записывать не будем, а кто записался, собирайте вещи в дорогу». На улице стоят два грузовика. Привезли нас в тюрьму, в изолированную угловую камеру. От многих женщин я потом слышала,

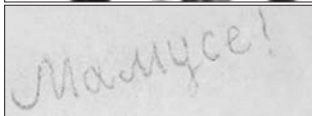
что, переступив порог этой камеры, они подумали: «Отсюда живыми не уйдем». Так же думали и мы.

Чтобы не поддаваться унынию, затеваем разные игры, беседы, лекции. Рассказывали о своей работе геолог, зоолог, повар и т.д. Запомнилась надпись на стене: «Заповеди ЗК — не верь, не бойся, не проси и лишних слов не говори. Юсуп Мухитдинов». В мудрости ему не откажешь...»

Софья Швед рассказала, как одна из заключенных обратилась ко всем со словами: «Что-то вы приуныли, надо вас расшевелить. Сыграем в такую игру: я буду говорить, что я люблю, а вы, если будете со мной соглашаться, поднимайте руку... «Люблю крыс в сметане или вошь на аркане...». Многие женщины по инерции поднимают руки, и тогда раздается смех, всеспасающий смех...

«Из нашей компании никто всерьез не пострадал от цинги, никто не сошел с ума, «не ушел за ворота», не сидел в карцере. И за это все мы должны благодарить друг друга. Мы были очень «дружные ребята», заставляли друг друга гулять, работать на свежем воздухе даже в самые холодные и ненастные дни,

старались иметь про запас для всех какой-нибудь сухарик или кусочек сала на самый черный день, постоянно старались быть занятыми, поддерживать бодрое настроение. Все это помогало. Из кого же состояла наша компания? В основном это были землячки-свердловчанки: Вера Ярутина — наша самая улыбчивая, добросердечная и энергичная художница, жена директора Уральского горного института; Надя Заостровская — химичка; Носова — кандидат педагогических наук»... (далее довольно большой список).

*На память дорогой маме
от дочки Камы*

Норильск меня очень удивил. Белые ночи летом — можно не спать, а читать за ширмой. С папиным приятелем Афанасьевым мы ходили в тундру, собирали ягоды, грибы. Запомнились мне слова Афанасьева, друга папы и соседа по коммуналке: «Я работаю на агрегате «САМПРИ». Так называл он тачку. Когда я приехала в Норильск, я опоздала в школу на месяц, и меня не взяли в шестой класс. Папа пошел в школу и договорился о том, что меня месяц не будут спрашивать, а он со мной позанимается алгеброй и геометрией. Я потом пятерки получала. Ребята перешептывались, глядя на меня, а потом мы подружились, да так, что и теперь еще перезваниваемся. Помню, как всем нам школьную форму шили. У нас был то стоячий воротничок, то отложной у платья, а в 10-м классе разрешили выбрать свой фасон. Я в этой форме и на первом курсе института ходила на занятия. Я очень хорошо помню Норильск. Вместо молока родители покупали сгущенку. Когда мы ходили гулять летом в тундру, с собой брали баночку

как лакомство. Жили мы на втором этаже, ни воды, ни туалета — все на улице. Воду в дом носила я, а когда мама стирала, это делал папа. Жили без печки, но отопление было. Были электрические плитки, на них и готовили, и грели обед. Все овощи были сухие, не вкусные. Получали мясо, варили суп и туда бросали сухие овощи. Получалось на вид красиво, казалось вкусно. Когда мама пошла на работу, я научилась суп варить и обязательно туда лучок клала. Однажды я увидела, как прохожие несут настоящую картошку. Я выстояла очередь и купила мешок. Домой тащила его по земле волоком. Мы черпали картошку из мешка лопатой, она стала оттаивать. А мама удивлялась, как я дотащила такой тяжелый мешок. Она вырезала кусочки более-менее замороженные, твердые и сделала обед. Это было самое вкусное блюдо за два года моей жизни в Норильске, столько мы не видели ничего свежего... А в это лето стали завозить свежие овощи. Мы даже ели диковинную капусту — кольраби.

*Анна Петровна и Николай Брюхановы
с Камой, 1946 г.*

Свердловская мама к стряпне меня не привлекала, оберегала от всего, а мама в Норильске стала учить меня всему, я и полы мыла и убирала в доме, и каждую субботу стряпала и пекла печенье. Мама учила меня вышивке, ришелье тогда было очень популярным. Пока мама не работала — негде было, то брала заказы на дом. Какие шторы она шила! На заказ вышивала и сама рисунки сочиняла.

Мы всегда вместе обедали, потом на улицу выходили гулять. В Норильске люди ловили каждый теплый день. В мае на демонстрацию еще по-зимнему одевались. А как только теплая погода наступала, народ сразу раздевался! Надоедало в теплых одеждах ходить... А наши мальчишки с отцами на охоту ходили на куропаток. На физкультуре на лыжах бегали. Однажды я на Вальке в соревнованиях участвовала, задержалась там... Только зашла домой, как папа мне сразу: «Ну наконец-то вернулась! Я же переживаю, еле дождался! Все уже передумал...» В Норильске легко заблудиться, особенно если заметала поземка. Такие случаи были, поэтому папа и волновался.

Помню, когда я училась в 9–10 классах, недалеко от школы поставили скамеечки и разбили сквер. Я смотрела фотографии, которые были сделаны около школы и в окрестностях Шмидтихи... Норильск мне очень понравился. А когда уже в институте училась и приехала к родителям на каникулы, тогда я на Зуб-гору ходила. В школьные годы почти каждую субботу у нас были танцы. С каким удовольствием мы танцевали под музыку! А однажды мы с папой шли по улице и навстречу нам — колонна заключенных. По сторонам собаки, колонна встала на колени, не знаю, кто и что там нарушил. Посмотрела на папу. Он стоял и что-то мне объяснял, а я ничего не слышала: так была потрясена тем, что увидела другой Норильск. В 1947 году из Красноярска мы плыли на пароходе в Дудинку: там тоже были заключенные. Видела большущие плиты и на них огромные чаны — в них еда варилась... Самих заключенных не виде-

ла, их из трюмов не выпускали. Еще я запомнила, как днем и ночью в Горстрое строили многоэтажные дома. Здесь зимой всегда яркие прожекторы светили. И стройка была огорожена высоченным забором, за которым трудились заключенные. О лагерях с нами взрослые не говорили, и такую стройку мы воспринимали, как должное. Правда, были места, где нам ходить запрещалось. Папа меня как-то напугал тем, что сказал: «Если вольнонаемные там ходят, с вышек стреляют». Я туда никогда не ходила. Мне навсегда запомнилось это...

Мы жили с соседями на своих 13 квадратных метрах, и так все у нас было удобно и уютно. Может, потому, что наша мама была мастерица: шила, вышивала шторы, салфетки, а я каждый день с красивым воротником на форме в школу ходила и меняла их каждый день... Иногда думаю: какую трудную жизнь прожили мои родители, да и мы с Леной. Она в 1951 году родилась в Норильске, а радоваться мы все равно не разучились. Может потому, что мама с папой нам такой пример стойкости показывали всей своей жизнью. И все время мама повторяла мне: «Мало ли что в жизни случится, ты Лену никогда не бросай». В Свердловске мы с первой мамой жили на пятом этаже, там света в подъезде не было, и я очень боялась темноты. Кричала: «Мама!» и мчалась вверх... А в Норильске, хотя погода была очень суровая, я как-то быстро освоилась и привыкла к разным трудностям. Мама сшила мне длинное пальто с капюшоном, и ветер был мне нипочем. Может, еще раньше уральская зима меня закалила. Правда, в арку навстречу ветру зайти было очень трудно, но зато, если ветер в спину дул, я садилась на портфель и ехала на нем с ветерком. Мы с отцом любили тундру, а мама — нет. Ходили по 8 километров туда и обратно столько же. Обычно мы с Афанасьевым и Макаровым на природу удалялись... Вот чему научил меня Норильск, так это общению с людьми... Не помню ни драк, ни скандалов, ни неприятных происшествий. А как там от-

крываются люди! Притвориться хорошим никто там не сможет...

В 1984 году я с однокурсниками ездила по туристической путевке «Красноярск–Диксон–Норильск». Сутки были в Норильске. Нас встретила Надежда Степановна Колесникова, мы на одном курсе в свердловском институте учились. Она нас очень ждала, по всему Норильску провезла, все показала. Меня поразили многоэтажные дома на сваях... Зашли в кафе. До сих пор помню красивое панно из оленьих шкур... Ярких впечатлений было много. Потом мы у Надежды Степановны обедали за длинным столом: нас было много. Помню, когда она нас угощала северными ягодами, я спросила: «Далеко ли за ягодами ходите?». И услышала: «На вертолете!» Всю природу уже вокруг города загубили, это очень меня расстроило. А сам Норильск мне понравился. Обрадовало, что Надежда Степановна осталась прежней: простой, приветливой, как в молодости. А ведь

*Петр Яковлевич (56 лет), Вера Петровна (43 года), Кама (18 лет)
и Леночка (7 месяцев).
Норильск, декабрь 1951 г.*

ее муж Борис Иванович Колесников был директором Норильского комбината, можно сказать, первый человек в Норильском промышленном районе. Б.И. Колесников руководил комбинатом больше всех директоров — 15 лет. Норильчане называют его самым лучшим директором за всю историю Норильского комбината.

С высоты своей прожитой жизни я с большой благодарностью вспоминаю своих родителей: у меня их оказалось больше, чем у других норильчан... Я всего пять лет прожила в Норильске, но я ему также благодарна, как и своим родителям... После уральских морозов меня удивили не холода, а солнце днем и ночью летом, высокие травы, морошка, голубика, багульник и бесконечная лесотундра... Я благодарна Норильску за свое детство: здесь любили детей все взрослые, кем бы они ни были...

Когда я подросла, мама стала мне кое-что рассказывать из лагерной жизни, например, о жене Николая Бухарина... Она вспоминала многих репрессированных. Умудренные горьким житейским опытом, родители не рассказывали о лагерных пережитых страданиях, но всегда вспоминали благородство и помощь людей, их доброту и участие... Поколение наших родителей — это люди особой закваски. Они трудолюбивы, талантливы, добры и мудры.

У нас в семье хранится пожелтевший, уже обветшавший лист со стихотворением и подписями студентов, которые поздравили Петра Яковлевича Ярутина с 70-летием. Студенты группы ОП-60-2 посвятили ему стихотворение. Им я закончу свои воспоминания о моих дорогих родителях.

**Петру Яковлевичу Ярутину
в день семидесятилетия**

*Сегодня Вы уж сединой покрыты,
Вам стала трость походная родной,
Ведь семьдесят годов уже прожито*

*Ну, а для нас Вы — самый молодой.
Спасибо Вам за чуткую заботу,
За теплые слова в тяжелый час,
За Вашу неустанную работу,
За все, за все, что сделали для нас.
Мы ценим Вас — гвардейца-коммуниста,
С железной волей стойкого борца,
С душой романтика и оптимиста,
И видим в Вас строителя — творца.
Желаем Вам успехов и здоровья,
Живите, радуйтесь, вперед глядя,
Мы пишем это с искренней любовью
И ставим Вас примером для себя.*

Рассказывает Елена Ярутина-младшая

Норильск — моя родина, и этим он дорог моему сердцу, хотя я совсем мало помню о своей жизни в нем. Там прошло мое раннее детство, первые пять с половиной лет. Остались «лоскутные воспоминания»: вот загорается свет под матерчатым желтым абажуром, значит, придется просыпаться, пришло утро, наступает зимний день... А за окном будет темно весь этот день... Вспоминаю прогулку с папой вдоль дома по ул. Севастопольской, где мы живем. Наши соседи по квартире — близкие друзья Афанасьевы. Меня везут на санках по базару, мои санки — вторые, а на первых едет моя норильская подружка Оксана, внучка папиного друга Владимира Ивановича Макарова...

*Петр Яковлевич Ярутин,
16 декабря 1929 г.*

Я прожила бы в родном городе, наверное, еще долго. Ведь перед моим рождением в 1951 году отец остался без паспорта, попав под действие «Постановления МГБ СССР от 2.12.1950 года» и получив вечную ссылку в Красноярский край. Тогда многие подверглись новым репрессиям, а кто успел выехать с Севера, снова попали в тюрьмы и лагеря, получив новые сроки по старым обвинениям.

Мне не кричали вслед «дочь врага народа», не принуждали к отказу от отца, но печать 1937 года была на мне всю жизнь. Я с детства знала о лагерной судьбе родителей, о том, что сестру Каму 10 лет воспитывали тетя Аня и дядя Коля... И знала, что все это было наказанием «ни за что». Говорить об этом было запрещено. Я чувствовала себя другой, не как все вокруг меня. У одноклассников отцы воевали, имели награды, а я молчала: ведь моему папе было отказано в просьбе отправить его на фронт, с его 58-й статьей туда не отправляли.

Мои родители встретились и поженились в 1930 году. До 1937 года у них родились две дочки: Люся в 1931-м и Кама в 1933-м. В 1931-м году отца назначили директором Свердловского горного института. Семья получила квартиру в центре города из 4-х комнат. Время у отца было тяжелое: организация факультетов, строительство новых корпусов, преподавание и научная работа... Нагрузка на организм была такой, что он дошел до нервного истощения: в ответ на чьи-либо слова начинали течь слезы. Его вынудили уехать в санаторий. По его рассказам, когда он принимал душ Шарко и струя воды под давлением била по телу, он не ощущал никакой боли. В 1935 году отца послали в город Асбест открывать новую обоганительную фабрику. Там родители потеряли старшую дочь вследствие тяжелой болезни сердца. Они вернулись в Свердловск в 1936 году. Отец продолжил работу на кафедре института, а мама стала художником по росписи ткани. Отца забрали с работы 19 апреля 1937 года, осудили 5 августа по ст. 17, 58-8-11 УК

РСФСР на 10 лет тюремного заключения и пять лет поражения в правах с конфискацией всего личного имущества. Ему исполнился на тот момент 41 год. Маму арестовали дома, в ночь на 28 августа. Ей было неполных 29 лет. Вот как мама вспоминала эту ночь в своих заметках, написанных в 80-х годах:

«Ночью стук в дверь: возьмите телеграмму. Оказалось, пришли арестовывать меня. Я чуть с ума не сошла, и чуть не выбросилась с 5-го этажа от позора быть арестованной. Из дома меня повезли в школу-тюрьму, подвели к двери, я думала, сейчас меня оставят с преступниками... Вошла испуганная, и такой у меня был вид, что когда закрыли дверь, лежащие на полу женщины закричали: «Не бойся, здесь жены!». Одна из них позвала меня: «Ярутиха, иди сюда, ложись со мною рядом». Это была Надежда Заостровская (по мужу Гребнева). К следователю вызывали один раз, там я ничего не подписала против мужа. А через месяц мы, жены, получили свои сроки за мужей, что не донесли в органы об их якобы контрреволюционной деятельности... Одним дали 5 лет, другим — 8, и на вопрос, почему так, начальник ответил, что одни были жены, а другие женушки...».

Первые два года заключения папа отбывал в Полтавской тюрьме, он до 1939 года не знал о мамином аресте. Сохранилось одно письмо из Полтавы домой семье, и единственное мамино из Томска, где она находилась первые два года из восьми. О жизни в Томской женской тюрьме хорошо написала в воспоминаниях Софья Швед. В 1939 году отец попал в Норильлаг. Здесь он смог работать по своей специальности горного инженера, а с 1941 года заниматься и научно-исследовательской деятельностью. Научную работу он очень ценил, мне говорил, что это самое интересное занятие. Оно помогало ему выживать в лагере и не впадать в отчаяние.

Мама из Томска попала на Колыму. Вот выдержка из ее воспоминаний: *«В Томске мы все жили надеждой, что скоро откроется правда, и мы вернемся*

домой. Но потом поняли, что нас и не думали отпускать. Рабочая дешевая сила была очень нужна. Через год начали отправлять этапы в лагеря. Я попала на этап до Колымы. Путь был нелегким, тревожным. В Находке мы были несколько дней, и я видела лагерь, в котором мужчины умирали от истощения и болезней. И вот настал день отправки нас на корабле в Дальстрой. Вызывали по алфавиту, моя буква была последняя. Когда я вошла на пароход, все четырехэтажные нары были заняты, и нам пришлось лечь под нары. Бегая по нам, нас били хвостами хомяки и крысы. Началась качка. Мы лежали, не поднимаясь, и не могли есть даже то, что нам давали. В пути корабль получил пробоину, аварию удалось ликвидировать, и мы остались живыми. Помню только, что когда мы вышли на берег, я чуть не упала... Обессиленные мы шли по улицам Магадана, на нас смотрели люди и наверное думали, сколько же врагов развелось у нас... А ведь это шли невинные матери, а также их дети, страдающие без матерей и отцов...».

Они жили в бараках, ходили под конвоем на работу. Мама сильно испортила зрение на швейных и вышивальных работах. Освещение было плохое, зрение ухудшалось со временем. В результате такой нагрузки на глаза последние 15 лет своей жизни мама прожила, уже совсем ничего не видя. Читаю ее письма и понимаю, как ей нужны были весточки от родных. Из Свердловска ей писали дедушка, мамин отец Петр Михай-

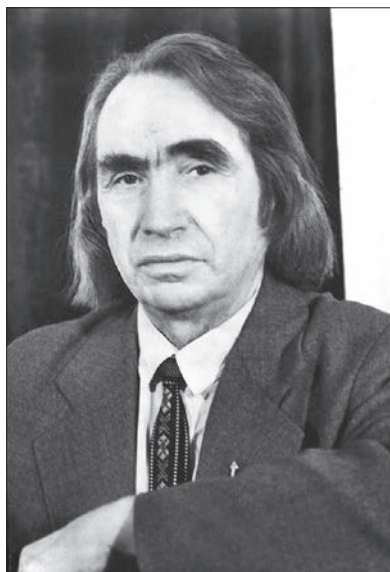
Супруги Ярутины
возвращаются с дачи.
Свердловчане говорят: «Из сада»,
1974 г.

лович Зайцев, сестра. Особенно ценными для нее были весточки от дяди Коли Брюханова: он очень подробно писал о Кама, о семейных событиях. Это был рассказ о свободной жизни. В отличие от папы, находившим утешение в своей любимой работе, мама жила только надеждами. Встретились родители в Норильске осенью 1946 года. Их разлука длилась 9,5 лет, пока они снова оказались вместе. Добиралась мама из Магадана в Норильск полтора месяца, с трудом попала на последний осенний рейс по Енисею. 1947 год они встречали вместе. Папа уже был свободен с августа 1946 года. Он получил снижение срока на 9 месяцев. Оба были раздеты-разуты. В первую норильскую зиму мама носила на голове платок, подбитый ватой. Осенью 1947 года к ним приехала Кама.

Кама пошла учиться в школу № 1, папа работал и преподавал в техникуме. А мама освоила специальность химика-препаратора и тоже стала работать на комбинате.

Возвратившись в Свердловск после реабилитации, первое время жили на пенсию отца. Не богато, но я и сегодня помню радость своих родителей от каждого дня их свободной жизни. Мой дорогой папа еще успел поработать по своей любимой специальности. С 1961 года по приглашению ректора он работал на кафедре Горного института. Преподавал, принимал экзамены у студентов, писал статьи. Студенты его любили и уважали. Закончил он трудиться лишь в 1977 году, сдало сердце. В феврале 1979 года мы его похоронили. Мамочка прожила почти 102 года, она скончалась в 2010 году. До последних дней своей жизни она никак не могла забыть, что ее водили под конвоем, она часто плакала о своей несчастной судьбе.

*Николай Петрович
Попов*

Николай Попов:
«Автографы Победы»

*Николай Петрович Попов (второй справа).
Минусинск, 2003 г.*

В 9-м томе воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...» Николай Петрович Попов рассказал не веселую, но такую типичную для военного времени историю своей семьи: в 12 лет он остался один, отец воевал, а мать арестовали, и она оказалась в норильских лагерях. Ему повезло: его семьей стал полк, где он обрел настоящую заботу и профессию музыканта духового оркестра. И разве удивительно, что он стал собирать автографы Победы? К героям Великой Отечественной войны у Николая Петровича особые чувства уважения и благодарности. Сегодня Н.П. Попов рассказывает о своей коллекции и вспоминает добрым словом отца Петра Ивановича Попова, который с войны не вернулся.

Международное Агентство Рекордов и Достижений признало, что самая большая в мире коллекция автографов Героев Советского Союза принадлежит россиянину из Минусинска Николаю Петровичу Попову, чей норильский стаж более 40 лет.

Знаете ли вы, что собирательство было присуще еще первобытному человеку? На острове Корсика на стоянке первобытного человека археологи нашли клад из 32 крупных раковин. В одной из пещер Чехословакии на такой же стоянке обнаружили набор белых камешков, это была работа коллекционеров каменного века. Египетский фараон Аменхотеп собрал большую коллекцию печатей всех домов древнего Египта. В 2575 году до нашей эры ее захоронили вместе с хозяином. Александр Македонский имел большую коллекцию подаренных ему монет. После его смерти она перешла к одному из его полководцев, одному из первых нумизматов древности Лизимаху. Сам термин «коллекционирование» ввел в обиход Марк Тулий Цицерон.

В России историю собирательства автографов можно было бы начать с Киевской Руси — с XII века с автографа неизвестного автора «Слово о полку Игореве». Этот автограф, как памятник древней русской литературы, нашел и опубликовал впервые крупнейший коллекционер России А.И. Мусин-Пушкин. После него остались богатейшие коллекции книг, рукописей, предметов старины, документов, монет и наград. Он разыскал и спас от гибели Лаврентьевский список начальной летописи, псковскую и никоновскую летописи, книгу Большого чертежа. Особой была эпоха Петра I. Он не только сам был неутомимым коллекционером, но и придал собирательству государственный характер. По его указу велено было собирать все, что было «...дивно и необычно». Именно Петр I создал первый в России Русский музей. С давних пор люди стремились сберечь память о других людях, закрепленную в письменной форме. В музеях, в архивах, в библиотеках любой страны мира бережно сохраняются (собираются, изучаются, публикуются, выставляются) автографы замечательных представителей народов. И все же несмотря на повышенный интерес государств и правительств к централизован-

ному хранению реликвий, тысячи и тысячи писем, дневников, фотографий, надписей на книгах и прочих автографов, многие коллекции находятся в частных руках и передаются из поколения в поколение... Я тему своего собирательства обозначил так: «Автограф — историко-документальная коллекция».

Обычно ценность автографа определяется популярностью и значимостью лица его проставившего, древностью надписей и качеством его сохранности. Запрещено использование автографов в коммерческих целях. НАСА объявило выговор экипажу космического корабля «Аполлон-15» за попытку использовать полет на Луну в корыстных целях. По свидетельству НАСА, Дэвид Скотт, Джеймс Ирвин и Альфред Уорденг захватили с собой в полет 400 почтовых конвертов. Прибыв на Луну, Скотт и Ирвин сделали на конвертах надписи: «Посадка на Луне, 30 июля 1971 года» и поставили свои автографы. По возвращении на Землю они передали сто из них некоему Зингеру для реализации. Этот делец от филателии продал конверты за 150 000 долларов с помощью рекламных объявлений в газетах. Представитель НАСА заявил, что, хотя космонавты «вовремя осознали свой поступок и отказались от денег... НАСА не может оставить безнаказанными такие действия. Их поступок будет принят во внимание при рассмотрении их кандидатур для участия в будущих полетах».

Мне приятно было прочесть, что Международное Агентство Рекордов и Достижений сообщило, что самая большая в мире коллекция автографов Героев Советского Союза принадлежит мне. За 30 лет своего коллекционирования я собрал на почтовых конвертах и другом филателистическом материале 560 автографов, включая росписи наших прославленных космонавтов и летчиков-испытателей.

Мой отец ушел на фронт в 1942 году. Больше я его не видел. Наступил победный май, а мы с мамой продолжали оставаться в неизвестности и часто вспо-

минали папу. А вскоре арестовали маму и отправили ее в Норильлаг. Меня отправили в детдом, откуда я с друзьями бежал. С этого времени в мою судьбу надолго и прочно вошла военная семья.

Никогда не забуду, как в незнакомом городе я пришел в часть и обратился к какому-то офицеру. Он тут же скомандовал: «Накормить воспитанника!» Началась моя настоящая жизнь: я учился, осваивал не только школьные предметы, но и трудился в мастерских по ремонту оружия. На одном из концертов, где я читал стихи, один из генералов мне, мальчишке, пожал крепко руку и подарил огромный пакет дорогих конфет. Этот роскошный подарок я и теперь вспоминаю с волнением. Из оружейной мастерской меня перевели в полковой духовой оркестр. Дирижер старший лейтенант Владимир Наумкин долго не соглашался принимать меня в оркестр, причиной тому был мой маленький рост. Дать мне в руки какой-нибудь духовой инструмент он не решился и вручил барабанные палочки, мешочек с песком — занимайся! Недолго я отбивал папа-мама, папа-мама, так называемые «двойки». Старшие воспитанники дурачились и порвали мой мешочек. Я со слезами явился к дирижеру. И тогда он доверил мне духовой инструмент — тенор. К весне 1947 года я уже играл в оркестре, исполняя партию второго тенора. Первое исполнение, в котором я участвовал, — прово-

ды демобилизованных фронтовиков. Знаменитый марш Агапкина «Прощание славянки» я уже играл на память.

Осенью этого же года по совету старших воспитанников я переехал на Украину в город

Маленький Коля с родителями

Золочев, туда, где растут яблоки и много теплых летних дней. Это была главная причина моего согласия поменять воинскую часть. Меня приняли в военный оркестр 40-й Гвардейской пушечно-артиллерийской бригады, которой командовал в то время сын легендарного Чапаева полковник Александр Чапаев. Хорошо было служить на Украине, есть яблоки, наслаждаться солнышком, но меня все время тянуло в Красноярск, в родные места. Все это время связи с мамой у меня не было.

По моим подсчетам, она должна была освободиться из Норильского лагеря в 1949 году. На дворе был именно этот год. Я уже мало-мальски играл на духовых инструментах.

Подробности своей жизни до Норильска и 40 лет работы в этом городе я описал в 9-м томе воспоминаний норильчан. Поэтому сегодня я расскажу о своих коллекциях и прежде всего о той, что посвящена Героям Великой Отечественной войны. Я начал собирать коллекцию в Норильске, продолжил в Минусинске, куда я приехал в 1995 году на постоянное жительство. Здесь я снова окунулся в жизнь, связанную с военной службой, с офицерами, которые воспитывали и учили молодежь в кадетском корпусе. Конечно, я снова играл в духовом оркестре и продолжал пополнять свои коллекции.

В Минусинске невозможно не заметить просветительскую деятельность краеведческого музея име-

*13-летний Николай Попов —
сын полка.
Сретенск, в/ч 18076*

ни Н.М. Мартьянова. Благодаря этому творческому коллективу я выставлял многие свои коллекции, в их числе были и посвященные минусинцам, в честь которых названы улицы города. Первая большая выставка в музее была посвящена Героям Советского Союза в марках. И посвящалась она 50-летию Великой Победы. Потом были такие темы: «40 лет космической эре», посвященные полководцу А. Суворову, космонавту А. Леонову и многим другим. Я выставлял конверты, марки, открытки... Работники музея не просто предоставляли для коллекции залы, но и всегда помогали мне в их оформлении, за что публично выражаю им огромную благодарность.

Автографы Победы — это самая большая и дорогая для меня коллекция. Я не случайно выбрал эту тему: ее мне продиктовала моя жизнь. С фронта мы с мамой, кроме одного письма с дороги, больше не получили ни одной весточки. Мы ждали чуда, но оно не произошло. Так называемую «похоронку» получила в 1947 году бабушка, мать отца. Позже, уже в 70-е годы, я много писал запросов, но получал на них в основном отписки. В 80-х годах в газете «Красная звезда» я прочитал рассказ о поисковой группе, которая вела поиск солдатских останков на месте боев под Сталинградом. В статье рассказывалось о найденных останках П.И. Попова. Он был вторым номером расчета. Мы снова стали посылать в разные адреса запросы, но ничего о том, кому принадлежат найденные останки П.И. Попова, установить не удалось. Возможно, это был однофамилец отца. Как многие начинающие коллекционеры, я собирал марки и конверты по темам: искусство, космос, флора-фауна... Я и сегодня состою в обществе филателистов в г. Абакане. С годами я понял, что главной для меня осталась военная тема: Герои Советского Союза. Из множества имен этих заслуженных людей сегодня я выбрал тех, кто так или иначе был связан с Норильском.

ОНИ ПОХОРОНЕНЫ В НОРИЛЬСКЕ

Давыдов Василий Иннокентьевич (1919—1968)

Майор Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1946). Василий Давыдов родился 20 декабря 1919 года в селе Большой Улуй (ныне — Большеулуйский район Красноярского края) в семье крестьянина. В 1939 году он окончил Ачинское педагогическое училище, после чего работал учителем. В сентябре 1941 года Давыдов был призван

на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию. В 1942 году он окончил Сретенское военное пехотное училище. С марта 1942 года — на фронтах Великой Отечественной войны. В 1943 году он окончил курсы усовершенствования командного состава. К апрелю 1945 года капитан Василий Давыдов командовал 1-м стрелковым батальоном 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта. Отличился во время штурма Берлина.

В ночь с 28 на 29 апреля 1945 года батальон Давыдова переправился через Шпрее и захватил здание Министерства внутренних дел нацистской Германии. 30 апреля 1945 года во главе группы разведчиков, действуя вместе с батальонами капитана Неустроева и старшего лейтенанта Самсонова, Давыдов принял активное участие в штурме Рейхстага

и водружении над ним Красного знамени. За девять дней боев в Берлине батальон Давыдова уничтожил большое количество солдат и офицеров противника, более шестисот взял в плен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1946 года за «умелое руководство батальоном, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками» капитан Василий Давыдов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 9040.

В 1947 году Давыдов окончил офицерскую школу штабной службы. В 1949 году в звании майора он был уволен в запас. Проживал и работал в Тюмени, потом в Норильске, умер 13 июня 1968 года. Был похоронен на старом кладбище Норильска, но в день 30-летия Победы вместе с Героями Советского Союза Дмитрием Ковальчуком и Семеном Уганиным перезахоронен на новом кладбище «Голиково» в Норильске. В честь Давыдова, награжденного орденами Красного Знамени и Отечественной войны 2-й степени, рядом медалей, был назван один из совхозов и улица в селе Тюхтет Красноярского края.

Уганин Семен Артемьевич (1924—1959)

Старший сержант Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза родился 7 января 1924 года в деревне Матаки (ныне Дрожжановский район, Татарстан) в крестьянской семье. По национальности — чуваш. Окончил 9 классов средней школы. Работал в местном колхозе. В РККА с 1942 года, на фронте с августа этого же года. Весной 1944 года Уганин стал командиром минометного расчета 2-й минометной роты 360-го стрелкового полка (74-я стрелковая дивизия (2-го формирования)). Отличился и проявил себя в боях

за освобождение Молдавии и при форсировании реки Днестр. 5 марта 1944 года в районе села Рубатый Мост старший сержант Уганин поднял свой расчет в атаку. Первый ворвался во вражеские окопы, убил четырех солдат противника. Преследуя противника, уничтожил еще трех. 28 марта, при форсировании Днестра в районе села Трестияны Уганину удалось одному из первых со своим расчетом переправиться на правый берег.

Когда противник перешел в контратаку, Уганин и его подчиненные открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов, сорвав наступление противника. С криком «Ура!» отважный старший сержант поднял свой расчет в атаку, тем самым «отогнав» врага.

Через два дня во время атаки опорного пункта у деревни Капиотаны расчет был окружен противником, но отважным минометчикам в течение нескольких часов удавалось отбивать атаки и уничтожить большое количество вражеских солдат. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года старшему сержанту Уганину было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1947 году Уганин был демобилизован. Жил в Норильске, работал проходчиком на руднике «Таймырский». Скончался 18 июля 1959 года. Был похоронен в Норильске на старом кладбище по улице Нансена. 9 мая 1975 года тело героя было перезахоронено на новом кладбище «Голиково» вместе с другими Героями Советского Союза — Дмитрием Андреевичем Ковальчуком и Василием Иннокентьевичем Давыдовым. На могиле им установлен общий памятник.

Ковальчук Дмитрий Андреевич (1919—1958)

Капитан Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1945). Дмитрий Ковальчук родился 1 июня 1919 года в селе Кидрасовка (ныне — Бершадский район Винницкой области Украины). После окончания семи классов школы работал в колхозе. С 1939 года проживал в Ижевске, работал грузчиком на заводе «Ижсталь». В 1940 году Ко-

вальчук был призван на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. С ноября 1941 года — на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Калининском, Северо-Кавказском, 1-м и 2-м Украинском фронтах, три раза был ранен. К декабрю 1944 года капитан Дмитрий Ковальчук был заместителем по строевой части командира батальона 1077-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии 46-й армии 2-го Украинского фронта. Отличился во время освобождения Венгрии. В ночь с 4 на 5 декабря 1944 года Ковальчук в составе передового отряда дивизии переправился через Дунай в районе населенного пункта Текель в 12 километрах к югу от Будапешта и принял активное участие в захвате плацдарма. В течение последующих суток Ковальчук участвовал в отражении 16 немецких контратак, ведя огонь из ручного пулемета. На следующий день во время боев за расширение плацдарма он получил тяжелое ранение.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за «образцовое выполнение зада-

ний командования и проявленные при этом мужество и героизм» капитан Дмитрий Ковальчук был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 4878. В 1946 году Ковальчук был уволен в запас. Проживал и работал в Норильске. Скоропостижно скончался 30 апреля 1958 года, похоронен на кладбище «Голиково» в Норильске. Был также награжден орденами Александра Невского и Красной Звезды, рядом медалей. В честь Ковальчука названа улица в его родном селе.

СЕМЕРО ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СВЯЗАЛИ В РАЗНЫЕ ГОДЫ СВОЮ СУДЬБУ С НОРИЛЬСКОМ

**Дьяченко Федор Трофимович
(1917–1995)**

Майор Советской Армии, участник Великой Отечественной войны. Федор Дьяченко родился 16 июня 1917 года в селе Бетяги, ныне — Великие Крынки Глобинского района Полтавской области Украины в крестьянской семье. В 1934 году окончил девять классов школы, после чего работал в колхозе, позднее штукатуром на стройках на Кавказе. Был осужден за драку с милицией и отправлен в Норильск. После начала Великой Отечественной войны неоднократно подавал заявления об отправке на фронт. Ударным трудом на строи-

тельстве Дома инженерно-технических работников (ДИТРа) Дьяченко заслужил свой призыв на фронт. Отсюда в 1942 году он был призван на службу в Рабоче-крестьянскую Красную армию. С того же года — на фронтах Великой Отечественной войны. Принимал участие в боях на Ленинградском фронте, был снайпером 187-го стрелкового полка 72-й стрелковой дивизии 42-й армии. К февралю 1944 года Дьяченко снайперским огнем уничтожил 425 солдат и офицеров противника, в том числе нескольких снайперов противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1944 года за «мужество, героизм и высокое снайперское мастерство, проявленные в боях с немецкими захватчиками», старший сержант Федор Дьяченко был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 893. Был также награжден орденами Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды, рядом медалей.

После окончания войны Дьяченко продолжил службу в Советской Армии. В 1946 году он окончил военно-политические курсы, в 1949 году — Военно-политическое училище. В 1962 году в звании майора он был уволен в запас. Проживал в Санкт-Петербурге, работал старшим инженером на Кировском заводе. Скончался 8 августа 1995 года, похоронен на Ковалевском кладбище Санкт-Петербурга.

Герасименко Иван Саввич (1913–1942)

Родился в селе Знаменовка ныне Новомосковского района Днепропетровской области Украины. В 1921 году пошел в школу, окончил шесть классов. До 1936 года проработал трактористом в местном колхозе. Его отец — Савва Антонович Герасименко — работал там же председателем колхозного правления. Кроме Ивана, в семье было еще шестеро детей — два

его брата и четыре сестры. Был сельским комсоргом. До ухода в Красную Армию в 1936 году стал Ворошиловским стрелком. Службу проходил в Красноярском крае. Получил звание сержанта. После службы по комсомольской путевке приехал в Норильск, где и познакомился со своей будущей женой. Проработав в Норильске четыре года, отправился на строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК). Трудился каменщиком в цехе ремонта металлургических печей.

В 1941 году, вскоре после начала Великой Отечественной войны, был мобилизован и отправлен на фронт. В составе 229-го стрелкового полка 285-й дивизии (52-я армия Волховского фронта) командовал отделением стрелков. Взводом, в котором служил сержант И. Герасименко, командовал лейтенант Поленский. Сам Герасименко был командиром отделения. Кроме него, во взводе служили призывавшиеся с ним из Новокузнецка Леонтий Черемнов и Александр Красилов. В партбюро части И. Герасименко подал заявление о вступлении в ряды ВКП(б): «Я обязуюсь выполнить все порученные мне задания и хочу пойти на любую операцию членом партии большевиков. Прошу не отказать в моей просьбе».

29 января командир принял решение организовать вылазку группы из 20-ти наиболее подготовленных бойцов на левый берег Волхова. Старшим был назначен сержант Герасименко. Цель операции: разведка с выявлением и уничтожением немецких огневых точек. По замерзшей реке в темноте группа отправилась к немецким позициям. Они располагались

в районе мостовой насыпи и оставшихся от недостроенного в 1914 году моста так называемых «быков». В какое-то мгновение красноармейцы были обнаружены. Начался бой. В ходе ожесточенной перестрелки бойцам удалось уничтожить часть немецких солдат и некоторые огневые точки. Затем они попали под огонь двух других замаскированных дзотов. Жизнь солдат отделения спас самоотверженный подвиг сначала рядового Черемнова, бросившегося на вражеский пулемет, а за ним и А. Красилова, и И. Герасименко. Беспрецедентный подвиг сразу трех воинов позволил остальным бойцам уйти из-под пулеметного огня и продолжить бой с более выгодных позиций.

Шебалков Андрей Георгиевич (1921–1980)

Заместитель командира отделения автоматчиков, гвардии старший сержант. Родился 30 октября 1921 года в селе Горькая Балка Советского района Ставропольского края. Его призвали в Красную Армию в апреле 1941 года. На фронтах Великой Отечественной войны он воевал с июня 1941 года. Оборонял Кременчуг и Пирятин, города в Полтавской и Харьковской областях. Воевал

в Донбассе и на Дону, сражался в Курской битве на Центральном фронте. Освобождал Украину и Румынию. За мужество и героизм 24 марта 1945 года гвардии старшему сержанту Шебалкову Андрею Георгиевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золо-

тая Звезда». В 1948 году он был арестован органами Министерства государственной безопасности и обвинен в том, что призывал к свержению Советской власти. А.Г. Шебалков лишен звания Героя Советского Союза и государственных наград. Срок отбывал в Норильских лагерях ГУЛАГа. В 1954 году освобожден и реабилитирован. 11 ноября 1957 года восстановлен в звании. Жил в городе Зеленокумске Ставропольского края. Скончался 17 июня 1980 года.

**Елян Эдуард Ваганович
(1926—2009)**

Летчик-испытатель ОКБ А.Н. Туполева. Заслуженный летчик-испытатель СССР (1967). Герой Советского Союза (1971), полковник. Родился 20 августа 1926 года в городе Баку (Азербайджан). Армянин. В 1938—1944 годах жил в Норильске, Москве, Свердловске. В 1944 окончил Свердловскую спецшколу ВВС. В армии с июня 1944 года. В 1944-

ом окончил 9-ю военную авиационную школу первоначального обучения летчиков (г. Бугуруслан), в 1948 году — Борисоглебское военное авиационное училище летчиков, и до 1951 года был в нем летчиком-инструктором. В 1953 году окончил Школу летчиков-испытателей, в 1960 году — вечернее отделение Жуковского филиала Московского авиационного института.

С 1953 до 1958 года Э.В. Елян — летчик-испытатель Летно-исследовательского института

в г. Жуковский. Он участвовал в доводке опытных самолетов конструкции О.К. Антонова, С.В. Ильюшина, А.И. Микояна, П.О. Сухого, А.Н. Туполева, А.С. Яковлева, в летных испытаниях двигательных установок, первого советского высотного авиационного скафандра СИ-1.

С 1958 до 1960 года он — летчик-испытатель ОКБ П.О. Сухого. С 1960 до 1982 — летчик-испытатель ОКБ А.Н. Туполева. Поднял в небо и провел испытания первого в мире сверхзвукового пассажирского самолета Ту-144, участвовал в испытаниях бомбардировщика Ту-22, пассажирских самолетов Ту-124, Ту-134, Ту-154 и их модификаций.

За мужество и героизм, проявленные при испытании новой авиационной техники, полковнику Елян Эдуарду Вагановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1971 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11395). С 1982 года полковник Э.В. Елян — в запасе. До 1996 года работал инженером в ОКБ имени А.И. Микояна. Жил в городе Жуковский Московской области, затем — в Москве, в последние годы жизни — в городе Ростов-на-Дону. Умер 6 апреля 2009 года в Ростове-на-Дону. Похоронен на Северном кладбище, на аллее Героев.

Мошков Борис Николаевич (1922–1984)

Капитан Советской Армии, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1944). Борис Мошков родился 17 июня 1922 года в городе Юрьевец (ныне — Ивановская область). Окончил восемь классов школы и аэроклуб. В апреле 1941 года Мошкова призвали на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. В июле 1942 года он окончил Чкаловскую военную авиационную

школу пилотов. С весны 1943 года — на фронтах Великой Отечественной войны. В боях был ранен. В мае 1944-го года старший лейтенант Борис Мошков — заместитель командира эскадрильи 431-го штурмового авиаполка 299-й штурмовой авиадивизии 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта. К тому времени он совершил 106 боевых вылетов, принял участие в 14 воздушных боях, лично сбив 2 вражеских самолета, нанес большие потери противнику во время штурмовых полетов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 года за «образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм» старший лейтенант Борис Мошков был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 3071.

В мае 1945 года Б. Мошков получил тяжелый перелом ноги, в результате чего был вынужден уйти с летной работы, в марте 1946 года в звании гвардии капитана уволен в запас. Вернулся в родной город, работал сначала в лесхозе, затем в гражданской авиации. Б. Мошков осваивал воздушную трассу Москва-Норильск через Воркуту. Умер 24 июня 1984 года, похоронен на Старом городском кладбище Юрьевца. Был также награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Красной Звезды, рядом медалей.

Плотянский Петр Трофимович (1912—1997)

Герой освобождения Новороссийска. Героем Советского Союза стал в 1943 году. Родился в 1912 году в селе Стражгород (сейчас Тепликский район Винницкой области на Украине). Умер в 1997 году в Нальчике.

П. Т. Плотянский окончил автотранспортный техникум в Грозном (1936), Ростовское артиллерийское училище (1941), Ленинградскую высшую офицерскую артиллерийскую школу (1948).

В 1931 году семья переехала в город Грозный. Там юный Петр работал сначала слесарем на консервном заводе, а после окончания шоферских курсов — водителем в центральном гараже Грознефти. В 1936 году окончил автотранспортный техникум, был призван в Красную Армию. Служил на Кавказе в 28-й горнострелковой дивизии. После демобилизации с февраля 1938 года работал инспектором Госавтоинспекции в городе Георгиевск Ставропольского края. Когда в 1939 году началась война с Финляндией, Петр Плотянский добровольцем пошел в Красную Армию и был направлен в Ростовское артиллерийское училище. В мае 1941 года в звании лейтенанта был назначен командиром взвода артиллерийского дивизиона 107-й отдельной стрелковой бригады. С первых дней войны Плотянский сражался на Южном фронте, участвовал в обороне Одессы. Потом воевал на Брянском, Западном, Закавказском, Северо-Кавказском, 1-м Украинском фронтах.

Три раза был ранен. Свою первую медаль «За отвагу» Петр Плотянский получил за бой 8 июля 1942 года. Тогда он был командиром огневого взвода батареи 45-миллиметровых орудий истребительно-противотанкового дивизиона. Для уничтожения пулеметных точек противника его взвод ночью по болоту скрытно подтащил на себе орудие на близкое расстояние и открыл огонь прямой наводкой по вражеским пулеметным ДЗОТам, уничтожив два ДЗОТа и до двух взводов пехоты.

С декабря 1942 года гвардии старший лейтенант Плотянский — командир батареи 45-миллиметровых пушек, потом принял под командование отдельную разведроту. Особенно отличился командир отдельной разведроты Плотянский в боях при освобождении Новороссийска. Из наградного листа: «16 апреля 1943 года в районе безымянной высоты севернее отметки 446.4 производилась разведка боем с задачей захвата контрольных пленнх и документов. Тов. Плотянский, возглавив захватывающую группу, проявил исключительный героизм. Подполз к переднему краю противника, поднял бойцов и с криком „За мной, вперед!“ бросился в фашистские ДЗОТы. Немцы, застигнутые врасплох, оказали слабое сопротивление и разбежались. Тов. Плотянский, захватив три ДЗОТа, погнался за убегающими немцами, догнал одного и живым взял в плен. Подбросив резерв, фашисты пошли в контратаку. Тов. Плотянский вел огонь из захваченного немецкого пулемета. Отразив три контратаки, тов. Плотянский лично уничтожил 20 солдат. Возглавляемая им захватывающая группа, отражая контратаки противника, уничтожила до 100 солдат и офицеров. Захвачен один пленный — обер-ефрейтор, 2 станковых пулемета, 10 винтовок и 3 ДЗОТа противника. 17 апреля 1943 года в районе Мысхако, перейдя в наступление, силой до двух батальонов противник

вклинился в нашу оборону. Тов. Плотянский, получив приказ своей ротой контратаковать противника, также проявил героизм и умение руководить боем. С криком „Полундра!“, бросившись вперед, увлек за собой бойцов. В результате жестокого боя противник, оставляя убитых и раненых, был отброшен на исходные позиции. Тов. Плотянский в этом бою уничтожил одного офицера и 8 солдат».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года гвардии капитану Плотянскому Петру Трофимовичу было присвоено звание Героя Советского Союза. Потом были сражения в районе Анапы, освобождение Бердичева и Тернополя. В ходе Львовско-Сандомирской операции в бою под городом Шидлув Петр Плотянский был тяжело ранен и больше в боевых действиях не участвовал. В 1948 году окончил Ленинградскую высшую офицерскую артиллерийскую школу, демобилизовался. Жил в Красноярске. Работал начальником поезда «Красноярск—Москва», в 1955 году переехал в Норильск. В 1972 году уехал в город Нальчик (Кабардино-Балкария). Работал механиком на автобазе.

Кореньков Михаил Андреевич (1924–2008)

Участник Великой Отечественной войны, полный кавалер ордена Славы, командир расчета 76-миллиметровой пушки 601-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии 47-й армии 1-го Белорусского фронта. Он родился 13 января 1924 года в селе Ровны (ныне Вейделевского района Белгородской области) в семье крестьянина. Образование среднее. Работал в колхозе. В Красной Армии и на фронте в Великую Отечественную войну с декабря 1941 года. Сражался на Курской дуге, освобождал Белгород. В боях с немецко-фашистскими захватчиками был трижды ранен. Командир расчета 76-миллиметровой

пушки 601-го стрелкового полка рядовой Михаил Кореньков 14 января 1945 года юго-западнее города Варка, ведя огонь прямой наводкой, вывел из строя три пулемета, уничтожил свыше отделения пехоты. Приказом от 26 февраля 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками красноармеец Кореньков Михаил Андреевич награжден орденом Славы 3-й степени.

15–16 февраля 1945 года у населенного пункта Альт Рюднитц огнем прямой наводкой подавил два пулемета, накрыл свыше двадцати вражеских солдат, разбил три дома, где засели автоматчики противника. Своими действиями способствовал занятию населенного пункта. За этот подвиг красноармеец Кореньков Михаил Андреевич 16 марта 1945 года награжден орденом Славы 3-й степени. Младший сержант Кореньков 28 апреля 1945 года в боях под столицей фашистской Германии — городом Берлином, командуя расчетом, подавил три пулеметные точки, два противотанковых орудия. Приказом от 27 мая 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками младший сержант Кореньков Михаил Андреевич награжден орденом Славы 2-й степени.

После окончания войны он служил в Германии, затем — в Кронштадтском морском оборонительном районе. В 1947 году младший лейтенант М.А. Кореньков уволен в запас. В марте 1948 года окончил курсы бухгалтеров в Старом Осколе. Работал в Кур-

ске инспектором-ревизором, начальником отдела областного стройуправления промсовета.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 октября 1966 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками Кореньков Михаил Андреевич перенагражден орденом Славы 1-й степени. Он стал полным кавалером ордена Славы.

В 1955 году М. Кореньков переехал в город Норильск Красноярского края. До 1975 года работал забойщиком на рудниках горно-металлургического комбината. С 1975 года М.А. Кореньков — пенсионер, с этого времени жил в городе Белгороде. До 1984 года продолжал работать здесь на авторемонтном заводе в объединении «Промвентиляция». Удостоен звания «Почетный металлург СССР».

Он принимал участие в ветеранском движении, был членом президиума городского совета ветеранов. Участник юбилейного — 50-го Парада Победы 1995 года в городе-герое Москве на Красной площади. Постановлением главы администрации города Белгорода от 21 февраля 1995 года ему присвоено звание «Почетный гражданин города Белгорода». Скончался 21 ноября 2008 года.

Награжден орденами Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, Славы 1-й, 2-й и 3-й степеней, медалями, среди которых «За отвагу», знаком «Отличник цветной металлургии», почетным знаком Российского комитета ветеранов войны и военной службы, Почетной грамотой Главы администрации Белгородской области и другими грамотами.

* * *

Когда я время от времени обращаюсь к своей коллекции, я всегда вглядываюсь в лица Героев страны и испытываю глубокую благодарность и уважение к людям, с которыми переписывался и которые прислали мне свои автографы. Как много они сделали

для Родины... Конечно, они навсегда останутся в памяти своих земляков.

Когда я заканчивал свой рассказ для книги «О времени, о Норильске, о себе...», РИА «Новости» сообщили, что в мае 2015 года скончался Яков Цалевич Форзун, последний Герой Советского Союза из живущих в Израиле. Он ушел на фронт в 19 лет и был награжден Золотой Звездой Героя в 1944 году за форсирование Западной Двины. Удерживая занятый плацдарм, он с однополчанами отбил десятки вражеских атак и лично двумя связками гранат уничтожил два немецких танка. И я подумал, как много автографов Героев я не сумел заиметь... Да и возможно ли это? Ведь только из полумиллиона евреев, сражавшихся с фашистами, высокой награды Героя Советского Союза были удостоены 157 человек...

...ЕСТЬ ЕЩЕ ОДНА ЗАНОЗА В МОЕМ СЕРДЦЕ: МОЛЧАЩАЯ ФЛЕЙТА...

Ее хозяйина, музыканта, привезли в Норильлаг в конце 30-х годов. С тех пор она и молчит... Точных дат, фамилию флейтиста назвать так никто и не смог... Прошло столько времени, когда уже восстановить события времен репрессий, невозможно. Времена были жестокие, когда и где арестовали музыканта, когда он погиб в земле вечной мерзлоты установить уже невозможно... Ясно только, что флейта осталась сиротой. Она долго пролежала в шкафу оркестровой комнаты Норильлага, а после 1953 года, когда ночью в марте заключенный люд возликовал: «Ус сдох!», флейта перебралась в оркестровый шкаф Норильского комбината. Шло время, духовой оркестр передали на баланс УЖКХ комбината...

Сколько десятилетий флейта пролежала в шкафах невостребованной установить не удалось. Так и не нашлось музыканта, который бы помог услышать ее голос...

Сам я все-таки решил узнать, чем же знаменита эта необычная флейта, которая дается далеко не каждому музыканту? И вот что я о ней узнал.

Это удивительно виртуозный инструмент с легким, воздушным, как бы «порхающим» звуком, напоминающим пение птиц. О ней рассказали давным-давно древнегреческие мифы. Недаром в сказках многих народов флейта занимает особое место. Народ ее наделял магическими свойствами. Издавна считалось, что флейта может не только усладить слух, но и смягчить сердце, разбудить душу... Особенность акустики флейты заключается в том, что при игре на «пиано» высота звучания незначительно понижается, а игра на «форте» звук повышает. Так же я удивился, что флейты изготавливаются из сотни разнообразных материалов: из кости, древесины, металла, стекла, хрустала и даже из шоколада. Оказывается, самое длинное выступление флейтиста продолжалось 25 часов 48 минут и достигла этого Кэтрин Брукес из Великобритании.

Флейта — единственный музыкальный инструмент, на котором воздух сдувают поперек отверстий. Затрата воздуха у флейтиста гораздо больше, чем на любых других духовых инструментах. Вот когда я понял, почему никто в Норильске не смог на ней сыграть. Древнейшую флейту обнаружили в 1998 году в Любляне в Словении. Она была изготовлена из костей пещерного медведя и содержала 4 отверстия. Палеонтологи полагают, что ее возраст 43-82 тысячи лет. Да, не каждому музыканту дается флейта...

**Священник Иоанн Привалов:
«Маленький рассказ о большой флейте...»**

В марте 2017 года меня попросили передать в музей Преображенского братства флейту конструкции Бема. Флейта как флейта. На таких играют профессиональные музыканты в оркестрах. Было видно, что флейту берегли, прикасались к ней с осторожностью.

Изношен только футляр... И вот что я узнал о ее судьбе и судьбе Николая Петровича Попова. К флейте прилагалось мужское письмо — строгое и скупое, с заголовком «Маленький рассказ о большой флейте». Все письмо пронизано надеждой на то, что «этот инструмент останется символом памяти о музыкантах, пострадавших от несправедливости».

Автор письма — Николай Петрович Попов — с 1957-го года музыкант, а с 1977-го по 1995-й годы — руководитель Норильского духового оркестра. Передаваемую флейту Николай Петрович назвал «экзотическим инструментом, реликвией памяти, эстафетой», доставшейся от оркестра заключенных Норильлага. Руководителем и создателем духового оркестра в Норильлаге был Сергей Федорович Кайдан-Дешкин — автор пионерского гимна «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Сергей Федорович провел двадцать лет в лагерях и ссылках нашего Севера. Именно в Норильлаге с ним случилось невероятное происшествие: однажды ночью Сергея Федоровича забрали с вещами и увезли в Норильск-2. Оттуда, как правило, никто не возвращался. Людей заставляли рыть для себя могилы, а следующая партия

заклученных закапывала их и готовила могилы для себя. На следующий день в Норильске должно было состояться важное городское мероприятие, которое не могло обойтись без оркестра. Тут же вызвали старосту оркестра Виктора Еськова и предложили ему возглавить оркестр. Но все музыканты отказались играть без своего руководителя. Угрозы не помогли, и чтобы не сорвать мероприятие, ответственные лица были вынуждены вернуть Кайдан-Дешкина... Сергея Федоровича доставили к оркестрантам совершенно седым. Несмотря на то, что его предупредили под стражайшую расписку никому не говорить о Норильске-2, все подробности Николай Петрович узнал от него лично.

Николай Петрович увековечил память о норильских музыкантах духового оркестра не только в сборнике воспоминаний норильчан, но и в журнале «Оркестр». Сам он был участником многих фестивалей и конкурсов, например, в Иркутске, в Новосибирске, в Красноярске... В Норильске духовой оркестр завоевал первое место среди оркестров Дальнего Востока и Сибири.

Н.П. Попов — человек широких интересов. В этом томе опубликован его рассказ под названием «Автографы Победы». Можно сказать, что он исполнил свой долг — благодарность отцу Петру Ивановичу Попову, который погиб на фронте. В память о нем он стал собирать автографы Победы. Международное агентство рекордов и достижений Гиннеса признало его коллекцию Героев Советского Союза самой большой в мире. В этом томе вы прочитаете его рассказ о ветеранах войны: он вспоминает всех норильчан Героев Советского Союза. Сегодня это единственная коллекция фотографий и рассказов о жизни тех норильчан, которые были удостоены самого высокого звания страны.

Но особую душевную чуткость проявил Николай Петрович Попов: он не только собрал коллек-

Репрессированная флейта.

цию Героев норильчан. Его долго мучала судьба флейты, которую он не смог оставить в Норильске, где она не одно десятилетие безмолвно пролежала в шкафу без своего репрессированного хозяина. Николай Петрович так хотел, чтобы его душа успокоилась, вот почему он передал ее в дар в Преображенское Содружество христианских братств, где она обязательно зазвучит в оркестре.

Николай Петрович Попов о своем трудном детстве и о том, как судьба выбрала ему профессию музыканта духового оркестра, которым он руководил в Норильске до пенсионных лет и отъезда в Минусинск — об этом он рассказал в 9 томе сборника воспоминаний норильчан, которые он озаглавил так: «Не было ни одного случая, чтобы из-за низкой температуры отменили демонстрацию или проводили ее без духового оркестра». И это — на Крайнем Севере, где мороз достигает от 20 до 40 градусов!

Николай Петрович увековечил память о норильских музыкантах духового оркестра не только в сборнике воспоминаний норильчан, но и в журнале «Оркестр». Сам он был участником многих фестивалей и конкурсов, например, в Иркутске, в Новосибирске,

в Красноярске... Норильский духовой оркестр завоевал первое место среди оркестров Дальнего Востока и Сибири.

Н.П. Попов — человек широких интересов. В этом томе опубликован его рассказ под названием «Автографы Победы». Так он исполнил свой долг — выразил благодарность отцу Петру Ивановичу Попову, который погиб на фронте. В память о нем он стал собирать автографы Победы.

Николай Петрович Попов решил увезти флейту в Минусинск, где он живет до сих пор. Ему уже за 80 лет, он делал многие попытки обрести флейте хозяина, но они ни к чему не привели. Росло его беспокойство за судьбу флейты... И тогда он обратился за помощью к Галине Ивановне Касабовой. И произошло чудо: репрессированной флейтой заинтересовалось Преображенское содружество христианских братств.

Он узнал, что в Москве есть Свято-Филаретовский православно-христианский университет, Русская христианская гуманитарная академия. Оказывается, в их библиотеке есть все тома воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...». Об этих книгах студенты Вуза узнали, когда побывали в Туле на экскурсии по местам репрессий. Ее вел легендарный норильчанин Сергей Львович Щеглов. Он возглавляет тульский «Мемориал». Он-то и дал москвичам адрес и телефон Галины Ивановны Касабовой. Они побывали у нее дома, купили все книги... Так и родилась их дружба. Студенты института пригласили норильчан клуба «69 параллель» на диспут после чтения книг: «Можно ли считать великомучениками восставших в Норильлаге после смерти Сталина?» Разговор получился интересным, студенты заинтересовались судьбами репрессированных норильлаговцев. На следующую встречу норильчан (она проходила в школе №9) студенты Богословского университета пришли с фильмом, посвященным судьбам репрессированных норильлаговцев. Фильм произвел

на всех большое впечатление, он был необычным: это был калейдоскоп фотографий репрессированных под щемящую душу музыку. Подписи о судьбах этих людей были очень красноречивы...

Когда в Преображенском содружестве христианских братств узнали о репрессированной флейте, они решили, что смогут все сделать для того, чтобы она, наконец, зазвучала. Очень многое для того, чтобы это свершилось, сделала Ирина Анатольевна Зеленская. Она рассказала, что в Преображенском содружестве христианских братств есть свой оркестр и шефствует над ним не кто-нибудь, а мировая звезда, знаменитый советский и российский дирижер, скрипач, педагог, народный артист СССР, лауреат Госпремий СССР и России Владимир Теодорович Спиваков, руководитель двух оркестров: «Национального филармонического оркестра России» и «Государственного камерного оркестра «Виртуозы Москвы».

Вот тогда-то и успокоилась душа Николая Петровича Попова: инструмент погибшего в Норильлаге музыканта наконец-то зазвучит...

Флейта, которую Николай Петрович Попов передал Преображенскому братству, оказалась многомерным символом советской эпохи. Символом противостояния смерти и жизни, хаоса и гармонии, ада и лиры. Символом человеческой судьбы, проходящей через большие страдания:

*«Играть на скрипке людских рыданий,
На тайной флейте своих же болей,
И быть воздушным, как миг свиданий,
И нежным-нежным, как цвет магнолий».*

Флейта Норильлага, прошедшая через руки Николая Петровича, принесла нам теплоту дыхания, теплоту рук музыканта, что играл на ней и вместе с ней он попал в ГУЛаг. Эта флейта помнит безымянных музыкантов, чье мужество спасло их руково-

дителя от расстрела. Помнит флейта и самого Кайдан-Дешкина, взявшего в 1922-м году музыкальную цитату из оперы Шарля Гуно «Фауст». Он переработал ее для пионерского гимна.

*Сергей Федорович
Кайдан-Дешкин*

А теперь задумаемся о судьбах вещей и людей. Самое известное сочинение Кайдан-Дешкина было написано для горна, но память о гулаговской судьбе музыканта хранит флейта... Николай Петрович, передавая флейту Преображенскому братству, назвал ее реликвией, эстафетой, волшебным инструментом. Я могу это подтвердить: едва флейта вошла в мою судьбу, как меня охватила давно забытая волна теплоты, мягкости, добросердечности.

В свете этой волны ожили забытые люди, вещи, слова. Ожило все. Ожил и я. Я долго искал имя этой волне, пока из далекой памяти не проступило забытое слово — доброта.

В самом конце XIX века Василий Осипович Ключевский произнес публичную лекцию с интересным названием — «Добрые люди Древней Руси». Заканчивалась лекция такими словами: «Из своей исторической дали они («добрые люди Древней Руси») не перестанут светить, подобно маякам среди ночной мглы, освещать нам путь, не нуждаясь в собственном свете. Завет их жизни таков: жить — значит любить ближнего, то есть помогать ему жить.

«Добрый человек вечной Руси» — так мне хочется назвать Николая Петровича Попова. Что он сделал? Чем он знаменит? Какая у него судьба? Родился в 1933-м году в Красноярске. С 11 лет остался один — отец погиб на фронте, маму арестовали «за недостатку». Ребенка определили в детский дом, где он возил

*Памятник узникам
Норильлага*

и сейф. Особенно строго охраняли колонны заключенных женщин». В июле 1957-го года Н. П. Попов вошел в Городской духовой оркестр. Оркестр играл всюду, куда направляли. Игнали и в сорокаградусные морозы — «ни один музыкант не роптал по случаю сильного мороза». Было только одно исключение — «мы не выступали на увеселительных вечерах работников НКВД».

В Норильском духовом оркестре Николай Петрович трудился сорок лет. Он написал воспоминания, но они не о себе, а об оркестре, музыкантах, составах, репертуарах: «Каждый человек, даже самый маленький, несет в себе черты своей исторической эпохи... он имеет право, чтобы его помнили и уважали... Я просто обязан обо всем рассказать...».

Судьбу Николая Петровича легкой назвать нельзя, но вся она пронизана, пропитана добротой. Откуда я это знаю? — От той доброты, которая вошла в мою жизнь с флейтой Норильлага.

Что такое доброта? Это свет души, освещающий пространство вокруг человека. Это нежное, заботливое отношение к людям, ко всему живому. Это спо-

воду на быках. Огромных усилий стоило заставить быков выйти из реки — «я и плакал, и просил их» — быки слушались... Через полгода бежал из детдома, прибился к воинской части, стал воспитанником оркестра. В 1956-м году переехал к маме в Норильск. Самое сильное впечатление от Норильска — «я видел колонны заключенных на улицах. Всегда с удивлением смотрел на охрану: она шла с винтовками наперевес, с собаками, а сзади пулемет на санках

*Николай Петрович Попов прощается с флейтой,
рядом его сын Александр.*

способность вносить в жизнь людей благо, радость, это умение помогать. Николай Петрович не сказал о себе ни одного яркого слова, но доброта его души напомнила забытую истину — рядом с нами живут хорошие люди. Они рассеяны, рассыпаны, раскиданы по разным уголкам нашей земли — живут в разных сферах, заняты разным трудом, имеют разный возраст. Не видят друг друга, не знают друг о друге, но объединяет их глубокая вера в непобедимую и неискоренимую силу Добра. Это не наивная вера малышей, а вера тех, кто прошел испытания последнего столетия. Очень часто такие люди молчаливы, но в их молчании таится великая сила, которой они иногда обмениваются друг с другом: «Милый друг, иль ты не чувствуешь, / Что одно на целом свете — / Только то, что сердце сердцу / Говорит в немом привете?»

Тонкая цепочка «случайностей» соединила 83-летнего музыканта из города Минусинска Красноярского края и Преображенское братство. Передавая флейту в Преображенское братство, Николай Петрович попросил, чтобы флейта жила, дышала,

звучала, напоминала о тех, кто не сумел играть на ней в условиях «вечной мерзлоты».

20 февраля 2018 года в Братском доме под Истрой состоялась передача флейты. Священник Георгий Кочетков, духовный попечитель Преображенского братства, принял флейту стоя, с благоговением... Оценив этот дар по достоинству, отец Георгий сказал: «Будем готовить тот день, когда зазвучит эта волшебная флейта — флейта неизвестного музыканта-заключенного...».

И мы верим, что этот день наступит.

*Ростислав Михайлович
Крестников*

Ростислав Крестников:
«Норильск – моя судьба...»

*Ветераны рудника «Заполярный» в Москве,
2000 год.*

СЕМЬЯ, УЧЕБА... НАПРАВЛЕНИЕ В НОРИЛЬСК

Прожив большую жизнь (а мне сейчас 90 лет), невольно задумываюсь над сакраментальными вопросами: удалась ли жизнь? Хотел бы я ее повторить? Выбор профессии горного инженера оказался для меня правильным. Я никогда об этом не сожалел. Молодым специалистом в Норильске за четыре года прошел путь от помощника начальника участка подземного рудника до начальника рудника. Преодолеl немало трудностей технического, организационного и житейского свойства... В Заполярье многое делалось впервые, а основной кадровой силой были заключенные... Хотел бы я прожить другую жизнь, с меньшими трудностями и с большими удобствами? Могу ответить на вопрос только «нет». Счастливая жизнь не определяется комфортом, материальным и личным благополучием. В моей жизни было и такое, что испытать заново не хотелось бы... Но главное, и этим могу гордиться, я всю жизнь работал с полной отдачей и бескорыстно, был и остаюсь патриотом Заполярья и Норильска...

Я родился в 1926 году в Калининe (ныне город Тверь) в семье служащих. Отец Крестников Михаил Михайлович (1898–1942) после Тимирязевской сельскохозяйственной академии работал инженером-таксатором в Калининской области. Болел туберкулезом, попал в больницу в 1933 году, долго лечился, но так и не вышел из больницы.

Мои дедушка и прадедушка по линии отца были служителями православной церкви. В советское время про такую родословную было опасно не только писать, но и говорить. Поэтому многие подробности жизни моих предков по линии отца утеряны. Кое-какие данные удалось найти в архивах церкви Михаила Архангела города Талдома.

Прадедушка Георгий Николаевич Крестников (1827–1883) — диаконский сын, выпускник Тверской

духовной семинарии, с 1853 года — священник села Спасс-Квашенки Калязинского уезда. Жена Георгия Николаевича (моя прабабушка) Анастасия Федоровна (1836–1900) была дочерью Федора Афанасьевича Ушакова — священника церкви Михаила Архангела в селе Талдом. У прабабушки было 11 детей: Анна, Павла, Татиана, Людмила, Клавдия, Николай, Иван, Михаил, Александра, Сергей, Серафима.

Мой дедушка Михаил Георгиевич Крестников (1873–1938) с 1899 года являлся вторым священником храма в городе Талдоме (церковь Михаила Архангела). Первым священником был Николай Волков. У отца Николая было 102 двора села Талдом и 276 дворов в деревнях Дубровки, Ахтамнеево, Высочки и Карачуново. У отца Михаила было 75 дворов Талдома и 251 двор деревень Костино, Григорово, Серебрянниково, Рассадники и Юркино. Всего в приходе было 704 двора и 4793 прихожанина мужского и женского пола.

Будучи священником, отец Михаил занимался кооперацией. В 1914 году его избрали председателем Талдомского кредитного общества. В революцию отец Михаил снял с себя церковный сан и отдался истин-

ному своему призванию — потребительской кооперации. Писатель М.М. Пришвин посещал Талдом в 1925 году, встречался с Михаилом Георгиевичем и пользовался неизданными записками бывшего священника отца Михаила Крестникова.

Михаил Георгиевич состоял в браке с Завьяловой Лидией Ниловной (моей бабушкой), являвшейся дочерью диакона Нила Александровича Завьялова. В этом браке родилось 10 детей: Елена, Владимир, Михаил, Мария, Сергей, Лидия, Николай, Виктор, Валентина, Елизавета.

Моя мама Романович Римма Ивановна (1906–1986) имела среднее школьное образование, была членом КПСС, депутатом Крюковского поссовета. До пенсии работала бухгалтером Крюковского лесничества Московской области. Дедушка Романович Иван Николаевич работал лесничим Крюковского лесничества. В 1933 году скоропостижно скончался.

Несколько слов о родственниках моей бабушки Марфы Александровны (по линии мамы), с которыми я встречался в Москве. Ее сестра Лариса Александровна Соколовская много лет работала администратором санатория «Узкое» (для актеров). Ее сын Александр Николаевич Соколовский работал инженером-проектировщиком, участник ВОВ, принимал участие в штурме рейхстага в чине майора и был там ранен. Дочь Тамара Николаевна Уралова работала более сорока лет библиотекарем Малого театра.

Семья, где я рос, состояла из мамы, бабушки (по маме) и сестры Людмилы (род. в 1928 г). Мама много работала. Всем хозяйством по дому, да и нашим воспитанием (моим и сестры) занималась бабушка Марфа Александровна (умерла в 1974 году). Бабушка выросла в благополучной семье (город Ровно, Украина), владела французским и польским языками. Во время войны маму назначили помощником лесничего Крюковского лесничества, на нее возложили заготовку дров для поселка Крюково Московской области. Работали женщины, мужчин не было...

Крестников Ростислав Михайлович

Родился 19.04.1926 г. в г. Калинин (Тверь)

Крестникова (Шаранова) Наталья Павловна

(28.08.1928–21.06.2006)

Место рождения: с. Александрийск Зилаирского р-на Башкирской АССР

Место захоронения: г. Зеленоград

**Митрохина
(Крестникова)**

Ольга Ростиславовна

Родилась 20.05.1958 г.
в г. Ленинграде

Муж:

Митрохин

Владимир Васильевич

Родился в 1956 г. в г. Москве

**Никитина
(Крестникова)**

Вера Ростиславовна

Родилась 18.12.1961 г.
в г. Москве

Муж:

Никитин

Александр Иванович

Родился 09.01.1962 г. в г. Москве

**Митрохин
Владимир
Владимирович**

Родился 08.11.1982 г.
в г. Москве

Жена:
**Митрохина
(Кузнецова)
Ирина
Сергеевна**

Родилась 30.03.1984 г.
в г. Москве

**Митрохины
Лада и Арина
Владимировны**

Родились 24.05.2005 г.
в г. Москве

**Митрохин Борислав
Владимирович**

Родился 28.07.2010 г.
в г. Москве

**Митрохин
Антон
Владимирович**

Родился 01.04.1980 г.
в г. Москве

Жена:
**Митрохина
(Пудкова)
Екатерина
Валерьяновна**

Родилась в 1979 г.
в г. Москве

**Митрохин
Василий
Антонович**

Родился 28.07.2009 г.
в г. Москве

**Лапочкина
(Никитина)
Мария
Александровна**

Родилась 12.05.1982 г.
в г. Москве

Муж:
**Лапочкин
Константин
Борисович**

Родился 20.03.1971 г.
в г. Москве

**Лапочкин
Николай
Константинович**

Родился 19.12.2014 г.
в г. Москве

В школу я пошел в поселке Крюково, где закончил 9 классов. Летом 1943 года я поступил на подготовительное отделение при Московском институте цветных металлов и золота им. М.И. Калинина (позже Институт стали и сплавов), где прошел учебную программу 10-го класса, осенью сдал вступительные экзамены и был зачислен в студенты института. Первый год в институт я ездил из Крюково на паровозе с несколькими вагонами и в метро. В последующие годы ездил уже не каждый день, оставался ночевать в Москве у родной тети Лидии Михайловны (сестры отца). Шла война. Учащимся институтам, готовящим кадры для тяжелой промышленности, согласно Постановлению правительства, подписанного Сталиным, предоставлялась отсрочка от призыва в Красную Армию.

После окончания института в 1948 году, получив квалификацию горного инженера по разработке рудных и россыпных месторождений, меня распределили на работу в Норильск. Мало кто знал это место на карте страны. Мы же, студенты, ездили в Норильск на практику и знали, что он находится чуть ли не на краю света... Были, конечно, и другие варианты распределения на работу. Большинство выпускников (60 человек из 80) направили в ГДР на урановые рудники. Остальные разъехались по стране. Шесть человек, в том числе и я, дали согласие поехать в Норильск.

На Таймыр я добирался почти десять суток: до Красноярска поездом около семи суток, далее гидросамолетом (с несколькими посадками на трассе вдоль реки Енисей). Сначала я жил в общежитии инженерно-технических работников (ИТР) в Горстрое. До рудника добирался почти два часа. Комфортабельных автобусов не было. Пассажирами транспортом являлись так называемые «воронки» — бортовые машины, обтянутые сверху брезентом и оборудованные внутри скамейками. Конечно, было холодно, но «воронок» почти всегда был переполнен, и люди согревались друг о дружку. По дороге пересекали несколько

пропускных пунктов промышленных зон, огороженных колючей проволокой. Все должны были выходить из машины и показывать охране документы. Солдаты войск МВД долго проверяли документы, а люди мерзли на морозе. Процедура занимала 20–30 минут, иногда и больше.

На руднике 1/7 своей столовой не было. Заключенные кормились в лагерной столо-

вой. Мы же, молодые инженеры, завтракали и обедали обычно всухомятку. Но в конце дня, проработав целый день (под землей, а потом в конторе), мы бежали в мороз, в пургу на Нулевой пикет*, где была столовая. Влетая в теплое помещение, мы, заиндедевевшие, заказывали по несколько первых и вторых блюд. Отогревшись, сытыми через весь поселок возвращались в общежитие. Но бывало, что из-за задержек на работе мы в столовую опаздывали и тогда шли на поиски пищи в магазины или к друзьям. Деньги нам платили хорошие. Из продуктов в магазинах можно было купить хлеб, сливочное масло, американскую тушенку, мясо, сухие овощи.

Начал я работу в августе 1948 года в должности помощника начальника подземного участка рудника 1/7 (впоследствии рудник «Заполярный»). Начальником участка был бывший заключенный Кваша.

* Нулевой пикет — это место в Норильске, откуда всё началось, его можно считать точкой отсчета. Здесь появился в 1921 году первый деревянный дом, отсюда началось строительство поселка Норильск. Нулевой пикет сегодня — домик-музей Завенягина, несколько предприятий и мемориальная зона.

Он почти семь месяцев посылал меня на ночные работы. На участке трудились в основном заключенные. Они часто меня жалели, давая возможность поспать на подземной подстанции. Один раз меня застал спящим заместитель начальника рудника. Мой проступок обсуждался на комсомольском собрании. На мою защиту выступила секретарь комсомольской организации милая девушка Наташа Шаранова (через два года она станет моей женой!), пришедшая на рудник годом раньше после окончания горно-металлургического техникума. Мне вынесли замечание. Одновременно комсомольское собрание обратилось к руководству рудника отрегулировать ночные дежурства, наладить сменность. В итоге я стал работать неделю днем, неделю ночью.

В чем заключалась моя работа? Если начальник участка определял виды работ на предстоящую смену, то я должен был под землей в каждом забое конкретно давать задания вольнонаемным и заключенным (около 50 человек): бурение шпуров, взрывные работы, отгрузка руды в вагонетки, откат вагонеток и прочее. Вагонетки выкатывались на основные рельсы, далее их вез электровоз. Существовали суточные задания по добыче руды. Как правило, они выполнялись и перевыполнялись. Невыполнение суточного задания было событием, которое серьезно анализировали, а потом принимали соответствующие меры.

В то время на руднике 1/7 было шесть участков и работало около 600 человек, в основном заключенные. Вольнонаемные составляли около 10% от общего количества — это были инженерно-технические работники и взрывники. Возле штольни на поверхности находились рудосортировка, компрессорная, вентиляционная, механический цех, имеющий несколько токарных и слесарных станков, столярная мастерская и материальный склад, где хранились крепежный лес, цемент, некоторое оборудование и т.д. Кирпичное здание конторы располагалось в ущелье Угольного ручья. По другую сторону ручья, в одноэтажном зда-

нии размещался бытовой комбинат, в котором находились комнаты-раздевалки и душевые для каждого начальника участка.

После восьми месяцев работы меня в апреле 1949 года назначили начальником подземного участка. На одном из участков работал Петр Трофимович Жмурко, только что окончивший техникум. Он был из числа студентов, которые отбыли срок. Чтобы выполнить план по добыче руды, приходилось работать с большим напряжением.

Много внимания уделялось социалистическому соревнованию. Я и Жмурко ежедневно считали вагонетки с рудой. Каждый хотел быть первым.

Через полгода меня назначили начальником технического отдела рудника. В это время в моей жизни

Петр Трофимович Жмурко (1922–1999) — инженер, горный металлург, почетный гражданин города Норильска. Родился на Украине, в селе Степашки Винницкой области. В 1940 году поступил в Красноярский педагогический институт. В ноябре этого же года был арестован, осужден по статье 58-10 (контрреволюционные действия), в 1941 году отправлен в Норильлаг. Начинал горнорабочим, затем — машинистом электровоза. Освобожден из лагеря в ноябре 1945 года. В 1948 году окончил Норильский горно-металлургический техникум, работал начальником подземного участка. После снятия судимости его направили на учебу в Ленинградский горный институт, по окончании которого в 1956 году его назначили главным инженером рудника 7/9. С 1958 по 1974 год он занимал должности главного инженера по подземным работам, начальника горнорудного управления, заместителя директора Норильского горно-металлургического комбината по горным работам. Принимал активное участие в разработке и внедрении наиболее экономичных систем бетонного крепления на горных выработках, внедрении и освоении высокопроизводительного оборудования и механизации производственных процессов. В 1974 году П.Т. Жмурко пригласили в Москву работать заместителем министра цветной металлургии СССР. Награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции, золотой и серебряной медалями ВДНХ. Лауреат Государственной премии СССР.

произошло знаменательное событие: в Первомайский праздник 1950 года состоялась комсомольская свадьба. Моей женой стала та самая комсомолка Наташа (Наталья Павловна Шаранова), которая меня защищала на комсомольском собрании. Она работала экономистом рудника. На свадьбе гуляли руководители рудника, комсомольцы (около 25 человек), мои однокашники по московскому институту цветных металлов (металлурги и горняки), наши родственники. Для меня и Наташи это было незабываемое счастье, и мы, оформив отпуска за два года, на пять месяцев уехали на материк. Свадебное путешествие началось с курорта на Рижском взморье, продолжилось на курорте Черного моря, затем была Москва: знакомство с родителями и родственниками. Прожили мы вместе 56 лет. Это время в моей жизни можно назвать самым счастливым.

Поженившись, мы сначала жили в комнате общежития ИТР в Горстрое, а через два года получили квартиру в двухэтажном деревянном доме на Заводской улице. Мы были молоды, тяжелый труд подземного рудника нас не пугал. Нам было нетрудно в брезентовой спецовке спускаться в подземные выработки и вместе с рабочими (в основном из заключенных) выполнять не только физически тяжелую, но и часто опасную работу. Для меня два года работы на руднике 1/7 дороги тем, что на нем я начал свою производственную жизнь, но самое главное — я там встретил Наталью Павловну.

РУДНИК 3/6 — ХОРОШАЯ ШКОЛА ДЛЯ МОЛОДОГО НАЧАЛЬНИКА

В 1950 году во исполнение приказа МВД большое число бывших заключенных, занимавших инженерно-технические должности на рудниках, цехах заводов, строительных организациях, а также работающие преподавателями в горно-металлургическом техникуме, были уволены с формулировкой «за невозможностью дальнейшего использования». В техникуме образовался кадровый вакуум, и меня направили туда,

где я проработал год преподавателем по горным работам. В мае 1951 года меня назначили временно начальником подземного рудника 2/4. Начальник этого рудника Любовь Абрамовна Зайдман (единственная женщина в истории Норильска, которая была начальником рудника) пять лет не имела отпуска. И вот ей, наконец, предоставили полугодовой отпуск, а ее обязанности возложили на меня. В сентябре 1951 года от должности главного инженера рудника 3/6 освободили бывшего заключенного Иосифа Михайловича Когана и вместо него назначили меня. А через год я стал начальником подземного рудника 3/6. Мне было всего 26 лет, и надо было осваивать новое очень ответственное назначение. В должности начальника рудника я проработал до сентября 1957 года. Однако в этом промежутке несколько месяцев пришлось поработать главным инженером рудника 7/9. Такой карьерный рост (за два года от начальника участка до начальника рудника) был естественным для быстро строящегося комбината, где был большой спрос на кадры с «чистой» биографией. Тем более, если молодой специалист с такой биографией обладал не только профессиональными знаниями, но и умением работать с людьми, особенно с заключенными.

Следует заметить, что рудники 1/7, 2/4 и 3/6 начали добывать жильную руду в 1938–1940 годах и по 1955 год были основными поставщиками сульфидных (жильных) руд металлургическим заводам Норильского комбината. Эти рудники расположены на горе Рудной, которую всю можно считать удивительным самородком, содержащим высокий процент не только меди и никеля, но и другие цветные и благородные металлы. Общая протяженность рудного тела с севера-востока на юго-запад доходит до восьми и более километров. Ширина месторождения колеблется от 1,8 км на севере до 2,5 км — в центральной части. Общая площадь рудного тела достигала десяти квадратных километров. Западный склон горы Рудной резко спускается в долину ручья Угольного, за которым

возвышается гора Шмидта. Восточный склон горы Рудной заканчивается долиной ручья Угольного, за которым возвышается гора Барьерная. Если стоять лицом к горе от города (на юг), то слева будет рудник 3/6, в центре — 2/4 и справа — 1/7.

На руднике 3/6 жильная руда оказалась настолько богатой, что не требовала обогащения, и завод мог давать чистый никель в ватержетных печах. Рудник был вскрыт двумя штольнями: вентиляционной № 3 на уровне 380 м (относительно Нулевого пикета) и откаточной № 6 (протяженностью около 3 км) на уровне 267 м. Вся добытая руда поступала по рудоспускам и по подъемным уклонам на транспортную штольню №6. В составе рудника находились пять добычных и два проходческих участка, еще один — внутрирудничного транспорта и своя «обоганительная фабрика» (рудосортировка). Добыча руды в основном шла в шахтах выше откаточной штольни, чтобы руду можно было спускать сверху вниз. Доставка руды происходила по откаточной штольне контактными электровозами по узкой колее 600 мм. Развитие шахт вниз удорожало себестоимость руды из-за необходимости создания уклонов и применения подъемных устройств. Но в конце 50-х годов руду уже добывали в шахтах на отметках 100 м, по уклону ее поднимали на горизонт 147 м, затем на 201 м и, наконец, на горизонт 267 м. Доступ воздуха в откаточную штольню и добычные участки обеспечивался за счет вентиляционной штольни. Службе вентиляции приходилось постоянно следить за утечкой воздуха и строить много вентиляционных перемычек. Численность работающих на руднике 3/6 в 1953 году составляла около 1100–1300 человек, из них 75 % заключенных и около 25 % вольнонаемных. Контора, ламповая, бытовки находились в деревянных каркасно-насыпных домах. Вся территория рудника с котельной, компрессорной, вентиляторной и хозяйственными строениями (конюшней, столяркой, глиномеской) находились в промышленной зоне, которая была огорожена колю-

чей проволокой со сторожевыми вышками. В те годы применяли отечественную технику и оборудование: электровозы, скреперные лебедки, вентиляторы для проходки, ручные и колонковые перфораторы, аккумуляторные лампы индивидуального пользования, самоспасатели (противогазы).

Рудосортировка — это деревянная эстакада, наверху которой располагался ленточный транспортер, а внизу — деревянные люки-дозаторы.

Руда, движущаяся на ленточном транспортере, сортировалась вручную (по весу, цвету и металлическому блеску) и поступала к люкам. К люкам подъезжали самосвалы, загружались и отвозили богатую руду на никелевый завод (около 12 км). Путь был не близкий. Поэтому зимой, когда по несколько суток бушевала пурга, дорогу заносило снегом и возникали большие трудности, самосвалы не могли пробиться через снежные заносы. Руда не отгружалась. Подземный транспорт на штольне стоял с заполненными вагонетками, рудоспуски заполнялись рудой, прекращалось скреперование (перемещение) руды из очистных камер... Рудник практически останавливался... Таких дней зимой иногда насчитывалось больше десяти в месяц. Чтобы чистить дорогу, приходилось

выводить сотни заключенных. И только с появлением в 60-х годах снегоочистительной техники простои были сокращены. Из-за вынужденных простоев коллективу рудника, чтобы выполнить производственный план, приходилось работать в выходные и в праздничные дни, а иногда и удлинять рабочий день.

Рядом с промышленной зоной рудника (на расстоянии 500 м) на склоне горы Рудная находился жилой лагерь заключенных № 16, обслуживающий рудник 3/6. Лагерь был обнесен колючей проволокой, деревянными сторожевыми вышками и пропускными пунктами. Лагерь состоял из бараков — длинных деревянных помещений с печкой и двухэтажными спальными нарами. В каждом бараке проживало по 30–40 человек. Существующий на комбинате порядок предусматривал, чтобы руководство лагеря своевременно доставляло в производственную зону рабочих (заключенных), а руководство рудника обеспечивало их работой и условиями для производительного труда. Очень важно было, как было организовано взаимодействие производственной и лагерной жилой зон. Существовавшая специфика лагерного режима часто приводила к трудностям в выполнении плана по добыче руды на руднике. Например, квалифицированного рабочего могли неожиданно не выпустить из лагеря из-за нарушения лагерного режима. Комендант лагеря мог наложить взыскание, вплоть до карцера. Но чаще невыход на работу был связан с болезнями... Многое зависело от начальника лагеря. В те годы, когда я был начальником рудника, начальником лагеря № 16 был майор Берий. У меня с ним было полное взаимопонимание, да и серьезных жалоб и обид на него не было и со стороны заключенных.

Вспоминаю 1954 год, довольно трудный по обеспечению плана добычи руды. Директор комбината Владимир Степанович Зверев в течение двух месяцев проводил планерки с требованием увеличить добычу руды на 30–50%. Тут же он спрашивал меня, что нужно для выполнения этого задания... Я говорил, что

нужны дополнительно скреперные лебедки, тросы, трубы, рудничные стойки (брус), кабель, взрывчатка и т. д. Тут же он давал команду начальнику снабжения Василию Николаевичу Ксинтарису обеспечить нас всем необходимым.

Василий Николаевич Ксинтарис (1917–2004) — видный государственный и общественный деятель, ветеран Норильского горно-металлургического комбината. Грек по национальности. В 1935 году окончил Таганрогский планово-экономический техникум. После окончания Московского планового института Госплана СССР в 1940 году приехал по распределению в Норильск. Год работал руководителем группы планового отдела комбината. С 1941 по 1948 годы жил и работал в городе Дудинке, где прошел путь от начальника отдела труда и зарплаты до начальника Дудинского порта. С 1948 по 1957 годы руководил «Норильскснабом». В 1957 году Василий Николаевич возглавил Красноярский Совнархоз. С 1965 по 1987 годы работал заместителем министра цветной металлургии СССР, первым заместителем председателя Госснаба СССР. Занимая высокие должности, много сделал для промышленного развития Норильского комбината, Таймырского национального округа, Красноярского края, да и всей страны в целом. В его ведении были снабжение, железнодорожный, водный, воздушный транспорт, жилищное хозяйство. Он умел быстро анализировать огромный объем информации, вовремя и оперативно принимать эффективные управленческие решения. Награжден 6 орденами и 9 медалями. Постановлением Администрации Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа в 2002 году за особые заслуги В.Н. Ксинтарису присвоено звание «Почетный гражданин Таймыра». Его воспоминания опубликованы во 2-м томе «О времени, о Норильске, о себе...».

Ксинтарис делал все возможное и даже невозможное, чтобы обеспечить рудник дополнительными оборудованием и материалами. Но все равно этого было недостаточно. Многие зависело и от рабочих. Мне пришлось еженедельно в течение почти двух лет бывать в лагере и проводить производственные совещания среди заключенных. Я никогда не обращался к ним со словом «гражданин» и часто употреблял слово «по-

жалуйста». Еще начиная работать на руднике 1/7, я понял, насколько это важно при общении с заключенными. Большинство из них, особенно осужденные по политической статье, обижались на обращение «гражданин», они не считали себя виновными, оставались патриотами своей страны. Они это доказывали ударной работой, понимая, как их труд был нужен и важен для страны. В азартной работе они забывали о перенесенных бедах, о пережитых унижениях, у них появлялось чувство собственного достоинства.

На собраниях заключенные говорили о недостатках, вносили конкретные предложения по улучшению производительности труда и брали повышенные обязательства. За перевыполнение производственного плана заключенным выдавался дополнительный продовольственный паек (масло, сало, сахар, консервы) или премия в виде теплых рубашек, ботинок, пальто, махорки и т.д. Отличившимся инженерно-техническим работникам даже выдавали ордера на пошив гражданских шерстяных костюмов. Заключенные в зависимости от выполнения норм получали определенную сумму денег. Верхним пределом ее было 80 руб. Инженерно-технические работники получали должностной оклад до 200 рублей в месяц. Заключенные питались в лагерьной столовой, кроме того в лагере работал ларек, где можно было купить дополнительное питание, табак, спички, кое-что из одежды.

На сортировке руды работали женщины-заключенные, около 20 человек. Работали добросовестно, по их вине производственный процесс никогда не прерывался. Первое время (1940–1941 годы) на сортировке работали мужчины. С увеличением потока руды стало ясно, что на сортировке должны работать женщины, более пригодные для кропотливой, мелкой работы по выборке пустой породы из движущейся по ленте горной массы. В Норильске в то время женщины жили в отдельном лагпунктке «Нагорный», который находился на большом расстоянии (около 5 км) от рудника 3/6. Было решено женщин, отобранных для работы

на рудосортировке, разместить в мужском лагере № 16 вблизи рудника. Для них в зоне лагеря выделили два барака и обнесли их колючей проволокой.

«НАШ СЛАВНЫЙ КОЛЛЕКТИВ...»

На руднике 3/6 мне довелось работать с командой профессиональных и ответственных работников, в которую входило много бывших заключенных: главный инженер Александр Петрович Прокопенко, старший диспетчер Иосиф Михайлович Коган, начальник буровзрывного цеха Валентин Кузьмич Багрянцев, главный геолог Виктор Константинович Говоров, начальник вентиляции Виктор Петрович Грицаев, главный маркшейдер Александр Андреевич Попов, горный инженер Василий Карпович Иванов, главный геолог Семен Михайлович Гедзинский, главный механик Христофор Павлович Бовин, главный энергетик Константин Петрович Решетняк, главный бухгалтер Вайбус, начальник отдела труда и зарплаты Хаим Соломонович Абрамович... Я с большим уважением и благодарностью перечисляю фамилии горняков, без которых вряд ли бы удалось организовать ритмичное производство, сплотить коллектив рудника на выполнение и перевыполнение планов, обеспечить здоровые производственные отношения вольнонаемных работников и заключенных.

План рудникам определяло горнорудное управление комбината, исходя из потребности металлургических заводов и возможностей горно-геологических условий рудников. Как учитывались особенности добычи руды на рудниках? На каждом руднике группа, состоящая из экономиста-плановика, начальника техотдела, геолога и бухгалтера, определяла технико-экономические показатели по добыче руды и затратам и ежеквартально представляла их в управление рудниками. Директора рудников старались добиться выгодных для себя плановых показателей и иметь резервы. Однако в горнорудном управлении работали плановики не только с экономическим образованием,

но и со знанием горно-геологических условий каждого рудника. Так что утверждение ежемесячных планов по рудникам шло не гладко. Часто этот план корректировался управлением в сторону повышения, и приходилось убеждать начальников участков в том, что план все-таки реален. А запросы на руду с каждым месяцем возрастали. Приходилось это учитывать и так составлять план, чтобы он мог быть выполнен и чтобы при этом еще оставались резервы...

Моя жена Наталия Павловна работала с 1950 по 1959 год начальником планового отдела управления рудниками комбината *. В состав этого управления входили рудники открытых работ «Медвежий ручей», «Угольный ручей», подземные рудники 2/4, 3/6 и 1/7, а также самостоятельная служба железнодорожного транспорта и ремонтно-механический цех. Злые языки в управлении комбината говорили, что технико-экономические показатели (объем производства, фонд заработной платы, себестоимость и др.) по руднику 3/6 Наталия Павловна устанавливала заниженные. На самом деле это было не так. Наталия Павловна была очень честным и принципиальным человеком и строго следила, чтобы такого занижения не было и даже, наоборот, чтобы ни у кого не возникало сомнений, по некоторым показателям она устанавливала даже повышенные нормы. Наталия Павловна хорошо знала горнопроходческие работы. После окончания горно-металлургического техникума она трудилась на руднике 1/7, где, прежде чем стать экономистом, ей пришлось поработать машинистом электровоза и помощником взрывника **. Став

* Более подробно о Наталье Павловне можно узнать из книги: *Крестников Р.М.* Норильск вспоминаю с радостью. М.: Студия «Полярная звезда», 2009.

** Работа взрывника заключалась в следующем. В руде или породе на глубину 1–1,5 метра бурились шпуры (горизонтальные отверстия круглой формы). При помощи деревянных «полок» в шпур загонялись патроны взрывчатки, которые забивались глиной. Далее все посторонние уходили из забоя, а взрывник при помощи бикфордова шнура все поджигал и взрывал. После взрыва забой проветривался с помощью вентилятора. Работа эта была очень ответственной.

начальником планового отдела управления, Наталия Павловна, чтобы лучше знать все подробности технологических процессов на рудниках, часто посещала подземные выработки, где приходилось преодолевать 20-метровые ходовые восстающие, продвигаться, где в полный рост, где в полусогнутом состоянии, а где и на четвереньках. Но зато она знала особенности подземных работ: бурения шпуров, крепления горных выработок, подземную откатку руды, скреперование, вентиляцию, геологическую разведку и другие работы.

Профессиональные и организаторские качества Наталии Павловны на посту начальника планового отдела управления рудниками не могли быть не замечены руководством комбината. В 1959 году ее назначили начальником планового отдела всего комбината. На этом посту она проработала до 1964 года. Ей принадлежит инициатива по внедрению хозрасчета в цехах комбината. Она внесла много новшеств по оценке запасов и содержания металлов в рудах, по определению себестоимости продукции, что нашло отражение в создании более совершенных методик планирования производственных процессов.

У Наталии Павловны было широкое поле деятельности, и она успешно справлялась со всеми плановыми делами. В это время в состав Норильского комбината входили два открытых и три подземных рудника, три угольных шахты и карьер «Кайеркан», Большая обогатительная фабрика, никелевый, медный и кобальтовый заводы, теплоэлектростанция, несколько самостоятельных предприятий строительной индустрии, самостоятельная автомобильная служба пассажирских и грузовых машин и управление коммунального хозяйства. Численность трудящихся комбината достигала 100 тысяч человек. Многоотраслевая структура комбината требовала знания технологических процессов в горном деле, обогащении, металлургии, энергетике и в производстве строительных

материалов. Чтобы квалифицированно составлять планы, надо было быть в курсе новых производств и технологических процессов. Планы составлялись ежемесячно, поквартально и на год. Следует заметить, что в то время все расчетные работы приходилось выполнять на простых бухгалтерских счетах и арифмометрах.

Непросто было организовать работу всех плановых служб предприятий, а их было несколько десятков. Например, чтобы правильно определить себестоимость выпускаемой продукции, необходимо было правильно рассчитать все затраты, включая расходы материалов, электроэнергии, трудовых затрат и т.д. Эту подробную и очень важную работу Наталия Павловна проводила с местными экономистами, технологами и геологами. Но конечный баланс по строительным материалам, руде и металлам она составляла сама, и помнила все итоговые цифры (а они были секретными). Память на цифры у нее была удивительная, чем она постоянно удивляла работников и Красноярского совнархоза, и Госплана СССР.

Наталия Павловна знала всех работников плановых отделов, их способности и условия работы. Недаром глубоко уважали ее за энергичность в работе, за глубокие знания, ценили ее и за чуткое к ним отношение. В эти годы у нас родились дочери (Оля — в 1958 г., а в 1961 г. — Вера), и обеспечивать большую, ответственную и часто связанную с командировками работу начальнику планового отдела комбината было очень непросто...

Не могу не выделить еще одного человека — Прокопенко Александра Петровича, высококвалифицированного, опытного и очень ответственного работника рудника 3/6, где он трудился с 1945 по 1954 год в качестве начальника участка, а последние два года — главным инженером рудника. До ареста (1937 год) он работал горным инженером (около шести лет) в подземных шахтах Горловки и начальником участка при строительстве Московского метрополитена (около пяти лет). В Норильске же ему пришлось опять пройти всю цепочку профессий от шахтера, горного техника, горного инженера до главного инженера рудника. И везде он, как творческий человек, находил оригинальные технические и организационные решения, особенно в периоды наивысшего трудового напряжения, когда руководство комбината ставило, казалось бы, невыполнимые задачи по увеличению объемов добычи руды. Очень много внимания Александр Петрович уделял технике безопасности при работах под землей. Авторитет его был очень высок у инженерно-технического персонала, внимание и заботу он проявлял и к рабочим — заключенным.

Расскажу об одном красноречивом эпизоде нашей инженерной деятельности. В 1952 году директор Норильского комбината В.С. Зверев дал мне задание выполнить горнопроходческие работы для сооружения газоходов под действующей ТЭЦ (на глубине около 5 м). Уже были построены две дымовые трубы, каждая около 100 м. Необходимо было предусмотреть возможные нежелательные последствия. Сложность заключалась в том, что подземные газоходы надо было построить в скальном грунте, причем в грунте, находящемся под сильнейшей нагрузкой уже построенных дымовых труб и здания ТЭЦ. Для выполнения этого опасного и чрезвычайно ответственного задания организовали специальный проходческий участок, укомплектованный самыми квалифицированными рабочими. Руководителем участка назначили А.П. Проккопенко. Александр Петрович провел тщательный расчет количества взрывчатки и очередности взрывов. Он специально разработал паспорта с указанием определенного количества шпуров на квадратный метр забоя. Буровые и взрывные работы были проведены с ювелирной точностью. Эта очень интересная инженерная задача успешно выполнялась в течение двух лет... Газоходы были введены в действие в запланированные сроки. Следует заметить, что это ответственное поручение для бывшего заключенного Проккопенко содержало в себе большой риск: любая неудача могла быть истолкована как вредительство, и тогда ему грозил бы новый срок.

Конечно, главная ответственность за эти работы лежала на мне. После года работ по сооружению подземных дымоходов я узнал, что меня могли судить за нарушение запрета эксплуатационным предприятиям заниматься капитальным строительством. Но тогда меня подстраховал начальник комбината В.С. Зверев. Он вызвал меня к себе и попросил написать рапорт об этой работе. После резолюции «продолжать работы» он спрятал рапорт в сейф, сказав: *«Меня судить не будут, а тебя могут»*. Такое человеческое отношение

начальника комбината в условиях Норильлага запомнилось мне на всю жизнь...

В то время на руднике отрабатывалась технология выемки оставшейся руды в старых камерах, требовалось особое внимание к технике безопасности. Помимо человеческого фактора, существовало много и природных факторов риска, которые могли привести к обвалам кровли, авариям и несчастным случаям. Подземный рудник 3/6 находился под открытым рудником «Медвежий ручей». Массовые взрывы на «Медвежке» часто разрушали подземные выработки и вентиляционные перемычки. Хуже того, после взрывов газ по скважинам поступал в подземные выработки. Приходилось усиливать работу службы вентиляции и обеспечивать устойчивую подачу свежего воздуха в рабочие камеры. Для этого приходилось строить новые деревянные и бетонные перемычки, восстанавливать разрушенные, производить изоляцию старых камер. Эти работы, как правило, проводились в старых, заброшенных выработках, куда доставить материалы было не так-то просто. В летнее время происходили затопления подземного рудника поверхностными водами. Приходилось проводить дополнительные работы по водоотливу...

В начале 50-х годов плановые задания на добычу руды возросли настолько, что их стало невозможно выполнить при существующих мощностях рудников. На руднике 3/6, когда начальником был я, а главным инженером А.П. Прокопенко, был найден оригинальный способ выемки жильной руды из ленточных целиков в старых камерах с применением ледовой закладки. Так как в подземных выработках круглый год держатся отрицательные температуры, пришла идея использовать для крепления старых камер лед. Организовали специальный подземный участок по намораживанию льда в отработанных камерах. Возглавил участок опытный практик М.В. Любимов, хорошо знавший все подземные выработки. Возвели ряд бетонно-деревянных перемычек по периметру

камер и стали закачивать воду. Установили контроль за ее замерзанием. Когда прошло несколько недель, решили, что можно приступить к выемке руды из целиков. Взрывные работы проводили очень аккуратно, и в шпуров закладывали небольшие заряды взрывчатки. Но, к большому разочарованию, было обнаружено, что в центре камеры вода не замерзает, а только по периметру — в ее кровле и подошве. Тогда стали проводить заморозку льда послойно. Конечно, пришлось делать монтаж новой сети трубопроводов и дополнительно привлекать слесарей-разливщиков. Практика внедрения ледовой закладки подсказала особую технологию залива, то есть толщину слоев и время замерзания. Этот метод стал использоваться повсеместно, в дальнейшем он был еще более усовершенствован стараниями талантливого горного инженера Василия Карповича Иванова.

В условиях послевоенного времени, когда существовал острый дефицит материалов и оборудования, применение льда в качестве закладки дало большой экономический эффект, были дополнительно добыты сотни тонн богатой жильной руды из целиков. А ведь она считалась технологически потерянной...

Совместная работа с Александром Петровичем многому меня научила. Наши производственные отношения перешли в дружбу. Александр Петрович жил недалеко от рудника 3/6, в поселке вольнонаемных работников рудника, и мы часто ходили к нему на обед, где нас радушно встречала его жена Ида Ильинична. Обеды всегда были обильными и вкусно приготовленными. Ида Ильинична была удивительно доброжелательной, умной и интересной женщиной. Восхищала ее прекрасная память, она знала много стихов, умела интересно рассказывать не только о пережитом, но и о прочитанном. В 1937 году она незаслуженно была арестована, осуждена на 10 лет по политической 58-й статье. Ее отправили этапом в Норильлаг. Она говорила, что в Норильске «нашла свою судьбу», верного мужа Александра Петровича.

Всегда было приятно видеть их дружеское, внимательное отношение друг к другу.

Человеческое внимание и сердечное отношение к людям проявилось и в благородном поступке четы Прокопенко — они взяли на воспитание 15-летнего подростка Толю Беляева, приехавшего в Норильск из глухой деревни (на берегу Енисея) для поступления в Горно-металлургический техникум. Из-за опоздания почти на месяц Толю, хотя он и имел вызов для учебы и Похвальную грамоту после семилетки, в техникум не приняли. Он оказался один на один в чужом и суровом заполярном городе. Его приютила семья Прокопенко. Жил Толя в этой семье на правах воспитанника и закончил в Норильске 8-й класс.

В 1954 году для невинно осужденных началась эпоха реабилитации, и семья Прокопенко уехала в Москву, где Анатолий закончил 9-й, а затем и 10-й класс (с золотой медалью) и поступил на физфак МГУ им. М.В. Ломоносова. После Университета Анатолий Ильич Беляев работал в оборонной промышленности, где до середины 90-х годов разрабатывал радиосистемы наземного, воздушного и космического применения. Активное разрушение оборонной промышленности в 90-х годах вынудило Анатолия Ильича перейти работать в акционерное общество по проектированию и строительству радиотелефонных сетей по заказу корпораций МТС, Билайн, Мегафон и др.

Моя семья и семья Прокопенко часто встречались в Москве, поддерживая дружеские отношения. Александр Петрович работал (с 1957 по 1962 годы) начальником отдела в Главном управлении материально-технического снабжения Минцветмета СССР. Я же, работая в Норильске, часто бывал в Москве. При встречах мы, бывало, обсуждали многие вопросы жизни. Александр Петрович был патриотом, всегда радовался успехам страны. В разговорах о его судимости он, как ни странно, не обвинял советскую власть, а считал, что виновными являются отдельные люди. Однажды Александр Петрович с большим тактом

и осторожностью задал мне вопрос: «*Коммунистическое общество — это хорошо. Но почему многие государства не хотят его строить?*». Я не ожидал такого вопроса и по существу ответить сразу не смог. Такими были наши доверительные отношения друг к другу.

Просидев четыре года в чиновничьих кабинетах, Александр Петрович, соскучившись по живой работе, отправился в 1962 году снова в Норильск. Год он работал на руднике «Заполярный» начальником строительно-монтажных работ по подземному дробильно-транспортному комплексу. Я в это время был директором этого рудника. Смерть Александра Петровича в 1963 году была для нас неожиданной. На похоронах было очень много людей (не менее ста человек). Пришли проститься с ним не только работники рудника «Заполярный», но и рудника 3/6, где он проработал около девяти лет и оставил по себе добрую славу.

Сейчас уже нет в живых и Иды Ильиничны (умерла в 1996 году), но воспитанник семьи Прокопенко Анатолий Ильич Беляев не оставляет и меня без внимания. Вот и мои воспоминания он помогает мне переложить на бумагу (я плохо вижу). Кроме того, он по Интернету нашел информацию о моих родственниках со стороны отца и составил родословную схему, приведенную в этом очерке.

Во времена моей работы в Норильске на рудниках, заводах, фабриках существовали удивительно дружные, сплоченные коллективы. Таких коллективов ныне на предприятиях Норильска уже не существует. Что же в те советские времена сплачивало и объединяло людей? Мой ответ на этот вопрос простой: в коллективах от людей ничего не скрывали, производственные и финансовые дела не являлись коммерческой тайной. Оплата по труду работникам была достаточно справедливой, осуществлялась открыто и всегда была «белой», т.е. отсутствовали нелегальные выплаты. Не было беспредельной разницы

выплат (как ныне в десятки и даже сотни раз) между дирекцией и рядовыми работниками.

Кроме того, надо отметить важную миссию, которую выполняли партийная и профсоюзная организации. Если во главе этих организаций оказывались не формалисты, а житейски мудрые люди, то роль этих организаций по сплочению коллектива, несомненно, становилась очень высокой. Например, руководители партийной и профсоюзной организаций рудника 3/6 Я.В. Гринин и Н.Г. Тарабан не имели высшего образования, но по своим личным качествам, душевности и внимательному отношению к человеку имели большой авторитет среди горняков. Рабочие к ним приходили с личными, семейными проблемами, а также некоторыми производственными вопросами. Мне, как начальнику рудника, легко было работать, имея таких помощников. Я часто с ними общался и советовался.

Рудник не был самостоятельной хозяйственной единицей, не имел своего банковского счета. Все денежные и финансовые операции производились в Управлении комбината по двухконтурной денежной системе, по безналичному и наличному денежному обращению. В советской экономике между безналичными и наличными деньгами были выставлены очень прочные барьеры. Управлению комбината разрешалось переводить в наличную форму лишь те суммы, которые определялись фондом заработной платы, премиальным фондом, расходами на командировки и еще кое-какими мелочами. Возможность денежных махинаций и воровства была чрезвычайно затруднена. Правила бухгалтерского учета были очень строгими и однозначными, а балансы должны были сводиться «копеечка в копейку».

Украсть безналичные деньги путем их конвертации в наличные было почти невозможно. Конечно, были и в СССР случаи незаконной «обналички», но они были очень редки. Сегодня же существующие легкие пути конвертации безналичных и наличных

денег происходят часто и являются прямым путем к расхищению народного достояния. Финансовые дела скрыты за «семью печатями». Сегодня бухгалтера могут «рисовать» любые балансовые отчеты, скрывая воровство и бесхозяйственность.

Вся система денежных поощрений и наказаний на руднике была открытой. Если кого-то выдвигали на Доску почета и премировали, то все знали, что это по делу. При перевыполнении плана всему коллективу выделялась премия. В зависимости от процента перевыполнения премия составляла 20–30% от оклада. Поощрялось премией и руководство рудника, но только при условии выполнения ряда технико-экономических показателей (объем производства, фонд заработной платы, себестоимость, сбор металлолома). Премия снижалась, если по какому-либо показателю план не выполнялся. Так однажды за невыполнение плана по сбору металлолома мне директор комбината снизил премию на 5%.

Как правило, по итогам квартала в поселке рудника проводились производственные собрания. Однажды во время очередного подведения итогов за полугодие на собрании присутствовал директор комбината Владимир Васильевич Дроздов. Свое выступление я начал со слов «наш славный коллектив». Тогда еще эта фраза не была в ходу, и Дроздову она понравилась. Много лет спустя, когда в Москве Дроздов работал начальником главка, при встречах со мной он всегда с доброй улыбкой вспоминал эту фразу.

На руднике существовала хорошая традиция: всем коллективом мы отмечали торжественные даты, посвященные Великой Октябрьской революции, Первомаю, Дню Победы, Дню металлурга, Дню горняка и др. Эти мероприятия обычно проходили в ДИТРе (Доме инженерно-технических работников). Для организации этих вечеров создавалась организаторская группа, в которую, как правило, входили Говоров (главный геолог), Дьяченко (начальник транспорта), Пек (начальник компрессорной), Трегуб (главный

диспетчер), парторг и профорг. Праздник начинался с торжественной части (краткий доклад, кино или концерт) и заканчивался застольем с выпивкой. Отзывы о таких праздниках всегда были самые хорошие, пьяных и драк никогда не было.

Коллектив рудника активно участвовал в спортивной жизни города. На руднике существовала футбольная команда «Горняк», капитаном которой несколько лет был Костя Уткин, славившийся меткими ударами по воротам головой. Горняки гордились своими спортсменами, да и руководство рудника их не забывало поощрять денежными премиями, грамотами... Спорту в Норильске уделялось очень большое внимание. Норильск особенно славился успехами по футболу и шахматам. В начале 50-х годов в Норильске было около 30 футбольных команд. Лучшие спортивные коллективы имели металлурги, энергетики, механики, горняки и строители. Была даже команда под названием ОЧО (оперативно-чекистский отдел). За команду энергетиков в воротах стоял заключенный Валентин Буре — тоже легендарный человек, в прошлом вратарь сборной СССР по водному поло. В конце

40-х и начале 50-х годов сборная команда Норильска по футболу неоднократно являлась чемпионом и обладателем кубка Красноярского края. Футбольная секция была организована сразу же после войны. Главным тренером был знаменитый Андрей Петрович Старостин, а его правой рукой — Станислав Николаевич Леута. Эти легендарные люди, игроки сборной СССР и московского «Спартака», оказались в Норильлаге в годы массовых политических репрессий. Они тренировали футболистов, находясь в лагере, но получили право передвижения по поселку без конвоирования. В справочнике 30-х годов можно было прочитать, что А.П. Старостин — капитан сборной страны, награжденный редким тогда орденом «Знак Почета», как и ряд других знаменитых футболистов. После Норильска А.П. Старостин достойно представлял наш отечественный футбол на международных соревнованиях, будучи начальником сборной команды СССР.

Руководство рудника уделяло внимание и шефской работе. Много лет рудник 3/6 шефствовал над городской лагерной больницей, проводя капитальный ремонт, выделяя транспорт для перевозок и т.д. Впоследствии, когда уже не было лагерей, эта больница обслуживала вольнонаемных. В этой больнице в 1957 году мне главный хирург города В.А. Кузнецов* делал операцию по удалению аппендицита. Были очередные выборы в Верховный Совет. Я в субботу вместе с партторгом Грининым приехал в поселок рудника 3/6 для проверки готовности избирательного участка к выборам. После этого я поехал на рудник, где и произошел приступ. Думал, что это из-за желудка. На следующий день утром поднялась температура. Жена Наталья Павловна пригласила из соседнего дома доктора С.В. Знаменского (одного из знаменитых врачей Норильска, врача-онколога). Он определил аппендицит и потребовал срочно ехать

* Виктор Алексеевич Кузнецов — гордость норильского здравоохранения. На его могиле в Норильске установлен памятник по эскизу ученика и коллеги хирурга Евгения Арсеньевича Климова.

в больницу. В этот же день мне сделали операцию. Но после операции случился перитонит, и мне пришлось в течение месяца лечиться. Уход был внимательным, заботливым, питание достаточное, но я все равно похудел на 16 килограммов.

Я хорошо запомнил 1954–1956 годы, когда шло массовое освобождение заключенных. Комбинат фактически остался без рабочей силы и не выполнял государственный план. По всей стране шел оргнабор людей для работы в Норильске. Приход на рудник новых вербованных людей, особенно молодых ребят, демобилизованных из армии и по комсомольскому призыву, был явлением радостным, но вместе с тем пришлось проводить дополнительную работу по обучению людей горнорудным профессиям. Было трудно выполнить план по добыче руды. Горным мастерам и начальникам участков приходилось больше находиться под землей. Спасало положение то, что добычу руды производили в целиках старых камер, где были более мощные жилы.

Были острые проблемы с жильем. Пришлось переоборудовать освободившиеся лагерные бараки и строить новые дома. На строительство направлялись инженерно-технические работники. Некоторые освобождались от своей непосредственной работы, другие работали после производственных смен. Часто организовывались субботники и воскресники. Я сам неоднократно участвовал в субботниках и на тачке подвозил кирпичи строителям.

Следует заметить, что кадровый провал в эти годы для Норильска не стал совсем уж угрожающим из-за того, что многие бывшие квалифицированные рабочие — заключенные после освобождения из лагерей остались в Норильске. Очень многие, получив реабилитацию, не захотели возвращаться на материк. Одни привезли свои семьи, другие обзавелись ими в Норильске. Они еще долгие годы были востребованы здесь, работая по своей профессии.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В 1959 году я получил новое назначение — главный инженер Горнорудного управления, а через полгода — заместитель начальника Горнорудного управления по капитальному строительству. Открылось новое поле деятельности, которое продолжалось до 1963 года. Министерство цветной металлургии каждый год Норильскому комбинату увеличивало объемы выпуска цветных металлов: меди, никеля, кобальта. Действующие рудники «Заполярный», № 3/6 и «Угольный ручей» не могли обеспечить добычу руды в возрастающих объемах. В связи с этим нужно было ускорить строительство рудника «Медвежий ручей» (обычно его называли попросту «Медвежка») и новых горизонтов действующих рудников «Заполярный» и «Угольный ручей». Эти работы в условиях Крайнего Севера были очень сложными и требовали больших капитальных вложений. Нужно было закупить и доставить в Норильск сотни тонн технологического оборудования: железнодорожную технику, экскаваторы, ударно-канатные бурильные станки, бульдозеры, автосамосвалы, думпкары, большое количество рельс, шпал, кабельную продукцию и т.д.

Масштабы технического оснащения и объемы работ поражали. Например, на «Медвежке» в одном только железнодорожном цехе работало 827 человек. Было задействовано 48 электровозов со сцепным весом до 150 тонн, 5 тепловозов, 9 железнодорожных кранов, 240 думпкаров грузоподъемностью 95–100 тонн. Максимальная протяженность путей составляла 122 км. Следует отметить, что в большинстве своем оборудование и техника производились на заводах нашей страны, могли работать в условиях низких температур и выдерживать предельные нагрузки. Например, в 1961 году рудник «Медвежий ручей» получил с Ижорского завода два экскаватора ЭЖГ-8И и три экскаватора ЭЖГ-4,5 с завода Уралмаш. В этом же году Магнитогорский завод тяжелого машино-

строения отгрузил шесть буровых станков НБС-2. Все экскаваторы и буровые станки были радиофицированы. Кое-что производилось в Норильске. Например, ударно-канатные бурильные станки, разработанные местными конструкторами для бурения скважин большого диаметра (до 100 миллиметров). В 60-е годы пришли на рудник чешские электровозы — сильные машины. Но беда — на морозе замерзали. Бывало, встанет состав и ...ни туда, ни сюда. Пробовали костры жечь. Чтобы замерзший воздухопровод оттаять и поменять конструкцию. Какое-то время работали, потом та же картина. И все же нашли кардинальный выход — додумались до электроподогрева! И простои тут же прекратились.

В зимнее время продолжительные метели вызывали заносы железнодорожных путей и приводили к полной остановке движения железнодорожного транспорта. Простои экскаваторов на верхних горизонтах карьера, где использовался железнодорожный транспорт, в 1959–1961 годах составляли иногда более 21% календарного рабочего времени! И тогда в 1959 году директор комбината издал приказ об организации самостоятельного железнодорожного цеха с подчинением горнорудному управлению. Появился парк снегоочистительной техники, включающий бульдозеры, грейдеры, шнекороторные и специальные железнодорожные очистители. Для предотвращения заноса снегом карьера и транспортных магистралей широко применялись снегозащитные заборы конструкции инженера Потапова. Было построено около 25 км снегозащитных заборов. С 1961 года карьер «Медвежий ручей» не имел «активированных» дней ни из-за пурги, ни из-за морозов!

Денег, которые выделяло на капитальное строительство Министерство цветной металлургии, не хватало. Руководство комбината очень строго следило за расходованием денег. При Норильском комбинате создали отдел капитального строительства, в котором работали экономисты с техническим образова-

ем. Отдел непосредственно подчинялся заместителю директора комбината. Именно этот отдел выделял деньги на капитальное строительство, горнорудные работы и утверждал общий подробный план. Приходилось готовить документацию на каждый вид работ, защищать свои заявки в комбинате, доказывая их нужность для развития горнорудных работ. Для этого мне приходилось постоянно контролировать работы на открытых и подземных рудниках, непосредственно выезжая на места. Ежеквартально я представлял в отдел капитального строительства отчеты о выполнении планов по горнорудному управлению. По данным этого отчета определялся процент выполнения плана и, соответственно, размер премий работникам рудников.

Работы шли круглый год и продолжались много лет. Рудник «Медвежка» строился восемь лет. Все это время его директором был Виктор Петрович Грицаев. Он много сделал для того, чтобы рудник успешно заработал и стал давать обильную руду. Жаль, что его труд не был должным образом отмечен: считали его нормой.

Коллективы строительных организаций горнорудного управления были укомплектованы опытными высококвалифицированными кадрами: они умели эффективно организовать работу и при этом не выходить за рамки установленной суммы расходов. И все же часто случались непредвиденные расходы. При проходке уклона для канатно-ленточного транспортера на руднике «Заполярный» из-за пересечения слабых и трещиноватых пород часто происходили вывалы породы из кровли, что приводило к неплановым работам и значительным расходам бетона. Дополнительные трудности вносила суровая зима, снежные заносы, черная пурга, особенно на открытых рудниках. Часто из-за остановки работ планы срывались, их приходилось корректировать и изыскивать дополнительные резервы.

На зарубежных рудниках открытых работ в северных широтах горные работы проводятся частны-

ми фирмами и из-за больших затрат в зимнее время не ведутся. Норильск не мог себе этого позволить. Здесь существовал единый хозяин, единое руководство — управление горно-металлургического комбината, возглавляемое директором комбината. Ни одно производство, строительство или техническое оснащение, требующее денежных затрат, не могло быть осуществлено без анализа и проектной проработки в управлении комбината. При этом на всех уровнях руководства от начальника комбината до начальника цеха или участка очень высокой была исполнительская дисциплина. Почти не бывало, чтобы в каком-то звене не были исполнены приказ, указание, решение и иная директива руководства комбината.

РУДНИК «ЗАПОЛЯРНЫЙ» — ЭТО МАРКА КАЧЕСТВА РУДЫ И СПЕЦИАЛИСТОВ

В 1963–1964 годах я работал директором рудника «Заполярный», до 1959 года бывший рудником № 7/9. В это время на руднике работало 3500 трудящихся, в том числе более 400 человек — ИТР. В эти годы рудник достиг максимальных объемов добычи руды и являлся крупнейшим подземным рудником в Министерстве цветной металлургии. В состав рудника входило 22 карьерных участка. В это время под землей насчитывалось свыше 220 км выработок на глубине в среднем 300 м, а с учетом подготовительных и нарезных выработок общая протяженность составляла более 410 км. Для сравнения: в это время московское метро насчитывало 250 километров подземных выработок.

Уникальность рудника, с одной стороны, состоит в том, что в его рудной залежи находится широкая палитра высокоценных полезных компонентов: меди, никеля, кобальта, золота, серебра и металлов платиновой группы, иридия, осмия, селена, теллура и др. С другой же стороны, у рудника нет аналогов в мире по сложности горно-геологических условий. Дело в том, что под рудным телом находятся угольные

пласты с наличием метана. Был разработан ряд мероприятий, позволяющих вести проходку и очистные работы в условиях выделения метана. Это обстоятельство вынуждало проводить взрывные работы только в выходные дни или с выводом всех людей из-под земли. После взрывов осуществлялось проветривание с помощью мощных вентиляторов. В рабочих забоях проводился постоянный контроль наличия метана. Для этого на руднике существовал специальный штат газозамерщиц, оснащенных приборами. Вообще-то женщинам работать под землей было запрещено, но нашему руднику дали такое разрешение. На «Заполярном» трудилось более 200 женщин. Были случаи, когда при превышении концентрации метана останавливались работы, и люди выводились на поверхность. Все подземное оборудование, особенно электрооборудование, находилось в безопасных местах. Такие повышенные меры безопасности были необходимы. За два года моей работы не было ни одного случая взрыва метана. Для снижения метановыделения на нижних горизонтах рудника осуществлялась дегазация посредством дренажных выработок и бурения скважин для отсоса газов. Суммарная длина дегазационных скважин составила более 8,5 км. В результате проведенных работ метановыделение резко снизилось и в дальнейшем стабилизировалось до уровня безопасных норм.

Административно-бытовой комбинат рудника размещался в трехэтажном корпусе. В бытовой части корпуса стояли около 2500 деревянных шкафчиков, предназначенных для белья и одежды рабочих, а также душевые, рассчитанные на тысячу человек. Каждого рабочего обеспечивали спецодеждой: чистым бельем — кальсонами и рубашкой, телогрейкой, ватными и брезентовыми брюками, брезентовой курткой, сапогами или рабочими ботинками, портянками, каской и подкасником. Вся эта спецодежда систематически стиралась и ремонтировалась. В коллективе были сапожники, портные, уборщики. В службу быта

входила медсанчасть, состоящая из двух-трех человек. Все проверялось санитарными врачами, а мокрая уборка производилась с хлоркой. Не было ни одного случая инфекционных заболеваний. Службу быта возглавлял заместитель директора по общим вопросам.

На руднике проводились массовые взрывы с расходом десятков и даже сотен тонн взрывчатки (от 75 до 200 тысяч тонн). В связи с этим уделялось особое внимание транспортировке и доставке взрывчатых веществ. Были построены и оборудованы на поверхности и под землей со всеми предосторожностями склады взрывчатых веществ. Их доставляли на специальных машинах и вагонетках. На Большую обогатительную фабрику руду доставлял внутрирудничный транспортный цех, располагавший электровозами и вагонетками «Гренби» для колеи 900 миллиметров. Ее протяженность по штольне составляла три километра, по поверхности — полтора километра. Численность внутрирудничного транспортного цеха составляла около 300 человек. Погрузка руды производилась под землей из бункеров, по рудоспускам. Разгрузка — в склады обогатительной фабрики. Бывали случаи, когда вместе с рудой в склад обогатительной фабрики попадали металлические части машин. Это приводило к остановке дробилки и часовым простоям. Организация задержки работ была ритмичной на всех участках. Случаи, когда из-за задержки подачи руды с добычных участков возникали простои транспорта, были единичными. Тогда приходилось в авральном порядке вывозить большое количество руды. Но еще хуже было, когда отключалось электричество или когда вагонетки сходили с рельс.

В марте 1963 года был принят в эксплуатацию подземный дробильно-транспортный комплекс, оснащенный двумя уникальными для того времени канатно-ленточными транспортерами (длина конвейера — 600 метров). Их впервые в СССР применили на «Заполярном» в подземных условиях. Пришлось при проходке и бетонировании уклона преодолевать

сложности: уклон пересекал слабые и трещиноватые породы, поэтому случались многочисленные вывалы кровли, требовались дополнительные работы и значительный расход бетона.

Рудник «Заполярный» стал мощной кузницей кадров. По сути, все руководители и основные инженерно-технические кадры талнахских рудников «Маяк», «Комсомольский», «Октябрьский», «Глубокий», «Скалистый» прошли школу рудника «Заполярный». Директорами талнахских рудников стали Геннадий Федорович Мосолов (награжден орденом Ленина), Виктор Иванович Марченко, Казбек Тимофеевич Мезенцев, Валентин Иванович Елясов, Иван Прохорович Кривобородов. Руководителями управлений стали Юрий Васильевич Поляков, Казбек Георгиевич Каргинов, Герольд Дмитриевич Апазов и многие другие.

При работе на рудниках Норильска в процессе преодоления нестандартных ситуаций, а их было предостаточно, отрабатывались не только технические решения, но и формировались особые характеры, складывались дружеские человеческие отношения, которые позволяют нам и сейчас, через много лет, с удовольствием встречаться друг с другом. Мы гордимся, что при нашем активном участии закладывался фундамент устойчивой работы и развития рудников. Наше заполярное братство и сегодня в Москве, далеко от Норильска, продолжает жить и развиваться, мы часто встречаемся и всегда поддерживаем друг друга. Помимо ежегодных встреч ветеранов норильского клуба «69-я параллель», отмечаем юбилейные даты наших товарищей.

В 2015 году рудник «Заполярный» преодолел рубеж 70-летия, до сих пор добывает руду и сохраняет перспективы остаться рентабельным предприятием еще лет на сто. За свою историю рудник прошел путь от предприятия с тяжелым, преимущественно ручным трудом, как на подземных, так и открытых горных работах, до современного, высокотехнологич-

ного рудника, оснащенного высокопроизводительным самоходным и электрическим оборудованием.

Простившись с Норильском, я 24 года трудился в Москве, в центральном аппарате Государственного комитета Совета Министров СССР по материально-техническому обеспечению (Госснаб СССР). В Госснабе СССР были созданы 12 Союзглавкомплектов, которые были укомплектованы кадрами, имеющими специальное техническое образование и обязательно большой практический опыт. Занимая должности главного специалиста по цветной металлургии, начальника отдела и заместителя начальника Управления, проводил совместно с Союзглавкомплектами работу по определению потребностей в оборудовании и кабельных изделиях для строящихся предприятий цветной и черной металлургии, угольной промышленности и промышленности строительных материалов. Надо было обеспечить эффективность цепочки работ по снабжению (получить заявки от строящихся предприятий, их обработать, выдать заявки на изготовление на заводах, вести контроль за изготовлением и своевременной поставкой).

Я неоднократно выезжал в командировки в пределах страны на предприятия, где намечались провалы со строительством, и каждый раз совместно с руководителями этих предприятий находил нужные меры по спасению положения. За успешную работу награжден орденом «Знак Почета».

Эффективность работы Союзглавкомплектов была очень высокой, и не случайно организация снабжения огромного промышленного хозяйства СССР была изучена руководителями промышленности Китая, которые стали применять ее у себя.

Для меня самым главным и интересным рабочим местом все-таки был Норильский горно-металлургический комбинат... Он — моя судьба... Производственная и жизненная школа, полученная в Норильске, понимание служебного долга и человеческих взаимоотношений заложили прочный фундамент всей моей жизни.

В заключение не могу не высказаться о наблевшем... Такого необычного уклада жизни, какой был в советской стране, не было ни в одной стране мира и вряд ли будет. Это уже история. Мне хотелось оставить для потомства описание подробностей труда, быта и отдыха людей в Норильске в советский период жизни страны. Не все тогда было ладно устроено. Страна нуждалась в реформировании экономики и политической системы. В 1985 году начались реформы, приведшие, в конечном счете, к ликвидации общественно-политического строя, сложившегося в СССР, и реставрации капиталистического общества.

Мы приобрели капитализм с однобокой сырьевой экономикой, финансовую систему, превратившуюся в насос по выкачиванию ресурсов из национальной экономики, и денежно-кредитную систему, ставшую служанкой хозяев Федеральной резервной системы США.

Потеряли же мы бесплатное здравоохранение, очень хорошее среднее и высшее образование, интереснейшую работу на заводах, фабриках, в институтах, совхозах и т.д., нормальную пенсию, межнациональные добрые отношения, стабильность и предсказуемость жизни. А еще, что важнее всего, мы потеряли главный жизненный принцип: прежде думай о Родине, а потом о себе.

Я не могу не думать о будущем, в котором предстоит жить нашим детям и внукам.

Но загадочно-волнующее будущее не может состояться без сохранения традиционных ценностей, на которых испокон веков стояла страна: труд — семья — дети — Родина. На примере своей жизни могу утверждать, что только опора на эти базовые ценности могут сделать человека счастливым.

*Павел Александрович
Соловьёв*

Павел Соловьев:

*«Лагерная жизнь
на Таймыре»*

(в трех частях)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:

Следы НКВД в истории рода Соловьевых

«КОГДА МНЕ БЫЛО ЧЕТЫРЕ ГОДА,
ОТЦА РАССТРЕЛЯЛИ...»

Яне однажды всерьез задумывался о своих корнях. Война, революция, Гражданская война... Массовые репрессии, финская война, Великая Отечественная, развал Великой державы СССР... Сколько народу погибло в XX веке — до сих пор не подсчитано... Сколько раз прерывалась связь поколений, и потому мало кто знает глубоко свою родословную.

История жизни моего отца Александра Федоровича Соловьева определила и мою биографию: я — потомственный сельдюк, как и он. Так называют всех, рожденных в Туруханске, потому что в этих краях все жители ловят селедку, вкуснее которой нет на всем Севере. Пока она шла до нас с океана, она набирала не только вес, но и какой-то особый вкус...

В глубинку России мои предки попали во время столыпинской реформы в 1906 году. Из

*Мой отец
Соловьев Александр Федорович*

этого известного мне факта я заключаю, что прадед был человеком смелым и решительным, если отважился отправиться в неведомую даль, в Сибирь: ведь только там еще оставались свободные земли, которые раздавали крестьянам. Обустроился прадед на «чистом» месте, лиха хлебнул вдоволь, но в суровом краю прижился, даже разбогател... Если бы не советская власть, как бы мы жили сегодня...

*Моя мама
Соловьева (Гавриленко)
Любовь Ильинична*

Отец не успел мне рассказать о прадедах и дедах: когда мне было четыре года, его расстреляли. Так знакомство с НКВД круто изменило мою жизнь — мама одна растила пятерых детей. Она долго умалчивала правду об отце. Сначала мне говорили, что папа в длительной командировке, потом объяснили, что он переходил Енисей, провалился в полынью, заболел воспалением легких и там, в командировке, умер. Позже я так и писал в своей автобиографии, когда вступал в комсомол, а потом и в партию. Даже после смерти Сталина наша семья придерживалась этой версии, потому что не знали, за что НКВД забрало отца и где он.

После ареста отца для семьи настали тяжелые месяцы и годы. Даже я, несмышлениш, понял, как голодно мы жили. А скоро и война началась... Я с малолетства стал помогать маме. Ходил со взрослыми в тайгу, собирал ветки, как мог, помогал в заготовках леса. Рано научился рубить ветки и колоть дрова. Стал их продавать. Две собаки у меня были в помощниках. За нарту дров давали 10 рублей (столько стоила булка хлеба), это было большое подспорье для

семьи. Я возил дрова на собаках в редакцию газеты «Северный колхозник», которая от нашего дома была поблизости.

Летом на заготовку сена меня звали родственники — у них корова была. До девяти лет я в школу не ходил: не было валенок. Сестры ходили в школу, у них были валенки, а для меня не хватило денег, чтобы купить третью пару валенок. В девять лет я заработал на отрез материи — мне сшили штаны, купили валенки, и я стал ходить в школу. В Туруханске закончил 7 классов. В аттестате были одни пятерки, кроме единственной четверки по русскому языку. Сейчас, оглядываясь назад, понимаю, как мне повезло, что всюду меня окружали ссыльные люди. Пораженные в правах, они были сосланы в Туруханск, им был определен срок ссылки, даже не разрешено было перемещаться в пределах района. Ежемесячно они должны были отмечаться в органах, доказывая, что никуда не сбежали. Общение с ними очень на меня повлияло. Невольно задумываешься, как много было в стране ссыльных людей, неудобных власти. В основном ссыльные были образованными людьми, во всяком случае мне так казалось.

Они учили меня правильно говорить, дали понять и почувствовать необходимость и силу знаний. Я увидел культуру и благородство этих людей разных национальностей. Это были эстонцы, литовцы, латыши, греки, жители из Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Я учился с их детьми и был поражен, что их родители «ходят на отметку» в комендатуру НКВД. Я тогда не понимал, что все эти люди — жертвы сталинских репрессий, как и мой отец. Мне по малолетству казалось, что все мы — советские люди, а относятся к нам по-разному. Только повзрослев, многое узнав, я понял, что это все те же «следы НКВД».

Позади осталось детство... Голодное, нищенское, но веселое, когда на всех детей была одна пара валенок, когда у меня оба ботинка были на левую ногу,

поэтому я играл в футбол левым крайним нападающим, хотя не был левшой... Тогда я радовался и такой обуви... В 17 лет я распостился с преданными друзьями — ездовыми собаками, они были моими верными помощниками... Постоянно мне приходилось возить воду на нужды семьи. Воду брали из реки Енисей. Процедура была такова: бочку для воды ставил на санки, в санки впрягал собак и ехал за водой на Енисей. Там я выдалбливал прорубь и набирал воду в бочку. В районе Туруханска в Енисей впадает река Нижняя Тунгуска. Берега этой реки крутые и вывести нарту с бочкой воды без помощи собак было невозможно. Возить дрова из тайги мне тоже помогали собаки. Расстаться мне с ними было непросто. И все-таки я распостился с детством, родным домом, мамой и кинулся в неизвестность, с тревожными мыслями о дальнейшей самостоятельной жизни.

На пароходе «Мария Ульянова» 20 августа 1950 года я прибыл в Дудинку, оставив мать с двумя маленькими детьми в Туруханске. Сестра Раиса жила в Дудинке, была домработницей у родственников, долго жить у них я не мог. Уже через неделю я устроился работать в клуб водников Дудинского порта учеником киномеханика. Здесь я снова столкнулся с «делами» системы НКВД, репрессированными гражданами Советского Союза, которые отбыли свои сроки в лагерях Дудинки и Норильска. Затем они отбывали срок на поселении, работали рядом со мной и ежемесячно ходили отмечаться в первый отдел НКВД СССР в Дудинке.

Многие из работавших в клубе были профессиональными артистами московских, ленинградских и других театров. Софья Ивановна Каширина, режиссер, была из московского театра. Зоя Федоровна (фамилию забыл) — актриса ленинградского театра оперы и балета. Виктор Мосягин отбывал срок в норильских лагерях 15 лет, был художником Московского театра оперетты. Уехать он не мог, потому что еще на 10 лет был поражен в правах. Марта Бауманис до ареста была балетмейстером рижского театра.

В Дудинке можно было встретить репрессированных чуть ли не всех профессий. Сколько судеб сломала карательная система НКВД! Не могу забыть военного атташе в звании вице-адмирала Павла Павловича Саввина. Я был лично знаком с ним. Он проживал на судовой верфи одного из подразделений 4-го лаготделения Дудинского порта, а я работал несколько лет в клубе судовой верфи кинемехаником. Позже, когда он был реабилитирован и уехал из Дудинки, я искал его и писал о нем... Его арестовали прямо на рабочем месте на ленинградском заводе 1 февраля 1938 года. Два года длилось следствие. Его почему-то заочно осудила Коллегия Верховного Суда СССР на 10 лет с поражением в правах на 5 лет. Он руководил секцией особого технического бюро №196 Министерства судостроительной промышленности СССР и МВД. В войну он и его коллектив буквально работали на победу страны. И эта сопричастность порождала в нем надежду на досрочное освобождение, но он отсидел свой срок до конца! На этом его заключения не закончились...

После освобождения в 1948 году П.П. Саввин — руководитель секции конструкторского бюро. Кажется, жизнь налаживается... Но он не доработал даже до Нового года, его снова арестовали и решением Особого совещания от 2 апреля 1949 года сослали в Дудинку. В порту были востребованы его технические знания, опыт изобретателя и организаторский талант. Павел Павлович ютился в балке на судовой верфи по улице Набережная, 58. Номер дома каждодневно напоминал ему ненавистную статью. Таких, как он, специалистов в Дудинском порту было много. Можно вспомнить, что в Дудинку на вольное поселение был сослан бывший министр морского флота СССР Афанасьев Александр Александрович. Он около года работал начальником Дудинского порта. Дудинский порт тогда располагал большим количеством речного флота, поэтому на левом берегу реки Дудинка была организована судовой верфь. Это был «открытый» лагерь для поселенцев.

В 1953 году все репрессированные ликовали: «УС сдох!» Началась реабилитация. Но Саввину и тут не повезло: он ждал освобождения еще три года! И снова беда: он отморозил руки, ему пришлось ампутировать пальцы — он стал почти беспомощным человеком. Тогда тихая и скромная женщина взялась ухаживать за ним. Была ли она ему невенчанной женой или просто добровольной сиделкой — кто знает? Прошло еще три года. Дело Саввина пересмотрели, приговор отменили — наконец-то он свободен! Павел Павлович получил отпуск, компенсацию, по тем временам деньги немалые... Но что они стоили в сравнении с теми мытарствами, моральными травмами, что он пережил? Он уехал из Дудинки в отпуск, и с тех пор он для нас канул в неизвестность. Трудовая книжка П.П. Саввина до сих пор хранится в отделе кадров Дудинского порта. Я долго искал его — безуспешно! Где он? Как сложилась его судьба? Приняла ли его семья через долгие годы разлуки, когда ему «пришили» — враг советского государства...

Почему я отвлекся в рассказе об истории своей семьи и вспомнил Павла Павловича Саввина? Потому что я хотел, чтобы те, кого не коснулись репрессии государства, или те, кто родились позднее, на примере жизни П.П. Саввина знали, как в бесправном государстве могут происходить бесправные деяния в отношении преданных и честных граждан.

КАК МНЕ УДАЛОСЬ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ «ЛАП КГБ»...

Когда я стал работать в клубе Дудинского порта (иногда его называли клубом водников), я вступил в комсомол. Работники КГБ часто бывали на мероприятиях в клубе порта. Мы не знали, кто они такие, просто общались с ними, когда они заходили к нам в кинобудку. Помню, что все они были в черных кителях, застегнутых на все пуговицы (подчеркнутая аккуратность). Так как я был молодым человеком с хорошим поведением, без дурных привычек, они решили привлечь меня в органы безопасности.

Однажды меня пригласили в первый отдел КГБ на беседу. Двухэтажное деревянное здание первого отдела КГБ располагалось на пересечении улиц Советской и Островской, номер дома не помню. В настоящее время на этом месте стоит часовня, ее построили в память о жертвах политических репрессий. Не знаю, случайно ли это совпадение. Именно сюда ходили отмечаться осужденные по политическим статьям. Сегодня мы снова ходим к этому проклятому людьми месту, чтобы помянуть жертв политических репрессий. Парадокс? Или мы плохо усвоили историю своей страны? Здесь, в здании КГБ, проводили допросы, и полагаю не без пристрастия, чтобы получить «нужную информацию». Нередко после этого люди попадали за решетку, благо, что 4-е лаготделение находилось через дорогу от этого здания.

А тогда, много лет назад, я шел в это здание, злое в те времена, с большим волнением: я думал, что здесь могу получить весточку об отце. Кабинет сразу удручающе подействовал на меня: он был задрапирован какой-то тяжелой черной тканью. Меня пригласили сесть к столу. Мужчина средних лет в кителе черного цвета без погон был застегнут на все пуговицы до самого подбородка. Он не представился, говорил о каких-то малозначащих вещах... Сейчас даже не могу вспомнить, о чем он вел разговор, так я был взволнован. Он как-то намекнул, что есть люди, которые недоброжелательно относятся к нашей стране, поэтому хочется иметь о них достоверную информацию. «Мы нуждаемся в честных товарищах, преданных Родине...»

Видать, он подумал, что я один из них. Конечно, он читал мою характеристику: комсомолец, активист... Он так деликатно предложил мне сотрудничество, так и не сказав ни слова о том, что я должен для них делать. Я что-то невнятно пробормотал в ответ. Поняв, что я волнуюсь, он после паузы резко сказал мне: «Иди, подумай! О нашем разговоре необязательно кому-то еще знать...»

Я вышел из кабинета как ошпаренный... Глотнул свежего воздуха так, что голова закружилась от избытка кислорода. Шли дни. Переживания мои нарастали. Очень уж мне не хотелось снова встречаться с пронзительными глазами кагэбэшника. Слава богу, мне повезло. Норильский комбинат предложил мне поехать на учебу на курсы киномехаников в город Энгельс Саратовской области. Это был мой шанс отказаться от предложений КГБ. Решение было принято немедленно, до этого я ходил, как чумовой, настроение было скверным, а тут я подумал, что, наверное, есть всевышний, который мне помог. В то время я не очень верил чудесам, хотя был крещеным, так как родители тайно меня крестили. В те времена советская власть крещение ребенка считала делом крамольным. Хотя многие из властьпредержащих сами были людьми крещеными. Это так, мои умозаключения, философские рассуждения. Я немедленно сообщил в органы КГБ, что меня посылают на учебу. Шел к ним и боялся одного: вдруг они этому воспротивятся. Но все обошлось! В конце декабря 1951 года я уехал на учебу. Так мне удалось вырваться из «лап КГБ». На каком-то интуитивном уровне я очень боялся этой организации. До сих пор не пойму, почему они обратили на меня внимание? Уж они-то точно знали, что мой отец по их ведомству проходил «врагом народа». Может, они даже знали то, что долгое время мы не знали об отце?

Прошло время, умер вождь всех народов тов. Сталин. Народу стало легче дышать, страх же еще долго оставался и остается в душах людей моего поколения. Только спустя много лет после смерти Сталина, я обратился с запросом в 1990 году в Комитет Государственной Безопасности о судьбе отца. И получил такой ответ:

Ваш отец, Соловьев Александр Федорович, 1909 года рождения, уроженец г. Туруханска, проживал в г. Туруханске Красноярского края, русский, беспартийный, работал рабочим авиабазы в г. Туруханске.

Арестован Туруханским РО НКВД СССР 3 апреля 1938 года по необоснованному обвинению в том,

что якобы являлся участником контрреволюционной белогвардейско-кулацко-повстанческой организации.

Решением тройки УНКВД Красноярского края от 26 мая 1938 года Соловьеву была назначена исключительная мера наказания – расстрел. Приговор приведен в исполнение 13 августа 1938 года в г. Красноярске.

К сожалению, из-за отсутствия документации в деле место захоронения установить не представляется возможным.

Постановлением Президиума Красноярского краевого суда от 8 июня 1957 года решение тройки УНКВД Красноярского края от 26 мая 1938 года отменено и дело о товарище Соловьеве А.Ф. производством прекращено из-за отсутствия в его действиях состава преступления.

Соловьев А.Ф. реабилитирован. Для получения справки о реабилитации Вы можете обратиться в Красноярский краевой суд. Перед органами ЗАГС Туруханского райисполкома нами поставлен вопрос о регистрации смерти Соловьева А.Ф., оттуда Вы получите свидетельство о смерти Вашего отца.

При аресте Соловьева А.Ф. согласно материалам уголовного дела ничего не изымалось и не конфисковано.

Понимая глубину трагедии, постигшей Вас и Вашу семью в связи с необоснованным осуждением Вашего отца Соловьева А.Ф., примите наше искреннее соболезнование.

Зам. Начальника Управления КГБ СССР
по Красноярскому краю

Н.М. Новоселов.

Не сообщили никаких подробностей. Например, как обвиняемого доставили из Туруханска в Красноярск, когда еще не было навигации на Енисее. Неужели отца доставили в Красноярск самолетом, чтобы срочно выполнить «план» приговоренных к расстрелу? И об этом не осталось никаких следов в документах? Или потом был-таки документ об уничтожении

этих преступных следов НКВД? Наследники КГБ-НКВД до сих пор держат в секрете свои документы о временах репрессий. И сегодня в ответе зам. начальника Управления КГБ СССР по Красноярскому краю убийство отца назвали смертью, расстрел ошибкой, захоронен неизвестно где. Расстреляли, и концы в воду. Нет человека, нет проблем.

Не повезло моему отцу так, как повезло брату Леониду Федоровичу Соловьеву. Добрые люди (такие тоже служили в страшных органах!) предупредили братьев, чтобы на неделю скрылись в тайге. Отец был наивным и упертым человеком: «Что это я буду бегать, я ни в чем не виноват, забирать меня не за что...». Пересидев в тайге недели две, брат Леонид вернулся домой. Его не стали преследовать. Так как разнарядка на врагов народа была выполнена. В начале войны он ушел на фронт. Но не вернулся, пропал без вести. И все-таки не попал под репрессии. Супруга дяди Лени являлась вдовой фронтовика, моя же мама — вдовой «врага народа». Так сложилась судьба братьев Соловьевых.

Первое время в Дудинке я очень скучал по маме — первый раз покинул ее. Туруханск был городом, лучше которого для меня не было места. Я ходил встречать пароходы, мне не нравились барачного типа балки, кругом лагеря в колючей проволоке... Потом у меня появился друг, Володя Голубев, он хорошо играл на баяне, был участником художественной самодеятельности клуба порта, где я с ним познакомился. Узнав мое положение с жильем, позвал жить к себе, он с мамой жил. Мы стали братьями, хотя и не по крови. Я с благодарностью вспоминаю его замечательную маму, она приняла меня как сына. Дудинка мне сразу не понравилась: бараки, балки под одной крышей, которые в шутку называли «крыши Парижа», а угольный участок, где были построены жилые балки, называли «Шанхаем». Но когда я пришел в клуб порта, он мне показался сказочным дворцом. Парню, не видевшему цивилизации, он стал настоя-

щим открытием — здесь я полюбил театр, музыку, звучание духового оркестра, кинофильмы. В 1951 году Дудинка уже стала моим городом. Мне рассказали о лагерях заключенных, видел, как водили их под конвоем... Всюду работали зэки, сосланные из разных мест страны: это были и немцы Поволжья, и представители из всех республик Прибалтики, и чеченцы, и казахи, и калмыки... И все поддерживали друг друга...

Чтобы посеять среди нас страх, чтобы у всех без исключения было чувство, что мы находимся под колпаком НКВД, мы подписывали такую расписку. Она более чем убедительно показывает преступный характер власти. Дудинский порт и его лагеря входили в систему Норильлага, и потому обычным делом среди населения Дудинки было подписание следующего документа.

Сов. Секретно

Подписка

Даю настоящую подписку Управлению Норильского Комбината и «Норильлага» НКВД в том, что нигде и ни при каких обстоятельствах не буду сообщать какие бы то ни было сведения, касающиеся жизни, работ, порядка и размещения лагерей НКВД, а также и в том, что не буду вступать с заключенными ни в какие частные, личные отношения и не буду выполнять никаких частных поручений.

Мне объявлено, что за нарушение этой подписки я подлежу ответственности в уголовном порядке, как за оглашение секретных сведений.

Родственников и знакомых, содержащихся в «Норильлаге» НКВД, заключенных я не имею (указать кого именно).

Подпись:

Ф. И. О.

Занимаемая должность:

Число:

1939 год.

Эта расписка еще раз показывает преступные действия НКВД, нарушение прав «свободного» человека СССР. Значит, люди все ходили под «колпаком» НКВД.

Дудинка очень изменила мою жизнь. Я здесь закончил десять классов в школе рабочей молодежи. Отсюда поехал на учебу в город Энгельс, где закончил школу киномехаников. В июне 1951 года меня призывали в армию — службу проходил в войсках ПВО в Баку. В генеральном штабе округа я был радиотелеграфистом. Мне очень запомнилось здание штаба из 12 наземных и 5 подземных этажей. Для меня служба в армии была не сахар, и этим все сказано. Мы пахали как папа Карло. За время службы, а служил я 3,5 года, два раза сидел на «губе». За хорошую службу меня сфотографировали у развернутого знамени полка.

В памяти остался такой случай. Границу СССР нарушил иранский самолет, я принимал участие в передаче координат для наведения наших самолетов на цель. Погода была неблагоприятной, подвела нас и техника — самолет настичь нам не удалось. Мы работали целые сутки без отдыха, без еды... Пришли в столовую расстроенные, а тут еще обед подали холодный! Я первым отказался от еды, моему примеру последовали товарищи. Меня отправили за подобную инициативу на гауптвахту на месяц. Этот месяц оказался самым лучшим — я впервые в своей жизни поправился на несколько килограммов!

Отслужил, вернулся в Дудинку, к своей специальности киномеханика. Привез в Дудинку из Тухуханска мать с младшими братом и сестрой. Жить они стали по соседству с семьей сестры Раисы Александровны. По соседству с ними жила замечательная девушка Элла, ставшая моей женой в 1956 году. Наша семья в 2016 году отметила 60-летие. Она разрослась: у моих двух дочерей уже трое детей, это мои внуки. У нас счастливая дружная семья. И я, и моя жена Элла Соломоновна с детства хлебнули лиха, мы оба знаем цену жизни с малых лет...

Моя Элла из семьи многодетной... И это, конечно, очень положительно отразилось на ней: она не боится никакого труда, всегда заботится о родных и очень ответственно относится к работе, семье, по большому

счета — к жизни вообще. Мою судьбу не назовешь легкой, но жизнь Эллы Соломоновны оказалась много тяжелее. Корни семьи Цих уходят в Австрию, когда Екатерина II начала переселение немцев в Россию. Ее далекие предки жили на новом месте безбедно, занимались сельским хозяйством. Дед и прадед Цих начинали жизнь в Саратовской области в Палласовском районе, в селе Штрасбург, которое потом переименовали в Ромашки, теперь уже Сталинградской области.

С благодарностью Элла вспоминает своих трудолюбивых родителей. Семья была зажиточной по советским меркам. Соломон Андреевич Цих работал в колхозе. Как и многие колхозники, семья не имела большого подсобного хозяйства, они все получали в колхозе: овощи, фрукты, зерно, муку, масло, сахар... А семья Цих была многодетной: три сына, три дочери. Седьмой ребенок умер во младенчестве, а сама мать Анна Цих скончалась, когда моей супруге было лет семь... Отцу одному трудно было справляться с большой семьей, и он женился на Марии, у которой было своих трое детей. Моя Элла была тогда еще мала, очень переживала смерть матери: первые месяцы не оставалась дома, ходила на работу с отцом. Отец был мудрым человеком, как мог успокаивал дочь, уделял ей много времени и внимания. Никто не упрекал Эллу за то, что она не называла Марию мамой, и мачеха оказалась мудрой женщиной. Эля росла девочкой шустрой, сообразительной. Много помогала мачехе по дому, увлекалась коньками...

О жизни на Волге у нее остались хорошие воспоминания, она с гордостью вспоминает и колхоз, который был лучшим в районе и в области. А как она переживала, когда сообщили немцам о депортации... Еще не зная, что это такое, болезненно восприняла, что они бросают необрушенный урожай, брошенные коровы ходили недоенные... Организован был их отъезд глупо, бездумно... Все восставало в душе немцев — разумных, трудолюбивых: хорошо хоть лошадей взяли на фронт, говорили они.

И сегодня Элла Соломоновна с тяжелым чувством вспоминает сентябрь 1941 года, когда немецкие семьи посадили в товарные вагоны, издевательски предупредив, что с собой можно взять только документы и смеху белья. Одни немецкие семьи попали в Сибирь, другие в Казахстан. Нужно было взрослых детей, имеющих свои семьи, разъединить с родителями. Нельзя было высылать в одно место! Изуверская логика! Так была разъединена семья Соломона Андреевича Циха. Одна часть семьи попала в Казахстан, другая в Красноярский край (село Шила Сухобузинского района). У Эллы, моей жены, была сестра Эмма — тогда ей было восемнадцать лет. Ее, как совершеннолетнюю, оторвали от семьи и увезли на Север, на Таймыр. Она, как и многие ее сверстницы, попала на озеро Хантайское. Их, молодых девчонок, буквально выбросили на голый берег студеного озера. Как хотите, так и выживайте. Выживете — хорошо, сдохнете — туда вам и дорога. Даже представить невозможно, как они выжили!..

Жили в землянках, топили тальником, дров-то не было. Научились ставить силки на куропаток, научились рыбачить, стоя по колено в ледяной воде босиком. Конечно, подорвали здоровье. Выжили немногие. Чтобы как-то освещать свое жилище, приходилось изготавливать самодельные фитили, их опускали в рыбий жир — это было освещение. От выловленной рыбы им разрешалось брать только кишки, а рыбу сразу отбирали приемщики. Как они выжили в таких суровых условиях — уму непостижимо. Эмма Соломоновна до сих пор удивляется. Она не любит вспоминать это трудное время, точнее, не может: тяжело! Только одно и говорит: «Жить хотелось! Зубами цеплялась за жизнь!». Эмме Соломоновне еще повезло: ее на озере приметил русский мужчина, который работал на Хантайском озере заготовителем. Он вступил с ней в интимные отношения. Родился ребенок, и хотя этот мужчина в Дудинке имел законную жену, он проявил порядочность, перевез эту девочку со своим сыном в Дудинку. Обеспечил

*Молодая семья Соловьевых,
1956 г.*

ее жильем. Позже он развелся со своей женой и вступил в законный брак с Эммой Соломоновной. Когда у нее наладилась жизнь в Дудинке, к ней приехала сестра Элла Соломоновна, будущая моя супруга.

Элла рассказывала мне, что когда, находясь в Казахстане, она получила паспорт, то летела в село, как на крыльях, чтобы с гордостью сообщить, что стала полноправным гражданином СССР. Хотя, если вдуматься, зачем ей нужен был этот паспорт, когда все равно надо было ходить в комендатуру, чтобы отмечаться. Но вот и паспорт пригодился: она могла выехать в Красноярский край, чтобы встретиться с сестрой Эммой, которая вышла замуж за моего земляка Сергея Шабаяева.

Семья моей супруги прошла трудную школу жизни, о ней знают и ценят наши дети и внуки. У нас такая семейная наука: сделал хорошее дело для людей — значит, сам стал сильнее и лучше. И зло надо всегда подавлять в себе, от этого только сам становишься сильнее.

*У нас в гостях старшая дочь Наташа
и наши внуки Алексей и Павел*

Мы с женой прожили трудную жизнь, ее омрачили сталинские репрессии, но мы выдержали все испытания... Теперь беспокоимся о детях, внуках... Страна, пережившая чудовищные годы бесправия и несправедливости, повторяет свои ошибки. Не хочется верить, что история ничему нас не учит... Закончу словами Александра Сергеевича Пушкина:

*Сердце будущим живет,
Настоящее уныло,
Все мгновенно,
Все пройдет,
Что пройдет,
То будет мило...*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

Четвертое Дудинское лаготделение НКВД СССР

18 июня 1936 года в Дудинке заработал распределительный пункт, а затем и транзитный лагерь. Он имел поначалу маленькую пропускную способность — всего одну тысячу человек в день. Начальником стал Табачников, которого сменил Дергачёв. Третьим начальником лагеря стал Павел Петрович Самошин.

Все годы в Дудинке работала Олимпиада Михайловна, ставшая Самошиной. Она работала в Дудинском порту: развозила на оленях с каюром официальные сообщения и новости ТАСС для местного населения. Самошин снабжал дровами, углем радиоузел. Там они познакомились и создали семью. Стаж работы Олимпиады Михайловны на Таймыре 73 года, 40 из них — в Дудинском порту: десятки лет она трудилась диспетчером в аэропорту. Много о жизни тех лет сохранила ее память. Рассказы мужа и то, что она видела своими глазами в лагерьной Дудинке, она записала. Ее воспоминания — это совместный труд с мужем, с которым они были единомышленниками, друзьями, духовно близкими людьми. Поэтому в тексте встречаются места, когда тот или

Дергачёв Иван Федорович, бывший заключенный 4-го Дудинского лаготделения. После стал в этом же лагере начальником управления распределительных работ. После закрытия лагеря много лет работал в Дудинском порту. Последняя должность перед отъездом на «материк» — мастер грузовых работ

другой человек из них упоминает другого... Можно только подивиться мужеству Олимпиады Михайловны, когда вместе с парализованным мужем она покидала Дудинку, и когда поддерживала его в Красноярске. Этот их совместный труд — ее дань памяти дорогому человеку. Я, оставшийся жить в Дудинке, их друг и старожил Павел Александрович Соловьев подготовил к печати их записки об истории 4-го лаготделения Дудинки. Благодаря этим людям записана важная страни-

*Самошин Павел Петрович.
Имел «статью».*

После реабилитации несколько лет был начальником транзитного лагеря в Дудинке, а затем начальником морского порта

ца истории Дудинки времен сталинских репрессий. Она открывается стихотворными строками Олимпиады Михайловны Самошиной:

*Этих слов не услышат,
Этих слов не прочтешь,
Эти письма не пишут,
Этих судеб не счесть.
Этот снег не растает.
Эти кости — не прах.
К естеству прирастает
Серый сталинский страх.
Не забудь — это было!
Это наши дела...
Их наивность убила,
Нас наивность спасла.*

Норильское месторождение полиметаллических руд, как и другие богатства Севера, к началу 30-х годов было в ведении ГУСМП (Главного управления Северного морского пути). Для дальнейшего освоения Севера и начала строительства Норильска, как промышленного объекта, в 1934 году О.Ю. Шмидт

С 1935 года по этому старому деревянному мосту проходили на работу и с работы заключенные. Тогда здесь не было этих домов: госбанка, здания УЖКХ с сантехническим участком и многоэтажных домов...

был на приеме у Серго Орджоникидзе, Председателя Всесоюзного совета народного хозяйства, где было принято решение о строительстве Норильского комбината. Руководство ГУСМП направило в район Норильска изыскательскую партию. Начальником этой партии был назначен Михаил Акимович Зингер. Таким образом официально М.А. Зингер стал первым начальником Норильскстроя от ГУСМП. Но долгие годы мы считали, что первым начальником был В.З. Матвеев. Только в 90-е годы стала известна правда: Михаил Акимович Зингер подобрал добровольцев в изыскательскую партию в конце 1934 года и в 1935 году уже добирался до Норильска. Но вышло новое Постановление о передаче строительства на Таймыре ГУЛАГу. Вот тогда-то начальником Норильскстроя и Норильского исправительно-трудового лагеря был назначен Владимир Зосимович Матвеев. Управление Северного морского пути предполагало вести строительство вольнонаемной рабочей силой, что было не просто в сложных условиях Севера, в голой тундре.

А ГУЛАГ располагал трудом огромной армии бесправных заключенных.

Эта мощная карательная организация могла решать любые задачи, в любых условиях, эксплуатируя дешевую, безропотную рабочую силу. У «архипелага ГУЛАГа» был высокий платежеспособный генеральный заказчик и субподрядчик. У него были свои технико-экономические обоснования, генеральная смета, финансирование, документация, графики поставок оборудования, материалов и рабочей силы. На ГУЛАГ работали все: технологи и конструкторы, балансы и отчеты, акты приемки скрытых работ, авторский надзор и надзор заказчика. В его недрах родился Норильлаг. Он просуществовал 21 год, 6 месяцев, 5 дней, а всего 7859 дней и ночей. Дудинское 4-е лаготделение — только одно из многочисленных подразделений Норильлага, заключенные которого строили и работали в Дудинском порту

Хочется подробно рассказать о людях, оказавшихся за колючей проволокой в Норильских лагерях и в первую очередь о 4-м лаготделении, заключенные которого внесли большую лепту в строительство и работу Дудинского порта. Нас интересует многое: какими были условия жизни и работы этих людей, отношение к заключенным со стороны руководства лагеря и порта... Но, к сожалению, информацию официальную до сих пор невозможно получить, она все еще является закрытой... Но кое-какое представление о 4-м дудинском лаготделении удалось найти. Это рассказы и воспоминания самих заключенных. Ими поделился Николай Алексеевич Одинцов в своей книге «Таймыр студеный»: она дает правдивое представление о жизни, порядках и работе лагеря. Интересную информацию удалось получить еще от одного узника 4-го лаготделения Александра Сновского. Он издал книгу «Выжить и помнить». Много информации можно почерпнуть из рассказов ветерана труда Таймыра и Дудинского порта Олимпиады Михайловны Самошиной. Ее муж Павел Петрович

Самошин в 1944–1945 годах был начальником транзитного лагеря в Дудинке. Он не смог работать в этом кошмаре, перешел на работу в Дудинский порт. Много лет он был начальником морских причалов.

О некоторых эпизодах из жизни 4-го лаготделения можно прочитать в воспоминаниях начальников Дудинского порта В.Н. Всесвятского, В.Н. Ксинтариса.

По имеющимся данным, в 1935 году в Норильск прибыло 1200 человек из Дудинки, до Норильска они шли пешком. В сентябре 1935 года были организованы: Дудинский отдельный лагпункт (ОЛП), Дудинская товарная база Норильский ОЛП, лагпункт Норильск-2, лагпункт Валек. Таким образом, в 1935 году в Норильске было 4 лагпункта. В Дудинке был лагерь заключенных численностью от 5 до 7 тысяч человек, где была и женская зона. Разместились лаготделения на судоверфи, 19-ом пикете, на строительстве узкоколейной железной дороги. Главная часть 4-го лаготделения располагалась прямо в поселке Дудинка.

Как выглядела зона? Лагерь был оцеплен колючей проволокой, по периметру располагались сторожевые вышки с вооруженными охранниками. Через несколько проходных заключенных выводили на работу в Дудинский порт на погрузо-разгрузочные и строительные работы. Как писал Н.А. Одинцов: «В самом большом лагере заключенных, расположенном в середине селения, по всему периметру горели прожекторы и электрические лампочки. Особенно светло было на пропускной вахте. Лагерь, куда нас вели, размещался в восточной части селения Дудинки. От берега Енисея мы прошли несколько улиц. Последняя, улица Ленина, обрывалась (в ту пору она только начинала застраиваться) в 100 метрах перед железнодорожной станцией. В этом месте колонна свернула немного влево, а затем по довольно широкой проселочной дороге двинулась прямо на восток. С левой стороны был пустырь (теперь стадион), справа тянулось большое озеро, вокруг которого кое-где виднелись немудреные жилые избушки. Один его берег почти

вплотную подходил к железнодорожным коммуникациям и станционным постройкам, а другой обрывался совсем недалеко от лагерной зоны. Не дойдя 30 метров до лагеря, колонна остановилась. Перед нами вытянулся довольно длинный забор из колючей проволоки, посередине которого были широкие ворота с проходной вахтой. Весь лагерь хорошо просматривался. Его территория широким прямоугольником уходила вверх по отлогому склону. Вверху, сразу за зоной, проходил узкоколейный железнодорожный путь от сортировки на 19-ом пикете до угольного участка».

В этой колонне заключенных был и Николай Алексеевич Одинцов. Транзитный лагерь распределял заключенных по лагерям. В центральный лагерь попадали в основном политические заключенные. Кроме 4-го лаготделения, в Дудинке еще был лагпункт на 19-м пикете и на судоверфи. Зона женского лагеря отделялась от мужской зоны колючей проволокой, что не мешало мужчинам пролезать через колючую проволоку в зону к женщинам. Огражденный в один ряд тремя нитями проволоки, лагерь охранялся слабо: бежать практически невозможно. На каждом углу зоны стояли караульные вышки: две параллельно берегу реки Дудинки и две — со стороны села Дудинки. Размещались они в такой последовательности: одна — на месте теперешнего здания станции перекачки, другая там, где торговый центр. В середине забора из колючей проволоки была большая контрольно-пропускная вахта. Она как бы замыкала лицевую сторону (фасад) лагеря. Вторая пара стояла от береговой линии примерно на 700–750 метров. Одна из них была на правом берегу Ароматного ручья, другая — с внутренней стороны теперешнего магазина «Енисей».

Фасад лагеря был обращен в устье реки Дудинки, где виднелись бревенчатые причалы. Отсюда по неширокой пешеходной дороге (теперь объездная трасса для автотранспорта) расходились бригады заключенных грузчиков на морские и речные участки для обработки барж и вагонов. Они выходили из лагеря через контрольно-пропускную вахту (на этом

месте сейчас здание АБК) и сразу же расходились без всякого контроля на производственные объекты порта. В лагере, кроме главной, были еще две вахты. Одна стояла на южной стороне, где сейчас размещен магазин «Орфей», а другая — перед старой поликлиникой на месте Дома геологов. Через южную зону выпускали заключенных для работы на лесозаготовках и лесобирже. Через нее же принимали и отправляли этапы заключенных. Через вторую (северную) вахту выводили заключенных работать на угольный участок и строящиеся объекты в Дудинке. В управлении порта работало до 90 процентов заключенных. Эти подробности описал Н.А. Одинцов в своей книге.

Из Госархива ТАО (Таймырского автономного округа): 4-е лаготделение было самым большим в Дудинке. Его территория (ул. Горького, Матросова, Островского) была ограждена колючей проволокой. На ул. Ленина, где сейчас стоят 9-этажные дома, находилась тюрьма — одноэтажное здание барачного типа. Вторая тюрьма располагалась на территории 5-го микрорайона. Остатки ее фундамента вблизи магазина «Универсам» сохранились до наших дней. В здании, где сейчас находится музей Б. Молчанова и Центр народного творчества, размещался секретный отдел, где хранились дела заключенных. Недалеко от магазина «Бускан» размещалось управление торговли (в 60-70-е годы там была шашлычная). В 50-е годы здесь на первом этаже располагалась столовая для заключенных, на втором — заключенные спали. Этот район города из-за шума и гама жители называли «Курским вокзалом». В бывшем здании Дома техники (ул. Бегичева на берегу Енисея) была баня для заключенных, а на месте магазина «Бускан» размещался штаб 4-го лаготделения, там проживало лагерное начальство. На ул. Андреевой находились бараки санитарной части для заключенных. На месте нынешних девятиэтажек в районе музыкальной школы в те годы располагался штаб 16-го дивизиона, здесь жили военные охранники лагеря. В бывшей вечерней школе по ул. Ленина были клуб и столовая 16-го дивизиона.

Во многих бараках после ликвидации лагерей разместились медицинские учреждения. На месте лагерного кладбища вырос 5-ый микрорайон города. К 1952 году кладбище оказалось в 60–70 метрах от индивидуальных жилых домов (балков). Городские власти закрыли кладбище. Заключенных стали хоронить выше железнодорожной линии, в районе профилактория.

Лагерь в Дудинке были разбросаны по всей территории. В лагпункте на 19-ом пикете пришлось работать моей супруге на складах хранения муки. Она рассказывала, что заключенных приводили из зоны на склады, где они выгружали муку из вагонов, складировали в штабеля в складах, отгружали муку в Норильск. Она очень хорошо отзывалась о заключенных грузчиках и их бригадирах. После работы они всегда приводили в порядок рабочее место, подметали полы в складе. Это были осужденные по политическим статьям, многие — невинно пострадавшие люди. С ними было легко работать...

Как писал Н.А. Одинцов, лагпункт на судовой верфи даже называли лагерным поселением. Там бывшие пленные жили свободно, наподобие ссыльных. Пользовались они всеми правами, но не имели документов, кроме справок, удостоверяющих личность. Работали на предприятиях порта, но в основном — на лесобирже грузчиками. В лагере на судовой верфи не было никакой охраны, кроме коменданта, да нескольких человек персонала из какого-то особого отдела. Шел уже 7-ой год существования Норильлага в Дудинке. Положение дел в 30-х годах было для заключенных много тяжелее.

Павел Петрович Самошин в Дудинке формировал бригады грузчиков, отправлял их на работу, определял поле деятельности, встречал с работы. Николаю Алексеевичу Одинцову, тогда еще молодому человеку, в лагере досталось по полной программе. Он на транзитке был сначала начальником УРЧ и дружил с Павлом Петровичем. Работа была тяжелая, ответственная и опасная. Многие из тех начальников

попадали под жернова репрессий той системы, в которой они работали.

В лагеря попадали не только политические, но и рецидивисты, всю жизнь проведенные в заключении, вору в законе. Самые жестокие среди них были западные украинцы — бандеровцы. Для них убить человека — раз плюнуть. Поэтому в транзитке происходили ужасные происшествия. Были случаи, когда заключенные, чтобы не работать, отрубали себе кисти рук, пальцы, стопы ног. В бараки было страшно заходить. Охрана была вооружена, но Павел Петрович почему-то ходил без оружия. Заключенные глумились над слабыми, отбирали пищу, заставляли делать черновую работу. Хотя кормили неплохо: нужна была хорошая рабочая сила. В этом ужасе нормальному человеку невозможно долго работать. Павел Петрович уволился из лагеря, перевелся в Дудинский порт начальником лесозавода, где работали заключенные женщины.

В 1946 году его назначили начальником морского причала. Здесь тоже работали бригады заключенных. Было страшно на работе находиться без оружия, ему выдали пистолет. Пользоваться им ему не приходилось, да он и никогда его не показывал рабочим. В Дудинке в то время можно было встретить много интересных людей, сосланных на поселение: врачей, артистов. Мне такой случай представился. Однажды был в гостях у знакомых. Со мной рядом сидела пышная блондинка. Когда возвращались домой, Павел Петрович сказал мне: «Знаешь, с кем ты сидел рядом? Это — фронтовая жена Власова» (Советского генерала, сотрудничавшего после сдачи в плен с командованием гитлеровской Германии. — Прим. ред.). В Дудинке она работала врачом вместе с его женой. Кого только не повидали в Дудинке! Сохранилось командировочное удостоверение, где сказано, что Павел Петрович командирован в Норильлаг, ему поручено отобрать для клуба Дудинского порта артистов и скомплектовать из них группу.

Директором клуба порта тогда был Горев, которого после пожара на нефтебазе сняли с должности начальника нефтебазы. Павел Петрович отобрал в лагере хороших артистов из московских и ленинградских театров. Мы смотрели в клубе оперы и оперетты, постановки отличных спектаклей.

Мы тоже ходили в лагерь — в баню мыться. Позже построили поселковую баню (она располагалась напротив дома по ул. Островского, № 1), там можно было выпить стакан хвойной настойки. Помню, что в 1945 году начальником 4-го лаготделения был Серов Василий Ануфриевич. Это был высокий симпатичный мужчина. Он часто заходил к нам в гости, благо, что он жил рядом с нами и тоже в восьмиметровой квартире, как у нас. После Серова начальником 4-го лаготделения был Михно Яков Кириллович, а начальником порта был Жук Павел Михайлович. С этими семьями мы очень дружили. Конечно, Серова всегда вспоминали и очень жалели, так как он попал в мясорубку репрессивной машины органов НКВД. Мы хорошо были знакомы со Смычковым Тарасом Ивановичем, Гороховым Василием Андреевичем, Поповым — все они были работниками 4-го лаготделения. Смычков Тарас Иванович был фронтовиком. Когда Олимпиада Михайловна работала в управлении порта, она занималась статистическим анализом работ. В этом отделе работал Виктор Павлович Чаплин — он отбывал срок за брата Николая, бывшего секретаря ЦК компартии Белоруссии. Хотя судимость с него сняли, но он все равно был на учете. В дальнейшем он работал начальником отдела кадров Дудинского порта и секретарем парткома, но в то время он Олимпиаду Михайловну оберегал от своего общения, так как против управления порта, которое находилось в том районе, где в настоящее время построена церковь, находился 1-й отдел КГБ, где он стоял на учете.

Это было непростое время. Николай много рассказывал о брате, который хорошо знал о жизни Кремля. Он был лишен права переписки или не желал, чтобы цензура читала его письма к брату, сестре. Когда мы уезжали в отпуск, он с нами всегда отправлял письма

в Москву. Когда его осудили по 58-й статье, жена от него отказалась. У них был сын, и чтобы ему не испортить жизнь, она, вероятно, сделала это. В Дудинке он женился, жену звали Евдокия, она ему помогала, чем могла, когда он был в лагере. У них родился сын, которого назвали Николаем в честь брата. Виктор Павлович был порядочным человеком, незаслуженно осужденным. К сожалению, таких было много, особенно в 4-м лаготделении. Недаром в нем оставляли наиболее порядочных заключенных. У нас в гостях перебивало много народу, капитаны судов преподносили Павлу Петровичу презент в виде сигарет, которые он не курил, но ради приличия держал во рту при гостях. Репрессированным был и капитан порта Афанасьев Александр Александрович. Он бывал у нас в гостях, когда стал начальником Дудинского порта, подарил нашей дочке Люде щенка немецкой овчарки. Ему ее привез с материка кто-то из капитанов, а может быть, и из Норильска, там ведь тоже разводили овчарок для охраны. Конечно, прием гостей доставлял довольно много хлопот, но они были приятны.

Александр Александрович рассказывал о порядочных людях, отбывавших срок в 4-м лаготделении в своих воспоминаниях: «Среди заключенных было много толковых людей. Что касается работы, то в 99 случаях из ста я опирался на них, по возможности облегчал им жизнь. Назову толковых плановиков, у которых я учился: Гинзбург, Шляпочников, Ойхман, коммерции учился у Наума Исакиевича Друля. Некоторые после освобождения продолжали работать на норильском комбинате, это Александр Васильевич Сабсай, Василий Николаевич Егоров, зам. директора комбината, диспетчер Абрам Вишневский, Василий Борисович Зайцев — известный мелиоратор-рисовод.

В 4-м лаготделении отбывали срок фронтовики, многие из которых попали под репрессивную машину тех лет: Иван Максимович Паршуткин — мастер лесного хозяйства, Анатолий Дрейман — капитан Красной Армии, который попал в лагеря за то, что выстрелил из пистолета по портрету Сталина. После освобождения

он много лет работал в порту бригадиром грузчиков. Многие заключенные работали в управлении порта, и на них всегда можно было надеяться: они честно выполняли свою работу. Поначалу им пришлось жить в палатках. Они сами строили себе зону, обнося ее колючей проволокой, питались всухомятку...

Ситуация была удручающая из-за незавершенного строительства. Не было пекарни, конюшни, ни одного склада, готового принять навигационные грузы. Прежде всего строили мало-мальские причальные приспособления, чтобы поставить баржи под выгрузку. Ввиду особой отдаленности Норильска от материка, заявки рассчитывали на поставку грузов, которых должно было хватить для стройки на 14 месяцев. Увеличивающиеся объемы заставляли форсировать строительство новых баз, складских площадей. Требовалось срочно построить бараки для жилья.

...Голодные люди не желали работать, под страхом быть застреленными охранниками, вскрывали бочки, ящики и здесь же съедали все, что попадетсЯ. У людей не было никакого стимула хорошо работать... Простой судов были ужасными... Нужно было принимать срочные меры для повышения производительности труда, необходимо обеспечить сносные условия жизни людям: 800 грамм хлеба в день, мясо соленое — 1600 грамм в месяц. Эти нормы сплошь и рядом не выполнялись. Как писал в своих воспоминаниях В.Н. Ксинтарис, процент сволочей в Норильске был, может быть, чуть выше среднестатистического по СССР, но гораздо выше был процент человечности, сочувствия к осужденным, простой порядочности... Учет в системе НКВД был идеальным. Уже в 10 часов утра всегда были готовы данные по четырем категориям:

А — сколько трудоспособных вышло на работу,

Б — сколько человек состоит на обслуживании лагеря,

В — сколько на сегодняшний день больных,

Г — сколько наказанных находится в ШИЗО (штрафном изоляторе).

В первые годы в 4-м Дудинском лаготделении поначалу над всеми главенствовали уголовники и бандиты. Что хотели, то и творили. Порядок навели не «коменданты», а сами заключенные: как-то вдруг заключенные-работяги стали налетать группой на обидчиков. После этого «возмущения» не досчитались многих... С тех пор и установилась тишина в лагере и на производстве.

Когда в апреле 1938 года прибыл в Норильск А.П. Завенягин, он подвел итоги первому «матвеевскому» периоду существования Норильлага: «Положение стройки хуже, чем указывалось в отчете... Управление лагерями отсутствует, твердых подразделений в лагере не создано, ограждений нет, нет должного режима. На стройке вскрыто явное вредительство...». Матвееву это стоило свободы, затем жизни. Уже в июле 1938 года «гайки» в лагере стали закручивать крепко. Порядка на строительстве и в Норильлаге стало больше...

НЕ БЫВАЕТ БУДУЩЕГО БЕЗ ПРОШЛОГО...

Из воспоминаний Владимира Родионова, главного врача Дудинской лагерной больницы: «В Заполярье я прибыл 18 июля 1939 года, будучи репрессированным в мрачную эпоху 30-х годов, с путевкой на срок 8 лет, имея от роду 37 лет и 12 лет врачебного стажа. В Дудинке наш эшелон, прибывший по Енисею из Красноярска, был высажен. Большая часть людей в этот же день отправилась в Норильск, а меньшая, в которую входили больные, оставили в Дудинке.. В пути следования на баржах мне было поручено оказание медицинской помощи, и с группой больных я остался в транзитном пункте. Через несколько дней я был вызван к заместителю начальника комбината в Дудинке А.А. Панюкову, который объявил мне, что я оставлен здесь для работы по специальности, к работе нужно приступить без промедления, и направил меня к начальнику санчасти.

Одна из двух лагерных больничек была отдана под хирургическое отделение, в ней я и начал работать. Число коек было 45–50. Не было хирурга и в окружной Дудинской больнице. Спустя две недели мне пришлось работать там, обслуживая 10–12 больных. Один раз в неделю я вел амбулаторный прием. Подготовленных кадров для хирургической работы как в той, так и в другой больнице не было. Их пришлось искать на ходу. На операциях мне ассистировали фельдшера и медсестры, только позднее изъявили желание заниматься хирургией врачи. Объем работы был большой, кроме того оперировать приходилось урологических и гинекологических больных. Мне нередко приходилось выезжать из Дудинки для оказания специальной помощи в Авамский район, Волочанку, Хатангу, Караул, Усть-Порт и другие места. Транспортным средством были олени упряжки, аэросани и самолеты. Однажды пришлось делать операцию в чуме, под местным обезболиванием. Был вскрыт гнойный паранефрит. Все обошлось благополучно. Для проведения операций приходилось бывать в Игарке и Норильске. В летнюю навигацию оказывал помощь и экипажам судов.

Одним словом, побочная работа очень мешала основной хирургической работе. В Дудинке мне привелось встретиться с начальником комбината А.П. Завенягиным. Эта кратковременная встреча оставила у меня самые лучшие впечатления. Он очень помог больнице. Мне улучшили бытовые условия, хотя я об этом не просил. В Дудинке я пробыл больше двух лет, это были годы насыщенной работы. За это время было сделано 773 операции, из них 268 — полостных. В конце 1941 года я был переведен в Норильск, хотя мне не очень хотелось. Приказ есть приказ. На мое место из Норильска был направлен врач М.Ф. Райвигер, который тоже делал в Норильске экстренные операции.

Медицинская помощь с каждым годом улучшалась. Об этом так писал Н.А. Одинцов: «Все лагерные здания и строения стали более благоустроены, чем

Дудинские жилые домишки. А поликлиника с больницей не уступали по обслуживанию и лечению городским лечебным учреждениям, а в некоторых случаях были намного лучше». Медицинская помощь способствовала работоспособности заключенных, и в какой-то мере повысилась производительность труда в лагере. Для улучшения производительности были приняты дополнительные меры: закрепление бригад на определенных работах, каждая стала жить в отдельном бараке. За перевыполнение норм полагалась дополнительная пайка. За ударную работу — зачет дней заключения.

Как писал Н.А. Одинцов, в преднавигационные месяцы и в навигационную пору проводили собрания или просто беседы. На летней сцене размещалось руководство порта, а вокруг эстрады собиралась большая толпа заключенных. Они и руководители порта обсуждали самые различные вопросы, обменивались мнениями по всем проблемам. Такие сходки зимой были реже, тогда их проводили в клубном зале, он вмещал около 100 человек.

Приглашали в первую очередь бригадиров, звеньевых, мастеров и прорабов. Большинство из них были расконвоированы, но жили в лагерной зоне. Характерная особенность собраний: сами руководители говорили очень мало. О главных проблемах говорили заключенные. Ничего не оставалось без их внимания... Такие собрания проводились иногда в присутствии начальника комбината и городских властей, вопросы решались самые актуальные.

Почти ежегодно стоял вопрос, как спасти замороженный лес, а его замораживали почти каждый год. Мобилизовали почти всех работников. Все брались за ломы, багры, лопаты и спасали лес. Много было случаев, когда заключенных просто просили выполнить срочную работу.

Об одном из них рассказал в своих воспоминаниях В.Н. Ксинтарис («О времени, о Норильске, о себе...», том 2, стр. 170–190). Он работал начальником Ду-

динского порта, получил телеграмму от министра внутренних дел Круглова. Содержание такое: к вам направлен английский пароход, груженный польским цементом. На борту 4 тысячи тонн, разгрузить их за 96 часов только силами вольнонаемных. Сильно озадачила нас эта телеграмма. В Дудинском порту вольнонаемных было всего-то человек 120–150, и все это были в основном жены командного состава, а нужны были крепкие мужчины, человек 160, тогда, может быть, и справились бы они с разгрузкой цемента за четверо суток. Что делать? Начальник оперативного отдела майор Василий Кондратьевич Павлов предложил подобрать надежных заключенных, они-то и разгрузят корабль. Заместитель по лагерю Михно предложил одеть заключенных в хорошую спецодежду, военизированную охрану одеть также, а вместо винтовок дать им на всякий случай пистолеты...

Тут же решили, что заключенным скажем всю правду — и про запрет министра, и про 96 часов, и про охрану с пистолетами. Через некоторое время получили ответ заключенных: мы постараемся быстрее выгрузить цемент, вот только вместо солонины нам бы свежего мяса поесть, хотя бы по сто граммов, да махорки просим по пачке в день... Надо сказать, что в 4-м лаготделении держали 40 свиней. С махоркой в Дудинке и Норильске было тяжело. Например, спичечный коробок махорки стоил в сентябре 1948 года 100 рублей. Сравнить: буханка хлеба стоила 20. Покряхтел Михно и ответил: «Найдем...». За три дня сшили всем замечательную, как в американском журнале, спецодежду... Пароход разгрузили за 72 часа! В тот же день всех заключенных, разгрузивших цемент с английского парохода, пригласили в лагерьный клуб к накрытым столам: их угостили хорошим обедом из свежего мяса. Всем сократили срок наказания на три месяца, на полгода. Так, бывало, находили взаимопонимание с заключенными, хотя случалось, что заключенные выделывали такие штуки, что волосы вставали дыбом... Людей проигрывали в карты,

насиловали малолеток, но случаи эти пресекались жестоко. Были зверства и похлеще... «Вот почему я и ушел из органов НКВД, что боялся сорваться и во зле пристрелить какого-нибудь бандита», — так однажды Павел Петрович сказал мне. Хотя хватало зверья и среди охранников.

В каждую навигацию в Дудинку прибывали новые этапы заключенных, перевозка морским транспортом требовала сопровождения ледоколов. Стройке были нужны все новые и новые трудовые силы. В 1939 году прибыл Соловецкий этап, самый многочисленный, но наименее работоспособный. В Дудинку пришли 15 августа ночью. В Дудинке, по словам Чехвадзе, оставили 800 человек. Остальные добирались до Норильска пешком или по узкоколейной железной дороге. Заключенных с Соловков, хилых доходяг, нужно было месяц откармливать, чтобы набрались сил. Да и должного порядка в лагере 30-х годов еще не было, не соблюдался режим, не было ограждения зоны, отсутствовали вахты. Так охарактеризовал положение дел А.П. Завенягин.

Спустя годы, вот как писал в своих воспоминаниях В.Н. Ксинтарис: «В Норильске тогда не было более мобильного лаготделения, чем 4-е Дудинское, которым в то время (это 1941 год) управлял Артур Янович Лейман. Тогда получали из новых этапов самое здоровое работоспособное пополнение, численность в навигационный период достигала до 20 тысяч человек, тогда как обычная наполняемость 4-го Дудинского лаготделения была 5–7 тысяч. Поскольку судов всегда не хватало, то приняли решение строить новый флот. Одним из пунктов строительства была Дудинка. Из числа заключенных отобрали плотников, столяров. Нашлись и специалисты — судостроители, а кое-кто прибыл этапом по нашей заявке в ГУЛАГ. Техническое руководство строительством судов в Дудинке поручили заключенному Усанову, помогал ему толковый инженер — судостроитель Пирогов, тоже лагерник. Строительство судов возглавлял вновь со-

зданный отдел водного транспорта. Я стал начальником этого отдела. Главным инженером назначили Сергея Ивановича Мудрова. Но отдел занимался не только строительством, но и подъемом затонувших судов. У нас была мощная водолазная группа (почти все заключенные), которую возглавлял вольнонаемный. Построили «мелочь — до 200 судов». Вот еще один пример вклада заключенных 4-го лаготделения в общее дело работы порта и комбината.

После смерти Сталина в лагерях кое-что стало меняться... С 1953 по 1956 год после пересмотра дел освободили многих заключенных, некоторых амнистировали, очень многих реабилитировали. Сначала их выпускали большими партиями, в 1955–1956 годах их число сократилось до минимума. После тщательной проверки стали освобождать заключенных с большими сроками наказания. Норильлаг просуществовал 21 год с 1935 по 1956 годы. Уже с 1957 года все производства полностью обслуживали вольнонаемные работники. Многие из них — это бывшие заключенные, оставшиеся на Таймыре...

Дудинка продолжает свою трудную жизнь и сегодня...

Не бывает будущего без прошлого. Вот почему историю Таймыра, страны надо не просто знать всем живущим здесь и сегодня, но и обязательно нужно извлечь из прошлого уроки. Завтра начинается уже сегодня...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ:

Помнить о тех, кого уже нет с нами

В первые годы строительства Норильского комбината главной задачей была доставка всех необходимых материалов и оборудования, продовольственных, промышленных товаров, для обеспечения всем необходимым строителей на долгие зимние месяцы. Короткое время летних навигаций (до трех месяцев или не более ста суток) усложняли задачу до предела. Не было причалов, никакой механизации, преобладал ручной труд на выгрузке судов. Ускорила выгрузка судов только за счет количества рабочих. Главное, катастрофически не хватало судов для доставки грузов, так называемого тоннажа. По сути дела, флот был главной головной болью руководства Норильского комбината. Искали любые пути приобретения флота для возрастающих объемов перевозки грузов. Даже в местах отстоя судов, на судоверфях посёлков Предивинска и Дудинки, организовали строительство деревянных барж грузоподъемностью 1800 тонн, но это была капля в море, это не решало проблему флота.

Еще одно решение было принято для пополнения флота — поднять затонувшие корабли, и с этой задачей справились успешно. Удалось поднять такие пароходы, как «В. Чкалов», «Амур», «Парижская коммуна», мотобот «Хатанга». Где-то на складах Красноярска разыскали заброшенные части большого судна. Эти части судна перевезли на Омский судостроительный завод, где собрали знаменитое судно-рефрижератор «Советская Сибирь», которое было бедой и выручкой Норильского комбината для перевозки скоропортящихся продуктов и особенно снабжения мясом. Десятки лет оно служило на благо жителей Норильского промышленного района, но этим

проблема перевозки грузов не решалась, комбинат всеми силами искал способы пополнения флота. Так из Финляндии в 1947 и 1948 годах по репарации было получено два мощных буксира ледокольного типа «Борец» и «Силач», а также было перегнано в Дудинку из Финляндии 15 речных и «озёрных» судов, и 9 лихтеров морского типа. Проблемы перевозки грузов не решились, хотя комбинат уже имел солидный флот: 44 единицы несамоходного флота, четыре мощных корабля «Енисей», «Котельников», «Норильчанин» и «Таймыр». Кроме того, было принято важнейшее решение о передаче Енисейским пароходством в аренду Норильскому комбинату четырех кораблей: «Нахимов», «Клим Ворошилов», «В. Молотов», «В. Куйбышев». И когда, в конце 1947 года, выяснилось, что Министерство морского флота не сможет поставить всего количества тоннажа для перевозки грузов из Архангельска в Дудинку, директор комбината принял решение — доставку грузов осуществить силами флота комбината. Для этого были выделены буксиры «Норильчанин» и «Таймыр», и морские лихтеры «Курейка» и «Далды-

кан», которые в навигацию 1948 года перевезли 3520 тонн грузов в Дудинку, а в Архангельск доставили более 300 тонн угля. В те нелегкие годы начальником отдела водных перевозок комбината был Василий Николаевич Ксинтарис, начальником механических судов отдела водного транспорта Норильского комбината И.Е. Коган, а заместителем отдела водного транспорта был А.М. Панюшкин.

Огромное количество флота доставляло немало хлопот, особенно отстоя флота и ремонт судов в зимний период. Флота много, а пунктов отстоя не хватало. Основными пунктами отстоя являлись: поселок Предивинск, где была создана судоверфь, и поселок Дудинка, где располагалась судоверфь. Дудинская судоверфь находилась на левом берегу реки Дудинка в лагерной зоне. На судоверфях было все необходимое для ремонта судов, были свои электростанции, жилье, столовые, магазины. Самыми трудоемкими работами являлась выморозка судов, освобождение корпуса судна от льда для того, чтобы в днище деревянной баржи устранить течь. Для этого нужно было проконопатить щели паклей и залить швы жидким варом (битумом). На этих работах использовались те, кто в летний период работал на этих судах: капитаны, матросы, шкиперы, плотники, электрики, водолазы и просто разнорабочие. Дисциплина на отстое судов была флотской.

Осенью 1946 года было еще организовано одно место отстоя — в Игарской протоке на левом берегу Черной речки. Туда на зимний отстой и ремонт судов в начале октября была отправлена целая бригада ремонтников с караваном судов, в основном несамостоятельного флота (деревянных барж). Начальником каравана судов назначили технорука Ситяева. Представителем Норильского комбината на отстое судов был назначен Матонцев.

По осени завезли на этот пункт все необходимое для ремонта судов. Построили балки для жилья, объединив несколько балков под одну крышу

с общим коридором и тамбуром. Такой способ объединения балков под одной крышей давал свои преимущества, так как не нужно было откапывать от снега двери каждого балка, откапывалась только одна дверь тамбура, снег не попадал ни в тамбур, ни тем более в коридор, поэтому в тамбуре удобно было хранить материалы: паклю, вар, шанцевый инструмент, горюче-смазочные материалы, прочие необходимые предметы и приспособления для ремонта судов. Такой способ был удобным для проживания и хранения товарно-материальных ценностей для строительства. Зимой не надо было искать материалы под снегом, но такой способ хранения товарно-материальных ценностей и проживания людей небезопасен с точки зрения пожарной безопасности. К сожалению, так было. Обустроились, приступили к ремонтным работам. Назначались дежурные по каравану, дежурство было организовано круглосуточное. Ежедневно проводились планерки с докладом о ходе ремонта судов.

Отоплялись балки большими металлическими печками (буржуйками). Здесь 25 февраля 1947 года ночью произошел пожар. Пожар начался в тамбуре, где находились легко воспламеняющиеся материалы: пакля, вар (битум) и топливо. Когда пламя пожара ворвалось в жилые балки, путь к выходу был отрезан. Тамбур весь был охвачен пламенем, люди не могли выскочить из помещения, в тамбуре всюду бушевал огонь. В огне погибли 19 водников. Это была страшная трагедия. На месте гибели был возведен обелиск погибшим, где была сделана надпись: «Здесь покоится прах трагически погибших водников Норильского комбината 25 февраля 1947 года». Из 19 человек погибших, личность одного невозможно было установить, хотя для меня это показалось очень странным. Все погибшие были захоронены в районе Чёрной речки, так называемой Игарской протоки.

Сохранился список погибших:

Наливайко Дмитрий Константинович 1912 г.р.

Хохля Георгий Харитонович 1912 г.р.

Руденко Ефим Фокович 1911 г.р.

Колмакова Нина Ивановна 1927 г.р.

Постников Егор Иванович 1916 г.р.

Холмогоров Михаил Алексеевич 1906 г.р.

Крупен Георгий Тимофеевич 1928 г.р.

Ерохин Давид Трофимович 1908 г.р.

Серов Федор Васильевич 1915 г.р.

Кузьмичева Евдокия Яковлевна 1908 г.р.

Хромых Василий Лазаревич 1913 г.р.

Фалько Александр Александрович 1929 г.р.

Младших Нина Николаевна 1923 г.р.

Кандинский Иннокентий Васильевич 1930 г.р.

Гуляев Василий Семенович 1930 г.р.

Ермаков Иван Петрович 1930 г.р.

Кольцов Павел Константинович 1930 г.р.

Ковалев Василий Александрович 1909 г.р.

Погибли люди в расцвете сил — из них самому старшему был только 41 год, а четверым еще не исполнилось 17-ти лет. В огне пожара погибли три женщины

ны, старшей из которых было всего 39 лет, а младшей только 20 лет. К сожалению, личных дел погибших не удалось найти в архиве Дудинского порта, так как флот в то время принадлежал Норильскому комбинату, и работники флота числились в кадрах комбината. Дудинский порт всегда считал и считает работников по ремонту судов, да и всех флотских, своими работниками. Формирование караванов судов на отстой происходило в порту, да и ремонт судов поручали руководству Дудинского порта.

25 февраля 2017 исполнилось 70 лет со дня этой страшной трагедии. И за 70 лет, как был установлен обелиск жертвам пожара, никто из руководства порта и комбината не организовал посещение этого трагического места, никто не может сказать, в каком состоянии сегодня находится обелиск и место захоронения погибших.

Обращаюсь к руководству Дудинского порта, Норильского комбината и «Норильникелю» отдать дань памяти погибших, организовать экспедицию для посещения места захоронения погибших, восстановить обелиск, так как состояние обелиска за 70 лет трудно себе представить.

Воздадим честь тем, кто погиб, строя гигант цветной металлургии на Крайнем Севере в невероятно трудных условиях, где немало было жертв. Нужно всегда помнить, что жертвы были не напрасны. Гигант цветной металлургии Норильский комбинат был гордостью Советского Союза, цветной металл Норильского комбината помог Родине в годы Великой Отечественной войны победить фашизм, восстановить индустрию страны в послевоенный период, полететь в космос. Да и в настоящее время Россия гордится успехами Норильского комбината, который вошел в состав гигантской компании ПАО «ГМК «Норильский никель», и является одним из лучших филиалов «Норникеля». В свою очередь ПАО «ГМК «Норильский никель» прославляет Россию своими успехами на международной арене, и это тоже заслуга тех,

кто строил Норильский комбинат. Конечно, хотелось бы восстановить документально всё происходящее до трагедии, да и после неё. Смею предположить, как это было.

Так в конце сентября 1946 года был издан приказ начальника Норильского комбината Владимира Зверева «Об отстое и ремонте судов в межнавигационный период 1946–1947 годов», в котором определены места отстоя и ремонта судов — Дудинка, Придивинск, Черная речка, определено количество судов в каждом пункте отстоя. На Чёрную речку, предположительно, было направлено не менее 10 деревянных барж. Назначены капитаны караванов судов, определена дата постановки судов на отстой. Ответственным за формирование судов на отстой, за снабжение караванов судов на отстой и ход ремонта был назначен начальник Дудинского порта Штырков Иван Иванович.

На основании приказа начальника Норильского комбината издали приказ по Дудинскому порту, где оговаривались все детали, связанные с отстоем и ремонтом судов, а также состав коллектива на отстой у Чёрной речки. После трагедии на Чёрную речку направили большую комиссию. Выводы комиссии легли в основу приказа начальника Норильского комбината. Можно себе представить суровость этого приказа, зная крутой характер начальника Норильского ком-

Обелиск памяти погибшим в 1947 году портовикам во время отстоя судов Дудинского порта на Черной речке вблизи города Игарки

бината Владимира Зверева. Конечно, кого-то отдали под суд, а тогда действовали «законы» ГУЛАГа, многие лишились должностей и получили строгие выговоры. В том числе был снят начальник Дудинского порта И.И. Штырков, а на его место начальником Дудинского порта назначили Василия Николаевича Ксинтариса. По моему предположению, он исполнял приказ начальника Норильского комбината о возведенииobeliska на месте гибели людей. Необходимо поднять личные дела погибших, узнать, откуда они прибыли на Норильский комбинат, откуда они родом и где проживают их родственники. После пожара был издан новый приказ о продолжении ремонта судов, назначен новый капитан каравана. Как вышли суда после отстоя? Все ли удалось сделать? Достоверно неизвестно и не подтверждено документально. Есть только предположения.

Чтобы подтвердить все это документально, необходимо провести большую работу в архивах Норильского комбината, Дудинского порта, а попасть в эти архивы не так просто без указания сверху. Вряд ли мне удастся эту работу сделать самому, без помощи руководителей, да и ввиду моего преклонного возраста и болезни супруги, но очень хотелось бы воспроизвести документально те события.

На публикацию в газете «Таймыр» моей статьи «Чёрный день на Чёрной речке» откликнулся Н.Н. Костецкий. В газете «Таймыр» 10.08.2012 года была опубликована его статья «О трагедии в Медвежьем логу».

Привожу статью Н.Н. Костецкого.

«На суд читателей газеты «Таймыр», историков и исследователей-энтузиастов предлагаю свои размышления по поводу трагедии 1947 года, произошедшей в Игарской протоке. Здесь будет и ссылка на воспоминания Г.О. Кононовича и мои личные домыслы. Прошло довольно много времени, очевидцев гибели портовиков Дудинки или нет в живых или сегодня здравствующих установить нет возможности.»

О капитане Георгии Осиповиче Кононовиче я узнал из личной переписки с кандидатом технических наук, доцентом Львом Петри, сегодня проживающем в Германии в г. Гамбурге. Свела судьба этих людей в Дудинском порту. Ссылный Лев Оттович Петри работал техником отдела водного транспорта порта, а Г.О. Кононович, вначале был капитаном на паровом буксире «В. Чкалов», а затем перегонял суда в Дудинку по Северному морскому пути, полученными Комбинатом по репарации.

16 сентября 1941 года пароход «В. Чкалов» сел на рифы банки Крестовской в Енисейском заливе (ниже поселка Воронцова). Корпус получил множество пробоин, и судно затонуло. «4 июля 1945 года было принято решение о подъеме парохода «В. Чкалов». Начался подбор необходимых специалистов. Следует сказать, что из 36 участников экспедиции 24 были заключенными.

Из воспоминаний Г.О. Кононовича — начальника экспедиции по подъему судна.

Ко мне в каюту входит высокий исхудавший человек в военной фуражке с белым кантом, но без кокарды..

— Моя фамилия Ляликов. Я капитан дальнего плавания. Нахожусь в заключении. Очень прошу вас принять меня в экспедицию. Буду полезен. Так состоялась первая встреча двух капитанов. В дружеской беседе за совместным обедом выяснилось многое. Были и общие знакомые с флотского братства. Ляликов (не указаны имя и отчество) был капитаном на парусном барке «Товарищ». Во время войны был взят в плен. Немцы поставили перед Ляликовым выбор: быть убитым или работать капитаном портового буксира в Одесском порту. Он был награжден немецким командованием медалью «За спасение утопающих». После войны Ляликова назначили капитаном порта. Затем допрос в «Смерше» и обвинение в пособничестве фашизму... Приговор — 10 лет лагерей. Так он оказался в Дудинке. После подъема п/х «В. Чкалов» работал у капитана Кононовича вторым помощником. Дальше, вспоминает Г.О. Кононович, зимой я был назначен начальником отстоя флота в Медвежьем логу Игарской протоки, а он (Ляликов) был расконвоирован и работал начальником планового отдела здесь же. Осенью 1946 года, когда меня там уже не было, Ляликов погиб во время пожара. Тогда мы потеряли чуть

ли не сорок человек. Так утверждает Кононович. Ляликова опознали по золотому брегету (карманные часы), которые незадолго до трагедии прислала ему мать. Правда, брегет тут же исчез в чьих-то ловких руках, и больше его не видели. Так утверждает Г.О. Кононович, последний раз видевший Ляликова накануне трагедии.

Так и хочется признать Ляликова одним из погибших в страшном пожаре 26 февраля 1947 года и захороненным в братской могиле. Однако есть некоторые сомнения...

Здесь возможны несколько вариантов установления личности:

Во-первых, Ляликов был заключенный (его личного дела в архиве порта нет). А заключенных хоронили отдельно и обелиск им не устанавливали. Возможно, в братской могиле его и не было. А если и был, то фамилия не была указана.

Во-вторых, Г.О. Кононович указывает о гибели 40 человек. Это значительное расхождение с официальными жертвами. Отсюда: может такие же заключенные, как Ляликов, были в том числе? Как показывает практика работы порта в системе ИТЛ НКВД «Норильстроя» 2/3 рабочей силы составляли заключенные, занимавшие инженерные должности, и высококвалифицированные специалисты рабочих профессий. Поэтому и возможно расхождение в официально объявленных жертвах и фактических. Однако их похоронили отдельно и списали из списков НКВД по только им ведомым законам. Вопросов больше, чем ответов.

В июле 2012 мною была принята попытка разыскать памятник. Посмотреть его состояние и определить объем работы по его восстановлению. На попутном грузовом теплоходе Енисейского речного пароходства я прибыл в город Игарку. Было раннее утро теплого солнечного субботнего дня. Одежда повседневная, специальная для похода в тундру. Обязательные атрибуты: сапоги, энцефалитка, накомарник, ну и рюкзак — куда без него. Четких ориентиров по конкретному месту нахождения памятника у меня не было. Поскольку был выходной день, мне не представилась возможность встретиться с работниками Игарского музея. Кое-что узнал из беседы с капитаном маневрового буксира (старожилом Игарки) — он слышал от отца о данной трагедии. И не более... Правда, обеспечил

мне телефонную связь с бывшим работником музея, ныне проживающим в Игарке. Однако, и он конкретно не смог указать точного места — был там только в начале 70-х годов прошлого столетия. Рыбаки, узнав о цели моего визита, слегка изменили маршрут и любезно доставили меня на моторной лодке до устья речки Черной.

На разных уровнях берегового откоса я четырежды прошел по 2 км. От р. Черной вдоль енисейского берега. Скажу сразу, путь был нелегким. Заросли травы, кустарника, камни, канавы... и палящее солнце середины дня. Несколько раз связывался по телефону, в ответ слышал — «где-то там». Видя безысходность этого мероприятия и моей невероятной усталости, я решил вернуться обратно в город. А путь нелегкий. По берегу реки примерно надо пройти 10–12 километров. А на берегу камни, галька и много-много проволоки, оставшейся после разделки плотов. Местами насыщенный водой песок, стекающие ручьи с береговых откосов. Ноги вязнут в жиже, порой приходится руками за голенища сапог вытягивать из грязи. А ориентир — паром еще очень медленно приближается. Из последних сил еле отмыл сапоги от грязи и прилег у парома в ожидании рейсового автобуса. Успел, а то пришлось бы еще 5–6 км идти по дороге к Игарке. Так безрезультатно состоялась моя поездка. А жаль... В одиночку трудно найти памятник. Нужна помощь механизированная и многодневная. Может кто-то продолжит мое неоконченное дело? Бог в помощь!».

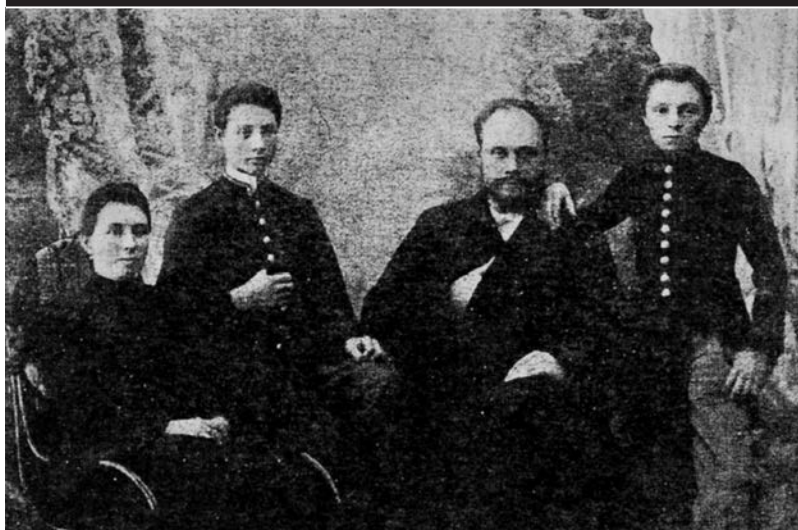
Материалы подготовлены Павлом Соловьевым при активном участии Олимпиады Михайловны Самошиной и ее мужа Павла Петровича Самошина.

Соловьев Павел Александрович — летописец Дудинского морского порта, «Заслуженный работник Норильского комбината», «Почётный гражданин города Дудинки», «Почетный Полярник», «Заслуженный работник транспорта СССР». Член Российского географического Общества.

*Александр Смирнов,
1948 г.*

Александр Смирнов:

«Малоизвестное о жизни легендарных родов Ивановых и Сотниковых...»

*Елизавета Никифоровна Иванова-Сотникова с дочерью
Екатериной и внуком Эрастом — сыном Александра Сотникова.
Красноярск, 1932 г.*

От редактора

Хочу представить автора, не один год собиравшего материалы о большой семье Ивановых, состоявшей в родстве с семьей Сотниковых. Александр Сергеевич Смирнов сам рассказал о себе в 5-м томе нашего издания «О времени, о Норильске, о себе...». Его жена Лидия Георгиевна опубликовала воспоминания о своей семье и норильской жизни в 12-м томе. Когда и почему Александра Сергеевича Смирнова зацепила история семей Ивановых и Сотниковых? Поводом послужило многолетнее знакомство супруги А.С. Смирнова с Лидией Ивановой, дядя которой, Николай Александрович Иванов, был участником экспедиции Александра Сотникова. Она до сих пор остается близкой подругой его жены Лидии Георгиевны, хотя их семьи после Норильска разъехались. Лидия Иванова-Забрамная живет в Туле, а Смирновы — в Москве. Мне кажется, Александру Сергеевичу близки традиции известной на Таймыре фамилии, особенно взволновала его трагическая судьба Александра Александровича Сотникова, талантливого человека, настоящего патриота своей страны.

А.С. Смирнов сам из семьи, где чтили и чтут традиции прадедов и дедов рода Бажутиных, заводских крестьян Воткинского завода Сарапульского уезда Вятской губернии. Этим людям приходилось много работать — летом крестьянствовать, зимой обеспечивать работу доменной печи и самим работать на ней. Неудивительно, что они были вполне самостоятельны, жили зажиточно большими семьями, в их среде возникли и укрепились стремление к получению высшего образования, тенденция посылать детей учиться в институтах и университетах. Во время Гражданской войны в результате восстания, вызванного недовольством населения политикой большевиков, была образована Ижевско-Воткинская республика. Она продержалась 90 дней, а после ее разгрома уцелевшие бойцы ушли к Колчаку. Сражаясь под его командованием, они прославились своей стойкостью, а оставшиеся в живых рассеялись в Сибири или ушли

в Китай. Конечно, эти люди боролись не только за свой привычный уклад жизни, который был достаточно архаичным, но также и за свободу, свою мораль, здравый смысл и нравственность, присущие народу, против чуждой им большевистской идеологии. А.С. Смирнов по существу относится к числу тех, кто продолжает традиции своих дедов. Инженер-металлург, кандидат технических наук, он достойно трудился всю свою жизнь, награжден двумя медалями «За трудовое отличие», ветеран труда. После Норильска он работал в отделе цветной металлургии Госплана СССР, а потом в двух отраслевых институтах: «ЦНИИцветмет экономики и информации» и «Гинцветмет». Сейчас, уже находясь на пенсии, в свои 90 с небольшим лет он продолжает активную деятельность: до сих пор водит машину, после получения его сыном в 2001-м году дачного участка и вынужденной продажи в связи с этим за бесценок своих норильских акций, когда денег хватало только на стройматериалы, он своими руками построил дачный дом, где они проводят с женой ежегодно летний сезон, умело ведя усадебное хозяйство. У них двое сыновей, четверо внуков и три правнучки.

Сегодня он рассказывает не о своем крепком семейном корне, а о судьбе семьи Ивановых, об их родословной, связанной с семьей Сотниковых. А это четыре поколения достойных людей, которые все честно и верно служили родине своим трудом и талантами. Вот на таких представителях семей Ивановых-Сотниковых, воткинских заводских крестьян Бажутиных, их потомках и наследниках и держится до сих пор наша страна. Без высоких и громких лозунгов эти люди во все времена преданы своей родине. А теперь слово Александру Сергеевичу Смирнову, который до сих пор считает себя норильчанином, потому что Заполярье стало его второй родиной.

Галина Касабова

ДИНАСТИЯ СОТНИКОВЫХ И ИВАНОВЫХ

Небольшое пояснение. В 10-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...» норильчане Сергей Щеглов-Норильский, Анатолий Львов, Владимир Долгов, москвич Владислав Корякин, доктор географических наук, почетный полярник, достаточно подробно рассказали о непростой биографии геолога Николая Николаевича Урванцева. Помимо исследований архипелага Северная Земля, он много сил и времени отдал разведке и развитию угольных месторождений Таймыра, рудной базы Норильского комбината. Разговор о Н.Н. Урванцеве был продолжен в 12 томе издания. Здесь опубликована подборка о малоизвестном в жизни легендарных северян Александра Сотникова и Николая Урванцева, которые познакомились еще до революционных событий и побывали в экспедициях на Таймыре в 1915 и 1919 годах. Авторы публикаций в 12 томе: Нина Анатольевна Предтеченская, заведующая отделом истории Таймырского Краеведческого музея, сам Николай Николаевич Урванцев, а также кандидат исторических наук из Абакана Александр Петрович Шекшеев и историограф Норильска Трофим Яковлевич Гармаш.

Я с большим интересом читал о знаменитой фамилии Сотниковых, об их большом вкладе в развитие Таймыра и Сибири. Счастливая случайность познакомила меня с представителями ветви Сотниковых-Ивановых, и я решил не просто узнать о них, но и составить родословную ветви знаменитой фамилии. Она оказалась не менее интересной...

В экспедиции на Таймыр в 1919 году, по данным многих публикаций, принял участие дядя А.А. Сотникова (якобы брат его матери Елизаветы Никифоровны, урожденной Ивановой) Николай Никифорович Иванов. С этой информации для меня все и началось: она побудила меня попытаться выяснить, кто этот человек. Сотниковы и Ивановы были известны родственными связями, но в числе брать-

ев Елизаветы Никифоровны Ивановой-Сотниковой не было Николая...

История семьи Ивановых стала известна мне по рассказам одной из последних ее представительниц Лидии Александровны Ивановой-Забрамной, старинной подруги моей жены Лидии Георгиевны Смирновой (Гришиной) еще со времен их совместной учебы в норильской школе ФЗО в 1943/44 годах и потом в Норильском горно-металлургическом техникуме. Они обе стали обогатителями, были связаны совместной работой при пуске и освоении Большой обогатительной фабрики (БОФ), последующей работой на фабрике и многолетней дружбой их семей. Лидия Александровна из рода Ивановых предоставила для издания «О времени, о Норильске, о себе...» фотографии из семейного альбома.

История семьи Ивановых началась на Таймыре с середины XIX века, когда в станок Потаповское Туруханского края за революционную деятельность был сослан Никифор Иванович Иванов (откуда — неизвестно). Примерно в то же время туда же и по той же причине была сослана с Украины семнадцатилетняя Анна Яковлевна Бархатова. Они образовали семью, в которой было четверо детей: три сына — Семен, Александр, Василий и дочь Елизавета.

Большой клан Ивановых — это огромное генеалогическое древо. Я не имею возможности проследить судьбу всех представителей многочисленной семьи и сосредоточусь лишь на нескольких ее представителях, судьба которых мне достаточно хорошо известна. С некоторыми из них я был знаком или поддерживаю отношения по настоящее время. Женщины этого рода, выходя замуж, меняли фамилии. И новые семьи становились уже, например, Сотниковыми, Уюсовыми, Краснопеевыми, Забрамными и т.д.

ЕЛИЗАВЕТА ИВАНОВА

Елизавета Никифоровна Иванова в 1889 году вышла замуж за местного купца Александра Киприяно-

вича Сотникова, который вел торговлю с населением приенисейской тундры и мечтал со временем расширить свое влияние от Оби до Лены. Его шурин Василий Никифорович Иванов (брат Елизаветы) служил у него приказчиком. Однако за жестокое отношение к местному населению тундры, за его спаивание, А.К. Сотников был выслан в 1899 году вместе с семьей из Енисейской губернии в Иркутскую. По данным Н. Предтеченской, опубликованным в книге «Дудинка», А.К. Сотников находился под надзором полиции до 1904 года. Потом он перебрался с семьей в Красноярск. Обстоятельства последних лет жизни А.К. Сотникова и дата его смерти неизвестны. Ю. Градинаров* в своей книге «В низовье Енисей могуч» пишет, что, продолжая заниматься торговлей, А.К. Сотников начал старательскую добычу золота на реке Лене, где и погиб в конфликте с одним из старателей (соответствует ли это архивным данным или это художественный вымысел автора?). Елизавета Никифоровна Иванова-Сотникова продолжала торговые дела мужа, в чем ей помогал и ее брат Василий. После революции Елизавета Никифоровна жила в Красноярске с младшей дочерью Екатериной — учительницей, там и умерла в бедности в 1945 году.

Старший сын Елизаветы Никифоровны Александр Александрович Сотников родился в станке Потаповском в 1891 году. Для семьи Ивановых Александр был близким родственником, которого они называли среди своих Сашей, Шурой и Шурочкой. Окончить горный факультет Томского политехнического института, куда он поступил после окончания политехнического училища, ему не удалось: помешали война, всеобщая мобилизация. По окончании Иркутского военного училища он был назначен офицером в Красноярский казачий дивизион... Совер-

* Юрий Иванович Градинаров утверждает, что в своем романе об Александре Сотникове, он опирался исключительно на документы и реальные факты. Свое отношение к роли А.А. Сотникова в истории развития Таймыра и Сибири он высказал в материале, опубликованном в этом томе.

шенно ясно, что стремление А.А. Сотникова стать геологом, горным инженером было связано с его намерением заняться в перспективе предпринимательством по освоению рудных и угольных месторождений будущего Норильского района. И надо сказать, А.А. Сотников развил в предвоенный и предреволюционный периоды достаточно активную деятельность по подготовке к освоению этих месторождений. Все это детально описано в 10-м и 12-м томах издания «О времени, о Норильске, о себе...»*. Однако революция, Гражданская война и политика большевиков сломали эти планы Сотникова.

Нам неизвестна судьба вдовы А.А. Сотникова Шарлотты и его сына Эраста. Судя по сохранившейся фотографии и свидетельствам родственников, они бывали в Красноярске и встречались со своей свекровью и бабушкой Елизаветой Никифоровной Ивановой-Сотниковой. Об Эрасте известно только, что он умер в сравнительно молодом возрасте. В книге «Дудинка» в подписи к фотографии А.А. Сотникова с женой и маленьким сыном его жена названа Луизой. Возможно, что у нее, этнической немки, могло быть два имени?

БРАТЯ ИВАНОВЫ И ОДНА ИЗ ИХ СЕСТЕР

Вернемся к семье Ивановых. Женой другого брата Елизаветы Никифоровны — Александра Никифоровича — была Ольга (Анна?) Ивановна Даурская. У них было 8 детей: 4 сына и 4 дочери. Сыновья: Александр (1891 г.р.), Михаил (1893 г.р.), Николай (1896 г.р.) и Никифор (1900 г.р.), одной из дочерей была Евдокия (1892 г.р.). Глава семьи Александр Никифорович погиб в 1925 году — был убит на пастбище разъяренным быком: сломалась жердь, которой он отбивался от быка. А у детей и внуков Александра Никифоровича судьбы сложились по-разному, порой трагически.

Евдокия Александровна Иванова была замужем за активным революционным деятелем подпольщи-

* Том 10. С. 140–169; том 12. С. 206–291.

ком Борисом Исааковичем Тенцером. В 1920 году она была арестована семеновцами, беременная вторым ребенком была заключена в тюрьму в Чите и после рождения сына была ими убита (в книге «Дудинка»

*Александр Никифорович Иванов,
убитый на пастбище быком*

в подписи под фотографией Евдокии Ивановой и ее мужа Бориса Тенцера приведено уточнение: была зверски растерзана семеновцами). Ее дети, старшая Людмила и родившийся в тюрьме Виктор, выжили. Нянчившей Людмилу тете Паше пришлось взять на себя и маленького Виктора. После установления в Сибири советской власти вернувшийся в родные края Б.И. Тенцер женился на тете Паше, и они сообща воспитали его детей. У Людмилы было двое дочерей. Виктор окончил военное училище, участвовал в Отечественной войне. Он изменил фамилию, взяв фамилию погибшего товарища, стал Хоповым. После войны он жил в Ленинграде, в звании полковника преподавал в военной академии.

В свое время Евдокия Александровна сосватала в Енисейске за своего старшего брата Александра Александровича вдову Феклу Ивановну Иванову (урожденную Попову), имевшую от первого брака дочь Антонину. В этой семье родилось 8 своих детей: 4 сына и 4 дочери. Из сыновей двое умерли в детском возрасте, а выжившие Иван и Денис оба были участниками Отечественной войны. Денис в конце войны пропал без вести, видимо, погиб. В числе дочерей были Ольга, ставшая в замужестве Краснопеевой,

Слева направо впереди:

*Борис Исаакович Тенцер, его сын Виктор, тетя Паша,
справа налево сзади: Никифор Александрович Иванов, его сын Борис*

Валентина, ставшая Уюсовой, Лидия, ставшая Забрамной, и Елена, оставшаяся Ивановой.

Второй из сыновей Иванова и Даурской Михаил Александрович жил в Красноярске. Его сын Анатолий стал военврачом и погиб на фронте в 1945 году.

Младший из упомянутых четырех сыновей Никифор Александрович жил в Дудинке, был активным коммунистом, из-за своего конфликтного характера имел неоднократно взыскания по партийной линии. В 1932 году он участво-

*Фекла Ивановна Иванова.
Потаново, 1936 г.*

*Сестры Ивановы (слева направо):
Лидия (Забрамная), Валентина (Уюсова) и Елена Александровна.
Дивногорск, 1980 г.*

вал в вооруженном подавлении в Хатанге восстания «затундровых крестьян», недовольных политикой большевиков. А. Шекшеев, ссылаясь на архивные материалы («О времени, о Норильске, о себе...». Т. 12. С. 248) объясняет причину восстания протестом населения против раскулачивания одного из «хозяев тундры», типичными представителями которых были Сотниковы. С начала Отечественной войны Никифор Александрович рвался добровольцем на фронт, хотя у него уже было семеро детей и младшему из них, Валерию, исполнилось всего два месяца. Но это не остановило Никифора Александровича. Никакие

*Денис Александрович Иванов,
погибший в конце войны*

просьбы и протесты его жены Лидии Николаевны Чупровой не смогли поколебать его решения. В это время в Красноярске формировалась 78-я отдельная добровольческая стрелковая бригада (известная еще и как Сталинская бригада), в ее ряды он и был зачислен. Никифор Александрович погиб в 1943 году. Два его старших сына Виктор и Владимир тоже воевали на фронтах Великой Отечественной войны, имели ранения, но выжили и вернулись домой. Третий сын Юрий стал капитаном дальнего плавания. Дочь Эмилия, закончив школу военных техников, работала на заводе в Красноярске. Вторая дочь Ольга — доктор педагогических наук. Двое младших, Борис и Валерий Ивановы, выбрали военную профессию. Борис дослужился до звания полковника, а Валерию довелось воевать в Афганистане.

В 1987 году в газете «Красноярский рабочий» была опубликована информация о встрече ветеранов

Семья Никифора Александровича Иванова.

Его жена Лидия Николаевна Чупрова с детьми. Красноярск, 1970 г.

Сидят (слева направо): Эмилия Никифоровна Иванова, Лидия Николаевна, Ольга Никифоровна Иванова, стоят: Валерий, Юрий, Виктор, Владимир и Борис Никифоровичи Ивановы

войны, посвященная 45-летию формирования 78-й отдельной добровольческой стрелковой бригады. На фото есть и полковник Борис Никифорович Иванов. На встрече он рассказывал о своем отце, Никифоре Александровиче, погибшем в 1943 году.

О судьбе третьего по возрасту из четырех братьев Ивановых Николая Александровича и его сына Бориса я расскажу в конце данного повествования.

ДВЕ ЛИДИИ ИЗ РОДА ИВАНОВЫХ

Много лет, оставшись без мужа в начале войны, Лидия Николаевна Чупрова тянула всю свою огромную семью одна. Она обладала твердым характером, была хорошей закройщицей и портнихой, что позволяло ей зарабатывать на жизнь. Этот опыт она приобрела, работая до войны в промартели «Труд заполярника». Н.А. Предтеченская в книге «Дудинка» приводит свидетельство Л.Н. Чупровой о грозившем промартели банкротстве, которое предотвратил муж Лидии Николаевны Никифор Александрович Иванов, став в 1941 году ее директором. Промартель выполняла работы для фронта, вырученные деньги перечисляла в фонд обороны, отправляла на фронт посылки... В то время в семье Ивановых жила племянница Лида, дочь старшего из четырех братьев Александра Александровича Иванова. Она училась тогда в 7–8 классах и оказывала тетке большую помощь в домашних делах, в воспитании ее малолетних детей. После войны Лидия Николаевна Чупрова переехала из Дудинки в Красноярск, а позже обосновалась под Ленинградом. И всегда до конца жизни в силу своего обаяния, доброжелательного и общительного характера она была центром притяжения для своих многочисленных родственников — представителей огромной семьи Ивановых. Они все любили ее, постоянно навещали, а она и сама старалась почаще собирать их у себя по разным поводам и без поводов.

До 1939 года Лида Иванова училась в Потапове, где жила тогда вся их семья, а затем в том же году

родители отправили ее для дальнейшей учебы в Дудинку, где она окончила 8 класс в 1943 году. Сначала она жила в интернате, а потом в семье своего дяди Никифора Александровича, во всем стараясь помогать своей тетке Лидии Николаевне Чупровой: большой семье нелегко было выживать в военное время. Между прочим, видимо, неслучайно из троих своих дядьев — родных братьев отца — Лидия Александровна в разговоре всю жизнь наиболее часто и тепло вспоминает именно Никифора, называя его «дядя Никиша».

*Лидия Александровна Иванова.
Балхаш, 1948 г.*

Дудинка (в прошлом село Дудинское) тогда не стала еще крупным современным портом, была скромным поселком, а рядом строился и развивался Норильск, будущий промышленный и культурный центр Таймыра. Лидия Николаевна, хотя ей трудно было обходиться без помощницы, скрепя сердце, все-таки настояла на том, чтобы племянница Лида продолжила учебу в Норильске. В 1943 году со всего Красноярского края туда набирали молодежь в школу ФЗО: остро нуждался в кадрах бурно развивающийся горно-металлургический комбинат. В школе ФЗО Лида получила специальность электролитчика и стала работать на Большом электролитном заводе (БЭЗ), где получали электролитный никель, крайне необходимый в стране в военное время.

В 1944 году Лида стала студенткой открывшегося в Норильске горно-металлургического техникума. Выпуск 1948 года как раз пришелся на начало пуска и освоения Большой обогатительной фабрики (БОФ). Здесь Лида, ставшая уже Лидией Александровной,

начала с должности бригадира, затем продолжила мастером и «доросла» до начальника смены главного корпуса. После учебы в 1953–1956 годах на Высших инженерных курсах в Северо-Кавказском горно-металлургическом институте (СКГМИ) в г. Орджоникидзе Лидия Александровна продолжила работать на БОФе начальником смены. В 1965 г. она перешла на работу в научно-исследовательскую обогатительную лабораторию (НИОЛ) на должность начальника отделения техпомощи фабрике.

За свою 35-летнюю производственную деятельность Лидия Александровна была награждена орденом «Знак Почета», медалью «Ветеран Труда», как труженица тыла она является ветераном Великой Отечественной войны.

В 1955 году Лидия Александровна вышла замуж за Бориса Евсеевича Забрамного, электрика БОФа. В 1966 году он стал работать под землей на руднике Талнаха — «Маяке».

Боря был веселый и общительный парень, вокруг него всегда собирались люди. Действительную службу Борис Евсеевич проходил на Тихоокеанском флоте, был на корабле радистом.

Однажды с его корабля надо было передать буксир на другой корабль, терпящий бедствие и находившийся на расстоянии. Сильно штормило, вода была очень холодной. Несколько матросов поочередно пытались вплавь передать тонкий линь, но им это не удалось. Борис мог бы отсидеться в своей радиорубке, радистам запрещалось

Борис Евсеевич Забрамный, в период службы на флоте. В отпуске, Москва, 1953 г.

*Лидия Александровна Иванова-Забрамная с мужем
Борисом Евсеевичем Забрамным. Норильск, 1957 г.*

выполнять тяжелую работу, чтобы не тряслись руки при работе на ключе. Но разве мог он остаться в стороне, когда его товарищи были вынуждены заниматься трудным и опасным делом! Он хорошо плавал и ему удалось доплыть и передать линь. Буксир завели... Но Борис в этот день получил серьезное переохлаждение и сильный ушиб головы о корпус корабля... Это аукнулось для него много лет спустя. У Бориса нашли опухоль головного мозга. Первые симптомы появились в 1966 году, а окончательный диагноз поставили лишь спустя семь лет, в 1973-м. Эти первые симптомы и заставили Бориса Евсеевича перейти на рудник «Маяк», чтобы получить подземный стаж и приблизить переход на пенсию. Борис перенес несколько операций (его лечил известный нейрохирург Кандель), но победить болезнь не смог, он скончался в Москве в больнице в 1986 году.

Я очень тепло вспоминаю Бориса. Мы часто семьями отдыхали на природе. Как у многих норильчан,

у нас были лодки «Казанки», и мы плавали в 50–60-х годах по Норилке вверх на реки Талую, Рыбную, озера Мелкое, Ламу... При этом Борис Евсеевич всегда сохранял верность своим флотским традициям. Бывало, я спрашивал: «Ну, Боря, куда мы поплывем?», он отвечал неизменно: «Не поплывем, а пойдем!». Мы встречались семьями, часто отмечали вместе праздники. Если это было зимой, у Бори всегда имелись в запасе замороженные сиги для строганины, которых ему доставляли знакомые из Дудинки.

Норильчане, работавшие на комбинате в 40-х – 60-х годах, знали старшую сестру Бориса Евсеевича Елизавету Евсеевну Забрамную. Она работала диспетчером Управления строительства, а ее муж, Зиновий Львович Пищик, был начальником мерзлотной лаборатории. Отзывчивость и доброта Елизаветы Евсеевны были всем известны: она для многих была как скорая помощь. Когда я в 1958 году вернулся в Норильск после окончания аспирантуры один, пока без семьи, она вместо общежития предложила мне жить в своей квартире. Я жил в их семье, окруженный вниманием и заботой, около полугода, пока не получил от директора комбината В.В. Дроздова комнату на Комсомольской, 24, где моим соседом по квартире оказался заслуженный норильский геолог Михаил Федорович Смирнов, попавший в Норильск не по своей воле.

Между прочим, достаточно известный сейчас в России директор подмосковного совхоза им. Ленина, возглавляющий его уже 20 лет, и он же, ставший заместителем Председателя Торгово-Промышленной Палаты РФ по подъему сельского хозяйства, Павел Николаевич Грудинин — внук Е.Е. Забрамной и З.Л. Пищика.

Еще живя в Норильске, семья Забрамных вступила в жилищный кооператив в Туле и переехала туда, покинув Норильск в два приема: в 1978 г. Борис с детьми и в 1981-м, выйдя на пенсию, Лида. В семье Забрамных двое детей и четверо внуков. Старшая дочь Марина окончила МИТХТ, работала

Лидия Александровна Иванова-Забрамная с детьми Мариной и Сашей. Тула, 2009 г.

в ЦНИИцветмет экономики и информации, а сын Александр после окончания Тульского политехнического института работает в Туле в КБ, он инженер-схемотехник. Дети выросли, у всех свои семьи...

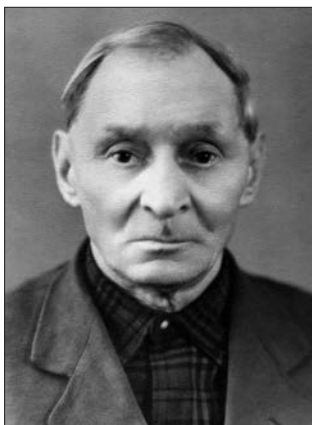
АЛЕКСАНДР ИВАНОВ, СТАРШИЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ БРАТЬЕВ

О старшем из четырех братьев Ивановых, родившихся в последнем десятилетии XIX века, Александре Александровиче — отце Лидии Александровны — необходимо рассказать более подробно. Он и его жена Фекла Ивановна жили в Потапове до конца Отечественной войны. Демобилизовавшийся после войны их старший сын Иван после недолгого пребывания с ними в Потапове вместе с родителями и младшей сестрой Еленой переехали жить в поселок Часовня на реке Рыбной, где был промысловый колхоз. Старшие дочери Антонина, Ольга и Валентина уже имели свои семьи и жили отдельно, Лида еще учи-

лась в техникуме. Родители работали в промысловом колхозе. По окончании техникума Лида получила квартиру в Норильске, родители переехали жить к ней. Их старший сын Иван жил в Дудинке, работал бухгалтером, умер в 1990 году.

Наше близкое семейное знакомство с семьей Забрамных и с родителями Лиды продолжалось много лет. Я хорошо помню и Феклу Ивановну и Александра Александровича, ему было тогда уже под 70, а потом и за 70. Он умер в 1968 году в 77 лет. Сегодня портрет А.А. Иванова все могут видеть в Дудинском окружном краеведческом музее.

С молодости в Потапове Александр Александрович считался лучшим охотником-промысловиком. Он

*Александр Александрович
Иванов, 1960-е гг.*

*Александр Александрович и Фекла Ивановна Ивановы с внуками
Мариной и Сашей. Норильск, 1962 г.*

ставил капканы, пасти, добывал дичь и пушнину при помощи ружья, рыбачил и выполнял все, что требовалось для жизни в то время и в тех нелегких условиях. Это позволяло ему успешно обеспечивать всем необходимым свою многочисленную семью. Простой охотник, А.А. Иванов считался щеголем, одевался чисто и аккуратно, следил за своей внешностью, был в семье непререкаемым авторитетом и руководил своим семейством твердой рукой. Местные русские поселенцы держали коров, а ездили на оленях и собаках. Жители станков и поселков могли держать и ездовых, и охотничьих, и дворовых собак. Л.Н. Чупрова вспоминает в книге «Дудинка», что собак они вычесывали, получая с каждой килограмм шерсти, из которой вязали шарфы, перчатки и шапочки. А чтобы держать оленей, надо жить в тундре и постоянно кочевать со стадом, меняя пастбища. В своих воспоминаниях Л.Н. Чупрова свидетельствует, что русские поселенцы в своих длительных и многокилометровых поездках широко пользовались оленями. Бывало, ей говорил Никифор Иванов: «Я возьму самых лучших оленей, мы сядем на санку и уедем в Дудинку». Где они брали оленей? По-видимому, в основном оседло живущие русские брали оленей для поездок у знакомых жителей тундры, хотя некоторые могли иметь и своих оленей: их приходилось держать в стадах знакомых кочевников. По свидетельству Лидии Александровны, ее отец А.А. Иванов таким способом держал пять собственных оленей. С населением тундры у местного русского населения издавна сложились близкие и добрососедские отношения, у них было полное взаимное доверие. Например, во время обильной охоты Александр Александрович оставлял часть пушнины у знакомых националов, чтобы пополнить сдачу меха этой заначкой, когда охота бывала неудачной: это была обычная практика местных охотников.

По данным В. Денисова и других в книге «История Норильска» («Апекс». Норильск, 2013. С. 200) в Потаповском в 1929 году была создана артель «Тру-

женик» из 14 личных хозяйств. Члены артели ловили, заготавливали и сдавали на фабрику рыбу, добытую пушнину. Сдаче подлежала вся ценная пушнина, по свидетельству Лидии Александровны, для собственных нужд охотники имели право использовать только шкурки зайцев. Единственный овчинный полушубок в те годы был только у главы семьи. Зимой носили валенки. Относительное благополучие Ивановых, связанное с успешной промысловой деятельностью Александра Александровича, а возможно, и память об их родственных отношениях с семьей Сотниковых привели к тому, что их приравнивали к кулакам. От раскулачивания их спас брат Александра Александровича Николай, работавший в это время в Игарке следователем. Однако они все же стали так называемыми «лишенцами». Их выселили из собственного дома, доставшегося им еще от деда... Пришлось перебраться в маленькую избушку, мало пригодную для их большой семьи. Лида помнит, как они перевозили вещи на собаках... Свой новый дом им удалось построить только к началу Отечественной войны... Интересно, оставался ли в то время в Потапове кто-то из потомков семьи Сотниковых и какие репрессии применили к ним?

По детским воспоминаниям Лидии Александровны, в Потаповском тогда еще жили представители старинной российской интеллигенции, вероятно, ссыльные, у которых было много книг и журналов, изданных в царское время. Уезжая из Потаповского, они отдали всю эту литературу Ивановым. Поскольку местные власти периодически проводили обыски в домах, во избежание неприятностей все эти книги и журналы Ивановым пришлось сжечь в русской печи. В 30-х годах в станках, и в Потаповском тоже, местную власть осуществляли стрелки-охранники, как бы народная милиция того времени. Они нагло относились к местному населению. Иногда они «по дури» (это буквальное выражение Лидии Александровны) арестовывали местных мужиков и запира-

ли их в бане. Когда баня бывала нужна по прямому назначению, арестованных переводили временно в красный уголок.

Из-под ареста Александра Александровича выпускали на время для проверки пастей, капканов и сетей, потом опять сажали под арест... Охранники, как и представители местной интеллигенции (например, учителя), столовались у Ивановых: это пополняло бюджет семьи. Был год, когда в тундре случилась эпизоотия бешенства. Появилось много бешеных песцов, забежавших в поселок и кусавших людей и собак. Покусанных возили в Дудинку на оленях. В организации этих перевозок участвовал и Александр Александрович Иванов.

В эти годы и позже Александр Александрович всячески старался поддерживать свою тетю Елизавету Никифоровну Иванову-Сотникову, жившую в Красноярске, посылал ей посылки с дичью, рыбой, другими дарами тундры... А ее дочь Екатерина неоднократно бывала в Потапове, гостила в семье своего двоюродного брата Александра Александровича. Лида хорошо помнит ее, но тогда не знала, кто она. Из этого видно, насколько в близких отношениях уже при советской власти, несмотря на репрессии, продолжали оставаться члены семей Ивановых и Сотниковых. Однако родителям Ивановым приходилось скрывать свою связь с семьей Сотниковых даже от своих детей.

В конце 50-х годов я с большим интересом слушал рассказы Александра Александровича об охоте, повадках животных, о ружьях, качестве разных систем оружия, охотничьих приметах и т.д. Как у всякого опытного охотника, у него были некоторые суеверия. Так, например, он считал, что раз в год стреляет даже метла... Ружье он считал существом одушевленным и даже способным на некие самостоятельные действия.

Мне хотелось сделать что-то приятное для Александра Александровича. И вот я как-то пригласил его

выехать в тундру на одно из любимых мест. В субботу утром мы вдвоем на «Казанке» под двумя моторами «Москва» отплыли вверх по Норилке. На реке Рыбной мы посетили знакомое Александру Александровичу место, где был когда-то поселок Часовня и, вернувшись на Норилку, пошли в речку Талую. Помимо удовольствия от встречи с природой, для Александра Александровича очень интересным и необычным оказалось плавание — впервые — на быстроходной моторной лодке по реке с быстрым и бурным течением. Он внимательно осмотрел и всю лодку, и моторы. Ведь в своих охотничьих странствиях по воде ему обычно приходилось пользоваться самодельной лодкой «веткой» с низкими бортами, управление которой при помощи шеста или короткого весла требовало из-за ее неустойчивости немалого искусства.

На Талой мы остановились на правом берегу в нескольких километрах от истока. Разбили палатку, на всякий случай поставили пару сетей, при помощи «торпеды» («речного змея») я быстро наловил несколько штук хариусов на уху. К ухе у нас, конечно, нашлось и по стопочке... Без преувеличения скажу, что это была идиллия: прекрасная солнечная погода, тишина, нарушаемая только легким шумом быстрого течения реки, и никаких комаров... Однако под вечер, когда вверх по реке пошли лодка за лодкой, лодка за лодкой, нашей идиллии пришел конец... Грохот моторов, над водой повисло облако гари от выхлопных газов... Это продолжалось почти весь вечер, а отдельные лодки шли всю ночь... Вокруг нас, как грибы, выросли палатки... Александр Александрович испытал сильный шок, мне же такая картина была, к сожалению, уже знакома. Переночевав, мы вернулись в Норильск без приключений. Больше я Александру Александровичу вылазок на природу не предлагал...

В 60-х годах «Заполярная правда» публиковала материалы о становлении советской власти на Таймыре. Александр Александрович Иванов рассказывал о событиях того времени как очевидец, называл

имена и фамилии тех, кого знал. Но, насколько помню, он никогда не упоминал о родстве семей Ивановых и Сотниковых. Моя жена Лидия Георгиевна Смирнова, близкая подруга Лидии Александровны, долгое время не знала об этом родстве. Жалею, что я тогда не записывал рассказы Иванова, а теперь многое забылось. И только позже я узнал, что Александр Иванов был хорошо знаком с Александром Сотниковым (напомню, что они оба родились в 1891 году в Потапове в семьях, связанных родством) и, возможно, Александр Александрович мог видеть Н.Н. Урванцева... К экспедиции Сотникова в 1919 году Иванов отношения не имел. Его мнение о Н.Н. Урванцеве, когда Александр Александрович еще был жив, меня тогда не интересовало, как и сведения об Александре Сотникове и мало кому тогда известной его экспедиции... Об очень многом мы тогда просто не знали. Однако Лидия Александровна и сейчас помнит мнение отца о Н.Н. Урванцеве: оно было отрицательным. Правда, особых подробностей она не помнит. Возможно, разница в отношении местных жителей к А.А. Сотникову и Н.Н. Урванцеву объяснялась тем, что Александр был для них своим, хорошо знакомым человеком, Н.Н. Урванцев же оставался чужаком, к которому они вполне могли относиться с недоверием. А после расстрела Сотникова это недоверие могло и возрасти... Ведь родственники знали,

*Александр Александрович Иванов
с сыном Иваном.
Норильск (или Дудинка?), 1967 г.*

что Сотников был связан с Николаем Николаевичем несколько лет, а после расстрела Александра он более или менее спокойно продолжал свою служебную карьеру.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ — УЧАСТНИК ЭКСПЕДИЦИИ СОТНИКОВА

А теперь хочу вернуться к вопросу: кем же был один из участников экспедиции Сотникова в 1919 году?

У матери А.А. Сотникова Елизаветы Никифоровны было три родных брата — Семен, Александр и Василий. Все они были Никифоровичи и приходились А.А. Сотникову дядьями, но среди них не было никого по имени Николай. В следующем поколении семьи Ивановых наряду с Александром, Михаилом и Никифором был Николай (1896 г.р.), но все они были Александровичи и приходились А.А. Сотникову двоюродными братьями. Таким образом, что подтверждает и Лидия Александровна Иванова-Забраменная, участником экспедиции 1919 года был Николай Александрович Иванов, двоюродный брат А.А. Сотникова.

Н.А. Иванову было тогда 24 года, позже он стал юристом, работал следователем в Туруханске и Игарке, а потом в Куйбышеве. Он добровольцем пошел на фронт и погиб в 1941 году. Дополнительную информацию о Н.А. Иванове я нашел в материале А.П. Шекшеева («О времени, о Норильске, о себе...». Т. 12. С. 277). Он пишет, что в поддержку А.А. Сотникова в мае 1920 г. перед чекистами выступил бывший партизан Н.А. Иванов (Николай Александрович. — *Авт.*), который свидетельствовал, что А.А. Сотников спас весной 1919 г. его брата-красногвардейца (Никифора Александровича. — *Авт.*), находившегося в Красноярской тюрьме в качестве заложника. Сотников тогда охарактеризовал его как специалиста, ценного для его экспедиции. По моей просьбе, А.П. Шекшеев пытался найти в архивных материалах расшифров-

ку инициалов партизана Иванова, а также инициалов и фамилии его брата-красногвардейца, но их там не оказалось. Если в экспедиции действительно участвовал Николай Александрович Иванов, то его братом, ходатайствовавшим за Сотникова перед чекистами, мог быть только Никифор Александрович Иванов — бывший партизан. Это подтвердил и автор романа «В низовье Енисей могуч» Ю.И. Градинаров, многие годы изучавший династию Сотниковых-Ивановых. Юрий Иванович утверждает, что Н.А. Иванов есть и на фотографиях участников экспедиции, но, к сожалению, к ним своевременно не были сделаны записи фамилий изображенных на фото.

Попробуем представить, какими могли быть отношения между братьями Ивановыми и их двоюродными братьями Сотниковыми. Все они родились в Потапове и были близки по возрасту (все родились в последнем десятилетии XIX века), воспитывались в семьях, связанных близким родством, вероятно, могли тесно общаться еще во время своего «общего» детства, а потому хорошо знали друг друга и пользовались полным взаимным доверием. Поэтому вполне понятны попытки Никифора Иванова вызвать своего двоюродного брата А. Сотникова из ЧК. А сам Сотников ходатайствовал об освобождении из тюрьмы своего двоюродного брата Николая Иванова, мотивируя это его нужностью для экспедиции. В спасении из тюрьмы Николая Иванова Сотникову при белом правительстве Сибири, несомненно, мог помочь его достаточно высокий статус представителя старинной купеческой династии.

По свидетельству Лидии Александровны, норильский историограф А.Л. Львов встречался и разговаривал с ее отцом А.А. Ивановым, и потому он правильно называет упоминаемого нами участника экспедиции Иванова Николаем Александровичем — двоюродным братом Сотникова (М. Важнов. «Норильск-геология», 2011. С. 27). Ю. Градинаров (там же) «берет в свидетели» некоего Николая Иванова,

одного из трех мужиков этой семьи». На самом же деле в этом поколении семьи Ивановых было четверо «мужиков».

Интересные подробности о Николае Александровиче Иванове и его сыне Борисе я нашел в книге «Мы из Игарки», изданной в 2000 году Игарским краеведческим комплексом «Музей вечной мерзлоты» небольшим тиражом 1000 экземпляров. Это результат многолетней работы по поиску уже ставших взрослыми малолетних школьников-игарчат, авторов вышедшего в 1938 году сборника рассказов о родине. Книга с аналогичным названием «Мы из Игарки» рассказывает, как позже сложились их судьбы. Колоссальную работу по подготовке этой книги начала в 80-х годах челябинская журналистка Оксана Сергеевна Булгакова. Позже ее продолжили и сами участники проекта. Они использовали госархивы и другие исторические источники, в том числе большую коллекцию фотоматериалов одного из первых авторов книги «Мы из Игарки» Бориса Николаевича Иванова, сына Николая Александровича Иванова.

После Туруханска в 30-х годах Н.А. Иванов работал следователем прокуратуры в Игарке, а его семья — жена Надежда и сын Борис, родившийся в 1924 г. в Туруханске, жили в Енисейске. Свою поездку по Енисею на пароходе Борис описал в сборнике рассказов школьников-игарчат. Отец подарил тогда сыну фотоаппарат, и Борис в 30-х годах стал юным фотографом. В результате он создал большую и ценную коллекцию фоторабот, ее позже использовали при издании книги «Мы из Игарки» 2000 года.

Выше я упоминал, что семье Ивановых в Потапове в период коллективизации грозило раскулачивание. Тогда Николай Александрович смог оказать брату некоторую помощь. В результате Ивановы оказались только «лишенцами» (большого, видимо, Николай Александрович сделать не мог) и были оставлены в Потапове, хотя и лишились родного дедовского дома. В случае же раскулачивания вся их семья мог-

*Николай Александрович Иванов с женой Надеждой
и сыном Борисом, 1927 г.*

ла быть выслана бог знает куда... Во время службы Николая Иванова в Игарке в его семье некоторое время жила его племянница Валентина — одна из дочерей Александра Александровича Иванова, ставшая в замужестве Уюсовой. Она училась тогда на курсах метеорологов. После их окончания работала в Хатанге, помогая родителям частью своего заработка...

Позже семья Ивановых перебралась в Куйбышев, где Николай Александрович продолжал работать следователем. Отсюда он ушел добровольцем на фронт. Борис во время войны работал токарем на авиационном заводе и учился, а в 1947–1959 годах работал на том же заводе старшим конструктором и начальником бюро. В 1970-х годах он возглавлял Поволжский региональный центр стандартизации и метрологии, был депутатом районного и городского Советов г. Куйбышева. Борис Николаевич Иванов — заслуженный машиностроитель РСФСР и пенсионер республиканского значения, награжден орденами и медалями. Он приезжал в Тулу, чтобы повидаться со своей двоюродной сестрой Лидией Александровной

Ивановой-Забрамной и ее семьей. Умер он в 2010-м или 2011 году в возрасте 86 или 87 лет.

В книге «Мы из Игарки» Борис Николаевич Иванов привел эпизод, характерный для периода сталинских репрессий 30-годов. Однажды он увидел, как отец кладет под подушку заряженный пистолет. На его вопрос «Зачем?» отец объяснил, что он назначен и. о. прокурора города вместо арестованного, которого сейчас допрашивают. А если следующий арест его? Лучше дуло к виску, чем пытки...

Даже эта неполная история поколений Сотниковых и Ивановых убедительно рассказывает о том, какими великими тружениками были люди этого древнего рода. В высоком смысле слова они были настоящими патриотами страны, родных мест, своей большой семьи. Своими жизнями они доказали мудрость пословицы: где родился, там и пригодился. И Родина должна по справедливости оценить их большой трудовой вклад в развитие Заполярья, Сибири...

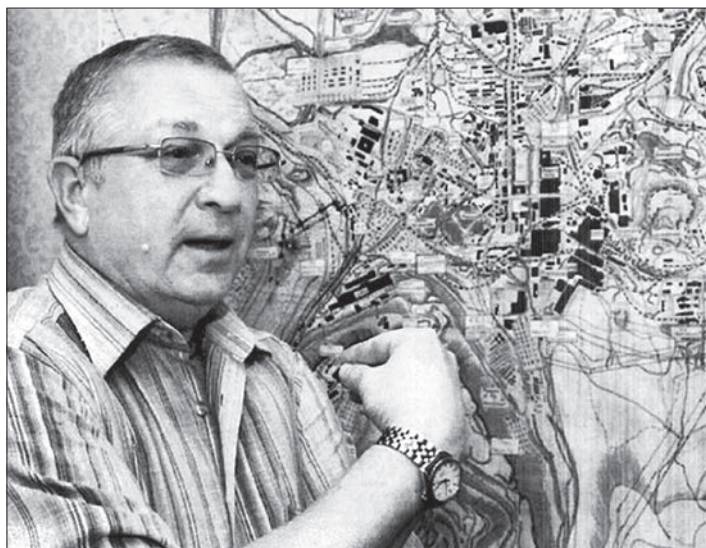

*Вячеслав Васильевич
Блохин*

Вячеслав Блохин:

«Мне хотелось сухим языком приказов показать еще одну грань истории комбината и города»

*Вячеслав Васильевич Блохин
на фоне своей карты лагерей Норильлага рассказывает,
как он более 10 лет работал над ней.
Норильск, 2006 г.*

Продолжение. Начало в 10 томе, стр. 278-305.

Если бы в молодости Вячеславу Васильевичу Блохину сказали, что темой его жизни на много лет станет «Норильск и его история», он наверняка бы удивился. Он родился в Приморском крае, учился в Новочеркасске в Политехническом институте, в 1973 году прилетел в Норильск. Работал в шахтостроительном тресте, на обогатительной фабрике и дольше всего в Центральной автотранспортной конторе ...Здесь самым главным его призванием стала история Норильска, карта Норильских лагерей... Сегодня он живет в Санкт-Петербурге, но и здесь есть у него «норильская территория» — комната, в которой есть все о городе, ставшим главным в его жизни. Его история, драматическая и героическая, судьбы норильчан, поражающие стойкостью характера, талантами и много чем еще, не отпускают Вячеслава Васильевича до сих пор. Сегодня мы знакомим вас с его исследованиями: он восстановил историю Норильска с 1935 года по, казалось бы, скучным официальным приказам Норильского горно-металлургического комбината. Он приглашает читателей на символическую экскурсию по лагерному Норильску.

Галина Касабова

НАЧНУ С НЕБОЛЬШОГО ПРЕДИСЛОВИЯ...

Я испытываю неподдельное волнение, представляя на суд читателя свою работу: заметки и выписки из приказов, собранные в основном в городском архиве Норильска и в музее освоения и развития Норильского промышленного района (НПР). Очень помогли мне и воспоминания заключенных. Выписки из приказов по исправительно-трудовому лагерю (ИТЛ) НКВД и комбинату я собирал и систематизировал более десяти лет, когда стал работать над эскизом карты лагерных отделений, располагавшихся в промышленной зоне и в самом Норильске. Мне хотелось сухим языком приказов показать еще одну грань истории комбината и города. Она неразрывно связана с рождением сначала Норильлага и Горлага, затем большого поселка, предприятий и стремительно рождающегося современного промышленного

города на Крайнем Севере. Его первостроители — заключенные страшного карательного ведомства НКВД. Мне кажется, что воспоминания, опубликованные в 13 томах издания «О времени, о Норильске, о себе...», подкрепленные официальными при-

*Ирина Владимировна Блохина —
единомышленник и верный помощник мужа*

казами по лагерю и комбинату, создадут более точную картину непростой истории индустриального района на Таймыре. Я рассчитываю не только на неравнодушного к истории своей страны читателя, но более всего на молодежь, особенно норильскую. Мне пришлось читать лекции или просто рассказывать молодым о становлении комбината и города, и я видел их неподдельный интерес к истории своего города и края. Жаль только, что сегодня стало меньше публикаций о прошлом Норильска, меньше мероприятий, на которых бы рассказывали о строительстве комбината и города старшие поколения норильчан, которые продолжают жить на Крайнем Севере.

К 10-му тому воспоминаний норильчан прилагается карта норильских лагерей. В нем опубликован и мой рассказ о том, как я работал над картой. И тогда Галина Ивановна Касабова попросила меня продолжить мои исторические исследования: ведь лаготделения перемещались от одного промышленного объекта к другому. Ведь это, по сути, история рождения современного города с начала ее первой строительной площадки. Отклики норильчан на опубликованную карту лагерей тоже убедили меня, что работу надо продолжить...

Хочу обратиться к норильчанам, которые помнят лагерные годы Норильска: дополните мое исследование своими уточнениями, рассказами о том, как трудились в прошлые годы, если не вы, то ваши родные (по их воспоминаниям, устным или письменным) или ваши сослуживцы... Интересны и рассказы детей того времени, молодежи, на глазах которых рос и хорошел в суровом краю город... Тогда как бы оживет это суховатое описание строек, лагерей...

Донести историческую информацию до тех, кому небезразлична память о Норильске, я хотел давно, но все как-то не случалось... А тут еще переезд к новому месту жительства и его обустройство... Первым, кто не все понял в моей карте — схеме, опубликованной в приложении к 10-му тому воспоминаний норильчан, был лагерный сиделец Трус Леонид Соломонович. В то время он возглавлял Новосибирское отделение «Мемориала». Он написал мне с удивлением: «...я ведь сидел во 2-м лаготделении, а оно находилось в Кайеркане. А у тебя оно в Норильске. Как это понимать?». Я ответил ему, что свою «отсидку» он отбывал во 2-м лаготделении Горлага, а 2-е отделение лагеря ИТЛ находилось совсем в другом месте. Еще пример. Лев Александрович Нетто тоже удивился расположению своего 4-го лагеря. А их тоже было два. Одно находилось в Дудинке, а то, куда попал Л.А. Нетто, располагалось в Норильске, в районе нынешней улицы Бегичева.

К большому сожалению, до сих пор далеко не все знают, что, кроме Норильлага, существовала еще одна система прямого подчинения НКВД СССР — Горлаг. Это Горный лагерь, отличавшийся особо жестоким режимом, куда попадал самый строптивый народ самых разных национальностей. Это были борцы с советским режимом, которые раньше других поняли его губительную суть. Среди них были украинцы, кавказцы, прибалты и многие другие представители национальностей Советского Союза, но более всего там было русских. Этих особых лагерей в стране было немногим

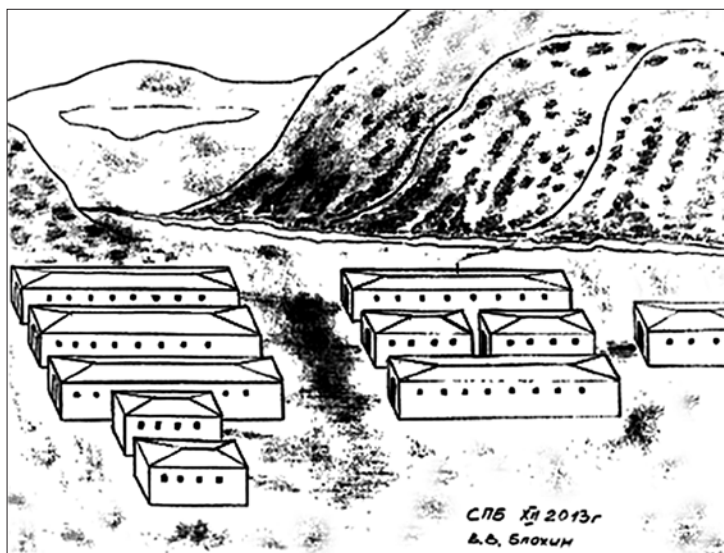
больше десяти, и все они отличались по непривычным для системы НКВД названиям. Вторым в стране был открыт такой лагерь в Норильске — Горный, после него создали лагеря под названиями Дальний, Степной, Минеральный, Песчаный и др. (перечисление произвольное, не по годам создания).

К большому сожалению, сегодня в Норильске далеко не все знают о том, что, кроме Норильлага, существовал и Горлаг. Это незнание как бы закрепили в сознании горожан и создатели памятника, установленного возле Музея истории и освоения НПП на Ленинском проспекте. Памятная надпись на нем гласит, что он посвящен жертвам Норильлага. Необходимо дописать «...и жертвам Горного лагеря». Знаю, что за неимением другого памятника бывшие заключенные 6-го лаготделения Горлага (дай бог им здоровья!) до сих пор возлагают цветы к этому...

1935—1937 годы...

Как известно, 1200 заключенных, прибывших первыми в 1935 году, распределили в трех районах: Дудинке, на Вальке, в Норильске. В Норильске основные сооружения для жизни (это были брезентовые палатки) разместились в предгорьях между горами Шмидта и Рудной, у ручья Угольного. Там установили 6–7 палаток побольше и 5–6 меньшего размера. Сегодня это место можно найти, если, переехав на автобусе железнодорожный мост, пройти по улице Горной в сторону конечной остановки: слева и справа от нее зародилось лагерное строительство будущего комбината.

Правда, еще одну большую палатку (21 на 7 метров) поставили в районе строительства ВЭС-1 (временная электростанция). Это почти на берегу озера Квадратного. Его сейчас уже нет. Вольнонаемные (тогда их было очень немного) тоже жили в палатках — больше-то жить было негде. И все утепляли палатки как и чем могли.

1935 г. Самый первый лагерный пункт в Норильске. Вид с севера на юг. Слева — гора Рудная, справа — Шмидтиха. По центру вдаль — гора Надежда. Ниже протекает ручей Угольный. Сегодня здесь с севера на юг проходит дорога на Большую обогатительную фабрику (БОФ) и рудник «Заполярный» (общий вид палаток реконструирован В.В. Блохиным)

Только в ноябре 1936 года проектно-сметная группа «Норильскстроя» выпустила чертежи единого утепления брезентовых палаток. Бытующее сегодня мнение, что заключенные жили, «где придется», не соответствует действительности. Таким образом, на конец 1935 года ИТЛ «Норильскстроя» (именно «Норильскстроя», название «Норильский комбинат» породил сам А.П. Завенягин в 1938 году) включал в себя: отдельный лагерный пункт в Дудинке (ОЛП), лагерный пункт на Вальке (с тремя бараками и двумя палатками) для строительства железной дороги: узкой колеи «Валек—Норильск» и лагерный пункт Норильск-1 с выделенной командировкой Норильск-2 и штрафным изолятором (ШИЗО), который находился восточнее в 5–6 км от него.

При первом начальнике Норильлага В.З. Матвееве на территории лагеря нигде не было колючей проволоки. Куда было бежать в этих суровых и безлюдных просторах? Разве что за своей смертью... Строгие лагерные порядки с колючей проволокой, штрафными изоляторами появились при А.П. Завенягине в 1938 году. Летом 1936 года началось строительство 1-го кирпичного завода (сегодня это в районе бывшего пивзавода, что на ул. Лауреатов). Появилась командировка «кирпзавод». Позднее, в 1948–1949 годах, здесь разместилось 5-е лагерное отделение Горного лагеря. В это же лето прибыло около 7500 заключенных, большинство из них (4059 человек) начали строительство железной дороги, узкой колеи Дудинка—Норильск. Вот кому пришлось очень тяжело! Жили они в фанерных бараках, палатках и землянках. За 1936 год было построено 76 утепленных палаток и фанерных барачков, 34 барака — рубленых и каркасных, 15 конбаз, 17 кухонь, 4 пекарни, 4 стационара, 7 амбулаторий для больных и др. Правда, в 1936 году по окончании строительства определенного участка узкоколейки было разобрано 18 палаток.

Неудача с проводкой судов через озеро Пясино не позволила «Норильскстрою» закончить узкоколейную дорогу Дудинка—Норильск в 1936 году или хотя бы в начале 1937 года. Дело в том, что только в марте — апреле начался интенсивный вывоз грузов с каравана судов, находившихся в ледяном плену. Это произошло благодаря работе тракторных бригад и конных обозов. В начале декабря 1936 года в Норильске-2 был открыт сангородок. Он поступил в подчинение комендантскому отделению лагпункта Норильска-1. В дальнейшем это отделение было выделено как 5-е лаготделение ИТЛ. На руководство санитарного городка возложили ответственность и за молочную ферму, расположенную возле него. В объяснительной записке 1937 года начальник управления «Норильскстрою» и ИТЛ НКВД СССР В.З. Матвеев писал: «Существенных изменений в структурах хозяйства в течение года

Лаготделение № 1 ИТЛ.

*В предгорье гора Рудная на ее западной стороне
(сегодня — конечная остановка 12-го автобусного маршрута)*

не было. Дислокация лагеря в общем была стабильной, если не считать одной вновь открытой командировки на постройке кирпичного завода».

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ НОРИЛЬСКА: 1935—1937 ГОДЫ

Появление специализированной организации «Норильскстрой» относится к 1930 году. Тогда она подчинялась Всесоюзному тресту «Союззолото» и предназначалась для детальной разведки сырьевой базы Норильска и дальнейшего строительства горно-металлургического комбината. В 1933 году «Норильскстрой» передается ведомству Главного Управления Севморпути (ГУСМП), начальником которого был Отто Юльевич Шмидт.

Докладную записку правительству «О перспективах Норильского полиметаллического месторождения», подготовленную главным инженером «Норильскстроя» Александром Емельяновичем Воронцовым, О.Ю. Шмидт читал очень внимательно. Он вспомнил, как в личной беседе Воронцов говорил

ему о «мировом значении Норильска». Воронцов — отличный геолог, работал в Норильске три года, вопрос о строительстве начал поднимать еще в 1932 году вместе с директором «Норильскстроя» И.П. Зарембо. Тогда они обращались в ЦК партии... Шмидт ставит подпись и говорит секретарю: «Отправить правительству сегодня...» В докладной записке предлагались три очереди строительства ГУСМП Норильского металлургического комбината, начиная с 1936 года. Жизнь внесла небольшую поправку — стройка началась на год раньше.

23 июня 1935 года вышло Постановление ЦК и Совнаркома Союза ССР «О строительстве Норильского никелевого комбината» и передаче этого строительства ГУЛАГУ НКВД. Сразу же за Постановлением последовал приказ наркома НКВД об организации в Норильске исправительно-трудового лагеря (Норильлага).

Летом 1935 года перевозками хозяйственных грузов из Дудинки в Норильск были заняты известный полярный летчик Василий Михайлович Махоткин и Герой Советского Союза Василий Сергеевич Молоков. Год спустя Петр Казачкин в газете «Советский Таймыр» писал:

Сейчас туда дорога для людей и груза.

Раньше — только хляби были, ягель рос...

И в Норильск Герой Советского Союза

Молоков возил... капусту и овес.

Фактически аэропорта не существовало не только в Норильске, но и в Дудинке. В то же время авиарейсы (все еще нерегулярные) из Дудинки в Красноярск, Игарку или Норильск стали уже обычным явлением, кто-то должен был, хотя бы в Дудинке, заниматься отправкой грузов и пассажиров.

1 августа 1935 года был создан отдельный лагпункт, в который входила конбаза и тракторный парк с ремонтной мастерской и кузней. Конбазы как таковой еще не было. По приказу, лошадям положено было отдыхать 4 дня в месяц, но бывало, что из-за

отсутствия для транспорта горючего отменяли выходные и лошадям. Бывало, через запятую перечисляли для увеличения вида транспорта: «все трактора, все вездеходы и 200 лошадей». А лучшего коногона (это уже позже) могли наградить 50 рублями премии и почетной грамотой, и это была существенная награда для заключенного...

В декабре строители спешат закончить строительство железной дороги Валек—Норильск. Капитальную дорогу строить некогда, шпалы и рельсы укладывают на временную насыпь из снега и торфа. Насыпь поливают водой, она смерзается на морозе, и путь становится достаточно прочным. В январе 1936 года организованы курсы подготовки машинистов паровозов.

Установили радиоретрансляционные пункты в Норильске и на Вальке. Началось радиовещание. Введено спецпитание рабочих на подземных и буровых работах. Ежедневно выдается по 200 граммов молока. Открыты курсы техминимума мастеров механического бурения, поваров и хлебопеков.

12 февраля 1936 года для движения поездов заработала временная узкоколейная железная дорога Норильск—Валек. Заполярная железная дорога (уже обустроенная в XXI веке) осталась единственной на планете Земля железной дорогой на вечной мерзлоте*.

Вступила в строй временная электростанция № 1 (ВЭС-1). В Норильск прибыла бригада Академии Наук СССР во главе с виднейшим мерзлотоведом В.Ф. Тумелем. В Дудинском порту сооружаются причалы, подъездные пути... С начала 1936 года по 18 августа на воздушной трассе Дудинка—Норильск четыре самолета сделали 733 рейса и перевезли 495 тонн грузов и 396 пассажиров.

В Норильске на угольной штольне появился первый компрессор. На двух бурильщиков — один перфоратор.

* В Якутии только участок железной дороги проходит по вечной мерзлоте.

В навигацию в пясинской операции участвовало 35 судов. Но река и озеро Пясино обмелели, и только немногим судам удалось пройти к Вальку и выгрузить 6 тысяч тонн грузов. Теплоход «Красноярский рабочий» с баржами вернулся для разгрузки в Дудинку. А большая часть каравана застряла на мелководье и позже вмерзла в лед.

Из приказов Норильлага:

«Считать возвратившимся из служебной командировки начальника ФПО з/к Скультэ Арвида Мартыновича с Пясинского каравана...».

«...4 ж/д рабочих з/к з/к* под руководством старшего дор. мастера з/к Гордаттия А.Т. направлялись в лагерь с трассы на обед, и на ПК (пикете) 132 были остановлены постовым часовым стрелком ВОХР з/к Кобылбаевым Нурмухаметом, каковой предложил предъявить пропуск... Ст. дорожный мастер Гордатов А.Т. и дор. мастер Голощаков Н.Е., предъявив свои пропуска, заявили, что остальные трое являются путевыми рабочими...и пропуска не имеют... Стрелок ...всю группу пропустил, а затем окриком заставил рабочих вернуться обратно, требуя вторично пропуск...На замечание з/к Акбашева Мулахмета, что Кобылбаев задерживает людей – последний ударом приклада винтовки сбил с ног з/к Акбашева Мулахмета, направив штык на лежащего... и предложил сдать его дежурному по лагпункту...».

«...Работа норильской молочной фермы протекала в исключительно тяжелых условиях: отсутствие помещения и фуража ставили под угрозу сохранение поголовья. Однако коллектив... сумел добиться значительных успехов... Премировать коллектив...патефоном и объявить благодарность с занесением в личное дело... ударникам, выдав денежные премии... скотни-

* Так в те времена было принято обозначать множественное число заключенных.

кам-возчикам з/к Мухамеджанову Чойкш, з/к Беркимбаеву Шашушет, доярке-телятнице Михайлусенко Ефросинии Дени...».

Есть приказ В.З. Матвеева, в котором он писал о «безобразном явлении», когда «националов-мусульман накормили свиным мясом». В первые годы создания Норильлага в Заполярье привезли немало мусульман. Вряд ли начальник Норильлага имел возможность как-то учесть запреты мусульманской религии, но что смог, видимо, сделал. Владимира Зосимовича недаром заключенные прозвали батей. Он был заботливым руководителем и на месте предпринимал все, чтобы как-то облегчить судьбу заключенных.

Например, с 1936 года, когда уже хоть как-то обустроили лагерное житье-бытье (ведь приехали в Норильск на чистое место!), он издавал приказы о ловле полезной северной рыбы, организовывал рыбацкие бригады, рыбозаготовительные участки на местных водоемах и даже определял им план улова в 350 тонн за сезон. При этом он с рыбаками отправлял на заготовки свежей рыбы походную аптеку, библиотеку, радиоприемник и даже парикмахерские принадлежности, что тоже отражено в приказах Матвеева.

Все, ставшие не по своей воле норильчанами, не могли не знать, что название их нового места жительства произошло от старинного рыбацкого слова «норило». Так называли гибкий шест, с помощью которого при подледном лове протягивали от проруби до проруби опущенную под лед сеть. Так потом назвали и реку, и ближние горы, и сам город.

Уложены первые рельсы железной дороги Норильск—Дудинка. Заложен первый подземный рудник «Угольный ручей», началась проходка угольных штолен.

В ноябре 1936 года заработала кинопередвижка, а потом был организован и самодеятельный духовой оркестр. В декабре 350 плотников начали строить деревянные дома после учебы в учебно-строительном городке.

К концу года во всех отделениях «Норильскстроя» (читай: и Норильлага) открыли медицинские стационары и амбулатории.

1937 год ознаменовался открытием опытной станции снегоборьбы, двухмесячных курсов по подготовке горных мастеров, десятников, помощников маркшейдеров. На каждый производственный участок назначили ответственного по технике безопасности. Обучили восемь норильчан (читай: заключенных) на должность помощников начальника железнодорожной станции.

Весной заработала типография, транспортная контора, которая объединила механический и конный транспорт, погрузо-разгрузочные работы. В мае заработала временная узкоколейная железная дорога Дудинка—Норильск (рельсы лежали на снежной насыпи). Первые поезда повели из Норильска в Дудинку машинист Иван Осипович Жилко, а обратно машинист Николай Никитович Дрюцкий, будущий зам. начальника норильской железной дороги. Временная дорога работала только до 4 июня из-за растаявшего снега.

Летом 1937 года строительство активизировалось: строили мосты через реки Дуромой и Косую, санитарный отдел принял детский сад, поставили деревянное рубленое паровозное депо (потом на этом месте будет стоять гостиница). При депо заработала мастерская с кузницей, электросваркой и станками. В сентябре вступил в строй первый кирпичный завод. Впервые в Норильске побывал корреспондент газеты «Правда» П. Синцов. Через два месяца страна прочитала впервые о Норильске, который через три года начнет выдавать металл, а поселок тогда уже будет населять 25 тысяч северян...

Из приказа по управлению «Норильскстроя» и ИТЛ НКВД, 1937 год:

«Объявить благодарность и премировать зав. Центральной поликлиникой врача з/к Багирова Арсена Варсеговича за образцовое,

быстрое и умелое оказание медицинской помощи вольной гражданке местного населения, следование к которой на оленьей упряжке в условиях сильной пурги было сопряжено с большими трудностями...».

«Лишить зачета рабочих дней з/к комендантского отделения Сен Тю Лю за учинение драки и нанесение ножевых ранений з/к Тен Ун Тену за два квартала с.г...». «З/к Додоякова Якова Ивановича и Опанасенко Максима Петровича за побег из лагеря лишить зачета за два квартала...».

В ноябре на производственном совещании В.З. Матвеев предложил: «Догнать Подкаменную Тунгуску!» Там была уже одна улица! Решили создать проект своей первой улицы и назвать ее Горной.

1938—1941 ГОДЫ...

В новом, 1938 году произошли изменения. Уже в начале января последовал развернутый приказ об изменениях в лагерном строительстве:

1. При Дудинской ОЛП организовать лаг. командировку «М. Дудинка».

2. При Норильском ОЛП организовать лаг. пункт «Каларгон».

3. В ОЛП «Кирпичный завод» включить бывший лагпункт «Валек».

4. В железнодорожный ОЛП войти лагпунктам 1-го и 2-го участков. Они расположены на трассе железной дороги Дудинка—Норильск».

В начале февраля появился новый отдельный лагпункт — ОЛП «Лама». На этом лагерное строительство В.З. Матвеева можно считать законченным. Он успел создать Горный, Строительный, Транспортный участки, которые вскоре отменил прибывший в Норильск новый начальник А.П. Завенягин. Он ве-

лел написать в приказе о том, что приступил к своим обязанностям «начальника Норильского комбината».

(Подробнее о передаче дел Матвеева Завенягину, о том, как много успел за три года сделать В.З. Матвеев, о его дальнейшей судьбе и гибели в Талагилаге Архангельской области, можно прочитать в 5-м томе воспоминаний норильчан «О времени, о Норильске, о себе...».)

Только летом 1939 года при А.П. Завенягине началось обустройство зон колючей проволокой, вышками, прожекторами и т.п. В этом году началось проектирование, возможно, и строительство нового типа барачков — каменных из бута (габро-диабаз). Все двухэтажные дома образовали улицу Заводскую. В 2009 году в Норильске оставался один такой двухэтажный барачок на улице Заводской. Что сегодня там — уже не знаю. Вполне лагерный раритет могли превратить в гараж. У меня впечатление, что чем больше лет нас отдалают от лагерного Норильска, тем больше в городе слабеет коллективная память о погибших во времена сталинских репрессий....

В начале 1939 года в документах появилось упоминание о лагпункте 12 ПК (12-й пикет). Это место строительства узловой железнодорожной станции Норильск-2, которая располагалась в районе пересечения улиц Октябрьская и Энергетическая. Здесь еще недавно находилась «Строймеханизация», а сейчас это одно из подразделений АТО ЦАТКа. К концу года на базе лагпункта 12-го пикета была организована командировка Норильск-2 в составе 3-го лаготделения. В июле 1942 года сюда «переехало» и само 3-е лаготделение. Соответственно изменилось и название места. Этот переезд 3-го лаготделения был, кстати, не последним. О его перемещении смотри ниже.

Перечитывая документы 1940 года, неожиданно для себя я обнаружил, что и в Норильске существовало, помимо Дудинского, 4-е лаготделение. Оно находилось в 350 метрах от Нулевого пикета. Точнее не знаю, пока..И еще одно, случившееся в этом же

году. В начале февраля всех несовершеннолетних заключенных (дико звучит, но такова реальность!) собрали из всех лагерей в один, поселили их в особый барак — в бывшую столовую 1-го лаготделения.

5 февраля 1940 года ликвидировали центральное ШИЗО. Оно находилось в Норильске-2 и к тому времени входило в 3-е лаготделение. Это помещение передали в САНУ, санитарному отделу управления лагеря. Здесь стали лечить больных, слабосильных и выздоравливающих заключенных. Но при этом, замечу, усиленный режим изолятора сохранили и подчинили его 5-му комендантскому отделению.

В сентябрьские приказы о дислокации лагерных подразделений нового ничего не внесли, если не считать маленькой детали: 2-е лаготделение поглотило территорию 3-го и 4-го. Вот так и исчезла самостоятельная единица — лагерь № 4 в Норильске. 3-е лаготделение продолжило существование с подкомандировками на станциях железной дороги, с Дудинским желдоручастком, с внутризаводским транспортом.

В конце 1940 года началось обустройство строительства рудника открытых работ (РОР) «Угольный ручей», и 28 декабря этого года был организован лагпункт «РОР «Угольный ручей» из трех больших палаток на 500 заключенных.

В дальнейшем, в 1943 году, лагпункт стал 10-м лаготделением с присоединением лагпункта «Кислородный», который находился на горе Рудная. Сейчас это район ЦРГО (цеха ремонта горного оборудования), а само 10-е отделение находилось на северном участке горы Надежда. Сегодня там ничего нет. Все поглотил отвал породы.

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ НОРИЛЬСКА: 1938—1941 ГОДЫ

1938 год выдался очень снежным. Только на расчистке железнодорожных путей работали 1400 человек (читай: заключенных). Очень выручили щиты деда

Ветродуя. Инженер Михаил Георгиевич Потапов (заключенный) придумал и рассчитал защитные щиты так, что, поставленные с учетом направления ветра, они помогали расчищать железную дорогу и автомобильные пути с помощью ...самого ветра. Ускорить внедрение щитов помог... донос на него: «что-то пишет, осматривает местность...». Так простейшие в изготовлении щиты Потапова позволили сократить путь только по железной дороге в Дудинку с 18 часов до 6–8!

В 1938 году начальником Норильлага и Норильского комбината был назначен Авраамий Павлович Завенягин. Он только принял дела, как к нему на прием пришла учительница Наталья Ивановна Царева. Она поставила вопрос ребром: «Семейных в Норильске стало больше, отправлять старшекласников в Дудинку не годится. Нужно самим строить школу...» Было решено немедленно приступить к расширению начальной школы: работали круглосуточно. И первая норильская средняя школа открылась 1 сентября.

Проектное бюро реорганизовано в отдел, здесь интересные проекты зданий создают знаменитые (читай: заключенные) архитекторы городов России, Еревана, Ленинграда... Заработала опытная металлургическая установка (опытный конвертер). Получены первые полторы тонны файнштейна.

В 1938 году геологи нашли залежи жильной руды, которая не требовала обогащения и сразу шла в плавку. Строительство опытной фабрики затормозилось. Тем не менее данные геологических исследований говорили, что жильная руда — это не навсегда, ее запасы невелики и к вопросу обогащения руд придется вернуться.

Из приказов по управлению Норильскстрой и ИТЛ НКВД, 1938 год:

«На лагерных пунктах и дистанциях с первых же дней выхода на работу задается полная 10-часовая норма, и естественно, рабочие ее

не выполняют, не имея втянутости и навыков на работе, что приводит к нареканиям со стороны рабочих, недополучению ими положенного довольствия и переутомлению...».

«В палатках и бараках грязные полы и стены, отсутствует вентиляция, отсутствуют, как правило, места для сушки обуви и портянок, отсюда спертый воздух, вредный для нормального отдыха... Пища принимается преимущественно на койках, т. к. отсутствуют столы, скамейки. После обеда многие лагерники ложатся на койки в грязных сапогах, никто их не останавливает... На Вальке з/к з/к за 7–8 км водятся в баню, на что затрачивают весь свой выходной день... Культурно-воспитательная работа совершенно не налажена, воспитатели не знают, как за дело взяться. Полное отсутствие игр (шашек, шахмат), книг насчитывается несколько десятков, остальные с прошлого года. Не организованы кружки самодеятельности, несмотря на наличие желающих. На Вальке продолжительное время отсутствует стенная газета..., которая особенно теперь, при новом контингенте, должна освещать жизнь лагеря...».

Из-за снежных заносов, нехватки машин, тракторов на первое место в норильской жизни вышел железнодорожный транспорт. И не просто железнодорожный, а внутризаводской. Директор комбината 28 ноября 1939 года издал приказ № 493: «Все местные перевозки в пределах промплощадки Норильского комбината выделить в цех внутризаводского транспорта с подчинением управлению строительства. На цех возложить все перевозки по снабжению строительных и эксплуатационных цехов местными материалами (вальковский лес, кирпич, бетонит, камни с кирпичавода, руда, песок, бутовый камень, гравий и грузы).

Цеху внутризаводского транспорта выделяются паровозы серии 157 за № 43, серии 159 за № 631, 633,

*На фоне последнего барака из габбро-диабазы
(постройка 1939–1940 г.) 5-го лаготделения ИТЛ.*

Старый город, Аварийный поселок.

*В 2006 году здесь побывали В.В. Блохин, О.Н. Хакимулина и
Л.П. Петрушенко со студентами НВИИ*

635, 637, 639, два мотовоза и 60 вагонов по прилагаемому списку. Передачу всех имущественных ценностей... произвести в пятидневный срок».

В октябре между Норильском и Дудинкой установлена телефонная связь. Создан коммунальный отдел комбината. На Октябрьской улице начали строить продовольственные склады. Здесь уместно заметить, что с едой в Норильлаге положение было лучше, чем на Печоре, Дальнем Востоке, в Красноярске... Металл стране нужен был позарез, а потому людей нужно было кормить так, чтобы им хватало сил на тяжелый труд в суровых условиях Заполярья... Отмечено в документах, что в Норильлаге по сравнению с другими северными и отдаленными лагерями смертей было меньше...

Творческий дух норильчан (читай: заключенных с мировыми именами) поражает: здесь изобрели и применили прочный строительный материал гипсолит (смесь гипса и золы); горняки применили

горячее бурение, что позволило выполнить полторы дневной нормы добычи руды; по собственным рецептам химики изготавливали реактивы в лаборатории; стеклодувы делали химическую посуду, даже беззольные фильтры... На любом рабочем месте, будь это шахтеры, металлурги, строители, обогатители, находились творцы...

В 1939 году металлурги малого металлургического завода выплавляли первые 75 тонн штейна. Летом суда речного и морского пароходства впервые загрузили норильским углем для обратных рейсов. Норильский уголь стал первой товарной продукцией комбината. В 1940 году вступили в строй малая агломерационная и малая обогатительная фабрики. За год строители сдали для заселения 3950 квадратных метров жилья.

1941—1945 ГОДЫ...

22 июня 1941 года началась война с Германией. В Норильске, уже при новом начальнике комбината и лагеря А.А. Панюкове, весь лагерный состав военной охраны перешел на военное положение. В конце августа сформировали часть особого назначения (ЧОН) «для поддержания революционного порядка и усиления охраняемой территории Норильска». Командно-политическому составу выдали личное оружие с комплектом боевых патронов. Однако к концу октября ЧОН расформировали. Этапы продолжают прибывать в Норильск. Заключение размещали во вновь открытом 6-м лаготделении. Сегодня — это конечная остановка 2-го автобусного маршрута НПОПАТП (Норильское пассажирское объединение пассажирских и автотранспортных предприятий). Если идти на юг к горе Рудная по левому берегу ручья Медвежий ручей, то увидишь самые-самые южные строения НПОПАТП. Именно здесь было первое расположение 6-го лаготделения.

29 июня 1941 года принято решение о создании лагпункта «Строительство ТЭЦ», его приказано открыть уже 5-го июля. При этом приказ № 450 от 15 сентября 1941 года назывался «Об окончании строительства лагпунктов БМЗ и «Особого лагпункта». Где они размещались? Ни в архивных данных, ни в других источниках ответа на этот вопрос до сего дня я не нашел, сроки окончания работ по их строительству обозначены октябрем-ноябрем 1941 года...

Примерно в это же время у подошвы горы Рудная, в ее северо-восточной части, рядом со строительством сначала рудника № 3, а затем и рудника № 6 появился лагпункт «Рудник № 3». Он входил в состав лагерного отделения № 1. Затем он стал называться «лагкомандировка рудника 3/6», позже лаготделение № 16. Здесь добывали жильную руду для комбината и страны.

18 февраля 1941 года родилось 8-е лаготделение. Оно располагалось в Красноярске. Здесь собирались этапы заключенных для Норильлага, для строительства объектов города и комбината. В 1943 году был организован отдельный «транзитный лагерный пункт». Он подчинялся начальнику 8-го лаготделения, в котором «накапливали» до 8 тысяч заключенных. В дальнейшем оно стало 20-м лаготделением Норильлага. Весной 1943 года в Норильлаге создано 9-е лагерное отделение: оно находилось рядом с 1-м и 2-м кирпичными заводами. Если сегодня представить, где оно было, то это от пересечения улиц Павлова и Талнахской на восток до пожарной части. С августа 1943 по май 1944 года здесь, ближе к улице Павлова, размещалась ДТК, детская трудовая колония, на 1000 человек. Она занимала 10 бараков. Когда ее закрыли, бараки отдали 9-му лаготделению.

В августе 1943-го был открыт лагпункт «Барьерный». В приказе № 457 от 7 августа Дорстрою приказывалось «открыть автомобильное движение на завод № 25 к лагпункту «Барьерный». Сегодня это место между бывшим «коксохимом» и далее на восток вплоть

до горы Двугорбой. Начало 1944 года прошло для Норильлага без изменений. Только 15 августа была организована «режимная» лагкомандировка «Средний». Остатки ее можно найти слева за мостом через реку Наледная, если ехать из Норильска.

Основная «встряска» случилась в конце года. Началось строительство БОФ (Большой обогатительной фабрики) на северо-западном склоне горы Рудной. Для этого площадь земли, занимаемую центральным лагерным пунктом 2-го лаготделения в районе поселка, изъяли. Центральным лагпунктом 2-го лагеря становится бывшая территория 1-го лаготделения и называется она пока «лагпункт БОФ». Первое лаготделение полностью ушло в ущелье долины Угольного ручья: между южной частью горы Шмидта и горой Рудной на ее западную сторону. Сегодня это место конечной остановки автобуса № 12. Другая часть 2-го лаготделения располагалась через дорогу от лагпункта БОФ. Третью часть перенесли к подошве горы Рудной, в ее северной части решили строить

*Последний барак ОЛП «БОФстрой»
(белое одноэтажное здание в центре),
июнь 2004 г.*

объединенный лагерный пункт (ОЛП): это — «Центральная больница «(ЦБЛ) или «Больничный городок». Бывший ОЛП «ЦБЛ», что находился на улице Заводской и ручья Куропаточного, 1 января 1945 года перенесли в «Больничный городок». В него вошло в дальнейшем и 3-е лаготделение. А его место занял ОЛП «Металлургстрой». Так постепенно поселок Норильск освобождался от лагерных зон...

Одновременно в конце декабря в своем решении о лагерном строительстве в 1945 году начальник комбината А.А. Панюков обозначил: в лаготделении «Барьерное» (будущее 5-е лаготделение) построить 35 бараков; в отделении РОР «Медвежий ручей» (будущее 1-е лаготделение Горлага) построить 20 бараков; в лаготделении «Горстрой» (9-е лаготделение) построить 10 бараков. До переезда ОЛП «Металлургстрой» на место 3-го лаготделения, оно строилось и находилось в зоне строительства завода № 25. Как раз напротив лаготделения «Барьерное», севернее его на 500–800 метров.

Закончилась Великая Отечественная война. Заключенные вместе с вольнонаемными внесли весомый вклад в Победу. В 1945 году возросло поступление в Норильлаг женщин. Летом открыли ОЛП «Женский» в Дудинке, при 4-м лаготделении, ОЛП «Женский» в Норильске, при 9-м лагере, ОЛП «Нагорный», при 1-м лаготделении.

Первые годы войны были самыми тяжелыми для Норильлага: ухудшилось снабжение лагерей и, как следствие, увеличилось число смертей заключенных. Когда я работал в архивах по поиску движения лаготделений по Норильску, о моей еще не завершённой работе написала в «Заполярном вестнике» Ольга Семькина. На публикацию откликнулся Станислав Степанов. Это было в декабре 2008 года. Мы встретились, и вот что он рассказал. Он тоже интересовался историей лагерей и собирал артефакты времен Норильлага. Однажды строители (он был в их числе) разбирали здание в бывшем совхозе. В одной из ком-

нат они нашли сейф. Вскрыли его, а там оказалось 14 амбарных книг по бухгалтерскому учету с 1942 по 1956 год, не было только сведений 1943-го. Может потому, что он был самым суровым?

В журналах было расписано все: площадь засевов овощами в совхозе, выход продукции, количество скота, а также сколько и из каких лаготделений здесь работало заключенных... С кормами для коров было совсем плохо: из-за недоедания они обессилили и перестали давать молоко. И тогда знатоки и умельцы (6 вольнонаемных и 9 заключенных) придумали и изготовили «хлеб для коров», он в журнале так и назывался: хлеб. Тут же был зафиксирован и рецепт коровьего хлеба: это ягель, мох и добавка некондиционного пшена. Буренки ожили и стали давать молоко для детей Норильска. Возможно, и для тех, кто находился в Доме младенца: там держали детей заключенных женщин... Вместе со Степановым мы попытались отдать журналы в архив Норильска. Но не тут-то было. Нам было сказано, что от частных лиц принимать документы они не имеют права... Надеюсь, что сохраненные историей книги уцелеют у Станислава Степанова...

Еще не менее сильное впечатление произвели справки о выплатах премий, их платили и вольнонаемным, и заключенным, только им сумму выдавали меньшую... К сожалению, пожелтевшие справки при копировании плохо читаемы, они очень подробны: здесь и виды премий (указано, за что), и дата, номер приказа НКВД, и общая сумма премий, и их количество, и за счет каких средств они выплачены...

И еще поделюсь одним впечатлением... Оно возникло, когда читал книгу лагерного сидельца Сергея Снегова «Язык, который ненавидит»: «...Мимо нас тащились трясущиеся от холода, смертно исхудавшие женщины в летней одежде — да и не в одежде, а в немислимой рвани, жалких ошметках ткани, давно переставших быть одеждой. Я видел молодые

и немолодые лица со впавшими щеками, открытые головы, открытые ноги, голые руки, с трудом тащившие деревянные чемоданчики или придерживающие на плечах грязные вещевые мешки». С. Снегов указал, что это был первый этап женщин для специально построенного для них подразделения «Нагорное» под горой Щмидта. Это был 1945 год... Сентябрь, самый неустойчивый по погоде месяц в Заполярье...

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ НОРИЛЬСКА: 1941—1945 ГОДЫ

В 1941-м начался монтаж металлоконструкций Большого металлургического завода, строительство первого трехэтажного дома, монтаж оборудования ТЭЦ... На руднике «Угольный ручей» первый поезд пошел по нормальной колее, заработал механосборочный цех центрального ремонтно-механического завода... Но в жизнь страны ворвалась война...

В августе 1941 года из прифронтовой полосы был эвакуирован в Норильск мончегорский комбинат Североникель. В сентябре Государственный Комитет Обороны потребовал: Норильскому комбинату выдать электролитный никель к 1 мая 1942 года. И закипела работа...

При 40 градусах ниже нуля, применив электропрогрев, возводили не только стены никелевого завода, но и заводскую трубу. Скептики сомневались: труба рухнет... Она стоит до сих пор. БМЗ недостроен, а в феврале 1942-го металлурги разожгли дрова и кокс в первом ватержакете... Плавка началась... В ночь с 23 на 24 февраля по тепельному желобу пошел первый штейн. В марте 1942 пущен первый конвертер. Получен фанштейн.

На Малом металлургическом заводе опустили в электролитные ванны аноды из черного никеля и 29 апреля получили первый катодный никель. 1 мая из Норильска в Дудинку отправился необыч-

ный состав: паровоз и единственный вагон с первой тонной катодного никеля. Из Дудинки летчик Верebrюсов доставил норильский никель в Красноярск. Утверждают, что этого никеля могло хватить на 25 танков.

В 1942 году на руднике № 1 появились электровозы. Их сделали норильчане по своим чертежам и своими силами. 13 декабря дала ток первая турбина ТЭЦ, а через несколько дней вступила в строй первая электропечь для производства катодного никеля.

В 1943 году в Енисейском заливе показался английский пароход. Иностранца поставили под разгрузку. Представитель Норильскснаба принял полный комплект буровых станков для «Угольного». Когда станки распаковали, в каждом ящике оказался плакат корпорации британских художников и на каждом по-русски было написано «К победе! Мы с вами!». А на одном из плакатов крупная, размашистая надпись красным карандашом. Сразу не смогли прочитать английский текст. Но потом кто-то из инженеров прочитал и улыбнулся, объяснил: «Желаю счастья России!». Это, вероятно, упаковщик дописал от себя.

За военные годы норильчане построили: никелевый и медеплавильный заводы, агломерационную и малую обогатительную фабрики, сернокислотный и силиквитный заводы, основали рудник «Медвежий ручей», построили рудник «Заполярный», начали строительство рудника «Угольный ручей», кобальтового завода, аэродрома. Геологи увеличили запасы руд почти в два раза, а запасы угля почти в три раза. Производственники и строители внесли и внедрили рационализаторские предложения с общим экономическим эффектом 30 миллионов рублей. Собрали научно-техническую библиотеку — 73 тысячи книг. Основали первый в мире Заполярный драмтеатр.

Сейчас это покажется невероятным, но в 1944 году проектный отдел комбината планировал пустить в Норильске... трамвай! 81 тысячу человек в сутки должен был перевозить городской транспорт.

Как отнеслись к этому норильчане? 73 процента населения приветствовали трамвай! Железнодорожный транспорт предпочли бы 17 процентов и только 10 процентов реалистов проголосовали за автобус. Но в 1945 году в автобазе комбината было всего... три автобуса, один из которых вмещал всего 35 человек. Железная дорога была невыгодной из-за постоянных снежных заносов. Проблему отложили до 1950 года, когда комбинат включил в заявку доставку двадцати местоместных дизельных автобусов. Многолетний опыт их использования в условиях Заполярья доказал, что автобусы — наиболее приемлемый транспорт.

Настроение людей в Норильске, Норильлаге после войны очень точно выразил норильчанин, репрессированный врач и поэт Георгий Попов. Он написал:

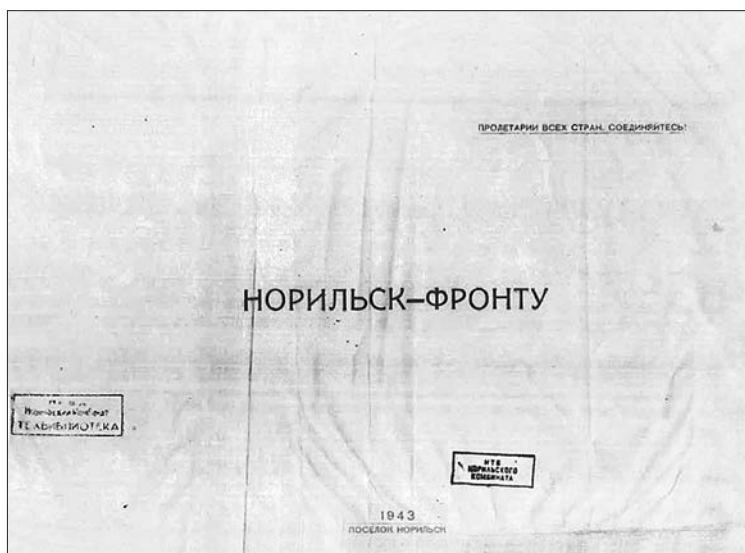
*И все же мы вправе и думать, и верить,
Что здесь, в Заполярье, как там, на войне.
Готова гибель фашистскому зверю,
Мы все, что могли, отдавали стране...
И знали мы: пусть не теперь, а когда-то,
Когда отшумит боевая гроза,
Мы, вспомнив военную быль комбината,
При слове «в тылу», не опустим глаза...*

И вот еще о чем никогда нельзя забывать... Когда говорят, что «Норильск стоит на костях человеческих», это надо понимать буквально. При каждом лаготделении с 1935 года сразу возникало кладбище — это была печальная неизбежность в заполярных необжитых просторах. И только спустя десятилетия как-то само собой определилось кладбище заключенных за «старым городом» под названием «Норильск Второй». Туда потом долго свозили хоронить заключенных, когда оттаивала мерзлая земля. Там по численности (посчитать точно невозможно!) действительно Норильск Второй, только это город мертвых. Поневоле ставшие норильчанами, они построили замечательный город на 69 параллели — в суровом Заполярье.

В первые годы войны Норильск, как и вся страна, жил напряженной и очень трудной жизнью. Представление о ней можно составить по сохранившемуся в Научно-технической библиотеке Норильска альбому. Его в архивах библиотеки разыскала директор Галина Антоновна Фаткулбаянова. Она прислала для публикации в книге «О времени, о Норильске, о себе...» цветную копию альбома, выпущенного в 1943 году в поселке Норильск. Он назывался «Норильск — фронту» и содержал краткие тексты и плакаты. Рисунки были сделаны на линолеуме М.С. Арцыбашевым.

Альбом открывал такой текст ответственного редактора Б.С. Медведева и технического редактора А.И. Шевелева:

«Настоящий альбом, в который вошли наиболее актуальные темы, далеко не исчерпывает того, что сделано трудящимися Норильска за время Отечественной войны для помощи фронту.»

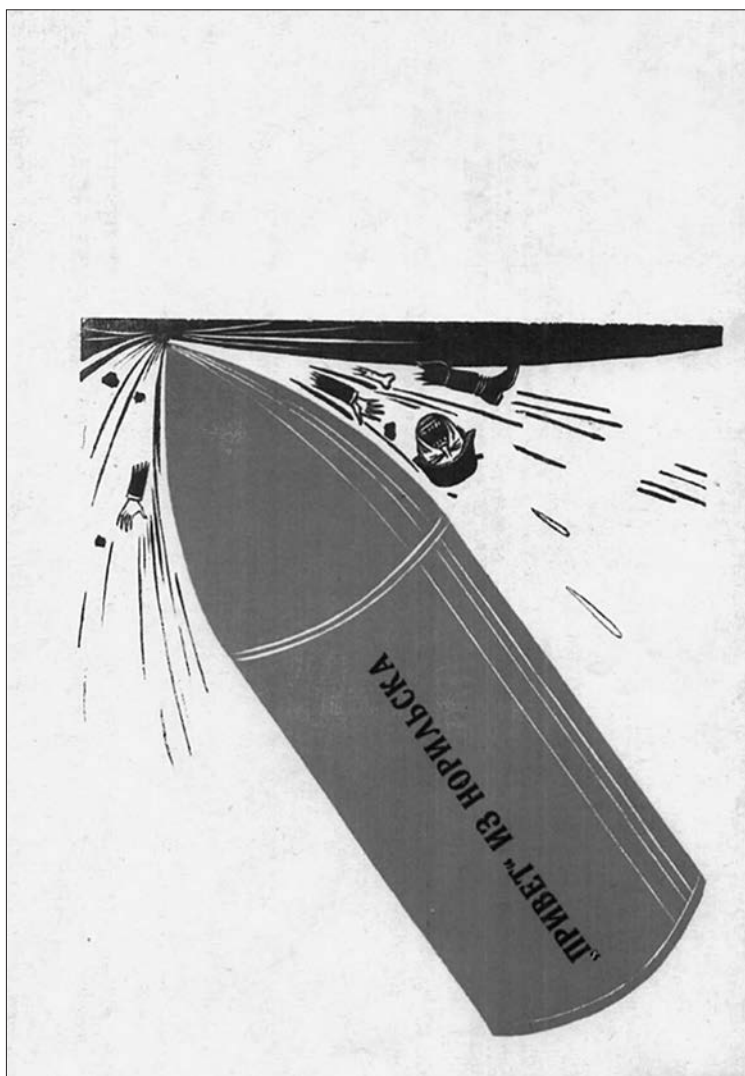
КРАСНОДАРСКИ

НАШОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕНА

**Начальнику Норильского комбината тов. Панюкову,
Политотдел — тов. Козловскому**

Прошу передать рабочим, работникам, инженерам, техникам и служащим Норильского комбината, собравшим один миллион триста тысяч рублей на строительство танковой колонны и дивизионов зенитных пушек, мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН

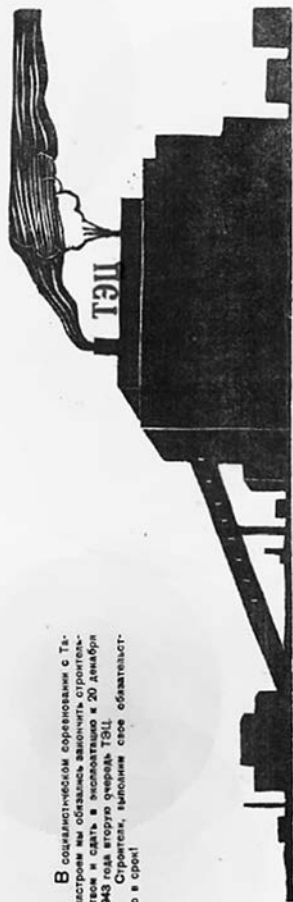

„Пурга“

Сотни тонн сверхпрочного металла дали металлурги Норильска героической Красной Армии для разгрома врага. План 1942 года выполнен на 128 процентов. Еще больше металла дали в 1943 году для окончательного уничтожения гитлеровской Германии!

В социалистическом соревновании с Телеграмстрой мы обязались закончить строительство и сдать в эксплуатацию к 20 декабря 1948 года второе очередь ТЭЦ. Строители, выстояв свое обязательство в срок!

Немцы:—Этот новый гудок—сигнал
нашей гибели

Красноармейцы:—Этот гудок—сигнал
к нашему новому наступлению

Мы—для ленинградцев

Героическим защитникам города Ленинград трудящихся Заводского Норильска — на многих сотнях ящиков наложены эти строчки. 11872 килограмма разных продуктов питания послали трудящиеся Норильского комбината ленинградцам в дни блокады города Ленинграда.

Ленинградцы—во имя Родины

Ночь над Берлином

Артем Гилгера под Сталинградом уничтожены. Таков исход одного из самых бурных орлеанов (из сообщений совинформбюро).

**ПРИЕМ ЗАКАЗОВ НА НОВЫЕ ГРОБЫ
И ПОЧИНКА СТАРЫХ
ГРОБМАН И К^о**

**ВСЕГДА
свежие
гробы
по самым
дешевым
ценам**

**В продажу
выпущены
гробы
мрам. "Мечта
любимых"**

**Здесь самая
лучшая
наческа**

Гробман:—Это очень хорошо. Плохо, что гробов не напасешься!

Нападали—веселились...
проиграли—прослезились.

1940 год

1941 год

1942 год

1943 год

Во вступительной статье и в подписях под иллюстрациями читатели, пропагандисты и агитаторы найдут дополнительный цифровой и фактический материал для агитационно-массовой работы, используя иллюстрации как средство наглядной агитации.

В альбоме также дан раздел карикатур на темы гитлеровской Германии, ее армии и их руководителях.

Кроме основного автора тем художника Норильской типографии М.С. Арцыбашева, в разработке содержания альбома приняли активное участие А.В. Свирин и А.И. Шевелев».

1946—1956 ГОДЫ...

В августе 1946 года в 9-м лаготделении открыли Дом младенца. В сентябре ликвидировали 7-й лагерь, но уже в конце марта 1947-го он снова фигурирует в документах.

Подведем промежуточный итог. В 1947 году новых лагерей в Норильске не появилось. Было организовано только «качественное» перераспределение заключенных: каторжане (КТР) стягивались в ОЛП «БОФстрой». Таким образом, на тот год в Норильске было 10 лаготделений. Мне удалось выяснить, что в Норильске были и отдельные лагпункты. В ОЛП «Металлургстрой» были пункты с такими названиями: «Алевролитов», «Западная», «Кайеркан», «ТЭЦстрой», «ЦЭМстрой», «БОФстрой». В ОЛП «Железная дорога», «Дудинка» входили пункты «Каларгон», «Средний», «ЦБЛ», «Аэродромстрой», «102 км», «Совхоз», «Желдорстрой». ОЛП «Оксиликвитный» (или «Кислородный») включал в себя следующие отдельные лагпункты: «Нагорный» (женский), «Женское» (при 9-м лаготделении), «Конбаза», «Норилка», «Медьстрой», «Бургородок», лагпункт «Медвежий ручей». Итого: в Норильске было 24 зоны. Но в приказах упоминались еще и такие пункты заключен-

ных: « Барьерный », « На озере Щучьем », лагпункт « Кирпзавод » ... Официально в Норильлаге на конец 1947 года числилось 47732 человека.

В 1948 году появилось только одно новое лагерное отделение — 11-е. Сегодня это место бывшей базы № 2 « Норильскснаба », базы металлов. В это отделение направляли заключенных Горлага, часть которых использовалась на строительстве БОФ.

8 июля 1948 года начальником ИТЛ и комбината стал Владимир Степанович Зверев. В документе о том, что он принял дела, сказано: « Исправительно-трудовой лагерь с общей численностью заключенных 55425 человек, размещенных в одиннадцати лаготделениях и пятнадцати отдельных лагпунктах ». Получается, что мои подсчеты с цифрами руководства лагеря не во всем совпадают... Это можно объяснить и оперативными перебросками рабочей подневольной силы на объекты строительства и невозможностью своевременно фиксировать движение заключенных. Не исключены и какие-то местные причины.

Еще одним важным событием 1948 года стал приказ МВД СССР об организации с февраля на базе лагерных подразделений Норильлага (ИТЛ) второго лагеря — « Особого лагеря № 2 », который с мая получил название Горный или Горлаг. Оба эти названия фигурировали как в приказах по комбинату, так и в приказах МВД. Организацию Горлага возложили на начальника Норильского ИТЛ, руководителя комбината. В новом Горном лагере отбывали срок заключенные, в основном осужденные по 58-й статье. Его режим отличался большей строгостью, особенно это касалось заключенных 3-го отделения. Комбинат при этом « схитрил »: он отдал « своих » каторжан ИТЛ (это 11-е отделение и ОЛП « БОФстрой ») в Горлаг. Ведь они ему самому были нужны для самых тяжелых работ. Плановая численность заключенных МВД СССР в Горлаге была определена в 15 тысяч человек: во второй половине 1948-го года их завезли тремя этапами в 6 тысяч человек, 4 тысячи и 5 тысяч.

В центре последний барак 1-го лаготделения Горлага, достроенный в последующие годы. Гора Медвежка

Где разместился новый лагерь? Первому каторжанскому нашли место в еще частично застроенном лагпункте «Медвежий ручей». Это в южной части горы Рудной, в народе прозванной Медвежкой. Там же был и поселок с таким же названием. Сегодня здесь можно увидеть чудом сохранившийся и частично перестроенный (или достроенный) лагерьный барак. Поселок, уже нежилой, сегодня медленно разрушается...

2-е лаготделение Горлага разместили в Кайеркане для добычи угля, третье «каторжанское» вселилось в бараки бывшего ОЛП «Металлургстроя» в районе 25-го завода. Сейчас это место поглощается шлаком металлургического производства. Основными рабочими местами были цементный завод, карьер глины.

3-й кирпичный завод, бутовый карьер.

4-е лаготделение вошло во вновь построенные двухэтажные кирпичные дома. Правда, на всех заключенных этих помещений не хватило, потому пришлось поставить для людей две палатки. В дальнейшем на территории зоны построили небольшой стадион. В конце 50–60 годов этот район стали называть сначала 70-м кварталом, затем 80-м в зависимости от планируемых в городе строек. В наши дни это место на севере города между улицами Бегичева и Хантайской. Основная масса размещенных здесь заключен-

ных трудилась на строительстве медного завода, а по окончании его и на строительстве самого поселка.

5-е отделение Горлага вытеснило лагпункт «Кирпзавод». Это район 1-го и 2-го кирпичных заводов, сегодня это район от улицы Павлова до улицы Московской и от Талнахской до улицы Лауреатов. Заключенные приходили в свои бараки под строгим контролем после работы на глиняном карьере, двух кирпичных заводах и после обустройства поселка в Горстрое. 6-е «каторжанское» отделение было женским и размещалось рядом с 5-м (это через улицу Павлова)..Это была территория 9-го лаготделения ИТЛ — оно начало обустраиваться на территории ОЛП «Совхоз» ИТЛ в районе озера «Семерка».

В документах 1952 года я нашел информацию о 7-м женском лагере, но в дальнейшем ни в каких документах оно не упоминалось. Так было ли оно? Вопрос остался без ответа...

Если сегодня выехать из Норильска в сторону Талнаха, проехать 300–400 метров, а потом повернуть налево под водовод, то можно увидеть какую-то «копильню» и сохранившиеся 2–3 лагерных барака...

В 1949 году численность заключенных Горлага была увеличена до 18 тысяч человек, в дальнейшем — до 20 тысяч. Норильск строился быстрыми темпами. В 1951 году увеличился и состав Норильлага (ИТЛ). Прибавилось подневольных работников и в Горлаге, в Особлаге № 2 числилось 19186 заключенных. В ИТЛ входило 24 лаготделения. Систематизирую их нахождение.

1-е л/о — ущелье «Угольного ручья», западный склон г. Рудной;

2-е л/о — подошва горы Шмидтиха, ее северо и северо-восточная часть — левый берег «Угольного ручья»;

3-е л/о — подошва горы Рудной, ее северная часть, это поселок «Южный», объединяющий 2-е и 3-е лаготделения;

- 4-е л/о находилось в Дудинке;
- 5-е л/о — подошва горы Двугорбой, ее западная часть, это поселок Барьерный, затем пос. Восточный;
- 6-е л/о — район Коксохима, от него на юго-восток, поселок Восточный;
- 7-е (женское) л/о — район НПОПАТП, его самая южная часть, левый берег Медвежьего ручья, поселок Южный; здесь же Дом младенцев № 4;
- 8-е л/о — г. Красноярск;
- 9-е л/о — район озера Семерка, по его периметру, поселок Семерка;
- 10-е л/о — плато горы Надежда, ее северо и северо-восточная часть, поселок Горняков;
- 11-е л/о — место бывшей базы №2 (металлов), «Норильскснаб», поселок Заозерный;
- 12-е л/о — подошва горы Шмидтихи, ее северная часть, примыкало к ЦУС (центральная углесортировка), поселок ЦУС;
- 13-е л/о — район строительных организаций у Зуб-горы, пос. Зуб-гора;
- 14-е л/о — плато горы Надежда, ее северо и северо-западная часть, пос. Западный;
- 15-е л/о — плато горы Рудной, на юго-востоке от управления РОР «Медвежий ручей»;
- 16-е л/о — подошва горы Рудной, ее северо-восточная часть, пос. Рудный;
- 17-е л/о — место расположения базы управления торговли, пос. Железнодорожный, выезд из Норильска в сторону Алыкеля;
- 18-е л/о — планируемое на 9 тысяч заключенных;
- 19-е л/о — планируемое на 2500 человек, уже оба находились в реестре отделений Норильлага;
- 20-е л/о — транзитное лаготделение в Красноярске;
- 21, 22, 23, 24-е л/о — эти четыре лаготделения находились на строительстве железной дороги нормальной колеи на трассе Норильск-Дудинка.

В районе Норильска было еще около тридцати отдельных лагпунктов (ОЛП), лагкомандировок и т.п. О них сейчас речь не веду. Но некоторые из них в конце 50–60-х, начале 70-х годов получили позже статус поселков. Например, ОЛП «БОФстрой» стал поселком БОФ, то же — ОЛП «Купец» и т.д.

Были названы поселками и некоторые лаготделения Горлага («каторжанские»):

1-е — плато горы Рудной, ее центральная часть, пос. Медвежий ручей (Медвежка);

2-е — пос. Кайеркан;

3-е — район завода № 25, пос. Кирпичный;

4-е — место северной части Норильска, пос. 70-й квартал, затем 80-й квартал, позже пос. Северный;

5-е — восточная часть Норильска, район бывшего пивзавода;

6-е — восточная часть Норильска, от пожарной части до ул. Павлова (с востока на запад, пос. Строителей).

В конце 1951 года Центральное штрафное лаготделение (ШИЗО) стало называться 30-м лаготделением. Были переименованы ОЛП «Нагорный» (женский) в 33-е лаготделение, ОЛП «Алевролит» в 29-е. Были еще и 27-е, 37-е лагерные отделения... Как именовались два последние, мне пока установить не удалось. Следовательно, на конец 1951 и начало 1952 годов в Норильске было, как минимум, 38 лаготделений. Это самая максимальная численность за весь период существования Норильлага и Горлага — около 100 тысяч человек.

Нельзя не упомянуть о гибельных местах наказания для лагерного населения — о ШИЗО. Первый штрафной изолятор был организован при В.З. Матвееве, первом лагерном начальнике. Это как недостаток отметил приехавший в Норильск А.П. Завенягин в 1938 году. Он «исправил» положение: в этом же году был создан лагпункт «Каларгон», его многие называли самым страшным местом в Норильске. В 1951 году

он стал отдельным лагпунктом строгого режима. В августе 1944 года создана режимная лагкомандировка «Средний». В 1947 году в ЦЭМстрое открыли ОЛП строгого режима. Центральным штрафным пунктом стал в апреле 1949 года ОЛП «Алевролиты», с 1950 года его статус изменился на строго режимный.

Ненадолго в ранг штрафного зачислили лагпункт «Купец». С мая 1951-го Центральным штрафпунктом стал ОЛП «Средний». Иногда перемещение лагерей объясняют желанием начальства «запутать следы». Это не так. Все местонахождения лагерей, отделений, пунктов были вызваны производственной или организационной необходимостью.

Отдельной темой моих исследований были и кладбища Норильска. Они и сегодня как бы спрятаны от людей. Как-то листая приказы начальника комбината и ИТЛ, я наткнулся на документ — решение «О переносе кладбищ» от 22 мая 1942 года. Сколько же их было? Помог это понять дальнейший поиск, я обнаружил такой текст: «В связи с тем, что территория в районе горы Двугорбой, где расположены существующие кладбища, запроектированы под строительство... кладбища закрыть». Одно, для вольнонаемных и заключенных перевели в район горы Шмидта, другое — в район кирпичного завода № 1. Я долго искал документальные свидетельства их местонахождения, но все-таки отыскал их...

Первое кладбище было на месте 3-го лаготделения Горлага. Второе — там, где сейчас находится асфальтоустановка. Третье — в районе 25-го завода, или у бомбоубежища, или на его месте. Четвертое располагалось в предгорье горы Двугорбой, ее северной стороны. По рассказам старожилов, и у ТЭЦ было кладбище. Оно было небольшим между сопкой Песцовая и ТЭЦ — в низине. Не могли указать место кладбища в районе кирпичного завода № 1 ни старожилы, ни документы. О скрытом и забетонированном кладбище под горой Шмидта знают все в Норильске. А вот исчезнувшее кладбище по улице Нансена — это наша общая потеря, духовная, моральная и реальная. Оно оказалось ненужным

ни городу, ни комбинату...Повторит ли кладбище на Голиково эту судьбу — покажет время. Не должно быть заброшенных кладбищ нигде и никогда. Хочется надеяться, что в Норильске у меня есть продолжатели моего дела...Не верю, что их может не быть в городе, у которого такая горькая, но героическая судьба...

ШТРИХИ ИЗ ЖИЗНИ НОРИЛЬСКА: 1946—1948 ГОДЫ

В послевоенные годы строительство комбината продолжилось. Расширялась его сырьевая база, росло его значение в системе цветной металлургии СССР. В 1947 году вступили в строй кирпичный завод № 3, коксохимический завод, ЦЭН (цех электролиза меди), железная дорога Норильск—Кайеркан, автодорога Норильск—Валек...Первые агрегаты БОФа были пущены в ноябре 1948-го, в следующем году заработали цех медного завода, цементный завод, началась эксплуатация рудников 7–9 и «Медвежий ручей».

Закончила существование узкоколейная железная дорога. Ей на смену пришла дорога широкой колеи Норильск—Дудинка. Вклад в развитие Норильского промрайона узкоколейка внесла огромный: только грузов она перевезла за 17 лет более 22 миллионов тонн...

1953 год выделяется из многих норильских лет несколькими памятными событиями. Все газеты страны 6 марта 1953 года вышли в траурной рамке. Они сообщали о том, что «5 марта 1953 года в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза СССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин». Еще не успели выйти газеты, но весть, прослушанная по радио, быстро разлетелась по Норильску. Норильлаг встретил эту новость с нескрываемой радостью «Ус сдох!» — неслось ликование из лагеря в лагерь...

Запомнился этот год и местным событием: забастовали заключенные Горлага. Их ожидания перемен, амнистии не оправдались... Амнистия коснулась только тех, кто был осужден на малые сроки, таких среди политических были единицы... Подробности этого смутного времени описала А.Б. Макарова в 6-м томе издания «О времени, о Норильске, о себе...». Алла Борисовна так называемую забастовку заключенных назвала восстанием духа: они отказались выйти на работу. В трех томах (6-м, 7-м и 8-м) опубликованы воспоминания заключенных Горного лагеря об этом событии. Его итог: было много жертв среди протестующих, но победа их была очевидной — все их требования были удовлетворены после встреч с московской комиссией НКВД.

И еще два события 1953 года отразились на жизни всего Норильска. Это: поселок получил статус города. А вскоре 25 декабря родилась городская газета «Заполярная правда». Конечно, она не могла рассказать о черных флагах, о бумажных змеях, из которых сыпались листовки заключенных к населению Норильска... Но само ее существование, рассказ о подневольном труде талантливых людей без упоминания их статуса, для всех было хорошей приметой перемен в жизни Норильска. Люди, ставшие не по своей воле норильчанами, героическим трудом, талантами строили удивительный город в Заполярье на вечной мерзлоте вопреки природе-погоде, тяжелым условиям труда и жизни.

Прочитайте на карте норильских лагерей названия... Нулевой пикет, озера Школьное, Рудное, Барьерное, Квадратное... Гора Двугорбая, штольня Сотникова, гора Рудная (или Медвежка)... Угольная шахта № 13, рудник 3/6... Соцгород, заводы, карьеры... И многочисленные лаготделения и лагпункты... Их передвижение отражало появление новых предприятий, улиц, домов... Так строился Норильский промышленный район и город на 69-й параллели.

От редактора

Вячеслав Васильевич Блохин долгое время работал в архивах комбината. В 14-м томе он рассказал, как и где работали лаготделения Норильлага... Так он проследил, как разрастался производственный Норильск.

Вячеслав Блохин спустя многие годы пришел на место, где когда-то располагался женский лагпункт «Нагорный». Здесь одно время сидела Ефросинья Керсновская.

Перемещение лагерей Норильлага и Горлага с первого до последнего года их существования, которое по документам проследил В.В. Блохин, сопровождают события и факты из жизни Норильска, о которых оставил память легендарный Норильчанин (именно так — с большой буквы!) Трофим Яковлевич Гармаш. Он автор самого первого исторического издания о рождении и развитии Норильска и комбината, отпечатанного в норильской типографии в 1973 году тиражом 500 экземпляров. Сегодня это библиографическая редкость, как и колонки Т.Я. Гармаша «Заметки архивариуса», опубликованные на разные

Еще одно уцелевшее здание: лагпункт «Алевролиты».

Рядом с трубами женское седьмое лаготделение ... В 1956 году сюда переехал первый кондитерский цех. Снимок сделан в 1975 году

темы в разные годы в «Заполярной правде». Многие норильчане вырезали газетные колонки архивариуса Т.Я. Гармаша и обязательно увозили их с собой, покидая заполярный город. Такие страницы истории в газетном варианте мне подарил Василий Михайлович Шестаков. Он приехал в Норильск в 1938 году и на себе прочувствовал трудности рождения города на 69-й параллели. Строгий официальный текст В.В. Блохина в сопровождении текстов Т.Я. Гармаша и других публикаций в местных газетах как бы оживляют историю Норильска производственными и житейскими подробностями.

Галина Касабова

*Тамара Васильевна
Кашина*

Тамара Кашина:

*«Нулевой пикет – исторически
значимое место и для Нориль-
ска, и для меня...»*

*Тамара Васильевна
Кашина,
1975 г.*

ПОГРУЖЕНИЕ В ПРОШЛОЕ...

Нулевой пикет — исторически значимое место и для Норильска, и для меня. Это своеобразная точка отсчета и для города на Таймыре, и для моей жизни.

СЕМЕЙНЫЕ КОРНИ И ПЕРВЫЕ ШКОЛЬНЫЕ ДРУЗЬЯ

Мой отец — Василий Павлович, окончив курсы бухгалтеров, работал на строительстве Челябинска. Ему было 22 года, когда в 1936 году арестовали его отца, моего деда. Бабушка, вечная ей память, не растерялась и не выдала старшего сына, уверенно заявив настырному следователю, что письмо с адресом потеряла и название места, где живет сын Василий, забыла. Хватит с нее того, что исключили из Томского университета младшего сына Николая, проучившегося там всего год. Может, и не отстал бы от нее следователь местного НКВД, но дело в том, что бабушка Елизавета Алексеевна в городе была известной личностью, она была первоклассной портнихой.

— Я модистка! — так называла она себя не без гордости.

В то время бабушка обшивала жен первых лиц города. После ареста деда она продолжала жить в собственном доме на улице Максима Горького за счет своего хозяйства. В свободное время, чаще оно было зимой, обшивала и менее заметных лиц: своих родственников и подружек.

— Своим подругам и родне могу шить без патента, — уверенно заявляла она проверяющим. — Я им шью по дружбе и задарма.

Деда осудили на 10 лет без права переписки, и следы его навсегда затерялись в дебрях ГУЛАГа.

— За что осудили дедушку? — спросила я в 1961 году у бабушки, когда она гостила у нас в Норильске.

К тому времени дед уже был посмертно реабилитирован, на что есть соответствующий документ. Я его видела своими глазами, когда была в гостях у дяди в Красноярске. Я была потрясена. Почему и за что арестовали моего деда? — уже не в первый раз задавала я себе вопрос и однажды спросила бабушку:

— Как можно за это расстреливать человека, лишать его жизни?

Хорошо помню, что бабушка не сразу ответила: она тихо, почти беззвучно и долго плакала.

— Павел ни в чем не виноват. Он был честным человеком и верным власти, — с обидой в голосе наконец-то произнесла бабушка, с трудом сдерживая слезы. Немного успокоившись, продолжила свой печальный рассказ:

— Павел работал заведующим столовой, где питались ответственные за город люди. Как-то привезли творог, и Павел сам его ел. Он всегда сам принимал и пробовал молочные продукты на вкус. Но этим вечером и всю ночь бегал в туалет. Мы подумали, что не сработал желудок, так бывает у людей иногда. Но это, внученька, не самое страшное...

Оказалось, из этого творога в столовой испекли ватрушки, и ели их многие посетители. У кого был крепкий желудок, как у моего деда, плохо спали ночью. А у кого слабый, те попали в больницу. Вот тут и завертелась машина сталинских наказаний. «Враг народа!» — заявил сотрудник местного НКВД, и закружилась голова от успеха у рьяного партийца, что есть возможность на единицу перевыполнить сталинский план по выявлению вредителей советской власти.

Моему деду, уральскому казаку, справному хозяину, добросовестному работнику припомнили все: и то, что он с семьей сбежал из деревни ранней весной 1930 года, когда начался новый виток раскулачива-

ния, но самое главное, он хотел якобы вывести из строя партийцев города.

Отец в это время продолжал работать в Челябинске, письма матери, по ее просьбе, не писал. Потом оба брата воевали. Израненные телом и душой, оба вернулись в родной город. Вскоре дядя Коля уехал в Красноярск к невесте, там женился, окончил педагогический институт, вступил в партию, чем вызвал большое недовольство старшего брата, моего беспартийного отца.

Он не без помощи родственников попал на Крайний Север в 1947 году с молодой женой и двухлетней дочерью, то есть со мной. Семья приехала в поселок Норильск, который находился далеко за Полярным кругом. Первое время мы жили в Соцгороде, почти у озера, у двоюродного брата папы — Николая Агафонова. Тогда родственные связи были крепкими. У нас в доме тоже в разное время жили родственники (брат и сестра мамы), племянник папы Юрий Кузнецов. И просто чужие люди, которым нужно было помочь обосноваться в Норильске, чтобы заработать достойную пенсию. Только осенью 2012 года я узнала адрес того дома, в котором жила у родственников.

Пожив некоторое время у Агафоновых, наша семья получила комнату в трехкомнатной квартире на Севастопольской улице в центре города, слева от исполкома горсовета, это как раз напротив детского садика, в который я начала ходить. В 1985 году

*Моя отец,
Кашин Василий Павлович
(1914–1970 гг.)*

*Это дом по адресу: улица Октябрьская, дом № 53
(справа дом по четной стороне)*

на месте нашего двухэтажного дома уже стоял новый большой детский сад. Я не знала адрес дома на Севастопольской улице, где мы жили с 1947–1951 год. И спросить уже не у кого, ни мамы, ни папы давно нет в живых. Лишь недавно, в ноябре 2012 года, в «Одноклассниках» меня разыскала соседка-норильчанка. Ее матери 81 год и, несмотря на почтенный возраст, она хорошо помнит нашу семью. Таким образом я приобрела не только новых друзей, бывших соседей, но и узнала точный адрес своего дома на Севастопольской улице. И это так приятно! Но вот фотографии того трехподъездного дома без удобств и холодной воды, в Интернете как ни искала, не нашла.

Строительство Норильского горно-металлургического комбината и поселка начиналось с Нулевого пикета. Нулевой пикет — это не только геодезическая отметка на карте города, но и начальная (исходная) точка будущего Норильска. Это место города до сих пор называется Нулевым пикетом. Позднее отсюда протянули Заводскую улицу и Октябрьскую. Только потом приступили к строительству Горстроя (так называли район современного пятиэтажного города) — го-

рода, чем-то похожего на Санкт-Петербург и Москву. Оно и понятно, проектировали его ленинградские и московские архитекторы.

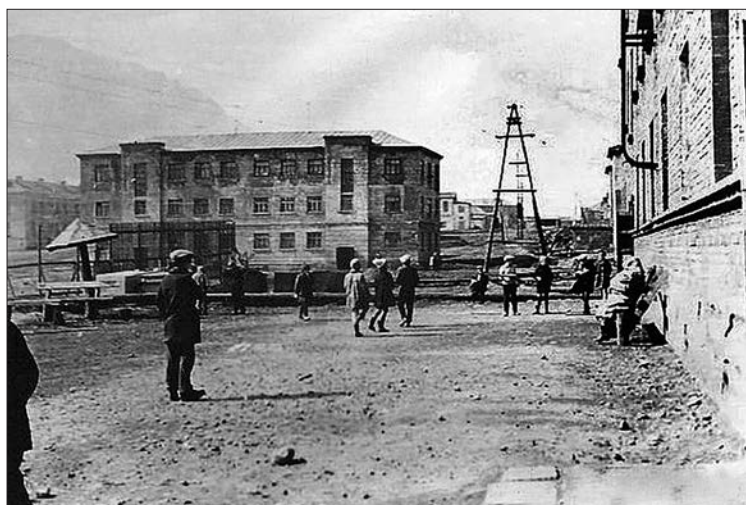
Несколько лет назад совершенно случайно я увидела знакомую фамилию на сайте «Одноклассников» и сразу вспомнила, что это фамилия моей одноклассницы по начальной школе. Тотчас написала и получила ответ.

— Да! Это — моя старшая сестра. Она живет в Минусинске, но сейчас гостит у дочери в Норильске — водится с внучатами.

Я так обрадовалась, что нашла одноклассницу! Теперь общаюсь с ее дочерью и решила продолжить поиски людей, с которыми столкнула меня судьба в такие далекие годы моего детства. Таким же образом разыскала Валю Дмитриеву, одноклассницу по средней школе, но та меня не узнала. А ведь фото, где она стоит со своим будущим мужем на крыльце музыкальной школы, было и в моем фотоальбоме «Друзья детства». Признаюсь — плакала. Было очень больно и обидно, что меня не помнят. Валя после 9 класса поступила в медицинское училище, потом быстро вышла замуж... Потом я подумала: «Не помнит! Ну и что? Значит, жизнь у Вали была легкая. И мне надо радоваться за подругу!» — успокоилась я и решила продолжать поиски. Я нашла многих друзей, родственников, соседей по Заводской улице. Кто-то находил и меня...

В поиске друзей и соседей мне помогла фотография нашего двора по улице Заводской, 18.

Это фото, сделанное моим братом Кашиным Анатолием Васильевичем, оказалось удачным. На нем на заднем плане дома 16-а по Заводской улице дом стоит торцом. Рядом с ним справа дом 16. Дом 16-а и гора для меня, как маяки. Благодаря ним, я легко ориентируюсь даже в ранних фото Норильска. В доме на заднем плане слева жила наша любимая учительница математики Кузьмина Людмила Ефимовна, а рядом с ее домом стояла наша бревенчатая школа.

Начиная с сентября 2010 года, я усиленно стала искать Наташу Попову, мою первую и самую близкую подружку. С ней мы учились в третьем и четвертом классах нашей деревянной школы № 3 в районе Нулевого пикета.

Мать Наташи — Вера Ивановна, была врачом и работала в поликлинике окулистом. Отец был инженер. В 1957 году мы с подружкой расстались. А вышло это так. Моему папе дали путевку в санаторий. И, пользуясь случаем, меня решили отправить на материк.

— Поедешь к бабушке, там будешь год учиться. Тебе тоже надо подлечиться! — не спрашивая меня, распорядился отец.

Да, здоровье у меня было неважное. Особенно часто болело горло, беспокоили головные боли. Даже отдыхая в пионерском лагере «Таежный», я умудрялась лежать в изоляторе. Солнце в Норильске радует нас только летом, а лето короткое. Без него витамины организм не усваивает. Они в аптеке в виде драже не переводились. В магазине есть все: шоколад, конфеты, даже икра красная, черная. Ешь — не хочу! Были бы

деньги. Вот только витамины стоят на полках продуктового магазина в банках. Это кубанская продукция: баклажанная икра, нарезанные кружками кабачки в стеклянных банках, компоты из персиков, абрикосов и яблок... Помню то время, когда молоко для моего младшего брата давали по карточкам. Очень редко родителям удавалось купить замороженное молоко в кругах. Его размораживали, кипятили, разливали в пол-литровые банки и хранили в погребе, который вырыл отец сам. Употребляли с какао или чаем, а чаще всего добавляли в картофельное пюре, варили каши. А как радовались, когда удавалось достать пяток свежих яиц. В основном использовали яичный порошок, сушеные овощи, тушенку, макароны и варили каши на сгущенном молоке.

Мне лучше запомнились события после 1955 года. Сушеные овощи (картофель, лук, морковь) в Норильск уже почти не завозили, или мама их редко покупала.

В конце пятидесятых годов пользовались спросом заправки для супов в стеклянных банках.

К тому времени их научились хранить на теплых складах Норильскснаба. В начале шестидесятых годов питание норильчан заметно улучшилось. Запустили в строй молочный завод, и мы стали покупать и пить восстановленное молоко. Открылся мясной комбинат — появилась вареная колбаса. А вот со свежими фруктами и овощами было сложно. Их почти не было. А если и были, то купить их было почти невозможно. Помню, как целый день стояли втроем поочередно: я, бабушка и брат во дворе магазина на Заводской за арбузом. А вот как ели тот арбуз, почему-то совсем не помню. А недавно я увидела в Москве «Борщ» в стеклянной банке. Была удивлена, что еще выпускают такую продукцию, и сразу же нахлынули воспоминания, и так стало приятно, как будто вернулась в родной город в то далекое и милое детство. Но борщ в стеклянной таре все же покупать не стала.

Нехватка солнца, продуктов и витаминов в рационе маленьких норильчан были для нас привычными, холодный климат — тоже. Жителей Норильска товарами неплохо снабжали. Одевались мы хорошо. В доме, уж точно, всегда было тепло и уютно. Почти у всех детей Норильска были меховые шапки, и даже шубы из кролика. А у некоторых — из цигейки. Валенки нам выдавали в школе, конечно же, не бесплатно. Кроме этого, одежду и товары первой необходимости привозили с материка. Поэтому мои родители

*Мне 11 лет.
Эту шубу купила Вера Ивановна.
Наташе она оказалась мала,
а мне — в самый раз
(фото из моего альбома)*

и все наши знакомые, нагруженные тюками, возвращались из отпуска на теплоходе и поезде. Кроме этого, в Норильске детям одежду покупали на вырост. Так было и в Москве в конце восьмидесятых годов. Покупали не то, что надо, а то, что попадетсЯ и может пригодиться. Помню, в Норильске мне купили школьную форму, но она была на два размера больше. Моего размера не было, и мама была вынуждена купить эту. Долго пришлось бы этой форме лежать и ждать, когда я до нее дорасту. К моему счастью, в гости в Норильск приехала бабушка и перешила ее на мой рост.

Воздух Норильска — вот что подрывало неокрепшее здоровье детей, это угнетало и больше всего беспокоило наших молодых родителей. Жарким и душным летом 2010 года я выставила фото на своей страничке в «Одноклассниках», сделанное из окна московской квартиры, и подписала: «Это не туман,

это — смог». Тут же мне позвонила подружка-норильчанка, Людмила (Иогина) Егорова:

— Тамара, как переносишь смог?

— Да никак. В 72 году тоже был смог, я тогда ждала дочку. И ничего!

— Да! — ответила она. — Нас, норильчан, ничем не отравить!

Смог в Москве — это временное явление. В Норильске загрязненный воздух, пропитанный парами серы, хлора и другими химическими элементами, почти всегда. И этот не удушливый, а удушающий воздух, присутствует почти постоянно. Особенно чувствуется он в морозную безветренную погоду. Скрыться и защититься от него не могут даже крепкие мужчины. Живя в Норильске, я любила гостить у тети в поселке «Медвежий ручей». Там мне легче дышалось.

И сегодня вспоминаю, как хорошо, что я успела попрощаться с подругой. Забежала к ней в гости. Их семья только-только приехала из отпуска — от-

*Моя брат,
Кашин Анатолий Васильевич
(1950–1985 гг.)*

дыхали в Ессентуках. Это был конец августа 1957 года. Мальчишек дома не было — бежали на улице. А моя подружка-домоседка сидела дома одна. Накануне у Наташи был день рождения, и ей подарили красивую куклу, которую купили в Москве, мы играли. Уже потом, став взрослее, я догадалась, что в Москву Поповы ездили на Фестиваль молодежи и студентов и, уж конечно, не для того, чтобы купить дочери куклу, как показалось мне тогда.

*Моя мама,
Кашина Татьяна Ивановна
(1922–1994 гг.)*

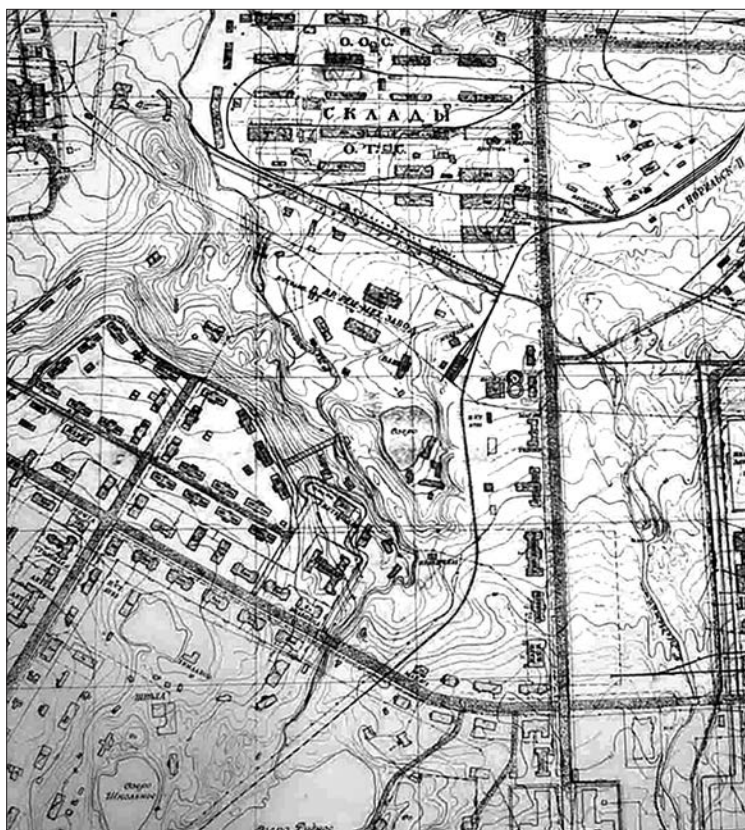
Многие родители не по своей воле прибыли в наш суровый город, они жили на поселении после заключения. Наши родители оберегали нас, детей, от рассказов о беззаконии и репрессиях, поэтому до всего приходилось додумываться самим. Делить людей, а тем более детей, на плохих и хороших, на своих и чужих, в Норильске было не принято. Мы вместе вступали в пионеры и комсомол. Всем нам было трудно: голодно и холодно. Все дышали

одним воздухом. И тем, и другим было одинаково плохо, особенно тем, у кого еще не было полярков (надбавки к зарплате за условия работы на Крайнем Севере).

— Через год встретимся, — сказала я Наташе на прощание и, отвернувшись в сторону, тихо заплакала. Наверное, почувствовала, что никогда больше не увижу свою первую подружку.

Папа увез меня к бабушке на материк. И дело было не только в моем слабом здоровье, но и в отношениях родителей. Последнее время они часто ссорились, высказывая взаимные обиды и претензии. В доме постоянно была напряженная обстановка, все шло к разводу, вот поэтому меня и отправили на год к бабушке. Мама и папа, пожив некоторое время раздельно, мысль о разводе оставили, но ссориться не перестали.

Вернулась я в родной город летом 1958 года и сразу же помчалась к подруге. Дверь открыла не-

*План Норильска 1946 года.
Историческое фото Норильска из фотопроекта газеты
«Заполярная правда»*

знакомая женщина и сообщила, что Поповы уехали навсегда в Ленинград, и дала мне их адрес. Этот адрес я запомнила на всю жизнь: 11 линия Васильевского острова, номер дома, квартира. В тот же день я написала подруге письмо, но ответ долго не получала. Наконец, он пришел... Очень переживала и плакала: мое письмо с надписью «не проживают» вернулось назад, а почему, я узнала лишь 53 года спустя...

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ НОРИЛЬСКА

Окончив школу, я уехала из родного Норильска навсегда. Лишь в конце 1985 года приезжала на похороны младшего брата Анатолия, трагически погибшего под колесами пожарного автомобиля недалеко от дома на Талнахской улице. Отец, инвалид Великой Отечественной войны, умер рано в возрасте 56 лет. Трудные годы строительства Челябинска, Норильска, ранения и контузия на фронте сделали свое черное дело.

Совсем недавно, в мае 2014 года, моя дочь нашла в Интернете сведения о моем отце, его ранениях и наградах. Теперь мы точно знаем о тяжелом ранении в 1944 году, после которого его отправили на долечивание в Кировский госпиталь. Там и познакомились мои родители. Немного позже сама зашла на сайт общества «Мемориал» и очень многое узнала о расстрелянном деде. Оказалось, что он всего лишь на 19 лет старше моего папы. Как мало он жил!

Я окончила пединститут. В 1970 году вышла замуж за москвича, жила в Москве, воспитывала дочерей и работала. Все последующие годы не забывала друзей детства, живущих в разных городах Союза. А их у меня было немало. Девчонки, мои одноклассницы и соседки, тянулись ко мне. Дружить я умела: была искренней и открытой, заботилась о подругах, уступала и легко прощала обиды. Кроме этого, я придумывала игры, режиссировала их, а главные роли отдавала друзьям. С некоторыми из них до сих пор переписываюсь или перезваниваюсь. Некоторых уже никогда не смогу найти. Длительное время ищу Татьяну Коновалову. Она жила на Заводской улице в доме № 21. В округе дом называли офицерским. Потом их семья переехала в Горстрой в отдельную квартиру. Занимаясь поиском в «Одноклассниках», я узнала, что семья подруги жила по адресу Ленинский проспект, дом 47-а. Отыскала друзей Тани по 8-й школе, в которой она училась. Позднее нашла ее лучшую

школьную подругу — Ольгу Журавель, та сейчас живет в Муроме. Нашла парня Татьяны. Валерий, увидев фото подруги в моем альбоме, сообщил, что такая же фотография есть у него — Таня прислала ему в армию. Но когда он вернулся в Норильск в конце 1968 года, Таня ждала ребенка. Но о муже подруги он ничего не знает. У Татьяны был брат Николай. Если бы он был жив, то я непременно нашла бы подругу. Но брат Тани утонул, а отец умер. Написала в УВД Норильска, но ответа не получила и не получу, так как отец подруги работал следователем. И сведения о нем и его родственниках засекречены. А я хорошо помню то отделение, которое после 1956 года было на Горной улице. В 1958 году, как только появилось телевидение в Норильске, мы с Таней и ее братом, ходили в это отделение в красный уголок смотреть кино, позднее я в том отделении получила свой первый паспорт.

И вот совсем недавно я получила сведения о Татьяне от Галины, ее одноклассницы. Конечно, я обрадовалась. Наконец-то нашла! Но радость была преждевременной. К сожалению, Татьяны уже давно нет на этом свете. Такая обида! Сейчас в «Одноклассниках» общаюсь с ее сыном. Теперь у меня три таких сыночка.

Когда в октябре 2014 года мне предоставили бесплатную путевку в Эссентуки, я это восприняла как провидение Господне. Опять написала на сайт Керсновской, и мне прислали адреса домов, где жили Керсновские и Грязневы-Поповы. Мне рассказали и как пройти на кладбище к могиле Евфросиньи Антоновны. Эссентуки — это город, о котором я знала с детства от подруги.

— В Эссентуках все зелено и красиво, — восторженно рассказывала Наташа еще осенью 1956 года. — Там много фруктов. А если подняться на гору, то видно Эльбрус!

Эссентуки встретил хорошей погодой. Небо было чистым и ясным. С балкона моего номера хорошо были видны Кавказские горы и заснеженная вершина горы Эльбрус.

На следующий день сделала вылазку в город. Расположение улиц изучила еще в Москве по карте в Интернете, поэтому улицу Нелюбина, где с 1960 по 1994 год проживала наша знаменитая норильчанка, писательница и художница Евфросинья Керсновская, нашла легко.

От дома Ефросиньи Антоновны Керсновской до дома, где летом отдыхала семья моей подруги, совсем близко. Осмелилась и нажала на кнопку звонка. Но на звонок никто не ответил. Позвонила в соседний дом. На мое счастье, вышла пожилая женщина, немного младше меня.

Но оказалось, что свое детство она провела в Ессентуках, но по другому адресу. А здесь родился и вырос ее муж, который умер совсем недавно. Я опять опоздала! Вот такая я невезучая!..

НОРИЛЬСКИЕ ДРУЗЬЯ

Как-то увидела в Интернете фото Угольного ручья в ущелье между горами Рудной и Шмидта.

Потом нашла еще одно фото ущелья Угольного ручья, но оно было сделано намного позднее, но тоже в прошлом веке. Пригляделась к фотографии и вспомнила еще один эпизод из героического детства. Почему героического? Конечно, никаких подвигов я не

*Угольный ручей, 1942 г.
(на заднем плане — город)*

совершала. Но вместе с другими девчонками с крыш в снег прыгала, в прятки на территории бывшей ЦБЛ играла... По трубам, которые проходили на большой высоте через технический ручей, бегала, несмотря на постоянные предупреждения родителей не делать этого. В ручей стекали канализационные выбросы из балков и барачков. Кроме этого, туда сбрасывали битые стеклянные банки, различные жестянки и другой мусор... Несмотря на это, я любила жить у тети в поселке Медвежий ручей. Здесь я подружилась с Валею. Она жила недалеко от нас, в доме напротив. Прошло лет семь-восемь. Моя тетя давно уехала из Норильска и жила в солнечной Бухаре, а я как-то раз в весенние каникулы на Ленинском проспекте встретила с Валею. Я, почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, посмотрела и не сразу узнала в высокой и красивой девушке давнюю подружку по Медвежке.

— Тебя зовут Тамара? — неуверенно спросила она, рассматривая меня со всех сторон.

— Да. Здравствуй, Валя. Я тоже тебя узнала, — ответила я, улыбаясь и радуясь встрече.

Мы разговорились, подружка предложила поехать к ней в гости, и я охотно согласилась. По дороге Валентина рассказывала и показывала, какие изменения произошли в поселке. Дома у Вали мы сидели за большим обеденным столом, пили чай с печеньем, рассматривали старые фотографии. И, весело смеясь, вспоминали наше беззаботное детство. Время пролетело быстро, и девушка пошла провожать меня на автобусную остановку. На улице уже темнело и заметно похолодало. Не дойдя до остановки, мы увидели, что рейсовый автобус, нас не дождался. Он бессовестно показал нам хвост, выдав клубы пара из выхлопной трубы, и уехал.

— Опоздали! Следующий будет нескоро, через час, — растерянно произнесла Валентина. — Возвращаемся домой? Или?

Я вопросительно посмотрела на Валию: меня заинтересовало «или».

— Можно скатиться, — предложила она. — Я так часто делаю, когда тороплюсь. Можно на пятой точке проехать на картонке по склону Рудной.

— Это не опасно?

— Нет, — ответила подружка детства, но как-то так неуверенно, что я занервничала. — У нас все медвежатники так спускаются, — продолжила она, но уже спокойно, — Пойдем!

У спуска с Медвежки на Горную улицу тропа по склону горы Рудной была накатана. Тут же на снегу валялись картонки. Увидев это, я немного успокоилась: все скатываются, значит и я смогу. Все равно я уже здесь и оказаться трусихой перед подругой не хотелось. Валя завязала мою шапку-ушанку с опустившимся на лоб козырьком, подняла воротник моего пальто. В то далекое время мои современницы носили шапки-ушанки так: надвигали на затылок

Историческое фото Норильска из фотопроекта газеты «Заполярная правда».

Где-то здесь я скатилась с Медвежки. До конечной остановки автобуса у подъемника на гору Шмидта от поселка «Медвежий ручей» можно дойти по тропинке. Их здесь две. Но для тех, кто ценит время и не боится скорости, есть спуски по склону.

Приглядитесь, они хорошо видны справа

саму шапку, а козырек опускали вниз на лоб. В условиях заполярной зимы это было целесообразно и, как нам казалось тогда, красиво.

Я решилась: попрощалась с Валей, смело села на картонку и понеслась вниз. Мороз обжигал лицо и холодом насквозь пронзал тело. Снег забивался в коротенькие меховые ботинки на манке. Тогда все женщины Норильска, вместо надоевших валенок, переходили на такую изящную обувь. Скатилась по склону горы так быстро, что во время спуска, не думала о страхе. Просто не успела, но и радости от полета, как в детстве на санках, не ощутила. Испугалась уже потом, когда приземлилась, встала на ноги и посмотрела вверх в темноту горы. Очистила от снега сначала один ботинок, потом другой, ставя то правую, то левую ногу на картонку. Вот когда я почувствовала, как же я ужасно замерзла, просто заледенела и снаружи и изнутри! Не чувствуя ног, пошла к остановке.

Минут через пять на остановку подошел немолодой мужчина в меховом полушубке.

— Давно ждете?

— Давно. Нет, недавно, — с трудом и противоречиво ответила я, дрожа от холода.

— Замерзла-то как! Ты с Медвежки, не наша! — догадался мужчина, показывая головой вверх. — Первый раз? Молодец!

Да. Я молодец! Молодец, что не сплеховала перед подругой — не показала, что боюсь.

Я, считавшая себя трусихой, неуверенной и нерешительной, проявила характер и сумела преодолеть страх. Во время спуска следовала советам Валентины: правильно сгруппировалась, во время спуска удержала равновесие и не упала... С тех пор прошло полвека. Сейчас, когда я пишу эти строки, на миг представила, что все могло быть иначе. Конечно, насмерть бы не разбилась, но поранить руки и ноги, испортить лицо о снежный наст, а потом раненая, вполне могла бы и замерзнуть. Но тогда не думала об этом и не жалею. Решилась... Все могут — значит, и я тоже смогу! Да я смело скатилась вниз...

Я согласно кивнула головой неожиданному попутчику, но говорить уже совсем не могла. Зуб на зуб не попадал. Увидев это, мужчина прижал меня к себе, а я стала сопротивляться.

— Не, не бойся, дочка, совсем замерзнешь, — заикаясь, произнес он, и еще сильнее прижал меня спиной к себе. — У меня сын чуть младше тебя. Не бойся!

С противоположной стороны Горной улицы приближался автобус. Мы перебежали на другую сторону и поехали вверх. Автобус, проехав несколько остановок, развернулся и пока стоял на конечной остановке у подъемника на гору Шмидта. Я сидела в полудреме. Николай, так звали моего спутника, что-то говорил о горячем чае с медом. Я утвердительно кивала головой, мысленно усмехаясь, потому что мед в нашем доме никогда не водился. Все звуки в моей голове становились сначала какими-то гулкими, а потом отдаленными. Я поняла, что засыпаю. Проснулась только тогда, когда автобус с Горной улицы повернул на Заводскую.

— Дочка, у магазина выйдешь? Или до ДИТРа проедешь?

— Сейчас.

Поблагодарила случайного знакомого, который не дал мне замерзнуть на морозе и в холодном автобусе. Тот автобус тогда мне показался раем! Я быстро вышла и побежала домой...

Прошло много лет. Та зима была последней моей зимой в Норильске. Больше я не встречала ни Валентину, ни спутника, который спас меня от холода. И очень жалею, что уже никогда в жизни их не увижу. Сейчас понимаю, что рискованный спуск с горы — это, если философски его осмыслить, норильское сопротивление всему и вся... Мне мама рассказывала, что на автобусной остановке часто мужчины, вот как меня после спуска с горы, согревали женщин. И не было в этом никакой пошлости, а только сочувствие. Ведь в те годы только мужчины носили теплые овчинные полушубки, а женщины мерзли кто в чем, на ватине, на несогревающей вате... Ждать автобуса в морозы и по часу

приходилось, плохо одетые женщины замерзали так, как я: зуб на зуб не попадал, слов выговорить не получалось... Вот и вырочали друг друга норильчане. И прохожие, увидев побелевшие щеки или нос у встречного, обязательно остановят его и скажут: «У вас щека (или нос) белые! Скорее потрите варежкой!»

Продолжу рассказ о своей первой подружке Наташе. В гости к ней меня взяла одноклассница и соседка Нина Сыпачева. Потом как-то так постепенно, без скандала, Нина исчезла. Я поняла, что Наташа в подруги выбрала меня, и для меня это было большой честью. Мне нравилась моя новая подруга. В ней органично сочетались хорошие манеры, скромность и выдержанность с умением шутить, веселиться и даже — шалить. Удивительно, но я не припомню ни одного случая, чтобы мы с Наташей поссорились или сердились друг на друга. Нам с Наташей вместе было легко и весело.

У Поповых была большая трехкомнатная квартира на углу Заводской и Октябрьской улиц рядом с ДИТРОм. Сейчас этого двухэтажного дома уже нет, его снесли — раскатали по бревнышку. Хорошо, что в Интернете остались его фотографии. Нет и района Нулевой пикет. Все бревенчатые здания разрушились и были снесены. Нет, неправда, он был, есть и будет! Будет, пока мы живы, пока живы мои сверстники, он в нашей памяти! Современные норильчане мало о нем знают, для них это — нулевая отметка на карте города. И первый дом Норильска теперь одиноко стоит совсем на другом месте. Стоит в центре города, рядом с новым краеведческим музеем. Стоит изба Урванцева совсем не на нулевой точке Норильска, где была поставлена. Стоит она одиноко рядом с новым музеем в центре Горстроя, нелепо выглядя среди красивых многоэтажных домов в стиле сталинского ампира.

Первое здание краеведческого музея Норильска было на Озерной улице, это недалеко от озера Рудное, и мы, детвора, любили туда ходить, а летом играть на деревянной открытой веранде.

*Нулевой пикет
(фото Бориса Семченко)*

В те дни, когда из-за непогоды отменялись занятия в школе (актировка!), норильские школьники гуляли во дворе, а я пропадала в семье Поповых. Много лет спустя, в Москве была объявлена единственная актировка в сильный мороз, точно не помню, наверное, зимой 2006 года. Об этом я узнала по дороге на работу.

— Тамара Васильевна! Информатика будет? — спросил догнавший меня ученик 9 класса.

— Да! — ответила я уверенно.

— По московскому каналу объявили, что занятия сегодня отменяются.

— Да? Активировка! — ошеломила я ученика непонятным термином.

Ученики старших классов в школу не пришли, а те, что пришли, быстро сбежали, узнав о сообщении правительства Москвы. Тех, кто остался, объединили в один класс. А вот в начальных классах уроки проводили. Малыши почти в полном составе были в школе, несмотря на сильный мороз, потому что их привели заботливые родители.

Мы, педагоги старших классов, уютно устроившись в учительской, сидели и пили горячий чай. Я удивляла коллег по работе, рассказывая, какое это было чудесное время, когда активировались занятия. Если бы вы видели, какие большие глаза делали мои коллеги! А я с восторгом рассказывала, что таких дней в моем детстве было предостаточно. Иногда этих дней было так много, что мы, ученики, забывали, что было задано на дом, и уж тем более то, о чем говорили учителя на последнем уроке. На следующий день резко потеплело. Вот такой в Москве климат! На радость родителей и работников образования, московские школьники не успели почувствовать, понять и должным образом оценить, что такое активировка в школе на Крайнем Севере.

А в Норильске и сегодня дети в морозные дни, несмотря на активировку, гуляют на улице, собираются на широких лестничных площадках и устраивают игры, концерты и просто общаются. По крайней мере, так было в моем детстве. Такая была радость! Такое счастье! Точно не помню, но, кажется, 1956 год в Норильске был особенно морозным, а начало 1957 года снежным и ветреным. Так вот, в эти ненастные, но счастливые для меня дни я приходила к подруге, и мы играли. Старший брат Наташи, Женя, был старшеклассник, он уходил в школу. Почему-то я думала, что Женя старше нас на 3–4 года, наверное потому, что он был рослым.

Няня Поповых занималась хозяйственными делами, готовила еду, часто пекла пирожки и булочки. Большая трехкомнатная квартира была полностью в нашем распоряжении. Я, Наташа и ее младший брат Саша играли в прятки и жмурки. Водили обычно я и Саша. Наташа умела так запрятаться, что даже Саша долго не мог ее найти. Любимым местом прятков был ларь для овощей, который стоял в прихожей. Такие лари и печи были во всех старых домах на Заводской и Октябрьской улицах. Свежие овощи (картофель, морковь, лук) там хранились в основном до ноябрьских праздников, потом все переходили на сушеные овощи. А когда запасов овощей уже не было, в ларях хранили дрова, бумагу и старые газеты на растопку.

*Моя подруга
Наталья Зубова (Попова)
(фото из моего альбома)*

В холодную зиму, когда случилась авария на ТЭЦ, эти лари и старую мебель норильчане сжигали в печах, которые до этого не топились лет двадцать. Таким вот образом люди спасались от холода.

Когда приходил Женя, он обедал и начинал готовить уроки. Мы умолкали, уходили в детскую, читали книжки, декламировали стихи. У меня это получалось лучше всех. Или играли в школу, больницу, семью. Наташа была учительницей, врачом, матерью, а мы с Сашей — учениками, больными и детьми. В определенные часы домой на обед приходил Евгений Александрович — отец Наташи и Саши. Он сидел в гостиной

на большой тахте и, опершись руками на ро-
яль, читал газеты. Ждал,
когда пригласят к столу.
Мы мыли руки и помога-
ли старенькой няне сер-
вировать стол. Первое
время, когда Поповы са-
дились обедать, я скром-
но удалялась в детскую.
Сначала за мной при-
ходила Наташа, потом
няня. Они упрашивали
меня и говорили:

— Пойдем, пойдем!
Евгений Александрович
обидится, — настаивала
няня, решительно взяв
меня за руку, приво-
дила в гостиную и усажи-
вала за стол.

Евгений Алексан-
дрович был высокий
красивый мужчина.
В то время я думала,
что он был ровесником
моего отца. А намного
позже, а точнее, через

54 года, узнала, что он был старше моего папы на де-
сять лет и ростом чуть-чуть выше. Евгений Алексан-
дрович никогда не делал нам замечаний. Даже тогда,
когда мы с шумом и криком бегали вокруг большого
стола в гостиной и мешали ему читать. Только одна-
жды подозвал меня к себе и спросил:

— Тамара, вы с Наташей учитесь в одном классе?

— Да в одном, только сидим на разных партах
и во время урока не разговариваем, — поспешила
сообщить я, опережая дальнейшие вопросы о пове-
дении подруги.

— Молодцы! — засмеялся он, обнимая за талию
дочь. — А как Наташа ведет себя на перемене?

Попов

*Евгений Александрович
(1904–1969 гг.).*

*Политзаключенный, инженер-
гидролог, преподаватель СПГУ
до 1937 и после 1957 г., кандидат
технических наук*

(фото из альбома подруги)

— Нормально, — ответила я, глядя на Наталью, и для верности добавила, — хорошо ведет себя.

Наташа хорошо училась и на уроках замечаний не получала. А вот на перемене совсем другое дело. Она была смелая, озорная заводила, в отличие от меня, маленькой серой мышкой, тихой и застенчивой. В конце зимы, кажется, 1957 года, Наташа попала под машину. Мы шли из школы. Самый ближний путь, чтобы выйти на Заводскую улицу, был вдоль ручья, который позднее стали называть техническим. Именно так мы ходили в школу. Еще был путь вверх на Нулевой пикет. Им пользовались ребята, которые жили на Горной и Железнодорожной улицах. И еще был один путь на Заводскую улицу, самый популярный — к магазину и поликлинике. Этой дорогой мы часто гурьбой шли из школы. Особенно тогда, когда моей подружке, не терпелось похвалиться очередной пятеркой. Тогда мы заходили в поликлинику. Наталья снимала запотевшие очки, щурясь от яркого света, бросала на скамейку цигейковую шубу, кожаный ранец и осторожно стучалась в кабинет, где принимала больных ее мама, окулист Грязнева Вера Ивановна.

Плохо помню, как случилось это несчастье, наверное, потому что была сильно перепугана. Только что прошла снегоуборочная машина, завалив снегом пешеходный переход. И девчонки, которые были в рейтузах, чтобы не набрать снег в валенки, одна за другой стали скатываться на портфелях с утрамбованного снежного вала, как с горки. Как будто так лучше! Рейтуз у меня не было до девятого класса. Вернее, они были, но я до них тогда еще не доросла. Зимой поверх валенок я носила шаровары, которые мама сама шила из темно-синей бумазеи. Зато никакие сугробы мне были не страшны. Потом эти шаровары донашивал мой брат.

Услышав визг тормозов, увидела подружку, лежащей на мостовой. Что есть мочи побежала в поликлинику, влетела в кабинет и, приоткрыв дверь, с порога выпалила:

*Грязнева
Вера Ивановна
(1909–1984 гг.)
(фото из альбома подруги)*

— Вера Ивановна, Наташа попала под машину!

Вера Ивановна, не снимая халат, ринулась к двери. Кто-то из пешеходов, очевидцев ДТП, из регистратуры уже звонил в скорую помощь. Коллеги Веры Ивановны один за другим повалили на улицу. Тут же в поликлинике Наташе сделали рентген. Подружка моя отделалась легким испугом и ушибами. Через неделю она своими ногами пришла в школу. Там, где мы переходили улицу, в то далекое время еще не ставили знаков «Осторожно,

дети!». Но опытные водители не разгонялись, ездили аккуратно, поэтому удар был несильный. А у Веры Ивановны поседели виски и прибавились морщинки на лице. Я смутно помню подругу, лежащей на дороге, но до сих пор помню перекошенное от страха лицо ее матери.

Хочу вспомнить добрым словом маму моей подруги Веру Ивановну. Ей досталась непростая судьба. В 1935 году молодая девушка Грязнева Вера в числе первых поселенцев приехала в Норильск по направлению мединститута. Почти две недели она вместе с другими специалистами — медиками, педагогами, инженерами — добиралась из Красноярска до Дудинки на пароходе, а потом на лодках до Норильска.

Вот что писала газета «Красноярский рабочий» от 1 марта 1935 года, то есть еще до Указа о создании комбината. «В далекой Хатангской тундре, в Норильске, нынче весной начнется постройка маленького рабочего

Пароход «Дербент».

Он и пароход «Спартак» привозили первых переселенцев в Дудинку

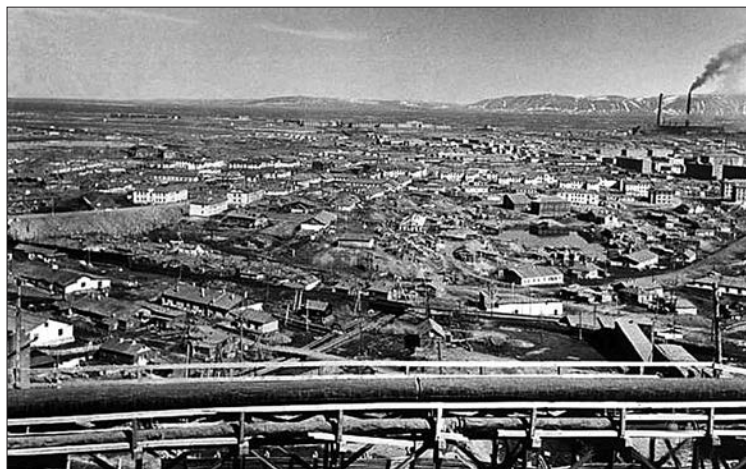

В Норильск прибыли первые переселенцы

городка. Этим летом будут построены бараки на 400–500 человек, на 20 коек больница, школа, столовая, целый ряд хозяйственных и служебных построек». Надо отметить, что уже до 1930 года в Норильске работали и проживали 517 человек, которые занимались изыскательскими и строительными работами. «В 1932 году в Норильске провели первую «перепись недвижимости». На балансе значилось 33 постройки, каждой

дали свой номер. Среди первых норильских зданий были такие дома, как «кипятильница» и «сушилка динамита». Впрочем, большего количества домов и не требовалось: весь штат рабочего коллектива в 1932-м составлял 243 рабочих, 37 инженеров и пять «счетных работников». Все изменилось уже в следующем году. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе добился, чтобы норильскую стройку переподчинили тресту «Союзникельоловопроект». И дал четкие указания, как можно быстрее развернуть строительство. С этого, собственно, все и началось.

Первое время Вере и другим молодым специалистам пришлось жить в палатке. Как только поставили крышу на одноэтажное здание (барак) больницы на Горной улице, медики перешли жить в недостроенное помещение и сразу стали вместе со строителями красить окна и стены, выносить строительный мусор. Одновременно они лечили раненых строителей

*Историческое фото Норильска из фотопроекта
газеты «Заполярная правда».*

Обратите внимание на то, что улица Горная как бы состоит из двух улиц. Я условно делю ее на Старую и Новую. Старая улица сформировалась еще до 1937 года (на фото справа). А на Новой Горной ставили двухэтажные дома

*Историческое фото Норильска из фотопроекта
газеты «Заполярная правда».*

*Первая большая школа Норильска на 200 мест (по счету – третья)
открыта в 1939 г.*

и металлургов, обмороженных геологов и горняков и даже принимали роды. С 1940 года Вера Ивановна стала врачом ЦБ Норильлага, а позднее до 1947 года работала главным врачом этого учреждения.

Заболела няня Поповых. Как ее звали по имени-отчеству не помню, потому что я называла ее бабушкой, и чувствовала, что это ей нравится. Еще нестарая женщина после заключения не захотела возвращаться к себе домой в деревню, где ее давно никто не ждал. Осталась в Норильске, жила и работала в семье Поповых. В 1957 году она заболела, слегла, недолго пролежала в больнице и умерла.

— Тамара, попроси папу, чтобы помог похоронить няню, — обратилась ко мне Вера Ивановна.

Папа охотно согласился:

— Дело нужное, богоугодное.

Это сейчас не надо никого просить. Есть сфера ритуальных услуг. Тогда все было иначе. Кладбище под Шмидтихой недалеко. Но какой грунт? Чуть-чуть

земли, а в основном смесь мелкого шлака и вечная-вечная мерзлота. Прежде чем выкопать могилу, сначала на этом месте разводят костер, а потом выдалбливают ледяной грунт для заранее летом выкопанных могил. Бабушку Поповых, бывшую политзаключенную, похоронили достойно, на поминках были знакомые и друзья семьи. Поплакали, помянули, сразу же сообщили в деревню ее дальним родственникам.

Некоторое время семья жила без домработницы. И не только потому, что ее трудно было найти, а потому что трудно было заменить человека, который прожил в доме почти пятнадцать лет и стал родным.

Ничто не изменилось в доме на Заводской. Тот же порядок, чистота. Все тот же семейный обед из трех блюд. Мы с Наташей, как могли, помогали Вере Ивановне. Подружка подметала, мыла посуду, а я вытирала посуду и протирала пыль. В гостиной в углу стоял старинный рояль. Чтобы его протереть, нужно было встать на крутящийся стульчик. В детской комнате стояли пианино, шкаф и три узкие металлические кровати. У окна стоял стол, за которым мы готовили уроки, рядом на ковре — кукольный уголок.

— Наташа, это твоя кровать, это Саши. А эта чья? — спросила я, как только появилась в квартире Поповых. Женя жил один в маленькой комнате.

— Эта? — Наташа кивком головы показала на кровать, стоящую у смежной стены. — Эта мамина. И только потом, через полгода Наташа доверительно на ушко шепнула: «Только мама на ней не спит. Она ложится, когда укладывает нас спать, а потом берет подушку и уходит к папе».

Я понимающе кивнула головой. Об отношениях мужчины и женщины я знала гораздо больше, чем моя образованная подруга, так как я и брат какое-то время жили с родителями в одной комнате. Но признаться в этом и тем более рассказывать кому-то об этом, не стала. Для детей моего поколения эта тема была запретна. Хотя нас никто этому не учил. А наши родители думали, что мы ночами крепко спим.

У нас дома было отопление и холодная вода. А горячей воды и ванны не было. Один раз в неделю по субботам мы ходили в баню всей семьей. Позже, в 13–14 лет, я ходила в баню одна и по будням. Старалась ходить днем, пока еще светло. Шла вдоль ручья. Потом по покосившемуся мосту, который Е.А. Керсновская изобразила в своих рисунках, переходила к моргу. А затем, свернув направо, быстро выходила к деревянной бане. А вот из бани, когда уже темнело, идти мимо морга боялась не только потому, что там было малоллюдно. Возвращалась другим путем, дальним. Я поднималась вверх по Горной улице, сворачивала на Заводскую, ярко освещенную огнями, и спокойно шла домой. Покойников я не боялась. За нашим домом, который числился по адресу улица Октябрьская, 11-в, и в котором раньше была прачечная, проходила дорога от морга до Октябрьской улицы и по железнодорожному пути — на Заводскую. По этой дороге часто проходили траурные процессии. И мы, местная детвора, провожали в дальний путь почивших норильчан.

Хочу рассказать о деревянной бане на улице Пясины. Совсем недавно узнала, что официальное название этой улицы было Пясинская, но я ее знала, как улицу Пясины. Все местные жители ее называли именно так. Не помню, как называлось озеро, а вот река на карте 19 века назывались Пясинга, так же как Хатанга.

В бане было два отделения - мужское и женское. В женском отделении большое фойе. Здесь стояли стулья для очереди. А на стенах картины. Слева от входа в раздевалку висела картина Левитана «Март». Такая яркая, такая солнечная! Она висела всегда и летом, и зимой. И, приходя в баню и глядя на эту картину, норильчанкам становилось теплее и радостнее. И трескучие морозы, и долгие полярные зимы не казались людям такими холодными и длинными. Мыться тоже было приятно, особенно под душем. Вот поэтому я ходила в будни, когда людей мало и совсем

нет мальчиков дошкольного возраста. Школьники ходили в мужское отделение. Но это еще не все удовольствия, которые мы получали в бане. В фойе мужского отделения был буфет. А в буфете? Правильно! Мои ровесники: мальчики и девочки, а теперь давно взрослые старые дяди и тети. Они хорошо помнят, каким вкусным и ароматным морсом нас поили в этом буфете. Недавно вставила фото картины Левитана «Март» в альбом «Норильск моего детства» на своей странице в «Одноклассниках». Даже не ожидала, что она вызовет такой неподдельный интерес. Оказалось, что ее хорошо помнят мои ровесницы. И старую баню тоже помнят. Вспомнили даже те норильчане, которые лет на десять меня младше. Только они помнят совсем другое: как в бане поставили пульверизатор, и он за копейки освежал всех желающих благоухать. Да, новое время — новые песни.

Рассказывая о бане, вспомнила еще один интересный эпизод из своего детства, о котором нельзя умолчать. Как-то раз, я тогда училась в первом классе, меня пригласила к себе в гости одноклассница, и я пошла. Девочка жила в бараке недалеко от бани. С виду обычный барак, каких в старом Норильске было великое множество. А внутри... Внутри барака жили несколько семей, разделенных ситцевыми занавесками. В середине стоял длинный-длинный стол, за которым жильцы ели, а дети-школьники делали уроки. Такое я видела первый раз в жизни и была ошеломлена увиденным. Второй раз видела такое, когда уже была большая, в кино в художественном фильме Юлия Райзмана «Коммунист». Как жаль, что его сейчас не показывают! Я раньше всегда, когда смотрела его, вспоминала норильское детство и свою одноклассницу.

Не стану подробно рассказывать, как отнеслись мои родители к такому визиту, особенно возмутилась мама. Она строго-настрого запретила мне ходить по гостям. Некоторое время я добросовестно выполняла это требование. Потом повзрослела — стала самостоятельной и забыла об этом обещании.

Я уже училась в третьем или четвертом классе и считала себя большой, поэтому пошла в гости к Зине Омельченко, которая жила в поселке за никелевым заводом. И к ней домой мы шли, кажется, через электrolитный цех завода. Это было так здорово! Но об этом я, наученная горьким опытом, маме не рассказывала. И как назад возвращалась одна, помню смутно. Позднее я водила в этот цех, он находился сразу за управлением комбината, на экскурсию своих подружек, но через цех мы не ходили. Я уже была действительно большая и понимала, что это опасно. Мы поднимались на второй этаж, откуда был отличный обзор цеха, восхищались видом, наблюдали работу мостового крана и в завершение недолгой экскурсии пили газированную воду без сиропа. Подружки мои были довольны.

Как-то после смерти няни я осталась на ночь в доме Поповых. Мама работала в ночную смену. Папа не стал возражать и отпустил меня. Мой папа познакомился с родителями подруги на собрании в школе. И они (наши родители) тоже понравились друг другу. Не скажу, что они дружили, но изредка общались.

Вера Ивановна перед сном мыла меня в ванной. Хорошо помню ее мягкие заботливые руки, которые намыливали мои волосы и нежно, подушечками пальцев, растирали кожу головы. Тогда я впервые мылась в ванной. Потом Вера Ивановна уложила меня на кровать, где раньше спала няня.

— Тамара, с тобой посидеть?

— Зачем? — удивилась я. — Спасибо, Вера Ивановна. Не надо!

— Спокойной ночи, спи, девочка, — мать подруги поняла, что к таким нежностям я не привычна.

Да, заботой и любовью я была обделена. В нашей семье больше любили моего брата, он был младше меня почти на пять лет и был долгожданным ребенком. За все шалости наказывали меня, даже тогда, когда их совершал брат.

— Ты недоглядела! — произносил отец сурово.

Это меня обижало, но виду я не подавала, потому что «на обиженных воду возят», — говаривал мой отец. И я молча терпела. Мать, реже бабушка, могли дать затрещину, схватить за шиворот или шлепнуть полотенцем. Было не больно, но обидно до слез. Отец никогда этого не делал и не бил: ни меня, ни Толика. Его он даже не ругал. А может, мне это только казалось? Маленькой в наказание отец сажал меня на стул. Я терпеливо сидела напротив настенных часов, следя за стрелками на циферблате, которые, как назло, двигались очень медленно.

— Попроси прощения, — проходя мимо меня, произносила тихим голосом мать, закрывая рукой свой рот, чтобы не видел отец. Папа был контужен на фронте и плохо слышал, был инвалидом войны по слуху. Но я молчала, как партизан на допросе. Когда стала взрослее и хитрее, просилась в туалет и надолго, пока не замерзну, застревала в холодной каморке, которая была туалетом и кладовкой одновременно. Потом пошла в школу, к этому времени система наказаний стала мягче и не только у нас дома. Мне разрешалось сидеть и читать. Пусть не сложится впечатление, что меня все время наказывали. Я была тихим смирным ребенком, но иногда шалила, как все дети, и доставалось мне за двоих: за себя и за младшего брата. И вот почему я это вспомнила. Как-то в школе на перемене Наташа сообщила мне, что она вчера вечером обварила кипятком Сашу.

— Как? За что? — удивилась я, зная добродушный характер брата подруги.

— Решила его подразнить.

В это время няни у Поповых уже не было. После ужина Саша нес тарелки на кухню.

— Он шел впереди, а я сзади с чайником, — тихим голосом продолжила Наталья. — Вот как обварю тебя из чайника! — сказала Наташа.

Саша резко обернулся, задел сестру. Та, не ожидавшая такой реакции, не удержала чайник — ее рука под тяжестью воды соскользнула и опустилась

вниз дужки. Содержимое чайника вылилось ребенку на плечо и спину. Подруга оправдывалась: она не хотела этого, но папа долго и серьезно поговорил с ней. А я спросила: «Что с Сашей?»

— Да вон он бегаёт, живой! — пошутила подружка, смущаясь, и добавила. — Воды в чайнике было мало, и остыла уже. Мама смазала мазью от ожогов, и все прошло.

Через сорок дней после смерти няни в доме Поповых появилась новая домработница — молодая девушка лет семнадцати из Назарова. Как-то сразу я ей не показалась, в смысле не понравилась. Она мне об этом ничего не говорила, но смотрела на меня свысока, и я перестала ходить к подруге в будние дни. Дело шло к весне, активированных дней не было. Мы больше гуляли на улице. Катались на санках. Скатывались с горки от железнодорожной линии вниз почти к самому ручью. А на том месте, откуда мы скатывались на санках, поставили ВГСЧ и стали строить пятиэтажки под литерой «б» по Октябрьской улице. Наверное, тогда и перестали ходить товарные поезда.

В воскресные и праздничные дни у их домработницы был выходной. Вот в эти дни я приходила к Наташе домой. От Саши узнала, что они с домработницей играют в подкидного дурачка. Друзья и меня пытались приобщить к этой игре. Примерно через неделю, по дороге из школы, Наташа мне рассказала, что родители, узнав об их новом увлечении, быстро пресекли это занятие.

— Досталось ей! — призналась подружка. — Я нечаянно сказала, я же не знала, что играть в карты нельзя.

Мне нравилось в доме Поповых, где царила спокойная доброжелательная обстановка, где меня любили, где я чувствовала себя уверенно и свободно. Каждый раз, когда я собиралась уходить, Наташа, загородив дверь руками, упрашивала меня: «Тамара, не уходи, побудь еще немножко, еще не поздно,

Историческое фото из фотопроекта газеты «Заполярная правда». 1942 год. Еще нет домов № 18, 21 по Заводской улице, тем более — ВГСЧ и пятиэтажек на Октябрьской под литерой «б». Хорошо видны дома № 16-а и 16, на другой стороне — № 19 (ЦБЛ), 17 (больница для вольнонаемных) по Заводской. Дом на Октябрьской улице, в котором я жила до 1960 года, заволочено паром. Заметили, что окна верхних этажей освещены солнцем? Значит — скоро весна!

не уходи!» Как-то раз у меня разболелась голова, першило в горле.

Я спешно засобиравалась домой.

— Наташа, я пойду! — произнесла я робко.

Наташа стала в дверном проеме и не выпускала меня.

— Не уходи, еще не темно. Поиграем. Не уходи! — уговаривала меня подруга.

Услышав нашу возню, в прихожую выглянула улыбающаяся Вера Ивановна. Я случайно заглянула в ее сияющие глаза и увидела в них радость. И уже тогда, я — одиннадцатилетняя девочка, поняла, что в этом доме жили-были «любовь и счастье». Они были

езде: в людях, в комнатах, на кухне и даже в ванной. Частичка этого состояния доставалась и мне. Вот поэтому мне здесь нравилось, поэтому меня тянуло сюда, хотя здесь, как и в нашем доме, мед не водился. Просто здесь мне было вольно и радостно.

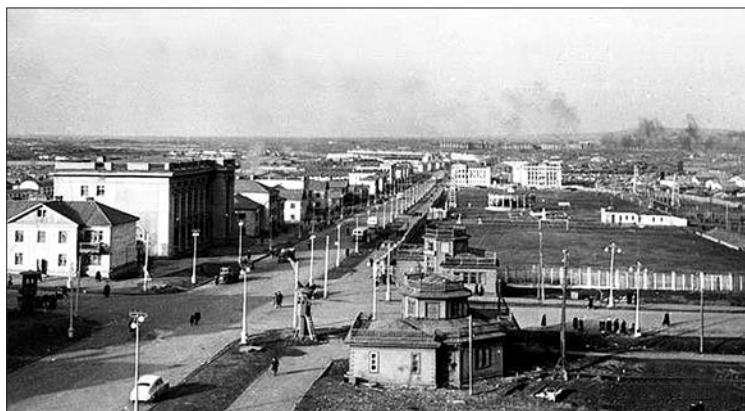
— Мама! — крикнула подруга в гостиную, — я Тамару провожу.

Прощаясь на рельсах узкоколейки у переезда, подружка чмокнула меня в щеку и произнесла:

— Тамара, не сердись на меня, я не хотела тебя обижать. Пока! Выздоровлявай! Завтра в школе увидимся.

Удивляюсь, почему я хорошо запомнила все это. Как будто это было вчера. А ведь прошло так много лет, более пятидесяти... Полвека прошло! Но я хорошо все помню. Наверное потому, что часто вспоминала своих друзей. Проходя мимо их дома, всматривалась в светящиеся окна квартиры, где жили совсем чужие люди, думала о друзьях и грустила.

Жизнь шла своим чередом. Я жила в Москве. Очень трудно привыкала к шуму и суетности столичной жизни. И семейные отношения с мужем, его родственниками тоже складывались непросто. Часто

*Историческое фото Норильска из фотопроекта
газеты «Заполярная правда».
На углу Заводской и Октябрьской улиц — дом подруги*

мне, норильчанке, попадало за мою провинциальную прямолинейность. Иногда хотелось все бросить и уехать в родные места, в город своего детства, где отношения между людьми были проще и понятнее. Тем более, что в Норильске жил брат. Но не уехала, потому что ждала ребенка. Свекор, депутат районного совета, добился для нашей молодой семьи комнаты в коммунальной квартире. Этого добра в Москве в те времена хватало.

В этой квартире на Садовом кольце в районе Курского вокзала перебивало много друзей, соседей, родственников и совсем чужих мне людей, которые были проездом в Москве. Летом случалось и такое: не успели уехать норильчане, как приехали родственники из Красноярска. И тогда выручали соседки по коммуналке. Одна давала подушку, другая предлагала одеяло. Всем гостям у меня в доме было тепло и комфортно. Почти тридцать лет я прожила в той коммуналке. И до сих пор дружу с соседками в «Одноклассниках». Правда, встречаемся нечасто. Теперь я редко хожу по гостям, больше люблю, когда друзья приходят ко мне в гости. Огромная Москва! Доедешь — и уже устала.

А тогда я мечтала съездить в Ленинград и разыскать своих друзей. Но там остановиться можно было только в гостинице. В советское время это было почти невозможно. К тому же росли дочери. Сначала старшая — Юлия, потом младшая дочь — Людмила.

Вместе с Москвой, временем, детьми взрослела и я. Постепенно из романтической девушки превращалась в сдержанную москвичку. Стала мудрее и гибче — научилась обходить «острые углы». Когда подросла младшая дочь, можно было поехать в Ленинград, но начались трудные годы построения капитализма. Ленинград приобрел свое первоначальное имя. А моя семья, как и многие другие россияне, остались ни с чем. Запасы продовольствия и одежды для дочерей на вырост быстро иссякали. Денег на поездку в Питер, тем более на гостиницу, не было. Как-то так постепенно смирилась, что никогда больше не увижу

свою первую и самую лучшую подружку. И думать, а тем более страдать по этому поводу, было некогда — работала учителем в школе на две ставки, дома занималась семьей.

В 1994 году похоронила мать. В 1997 году умерла старшая дочь, через год — муж. Становилась взрослее младшая дочь и требовала к себе внимания. Потом начался кризис в стране развивающегося капитализма. И в моей судьбе тоже произошли изменения. Это получение отдельной квартиры на выселках, то есть на окраине города в Южном Бутове.

С переездом начались новые заботы, и с ними новые материальные затраты.

В 2008 году, когда дочка уже окончила Бауманку и работала, я оставила любимую работу по причине плохого здоровья. Установила дома Интернет, завела электронный почтовый ящик, зашла в социальную сеть «Одноклассники». И стала обзаводиться виртуальными друзьями. Находила одноклассников, однокурсников, соседей. Моими друзьями становились люди из разных городов и стран, которые раньше жили в Норильске. Население современного Норильска не превышает двухсот тысяч жителей. Но если сложить всех тех, кто жил и работал в нем, а потом уехал, то сумма будет на порядок больше. Ни один город страны не может похвастаться таким количеством групп в «Одноклассниках», как Норильск.

Сначала зашла во все норильские группы, потом поисковые группы. Везде, в альбомах и в темах размещала объявление о поиске своих друзей. Наконец вошла в группу «Поповы, весь мир...», куда меня долго не принимали. Потом зашла в сети «Мой мир» и «В Кругу друзей» и стала искать Поповых, моих ровесников. Таковых было немного. А потом искала Поповых 35 — 42 лет (предполагаемых детей) моих друзей и рассылать им сообщения следующего содержания: Ищу подругу детства Наталью (Попову) 1946 г.р. У нее младший Брат Саша Попов и старший брат - Грязнев Евгений. Их мать звали Грязнева

Вера Ивановна. Она врач. До 1957 года их семья жила в Норильске, а потом переехала в Ленинград и жила на Васильевском острове.

Особенно отзывчивы были питерские женщины. В вежливой форме, а иногда даже виновато отвечали: «Извините, ничем помочь не могу.» Или: «Поговорила с родственниками мужа. Они живут в Питере недавно.» Наконец, как настоящий поисковик, залезла в телефонные справочники Санкт-Петербурга, а таких было и есть немало. Искать подругу было бесполезно. Потому что она, как я и как многие другие женщины, давно сменила свою фамилию. Сначала начала искать Грязневу Веру Ивановну. Конечно, ни в одном, даже самом застарелом справочнике, нужной мне Веры Ивановны не оказалось. Я искала и вспоминала прошлое.

Как-то Наташа была у меня дома. Кажется, это было весной 1957 года после майских праздников. Отец распечатал окна, забитые на зиму снаружи щитом из досок, которых было полным-полно во дворе магазина на Октябрьской улице. В свой выходной мама побелила две небольших комнаты и кухню. Наша отдельная квартирка, не обремененная мебелью, сияла чистотой и пахла свежестью.

— Хорошо у вас, мне понравилось, — сказала подруга, когда мы вышли на улицу. — И мама у тебя молодая. Меня мама родила поздно, когда ей было за тридцать. «Значит Вера Ивановна старше моей мамы лет на десять, а то и больше», — быстро в уме подсчитала я.

Позже побывав в Питере в гостях у сына и мужа подруги, узнала точно, что Вера Ивановна была старше моей мамы на 13 лет. Давно нет в живых моей мамочки, она умерла в тяжелом 1994 на 73 году жизни, когда похоронить человека было дороже, чем его вырастить. Потом стала искать Грязнева Евгения. А вот отчества Жени не знала. О том, что он неродной сын Евгения Александровича узнала позже.

1942 год. Строится дом на территории ЦБЛ. Наверное, в нем будет акушерское отделение городской больницы № 1 до 1947 года. На заднем плане улица Заводская. УЖД проходила параллельно Октябрьской улице.

Вспоминаю 1957 год, конец мая. В это время в Москве уже отцвели тюльпаны, нарциссы, отцвели яблони и вишни, разбросав по земле нежные лепестки. Цветут и благоухают кусты сирени. Начинает цвести жасмин. А в Норильске в это время только недавно появилось солнце. Оно светит ярко, и городской снег, сильно почерневший за зиму, медленно-медленно начинает таять. Везде слякоть, черная сажа, грязь! Закончился учебный год. И мы, довольные, идем с подругой из школы домой, не торопясь, развязав шапки и расстегнув на все пуговицы пальто. Идем домой ближней дорогой вдоль ручья и без Саши. Перешли на другую сторону Заводской улицы. У городской больницы № 2, где раньше была ЦБЛ, встретили моего отца. Он шел или из магазина, или из поликлиники. Мы остановились ненадолго, а потом Наташа спросила меня: «Тамара, а где твой папа работает?»

— Бухгалтером в САНУ.

— Да? — удивляется Наташа. — Раньше в этой больнице моя мама работала, она была главным врачом. Но это было до моего рождения. Здесь они с папой познакомились. Наталья прижимает палец к губам и продолжает:

— Только это секрет, мне няня рассказывала. — При упоминании няни, на глазах подружки заблестели слезинки. — Мама осматривала папу и сказала, что ее маленького сыночка зовут Женечкой. Так они познакомились, а потом поженились.

...Продолжаю вспоминать Норильск и поиски Грязнева Евгения в Санкт-Петербурге. Справочники все как один, заявляют: «По вашему запросу Грязнева Евгения не найдено».

— Умер! — уже не в первый раз произнесла я вслух сама себе и сильно запаниковала. Наконец, мне попался справочник, который выдавал даты рождения. Радуюсь находке и упорно продолжаю разыскивать старых друзей. Но радовалась недолго,

На этом историческом фото из фотопроекта газеты «Заполярная правда» хорошо видно 2-этажное здание поликлиники, в которой работала окулистом Грязнева Вера Ивановна. Следующее трехэтажное здание — ЦБЛ до 1948 года

и нужного мне младшего брата подружки, как ни старалась, найти не смогла.

— Наверное, Саша уехал за границу, — сообщаю Вере Коровиной, подружке по сайту. Вера тоже норильчанка. Это она вдохновляла меня, вселяя в меня уверенность в поиске. Подружка жила в Питере и обзванивала, найденных мной людей, по телефонным справочникам с городского телефона.

— Не волнуйся, найдем, кажется, есть зацепка, — успокаивает она меня уже не в первый раз. — Сообщу через полчаса. Жди!

Целых полчаса мне показались вечностью.

— Кажется, узнала, — пишет питерская подружка, — их отец был Попов — врач-инфекционист.

— Нет, — уверенно возражаю я. — Попов Евгений Александрович был инженер.

— Да? — быстро появляется на мониторе. — Подожди, еще немного поищу.

Как медленно тянется время, когда что-то ждешь. И наконец-то, долгожданное сообщение Веры...

— Нашла, нашла! А я все думала, где я слышала эту фамилию: Грязнева Вера Ивановна и вспомнила. У тебя есть книга Евфросиньи Керсновской «Сколько стоит человек»?

— Нет!

— Там написано о твоих друзьях и их матери.

Я, как норильчанка, слышала и читала в прессе о книге воспоминаний «Сколько стоит человек». Ее написала знаменитая политзаключенная Норильлага Евфросинья Керсновская. Но к своему стыду, еще не успела ее прочитать. И уж, конечно, даже не подозревала, что Евфросинья Антоновна — это та тетя Фрося, которую однажды я видела в доме Поповых. В том доме мы с ней обе были подружками. Она была подругой Веры Ивановны, а я — подругой Наташи.

Вера Коровина прислала подробный адрес сайта. В поисковой строке Яндекса набираю латинские буквы, они сливаются у меня в глазах, я нервничаю и сбиваюсь. Чертыхаясь и ругая себя за несообрази-

тельность, набираю по-русски: ГУЛАГ, книга Керсновской «Сколько стоит человек».

И сразу же попадаю на нужный сайт, как просят, регистрируюсь, и первым делом, читаю главу «Оазис в аду». Слезы сами собой льются из глаз. Цепкая память детства выдает звуки проходящего товарного поезда, который регулярно, а зимой, кажется, два раза в сутки проезжал мимо нашего дома, перевозя уголь на ТЭЦ. Ясно вижу деревянный забор вдоль ручья, который окружал ЦБЛ. Только тогда это был уже больничный городок, и дощатый забор, окружавший его, был полуразрушен. Местные жители использовали доски на постройки балков и растопку. А норильчане, соседствующие с больничным городком, срезали углы, чтобы быстрее пройти в магазин с Заводской улицы на Октябрьскую и наоборот. А мы, детвора, иногда успешно, а чаще безуспешно, рылись в мусоре, выискивая для игры в больницу, треснутые шприцы и разные использованные склянки, пока бдительные родители не пресекли наши опасные раскопки.

После 1956 года в двухэтажном и трехэтажном зданиях открыли городскую больницу № 2, а ЦБЛ еще раньше перевели в другое место, где-то у подножия Рудной. А совсем недавно узнала из Интернета, что в этом трехэтажном здании на Заводской, построенном в 1939 году, первоначально предполагали открыть гостиницу, но потом рассудив, приспособили помещение для больницы. Таким вот образом оказались рядом больница № 1 для вольнонаемного населения в 17 доме и ЦБ Норильлага — в 19.

Забыв про природную застенчивость, пишу на форум сайта Керсновской: «Помогите найти моих друзей!». Честно говоря, не надеялась на ответ. Но он пришел незамедлительно, за ним другой, третий. Из первого сообщения узнала, что Попов Евгений Александрович усыновил Женю. Но радовалась я напрасно, так как по высланному адресу на проспекте Большевиков были прописаны двое: Попова Л.К. 1947 г.р.

и Попова М.Е. 1977 года рождения. Догадываюсь, что это жена и дочь Жени. Я заволновалась, жив ли Женя? Меня опять успокаивает меня Вера.

— Может они разошлись. Пиши номер телефона, я позвоню.

Вера звонит в Питер, и мы узнаем о том, что раньше в этой квартире проживали Поповы, но потом они продали квартиру и уехали в Зеленогорск. Новые хозяева обещали нам найти их номер телефона.

— Ничего, Тамара, не волнуйся, если не дадут телефон, сами найдем! — сообщает моя оптимистично настроенная подружка. — После ноябрьских праздников схожу в адресное бюро на Литейном. Я знаю, где это. Я разыскивала соседок моей бабушки, без вести пропавшей во время блокады. По старому адресу Грязневой Веры Ивановны найдем. Обязательно найдем!

О том, что Вера Ивановна умерла в 1984 году, я узнала из второго сообщения администратора сайта Керсновской. А из третьего — узнала адрес из записной книжки Евфросиньи Антоновны. В сообщении было написано так: «14 линия Васильевского острова, дом 45 кв. №.». И в скобках добавлено: «Было написано 11 линия, а потом переправлено на 14». Позднее, уже от Андрея, сына подруги, узнала, что на 14 линии Васильевского острова в 45 доме жила родная сестра Веры Ивановны, а квартиру на 11 линии получил Евгений Александрович, когда стал работать в Университете после реабилитации.

Прочитав это, я не смогла сдержать слез и разрыдалась, вспомнив, как трудно было мне, маленькой девчонке, получить письмо с фиолетовой надписью в верхнем левом углу: «адресат не проживает». Посмотрев карту Васильевского острова Санкт-Петербурга, обратила внимание, что на нечетных линиях Васильевского острова — номера домов четные. А на четных линиях — нечетные. Если бы в отделении связи Ленинграда подошли к делу не формально, а по-доброму и разумно, то доставили бы мое письмо на 14 линию, где жила родная сестра Веры Ивановны. Но, увы! Так

ровно через 53 года, я узнала тайну вернувшегося назад моего письма.

Шли долгие ноябрьские праздники, вернее сказать, не шли, а медленно-медленно тянулись. Я полностью и очень внимательно прочитала книгу Евфросиньи Антоновны, даже нашла в «Одноклассниках» ее родственницу. Просмотрев фотографии писательницы, узнала ее. Я уже писала, что видела ее лишь один раз. Она была в гостях у Веры Ивановны. Наташа называла ее тетя Фрося. Как сейчас помню, на ней была клетчатая блузка с узким галстуком, темная юбка и туфли на небольшом каблучке. Значит, это было в начале или конце лета. В понедельник после ноябрьских праздников получила сообщение Веры:

— Сама позвони по этому телефону. Я не могу дозвониться.

Такое сообщение меня насторожило. Я не поверила подружке, но возражать не стала и позвонила сама. На другом конце провода ответила Мария Евгеньевна, дочка Жени. Вежливо выслушав меня, она скорбно произнесла:

— Они все умерли.

— Как умерли? Не может быть! И Наташа?

— Первым умер дядя Саша в 1995 году, потом тетя Наташа. Она умерла в 2001 году. В 2002 году умер папа. У них, как и у бабушки Веры, был рак.

Я залилась слезами. Извинилась за несдержанность, поблагодарила, попрощалась и, положив трубку, разрыдалась. У меня началась настоящая депрессия, а если говорить языком медиков — реактивное состояние. Господи! Сколько невзгод и потерь близких мне пришлось пережить за свою жизнь, но такое плохое состояние у меня было впервые. Душа и сердце болели и не хотели верить, что Наташи и ее братьев уже нет, хотя разумом прекрасно понимала, что меня не обманывают, и моих друзей-норильчан, действительно уже давно нет в живых. Но, если бы Вы знали, как трудно было смириться с такой реальностью! Я так долго искала, так ждала, так надеялась, что

позвоню подруге, услышу ее голос, и тихо произнесу: «Здравствуй, Наташа! Наконец-то я тебя нашла, подружка моя милая».

В следующий раз позвонила Маше через неделю, когда немного успокоилась и кое-как пришла в себя. Хотела поговорить с женой Жени, но оказалось, что и мама Маши — жена Жени, тоже умерла в 2007 году. Сама же Маша была немногословна, рассказывала только о себе и своей семье. Но все равно я кое-что узнала. Узнала фамилию Наташи по мужу, имя ее сына и имя дочери Саши. И опять стала рыться в справочниках Питера. И нашла! Сама нашла адрес на ул. Кораблестроителей, только благодаря тому, что вспомнила день рождения подруги. В другом застарелом справочнике адресного бюро нашла адрес Екатерины Александровны Поповой, дочери Саши. В следующем справочнике по тому же адресу узнала имя и отчество жены Саши.

В Санкт-Петербурге долго не звонила, боясь напороться на равнодушие и непонимание чужого человека. И напрасно! Жена Саши, интеллигентная женщина, меня внимательно выслушала, успокоила и рассказала мне о Наташе, Саше и об Андрее — сыне подруги и дала изменившийся номер его телефона. Восьмого января 2011 года я позвонила Андрею.

— Да! Наташа Попова — это моя мама, — услышала я на другом конце провода.

Мы долго разговаривали.

— Обязательно приезжайте, летом приезжайте! Покажем фотографии мамы, вместе съездим на кладбище, помянем. Бабушка тоже умерла от рака. Дедушка умер в 1969 году.

Шло время. Необычайно теплая весна 2011 года плавно перешла в лето. Наконец-то моя мечта сбылась! В середине июня я приехала в Санкт-Петербург. Погода была замечательная, такая не часто бывает в это время в северной столице. Небо чистое-чистое и ярко светит солнце. И вот я в квартире подруги. Знакомимся. Раздеваюсь и предъявляю свой «пропуск». Мой пропуск — это фото Наташи. Хотя мне не нужно было

*Дом подруги
на 11 линии
Васильевского
острова
(фото из моего
альбома)*

*Вид из окна
квартиры
Зубовых
на Капитанскую
улицу и Финский
залив
(фото из моего
альбома)*

никакого пропуска. Меня признали лучшей подругой Наташи сразу еще при первом разговоре по телефону.

— Надо же! — восклицает Владимир Михайлович, муж подруги. — А у нас нет такой фотографии.

Я вопросительно смотрю на Андрея. Это с ним я говорила по телефону о фотографии, где Наташа с куклой. Заметив мою растерянность, Владимир Михайлович спешит меня успокоить и ему поддакивает сын подруги.

— Да, да это наша Наташа, — почти одновременно и в рифму говорят Зубовы. — У нас есть фото с куклой, но другой, и наша Наташа там младше.

Я подружилась с Зубовыми, иначе и быть не могло. Особенно с Андреем, от него много узнала о жизни

подруги в Ленинграде, несколько раз просмотрела фотографии их семьи. Раз десять смотрела видеозапись празднования 50-летия подруги. Там моя Наташа была живая, она сидела за столом, говорила, вставала и шла на кухню. Рядом с ней сидели ее институтские подружки. Если бы вы знали, как я завидовала им!

Муж Наташи, Владимир Михайлович, прокатил меня на своем пежо по Васильевскому острову, показал дом, где прошло детство и юность подруги. Дом на 6 линии, где последние годы жизни провела Вера Ивановна. Много интересного узнала от него о Наташе, ее матери и родственниках. Был такой случай: сестра Веры Ивановны, Алевтина, которая летом приехала в Норильск, замешкалась и опоздала на последний пароход. Пришлось остаться в Норильске на всю зиму. В котором году это было, Владимир Михайлович не помнил.

— Наверное, до 1942 года, — уточнил он позднее. — Потом Аля вышла замуж и родила Сашу.

*Керновская
Евфросинья Антоновна
(фото из фотопроекта газеты
«Заполярная правда»)*

Двоюродного брата моих друзей Александра Латенко 1943 года рождения тоже уже не было в живых. Сестры Грязневые были дружны с детства. Алевтина, тоже врач, была на 2 года младше Веры. Все лето сестры проводили вместе. Сначала в доме, который принадлежал им в Ессентуках. Позднее они тот дом продали и купили новый в Сиверском под Ленинградом.

Андрюша тоже неоднократно отдыхал в Ессентуках в детстве и хорошо помнит подругу бабушки Евфросинью Антоновну,

помнит, как она заезжала к ним в Ленинград, путешествуя на велосипеде по Прибалтике. Когда в тяжелом 1994 году Керсновская умерла, все Поповы сбросились на поездку и венки и отправили на похороны в Ессентуки Евгения. Он лучше всех знал подружку матери, и та больше всех любила Женю.

«Оазис в аду» был небольшим промежутком времени сильной женщины, прошедшей семь кругов ада. Зато каким! Она любила Норильск. И Норильск помнит и любит ее!

Пришлось и мне рассказывать о жизни Поповых в Норильске. Особенно это было интересно сыну Наташи. Удивительно, но разглядывая фотографии подружки в Питере, я все больше и больше вспоминала наше детство. Вспомнила первый день в гостях у Наташи. Будущая подружка показывает мне металлическую коробку с фантиками дорогих конфет: «Белочка», «Золотой петушок». Я тоже собирала фантики, но они были проще, от конфет «Счастливое детство», «Эльбрус» и других, подобных им. И коробка для них у меня была картонная.

Потом вспомнила другой случай, как мы втроем, я, Наташа и Саша, заснеженные и замерзшие, вваливаемся в просторную прихожую Поповых, где нас встречает Вера Ивановна.

— Ниточка, иголочка и узелок, — шутливо произносит она, говоря о нашей троице.

— Я узелок? — совершенно серьезно, и даже с обидой в голосе, спрашивает маленький Саша.

— Ниточка и иголочка — женского рода, — нарочито серьезно отвечает Вера Ивановна, демонстративно разводя руками.

Саша, как и его отец, стал инженером. Он всегда был самым умным и уравновешенным из Поповых. Успешно решал нам математические задачи, хотя учился на класс ниже. Как жалко, что он так мало жил!

Вот такое печальное получилось повествование.

Если бы Наташа была жива и не захотела со мной общаться, уверяю Вас, я бы легче пережила все это.

Но, узнав, что ее уже давно нет, я до сих пор не могу прийти в себя. Я так мечтала услышать ее голос, почувствовать ее радость, вместе вспомнить милое сердцу детство. Но Наташи нет, и никогда больше не будет, никогда больше она не скажет мне: «Тамара, подожди, не уходи; еще рано, подожди. Давай, еще немного поговорим!»

Нет Саши, ее младшего брата, который всегда ходил с нами в школу, и частенько возвращался с нами из школы. Саша принимал участие в наших кукольных играх и не хотел быть «сыночком».

— Я папой хочу быть! — настаивал мальчик.

— Хорошо! — соглашалась, хитро сощурившись, сестра. — Будешь папой. Тогда иди на работу! Иди в гостиную. Там у тебя будет работа — таким вот образом она деликатно выдворяла брата из детской. Иногда мы сами убегали от Саши в ванную комнату, когда нам с подругой надо было посекретничать.

Нет Саши, и никто лучше него не смог бы рассказать мне о переезде из Норильска, о жизни в Ленинграде, о Наташе, которая стала врачом-стоматологом. Однажды, работая буром, она почувствовала его неисправность, и чтобы не поранить пациента-ребенка, резко вытащила инструмент, при этом сильно поранила свою левую руку. После этого случая работать стоматологом Наташа не могла, получила инвалидность, переквалифицировалась и работала рентгенологом в онкологии. Всем больным делала рентген до и после лечения. А на себя, как всегда, у нее не хватало времени. Себе рентген сделала поздно.ю уже тогда, когда рак легких был в последней стадии. Наташа умерла 15.04.2001 года в Святой праздник Пасхи. И вот уже много лет об упокоении рабы божией Натальи в этот день или раньше звонят колокола на Валааме и в Александро-Невской Лавре.

Наташа была верующей. Ее родной дед Александр Попов служил в церкви при Санкт-Петербургском университете, за что пострадал в советское время сам, и пострадали его родственники. Так Евгений Алексан-

*Дома № 27 и 29
по Заводской
улице.
В доме № 29 в 4
квартире жили
Поповы
(фото из альбома
подруги)*

*Эта фотография
1945 г., из
фотопроекта
газеты
«Заполярная
правда», более
ранняя — дома еще
не оштукатурены,
на поздних уже
нет крыльца*

дрович оказался на Соловках, а потом в Норильске.

В самом конце войны он был переведен на свободное поселение по состоянию здоровья. Доктор Грязнева сделала это совершенно осознанно, потому что у Попова Е.А. были больные ноги. Она сразу поставила правильный диагноз: облитерирующий эндартериит. Коллеги Веры Ивановны, а они были старше ее лет на пять–десять и опытнее, и их тоже давно нет в живых, согласились с ней и подписали акт. Точно такой же диагноз поставили врачи Ленинграда в 1960 году. И сама жизнь, и врачебная практика подтвердили правильность диагноза. Перед смертью у Евгения Александровича ампутировали ногу.

Даже нет Жени, которого я мало знала, потому, что он с нами (малышами) не водился. Но, ни словом, ни косым взглядом не обижал меня. Когда Женя вырос, и нужно было получать паспорт, Вера Ивановна

рассказала все о его родном отце, который тогда жил в Новосибирске. И Женя сам сделал выбор. Его с полутора лет воспитывал замечательный человек, и Женя, не задумываясь, взял его фамилию и отчество. Евгений Попов окончил институт советской торговли.

Свое вечное пристанище мои друзья-норильчане нашли на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга, рядом с родственниками. Все пятеро лежат под одной огромной плитой. Очень жалею, что не получились фотографии, снятые на кладбище.

Где мой конечный пикет, я тоже знаю. Это Николо-Архангельское кладбище в Москве, где покоится прах моей старшей дочери, но время пикета пока неизвестно...

А любимый город, город детства, растет и развивается. Дети и уже внуки моих ровесников работают в НГМК. Может кто-то из наших сверстников вспомнит врача-окулиста Грязневу Веру Ивановну; своих одноклассников: Женю Грязнева 1944 г.р., Сашу Попова 1947 г.р. и Наташу Попову 1946 г.р., вспомнят и напишут мне, а я с радостью им отвечу.

Только жалко, что уже нет моего Норильска. Все деревянные дома в старом городе разрушены за ненадобностью временем и суровым климатом. Недавно видела на фото дом 16 по Заводской улице в полуразрушенном состоянии и, еще ужаснее выглядят два здания напротив: поликлиники и ЦБЛ.

А жители Норильска 15 июля 2013 года почему-то отмечали 60-летний юбилей города. Как будто и не было

*Это я в Питере,
13 июня 2011 г.
(фото из моего альбома)*

*1935 год. Из Дудинки отправляют первых поселенцев в Норильск.
(фото из фотопроекта газеты «Заполярная правда»)*

у Норильска его трудных лет становления, развития и создания города. Обидно за тех, кто жил и строил его с 1935 по 1953 год. Только на миг представьте себе, как им было трудно! Как было трудно молодым ребятам, выпускникам вузов и техникумов, приехавшим из больших городов. Они приехали строить город, приехали почти в никуда: в тундру, мороз и вечную мерзлоту и даже не знали, что уехать, то есть вернуться назад, просто невозможно. Ни железной, ни автомобильной дорог, ни аэропорта в Норильске тогда еще не было. Не было асфальта и электрического освещения на единственной улице поселения. Деревянные бараки круглосуточно обогревались печами. Не сразу появился магазин. Не было почтового отделения; оно впервые появилось в 1939 году, когда Норильску был присвоен статус рабочего поселка. Весной и осенью была непролазная грязь. Чтобы легче было ходить, тропинки и дорожки от дома жители засыпали шлаком из печей. Зимой люди безуспешно боролись со снегом. Летом с мошкаррой. А первопоселенцы жили, жили и работали: учили детей,

лечили больных, строили дома и заводы, добывали руду и уголь.

Прожив и проработав в Норильске положенные три года, эти специалисты прикипели к нему и остались, как и мы с Вами, остались норильчанами навсегда.

15 июля 2015 года важная дата для Норильска — это его 80-летний юбилей. Известно, что основными его строителями были заключенные. В мое норильское время не все дети что-то серьезное знали об этом, в их числе была и я. В моей семье никогда не было разговоров о лагерях и заключенных, в школах — тоже. Здесь все дети, и вольнонаемных и осужденных были на равных. Наше внимание учителя всегда акцентировали на учебу, общественную работу, отдых, а мы сами в повседневной жизни ощущали недостаток в снабжении продуктами, необходимыми вещами... Кто не знает истории Норильска, может подумать, прочитав мои воспоминания, что всем специалистам давали хорошие квартиры, а в семьях где малые дети, жили няньки и домработницы. Да, ими были заключенные женщины во многих семьях вольнонаемных, но все-таки далеко не у всех. Вера Ивановна, как главный врач Центральной больницы норильских лагерей, к тому же приехавшая в самый трудный 1935 год с малым ребенком вскоре вышла замуж за заключенного, тоже очень нужного специалиста для комбината. Не удивительно, что она получила квартирные привилегии как только представилась такая возможность.

Норильск с первых дней своего рождения был городом парадоксов — о них рассказали многие авторы книги «О времени, о Норильске, о себе...»...

*Андрей Бовин –
студент Норильского техникума, 1950 г.*

Андрей Бовин:

*«Норильский техникум для
меня — университет жизни»*

*Совещание горняков.
Докладывает Андрей Андреевич Бовин.
Чита, 1973 г.*

ДЕТСТВО, ВОЙНА, АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ...

Небольшое предисловие. Летом 2013 года на 83 году жизни я споткнулся в нашем дачном доме и упал на спину: торопился и не посмотрел под ноги. В результате я получил серьезную травму позвоночника. Врачи сняли боли и создали условия для срастания позвоночника. И целый год я провел время в лежащем положении. Это оказалось тяжело. И физически, и морально. Не сразу мысли сосредоточились на воспоминаниях о прошедшей жизни. Бессонными ночами я листал ее страницы. В памяти всплывали житейские эпизоды, встречи, разговоры... Я снова проживал свою жизнь, вспоминал, анализировал прошлые события... И когда отдельные эпизоды стали складываться в некоторую общую панораму прошлого, я подумал, что итоги этих размышлений могут стать интересными хотя бы для потомков многочисленной семьи деда с бабушкой (Сергея Александровича и Татьяны Ивановны Бовиных). Кроме этого, мне и самому стало интересно вспоминать эпизоды собственной жизни и «копаться» в ее подробностях. Сегодня, вспоминая прошлое, считаю прожитую жизнь интересной. И когда отдельные эпизоды стали складываться в некоторую панораму прошлого, я взялся за перо.

Родился я 13 мая 1931 года в селе Калачинске Омской области. Моя мама Бовина Александра Сергеевна в то время работала агрономом в районной машинно-тракторной станции. Отец Рулёв Андрей Михайлович служил разъездным землеустроителем. Он был старше мамы на 13 лет и участвовал в боях Первой мировой войны. Был тогда тяжело ранен, и умер в 1942 году, находясь в командировке в Красноярском крае. Жизнь моя тесно связана с Сибирью. Уже 60 лет живу в Новосибирске. Около 10 лет жил в Красноярске, пять лет в Норильске, год в Кяхте (Республика Бурятия), неполный год в Черемхово (Иркутская область). Вне сибирской территории жил только два

с половиной года в Москве и год в двух небольших городах Центральной России: Устюжне (Вологодская область) и Рузе (Московская область). В Устюжне я поступил в первый класс, а в Рузе его закончил. Летом 1940 года мы вернулись в Красноярск. Маме не понравилась жизнь и работа в центральной части России. А в Красноярск, где она раньше работала, ее позвали. И сразу после ее согласия возвратиться нам выделили две комнаты в коммунальной четырехкомнатной квартире в центре города.

У деда Сергея Александровича и бабушки Татьяны Ивановны, кроме мамы, были еще две дочери Елена Сергеевна и Татьяна Сергеевна и сын Анатолий Сергеевич. У всех были дети. Наша семья была дружной, время от времени то дед приезжал в Красноярск и «пас» нас с сестрой. Или нас отправляли: то в Ново-

Красноярск, 1935 г.

Слева направо: дедушка Сергей Александрович Бовин, маленький Андрей, мама Александра Сергеевна, сестра Татьяна, бабушка Татьяна Ивановна Бовина

сибирск, то в Томск или в Кемерово, где жили другие члены семьи. Мне нравились эти поездки.

Нам с сестрой дед много читал вслух. Чаще всего это были стихи Пушкина, Лермонтова и Некрасова. Помню, как я заливался слезами, когда он читал нам «Тараса Бульбу» Гоголя. Однажды дед купил конторскую книгу, в нее мы стали клеивать портреты известных писателей, ученых, композиторов, как отечественных, так и зарубежных. Их портреты мы вырезали из отрывного календаря. Дед рассказывал нам, чем знамениты эти люди. Мы с сестрой с малых лет знали многие имена и дела знаменитых людей, так мы приобщились к самостоятельному чтению.

Летом 1940 года нас, детей, стало трое — родилась еще одна сестра Людмила. Мое детство закончилось с началом Отечественной войны. Ввели карточную систему. Маме полагалась дневная норма хлеба 500 грамм. Нам, сестрам и мне (категория — иждивенцы), полагалось по 300 грамм. За хлебом всегда ходил я. Помню, что очереди были длинные и молчаливые. Разговоров почти не было, соблюдался порядок. Хлебные карточки выдавались ежемесячно. Были дни, когда из-за недостатка хлеба, его полная норма не выдавалась. В такие дни из карточки вырезали только часть талончиков. Недоданная норма хлеба возвращалась нам.

Карточки на крупу, сахар, постное масло выдавались нерегулярно. Работающих жителей города обеспечивали обедами. Помню одно воскресенье из военного времени. Мы, трое детей, сидели за столом и молчали. Что было, все съели. Мама посмотрела на нас, потом что-то поискала в комод, сказала: «Подождите меня» и ушла. Ходила она недолго. Подошла к столу, подняла над ним сумку и высыпала на стол горку пряников: «Ешьте!». «А сколько можно?» — спросили мы. «А сколько съедите!» Много позднее, когда я летом приехал на каникулы, я вспомнил этот эпизод и спросил маму: «А откуда появились пряники»? Но она уже забыла об этом. Я ей напомнил.

И она рассказала: «У нас в Красноярске на проспекте Сталина был магазин. Все его называли «Торгсин». В нем в обмен на золото продавали продукты и одежду. И мама обменяла золотую коронку с коренного зуба кого-то из предков на пряники.

Мыться мы ходили в городские бани. Очереди в них были громадные. Несколько раз наш класс снимали с занятий и отправляли в баню. Всю нашу одежду в бане «прожаривали» — это производилась санобработка от вшей. В Красноярск начали прибывать предприятия и организации из западных территорий страны. В их числе в Красноярске оказались актеры Одесского и Днепропетровского театров оперы и балета. С их приездом началось «уплотнение» населения Красноярска. Нам предложили освободить одну из двух комнат — в нее поселили директора Одесского театра оперы и балета М. П. Линского с семьей. Позднее ему предоставили отдельную квартиру, а в соседях стали жить работники театра. При «плотной» населенности в нашей квартире (четыре комнаты и 11 человек — 4 семьи) за все время никаких бытовых ссор не возникало.

Мы часто бывали на музыкальных спектаклях. Этому способствовали наши соседи, приносявшие контрамарки на места, которые были закреплены за руководителями театра. Так мы попали на «Лебединое озеро», «Бахчисарайский фонтан», «Коппелию» и «Корсара». Оперу «Евгений Онегин» я слушал несколько раз. И она осталась моим любимым музыкальным произведением. К новому 1942 году мама купила красивую елку. Мы ее украсили и зажгли свечи. В это время соседи возвратились после спектакля и увидели нашу елку. Они моментально оказались в нашей комнате, и начался потрясающий концерт. Артисты пели на русском и украинском языках, читали стихи... Еще мы часто ходили в кино. Фильмы: «Беспокойное хозяйство», «В шесть часов вечера после войны», «Секретарь райкома», «Небесный тихоход», «Александр Невский» и другие мы смотрели по несколько раз.

Исполнение Марком Бернесом песни о Косте моряке в фильме «Два бойца» вызвал бурный восторг наших соседей-одесситов.

С осени 1940 до лета 1946 года я учился в неполной средней школе № 2, а занятия проходили в две смены. Учебники тогда были не у всех. Помню, что в «Истории СССР» были старательно зачеркнуты портреты репрессированных деятелей советского государства. Тогда это было первой встречей, мной еще не осознаваемой, с политической ситуацией в стране.

Увидев, в чем я хожу в школу (на ногах были старые и изношенные рабочие ботинки деда), Фаина Георгиевна дала мне ордер на покупку ботинок. Но в том магазинчике, где можно было их купить, обувь оказалась только одного фасона. Это были простые туфли на низком каблучке для девочек, с ремешком через ступню, который застегивался на пуговку на внешнем боку туфли. После мучительных раздумий я купил такие туфли. Но всегда, когда я их надевал, то старался, чтобы окружающим не было видно, что я хожу в «девчачьих» туфлях.

В конце последнего учебного года состоялось комсомольское собрание. На нем меня приняли в комсомол. Учебный год в седьмом классе закончился сдачей экзаменов по всем дисциплинам — кроме химии. В моем свидетельстве об окончании неполной средней школы пятерки и четверки делились примерно пополам. Троек не было. Сразу после окончания неполной средней школы в нашей маленькой семье возникла проблема — где мне продолжить обучение. Мама сказала, что она не сможет мне обеспечить получение среднего школьного образования. Да я и сам это понимал. После обсуждения ситуации мы решили ориентироваться на поступление в Норильский горно-металлургический техникум. Хотя он начал работать недавно, но слава о нем быстро распространялась по Красноярскому краю. Стремление поступить в Норильский техникум для молодых людей объяснялось повышенным уровнем северного снабжения по срав-

нению, например, с южной территорией Красноярского края. Шел первый послевоенный год. Еще действовала карточная система обеспечения продуктами питания и промышленными товарами.

Решили: еду поступать в Норильский техникум. Сразу, после получения аттестатов об окончании неполной средней школы, четверо ее бывших учеников, в том числе и я, отправились в представительство Норильского горно-металлургического комбината. Там действовал пункт по приему заявлений и документов от желающих поступить в техникум. Возглавлял тогда этот пункт Константин Иванович Чащин — преподаватель физики в техникуме. Он оказался очень коммуникабельным и веселым человеком. Он ответил на все наши вопросы, принял документы и сразу наделил каждого из нас документом на получение в Красноярской базе Норильскснаба продуктов питания, как сказал К.И. Чащин, «на дорогу». А дорога нам предстояла непростая. Более двух тысяч километров по Енисею до Дудинки, а там еще около девяноста километров по узкоколейной железной дороге до Норильска. Он предупредил нас, что в Норильске мы должны быть обязательно в августе. В это время будут проходить консультации и экзамены.

У нас не было денег на поездку. Но мама вышла из положения: продала на базаре несколько рыбин из выданного нам «пайка на дорогу» и купила мне билет в третий класс теплохода «Серго Орджоникидзе». Вариант моего «провала» на вступительных экзаменах вообще не рассматривался. И вот в яркий солнечный день в конце июля 1946 года я с мамой и сестрами стоял на Красноярской пристани, ожидая посадки. На теплоходе оказалось много молодежи, в том числе тех, кто рассчитывал учиться в Норильском техникуме. К концу поездки у нас уже сформировался небольшой коллектив.

По Енисею я путешествовал впервые. Во время остановок мы бродили по Енисейску, Туруханску, Курейке и Игарке. Игарка поразила нас деревянным

покрытием улиц и обилием судов в порту, в том числе и зарубежных. В Курейке постояли около избы, где жил в ссылке И.В. Сталин. Удивляло, что по мере приближения к Дудинке исчезала ночь, а дни становились длиннее. К Дудинке подошли утром, кажется, на шестой день. Всех, кто поступал в техникум, посадили в товарный вагон. Ехали очень медленно и до Норильска добрались только к вечеру.

Далее нас повели в общежитие через город: от железнодорожной станции «Норильск» по улицам Горной, Заводской, долго шли по улице Октябрьской, до так называемого Соцгорода, где стояло двухэтажное здание техникума.

Девушек сразу направили в женское общежитие, трехэтажное здание рядом с техникумом. А нас, парней, повели в бараки городка военизированной охраны. Бараки состояли из двух жилых помещений, примерно по 20 мест, в середине которых были печки. Между помещениями было небольшое пространство, где стояли бочка воды и длинный умывальник. Удобства типа «М—Ж» были на улице. «Располагайтесь», — предложил нам сопровождающий. И добавил: «Тот, кто поступит в техникум, первый год будет жить здесь». И мы начали обживать новое жилье. Через несколько дней нам выдали продуктовые карточки на август. Мы их выкупали и на кострах около барачков готовили себе еду.

Каждый день мы бывали в здании техникума, узнавали новости. Количество поступающих постепенно увеличивалось. Из нас, четырех человек, экзамены выдержали только трое. Одному пришлось вернуться домой. Вот я стою перед приемной комиссией в кабинете директора, и у меня спрашивают, какую специальность я бы хотел получить. «Хочу стать геологом», — ответил я. Но оказалось, что все места в этой группе уже заняты и остались места только в двух группах — горное дело и металлургия цветных металлов. Я выбрал горное дело и не жалею об этом. Мои школьные товарищи тоже выбрали горное дело.

Но, забегаая вперед, скажу, что полностью курс обучения в техникуме, из нас четверых, приехавших летом 1946 года в Норильск, закончил я один.

МЫ — СТУДЕНТЫ ТЕХНИКУМА!

Техникум был создан Норильским комбинатом в годы Отечественной войны и начал свою деятельность осенью 1944 г. Он был уникальным учебным заведением. Его уникальность заключалась в том, что техникум был создан крупным промышленным предприятием страны, исходя из собственной потребности в технических кадрах. Работники комбината разработали учебные программы по всем нужным специальностям.

Комбинат позаботился и о преподавателях, которые подготовили курсы лекций, задания для самостоятельной работы учащихся и экзаменационные вопросы. Он выделил предприятия для ознакомительных, производственных и преддипломных практик. Все необходимые затраты, которые требовались для деятельности техникума, оплачивал комбинат.

Ежедневная учебная нагрузка в техникуме составляла 6–8 учебных часов. Контроль посещения занятий был строгим. Учебный день начинался с общего построения учащихся по группам. Старосты групп докладывали директору техникума о количестве присутствующих на занятиях. Ни у кого из нас никакого желания прогуливать не было. Нам хотелось поскорее начать самостоятельную жизнь.

*Андрей Бовин —
студент Норильского горно-
металлургического техникума,
горняк.
Норильск, 1949 г.*

Первый год обучения был посвящен общеобразовательным предметам. Часть из них (математика, физика, литература, английский язык) приближали наше общее образование к стандартам среднего образования. Другая часть предметов первого курса (черчение, механика, технология металлов) предусматривала введение в область технических знаний. Со второго курса почти вся учебная программа состояла из предметов, соответствующих профилю нашей будущей специальности. В то время учебников по специальным дисциплинам просто не было, и наши преподаватели подготовили собственные курсы лекций.

Очень яркое впечатление произвел на нас преподаватель черчения Лозовой Константин Игнатьевич. Его занятия начались с подготовки карандаша! На классной доске был представлен рисунок карандаша, как образец его подготовки к работе. Константин Игнатьевич раздал карандаши и предложил их очинить. А затем были его жесткие комментарии к нашим результатам. Дальнейшее обучение черчению началось с азов: ознакомление с форматами чертежей, порядком заполнения штампов на чертежах, освоение чертежных шрифтов. Большинство ребят в нашей группе встретились с черчением впервые и с трудом его преодолевали.

Когда мы освоили основы черчения, Константин Игнатьевич раздал нам детали разных изделий. Мы должны были их измерить и начертить в трех проекциях. Если все было сделано правильно, он ставил карандашом точку на какой-нибудь проекции и говорил: «Вот села муха, где на остальных проекциях она будет располагаться?» Не без труда мы освоили черчение, и наши дипломные проекты выглядели в конце учебы вполне прилично.

Интересно вел свой курс физик Константин Иванович Чащин. Он был веселым человеком и представлял серьезный материал очень понятным и, главное, нескучным образом. У него была поговорка: когда он видел ошибку в расчетах, то говорил: «Что? Дробя

заедает?» Строгим преподавателем математики был Гринберг. Однажды, проверяя мою домашнюю работу, он обнаружил, что я полностью задание не выполнил. И с тех пор, до конца семестра, он задавал мне (и проверял!) больше примеров, чем остальным ребятам. Пожалуй, самыми интересными на первом курсе были занятия по «Технологии металлов» Льва Шалвовича Белиходзе. Он просто и понятно представлял нам процессы производства чугуна и стали, технологические процессы обработки металлов. В свои лекции он вставлял производственные примеры и шутки.

С начала учебного года упорядочился наш быт. Жить мы остались в том бараке, в какой нас поместили по приезду в Норильск. Один из нас, по очереди, оставался дежурным. Его обязанностью было протопить днем две печи. Зимой, даже в самые суровые морозы, у нас было тепло. На втором курсе мы жили на 5 этаже большого дома в Горстрое. На третьем курсе — в двухэтажном доме недалеко от техникума. На четвертом мы заняли половину трехэтажного дома рядом с техникумом. Вторую половину занимали девушки. Стипендия, которая нам полагалась, кроме небольшой суммы на бытовые нужды, поступала в столовую. Кормили нас три раза в день очень прилично. Собирали в стирку наше нижнее белье и верхние рубашки. В октябре-ноябре первого года учебы в техникуме с нас сняли мерки, и скоро мы получили студенческие китель и брюки, шинели, зимние шапки и ботинки. Позднее геологам и горнякам сшили форменную одежду.

Жизнь шла исключительно в двух местах: в здании техникума и в общежитии. В техникуме всегда активно действовала комсомольская организация. Ее деятельным руководителем был Петр Андреев. Перед нами выступали ведущие специалисты комбината. Помню инженера А.Б. Логинова (с 1954 г. — директора Норильского комбината). После его возвращения из командировки в США и Канаду он рассказал нам о современной Америке. С докладом о втором мировом

геологическом конгрессе выступил член-корреспондент АН СССР Н.М. Федоровский. Приходили к нам в техникум и актеры Норильского театра. Очень большое впечатление осталось у меня от чтения поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша», но, к сожалению, не помню фамилию актера. Редко, но мы ходили и в кино в Дом инженерно-технических работников (ДИТР). Была у студентов и своя самодеятельность. По субботам и воскресеньям в фойе второго этажа техникума устраивали танцы под баян. В техникуме была хорошая библиотека.

Первый курс обучения в техникуме я окончил без троек. Вместе с тем я понимал, что первый курс — это только предисловие будущего. Несмотря на то, что мы уже встретились с некоторыми техническими дисциплинами, этого было недостаточно для полного осознания будущей профессии. Главным предметом обучения второго года были «Основы горного дела» Е.К. Красницкого — начальника горного отделения техникума. Этот предмет по существу был обзором главных объектов, с которыми мы будем иметь дело и их характеристиками: рудное тело, угольный пласт, технологические приемы их разработки (подземная выемка, открытые работы), горные выработки для доступа к полезному ископаемому, машины и механизмы, используемые в горной промышленности и т.д. В большом кабинете Евгения Константиновича на стеллажах лежали образцы применяемого на горных предприятиях ручного инструмента: отбойные молотки, разнообразные перфораторы для бурения шпуров, буровые штанги, буровые коронки и т.д. Нам разрешалось не только осматривать выставленное оборудование, но и разбирать и собирать его. Спокойный голос Евгения Константиновича, обилие примеров разработки месторождений полезных ископаемых — это были особенности его лекций.

Центральным предметом обучения на третьем курсе были «Системы разработки пластовых месторождений», лекции читал Владимир Владимирович

Люри. Этот предмет по своему значению является технологической основой разработки угольных месторождений. Одновременно с основами горного дела мы слушали лекции и сдавали экзамены по десятку других предметов, имеющих непосредственное отношение к нашей будущей профессии. «Геологию» и «Минералогию» нам читал Борис Семенович Павлов, «Геодезию и маркшейдерское дело» Георгий Яковлевич Шамшура. «Рудничный транспорт», «Подъем» и «Вентиляция» — в эти дисциплины нас глубоко погрузил Петр Михайлович Афанасьев. С «Горными машинами» нас ознакомил Муромец, а со «Строительным делом» — Валентин Никонович Скалигеров. «Электротехнику» преподавал Михаил Петрович Сорокин, а «Обогащение руд» — Ярутин Петр Яковлевич.

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Организация производственной практики в Норильском техникуме и сегодня представляется мне уникальной. Технологическая практика проходила в конце первого года обучения и была продолжением предмета «Технология металлов». Практика была организована в паровозоремонтном цехе Норильского комбината. Паровозы в Норильске использовались на железных дорогах широкой колеи (на карьерах рудников открытых работ) и узкой колеи (обслуживание транспортных связей между Норильском и речным портом Дудинкой).

В нашей группе (полностью мужской) в основном были парни, которые уже имели рабочие специальности и стаж работы на оборонных заводах Красноярска. Им были предоставлены рабочие места в соответствии с их квалификацией. А мы, человек семь, попавшие в техникум со школьной скамьи, впервые прикоснулись к реальному производству. Каждому из нас определили шефа: рабочего-станочника. Провели

инструктаж по технике безопасности. И месяц мы регулярно приходили в цех. Здесь шло изготовление деталей для ремонтируемой техники. Нам показывали работу станков и разрешали выполнить, например, черновую обработку заготовок деталей на токарном и строгальном станках, сверление отверстий на станке. Мы видели реальные технологические процессы, спрашивали о том, что нам было интересно или непонятно, и всегда получали ответы. Для меня это был вход в новый мир машин и механизмов. У меня навсегда остался интерес к машиностроительным предприятиям и цехам.

Позднее, когда я перешел на преподавательскую работу, с нескрываемым интересом знакомился с современными машиностроительными заводами. В своем Новосибирске бывал на заводах, выпускающих электропечи для металлургических заводов, крупные электрические машины, аппараты для радиосвязи. Сам организовывал экскурсии для студентов экономического вуза. И всегда вспоминал небольшой механический цех для ремонта паровозов Норильского комбината, с посещения которого началось мое техническое образование.

В конце второго года обучения нам показали предприятия, обеспечивающие все этапы полного производственного цикла получения никеля, кобальта и меди — основной продукции комбината. Евгений Константинович Красницкий дал нам общее представление о горном деле. Эта практика существенно расширила наши представления о профессии. К концу практики мы чувствовали себя уверенней и активней задавали вопросы. А вечерами в общежитии обсуждали то, что видели днем. Приятно было, как подготовились к встрече с нами: в раздевалке была разложена спецодежда, каски, сапоги, аккумуляторы с фонарем, который крепится на каске. Не скрою, на первых экскурсиях «под землю» мы очень волновались. Однажды при посещении угольной шахты мы встретились с оборотной стороной горного дела. Когда наша группа

подошла к portalу штольни из нее вынесли тела двух погибших шахтеров. Руководитель нам пояснил, что несчастный случай произошел из-за нарушения правил техники безопасности. На том участке угольного пласта, где осуществлялась проходка выработки, непосредственная ее кровля была представлена сломом сланца от 40 до 60 сантиметров. Он имел свойство отслаиваться. Это так называемая «ложная» кровля. На этом участке работ сначала следовало установить крепь, а затем убирать отбитый взрывными работами уголь. А рабочие проигнорировали установленные правила.

После знакомства с горными предприятиями мы посетили малую обогатительную фабрику. Большая обогатительная фабрика Норильского комбината (БОФ) — тогда еще строилась. А затем мы побывали и в цехах металлургического завода. У нас появилось представление о технологическом процессе Норильского комбината — производства никеля и кобальта. Конечно, подробности обогащения руды и ее переработки мы представляли поверхностно. Но представление о роли Норильского комбината в промышленности страны, важности его продукции, а также месте и роли нашей будущей специальности в общей деятельности комбината мы получили.

Запомнилась производственная практика, это был третий курс обучения. Эта практика дала нам первичные ощущения физической тяжести непосредственного выполнения наиболее распространенных операций горного дела. Половину практики (недели три) мы грузили отбитый взрывными работами уголь на конвейер. При этом уставали страшно. Однажды утром мы переоделись и пришли за получением задания к месту сбора смены. А начальник участка спросил нас: «А вы чего пришли? Сегодня воскресенье — у вас выходной...» Мы обрадовались и весь день проспали. Но постепенно мы «втянулись» в общий режим и вечером по субботам даже торопились в техникум на танцы. Вторую половину практики каждый

из нас работал в паре с опытным крепильщиком. Вместе мы устанавливали крепь в новой выработке. Эту крепь называли — неполным дверным окладом: две стойки соединялись верхняком... До сих пор помню, что гвозди при установке крепи в шахтах не используются. Приятно было смотреть на закрепленный нами участок штрека. Он демонстрировал порядок и надежность места работы шахтеров.

ПРЕДДИЛОМНАЯ ПРАКТИКА НА ШАХТЕ № 12 (ЧЕТВЕРТЫЙ КУРС ОБУЧЕНИЯ)

Зимой 1949–1950 годов я получил направление на преддипломную практику в качестве помощника начальника вентиляции шахты № 12. В то время руководство Норильского комбината поручило техникуму выполнение нескольких дипломных работ по совершенствованию системы вентиляции на действующих угольных шахтах. Эта практика оставила наибольший след в моей памяти.

Участок вентиляции на любом горном предприятии с подземной добычей полезных ископаемых обеспечивает подачу свежего воздуха ко всем рабочим местам. На угольных шахтах роль службы вентиляции ответственнее и гораздо сложнее. Постоянное выделение из угольных пластов метана и наличие в шахтной атмосфере тонкой взвеси угольной пыли создавали опасность. Предупреждение критических ситуаций и обеспечение стабильной работы угольной шахты — главная задача этого подразделения.

Начальником вентиляции шахты № 12 в то время работал Поживилов (имя и отчество, к сожалению, не помню). За мой более чем пятидесятилетний стаж работы никто и никогда так полно и подробно не представлял мне мои будущие обязанности, содержание и объем моей работы как это сделал начальник вентиляции шахты № 12 Поживилов. В течение нескольких дней он, сначала на плане горных работ

*Друзья Ростислав Комаров и Андрей Бовин —
выпускники горного отделения НГМТ.
Норильск, 1950 г.*

шахты, а затем под землей, показывал и объяснял мне особенности вентиляции.

Во время работы под землей у моего начальника и у меня, кроме аккумуляторных ламп, были еще и бензиновые, которые служили для определения процентного содержания метана в шахтной атмосфере. У меня было особое задание: я замерял уровень метана в выработке, которая соединяла нас с шахтой № 11. На ней несколько дней назад был взрыв метана, и ее выработки отделились от наших глухой перемычкой. Но руководство нашей шахты решило подстраховаться и контролировать уровень метана и с нашей стороны. Результаты я тут же передавал начальнику шахты или диспетчеру. Мы разделили с Поживиловым время суток пополам. Основной моей обязанностью всегда, когда я находился в шахте, был контроль направления движения воздуха в шахтной атмосфере.

Мой начальник требовал от меня подробностей: проверял ли я уровень содержания метана в шахтной атмосфере? Проверял ли направление движения воздуха в выработках? Какое состояние перемычки на главном транспортном пути по штольне 11? Ее часто разрушали транспортники, и это сразу меняло направление движения шахтного воздуха... Я быстро привык к его руководству, и не ожидая от него вопросов, сам ему докладывал о состоянии дела. До сих пор вспоминаю эту практику. Этот опыт для меня стал основой не только дипломной работы, но и дал достаточно полное представление о подземных работах при добыче каменного угля.

Норильский техникум в 1950 году я окончил с отличием. Это обстоятельство позволяло мне сделать выбор: поступить в институт без вступительных экзаменов или работать в Норильске по распределению. Отпуск я провел дома в Красноярске. Мы с мамой решили, что надо идти работать, поскольку в Красноярске не было тогда вуза с горной специальностью, а ехать куда-либо было невозможно без материальной поддержки. Я вернулся в Норильск.

НАЧАЛАСЬ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Из Красноярска в Норильск в те годы даже великолепный теплоход с громким именем «Иосиф Сталин» преодолевал эти 2000 км за 5 суток. Ехали мы вместе с однокурсником Валентином Ларионовым. Работать мне предстояло в качестве помощника начальника вентиляции рудника. Первая проблема — это отсутствие жилья. Нас приютили в студенческом общежитии по «старой памяти», но с условием освободить места к началу учебного года. Нам посоветовали обратиться к начальнику горного управления комбината И.В. Усевичу. Совет оказался полезным. Игнат Васильевич принял нас не только приветливо, но и распорядился устроить нас в общежитие ИТР комбината (Горстрой, ул. Мончегорская № 4). Это

было первое мое жилище в Норильске, у которого туалет был не около дома, а внутри его. И само вселение в общежитие я рассматриваю как первую свою удачу.

Самая тяжелая неделя, которую мне пришлось пережить зимой 1950–1951 года, связана с ликвидацией последствий взрывных работ на руднике открытых работ. Взорванной горной массой было завалено устье штольни № 1 и часть автомобильной дороги, ведущей к рудникам открытых работ. Хотя запасы руды рудника были уже отработаны, выработки бывшего рудника входили в общую систему выработок рудника 1/7 и продолжали использоваться.

...Меня послали с бригадой заключенных (человек 30) разбирать завал. Люди разбирали завал вручную. Мелкие камни откидывали по сторонам дороги, покрупнее — относили, большие — несколько человек откатывали. Только ручная работа. Горел костер. Время от времени люди подходили к костру и грелись. После снова брались за свой тяжелый труд. Такая работа была характерна для первобытного общества... Наблюдая неделю эту картину, я тяжело переживал свое бессилие. Изменить что-либо в этой ситуации я не мог.

В начале весны 1951 года я почувствовал себя плохо. Сходил в поликлинику, которая оказалась недалеко от нашего общежития. Врач смерила мое давление крови и спросила: где я работаю. Выписала бюллетень и сказала при этом: «Рано молодой человек заработали гипертонию. Это болезнь пожилых людей. Нужно побережиться». В то время мне было всего 19 лет, и я не обратил на это внимания. Неделю, которую мне «подарила» врач, я использовал на выполнение учебных заданий, которые давно нужно было уже сдать. Получив возможность работать преимущественно в дневную смену, я почти не пропускал вечерние занятия заочного института.

В начале лета 1951 года меня перевели на добычной участок. Но как-то мне с начальниками не везло. Говорили, что он заболел. Как и в предыдущие мои

перемещения по службе: никто меня не ввел в курс дела, никакой проектной документации на участке я не нашел. И с персоналом участка тоже не познакомили. Первый месяц было трудно. Участок свой план не выполнял. На планерках у главного инженера рудника почти всегда в наш адрес звучала критика. Кроме этого, в первый месяц работы после замера месячных результатов мне выписали штраф за отклонение пройденного подэтажного штрека от рудного тела. Я не стал спорить с геологом. После очередной критики на планерке два начальника участка отвели меня в сторону и сказали: «Ничего у тебя не получится до тех пор, пока ты не поставишь в каждой смене по бригадиру». И конкретно мне назвали двух заключенных. Я послушался. Они согласились на условиях, которые, сознаюсь, меня несколько удивили. Во-первых, никто, кроме бригадиров, не должен заставлять членов бригады работать. Во-вторых, заработок бригадиров должен быть равен заработной плате лучшего рабочего. Я согласился. Самое удивительное, что дальше все само устроилось. Ни с кем это решение не нужно было согласовывать, и оно сразу вступило в действие. Таким образом, в системе управления деятельностью рудника существовала еще одна система — управление бригадиров. Как узнал я позднее, наши бригадиры применяли в своей практике и физические меры воздействия к рабочим, которые уклонялись от работы.

На руднике я познакомился с М.Г. Властовским. Он мне рассказал, что в Московском горном институте есть курс укоренной подготовки горных инженеров для лиц, окончивших горные техникумы. Срок обучения — два с половиной года. Я задумался и решил попробовать поступить в московский институт. Диплом у меня был с отличием, и льгота зачисления в институт без вступительных экзаменов еще действовала. И я в июле 1951 года отправился к директору рудника. Я не был уверен в успехе своего дела, рассказал свою ситуацию и попросил уволить

меня. Директор ответил: «Уволить тебя я не имею права, а предоставить отпуск могу. И если тебе удастся поступить в институт — буду рад». Так закончился мой первый трудовой год. И через несколько дней я уже был на теплоходе и ждал встречи с Красноярском. Побывав дома, а затем в Новосибирске, где у нас жила большая родня, я в середине августа уже был в Москве и с первого сентября стал студентом Московского горного института.

Пишу эти строки, когда мне исполнилось 84 года. Много раз я откладывал рукопись и снова возвращался к ней. Главное воздействие на выполнение этой работы оказало известие из Норильска о том, что нашему техникуму исполнилось в 2014 году 70 лет! Именно воспоминания о начале самостоятельной жизни в Норильске значительно подействовали на мое возвращение к активной жизни.

*Студентов
Московского горного института
Андрея Бовина и Павла Язвицкого
встречает у дверей своего института
Александр Попков.
Москва, 1953 г.*

...Учиться в техникуме мне очень нравилось. Здесь я познакомился с Олей Борисовой, с которой несколько раз мы виделись и в Москве. Оля училась в Институте цветных металлов и золота, а я — в горном. Наши техникумовские дипломы с ней, оба «с отличием», различаются на один номер. Это оказалось как бы предсказанием нашего общего будущего. После окончания института Оля получила направление на работу в Новосибирск в институт «ЦНИИолово», а я в то время еще служил

в армии и тоже в Новосибирске. И в один из дней мы случайно встретились в Новосибирском театре оперы и балета. Мы сели на последний ряд партера и весь спектакль проговорили. В 1958 году мы с ней поженились и с тех пор живем вместе. У нас дочь, которая родилась в Норильске в 1958 году. Тогда Олины родители жили еще на Таймыре. В ожидании нашего ребенка она уехала к ним.

Наши с Олей техникумовские дипломы сегодня следует считать раритетами. Такую особенность им придает печать на дипломе. Техникум не имел своей печати. И на дипломах ставилась печать Норильского комбината. По ободку этой печати значилось, что Норильский комбинат принадлежит к системе ГУЛАГа. А сам Норильск и техникум навсегда стали отправной точкой нашей самостоятельной жизни, хотя исходные позиции жизни были совершенно различными. Она приехала в Норильск к уже освободившемуся отцу, но еще долгие годы была дочерью «врага народа». Уже тогда Ольга имела представление о масштабах репрессий, о судьбах своих близких. До поступления в техникум она уже знала печальные истории многих друзей отца, которые в основном были сотрудниками проектной конторы Норильска и преподавателями техникума. Да и ее собственная жизнь до Норильска была совершенно не такая, как у меня. Об этом можно прочитать в её воспоминаниях в 10-м томе этого издания.

*Младший сержант
Андрей Андреевич Бовин у знамени.
Новосибирск, 23 февраля 1956 г.*

Я подробно описал свое детство. А вот о том, что и моих близких тоже коснулась страшная волна репрессий, я еще долго и «малыми дозами» узнавал много позже. Оказалось, что в те годы «великого молчания» мои родные, оберегая нас, детей, не говорили о том, что мой любимый дед Сергей Александрович Бовин тоже томился в застенках. А после этого еще и ссылку отбывал на севере Томской области. Сын деда Анатолий Сергеевич (мамин брат) был арестован и сидел в Сиблаге. Дочь деда (мамину сестру) Елену Сергеевну исключили из Новосибирского института народного хозяйства как дочь «врага народа». По иронии судьбы, именно в этом институте я работал с 1978 до 2005 года, где преподавал Управление и организацию деятельности промышленных предприятий. Кроме курса лекций, я с коллегами подготовил и издал несколько учебных пособий по своему предмету. Девять лет я работал проректором института по научной работе. Закончил трудовой путь в этом же институте в должности профессора.

Брат моего деда, Иван Александрович Бовин, признанный врагом народа, был расстрелян... Недавно наша дочь Ирина ездила в командировку в Омск и посетила Омское речное училище. Она с гордостью прочитала свою фамилию на стене этого училища. Так его коллектив воздал должную память организатору и директору училища Ивану Александровичу Бовину. По возвращении Ирина рассказала мне об этом, а я имел не одну ночь трудных раздумий... И вспомнил такой случай... Когда я работал на руднике 1/7 в Норильске, однажды присутствовал на комсомольском собрании. Мы единогласно и молча исключили из комсомола очень молодую женщину только за то, что она вышла замуж за уже отбывшего свой срок наказания и вышедшего из лагеря человека! Угрызения совести посещают меня до сих пор. Но я и теперь отчетливо понимаю, что в то суровое время другого не могло быть... Прошедшая массовая реабилита-

ция репрессированных людей с формулировкой «за отсутствием состава преступления» не может быть компенсацией утерянной жизни.

Конечно, очень многие моменты своей жизни я оцениваю сегодня по-другому. В том числе и свою работу на руднике после окончания учебы в техникуме. Теперь-то я понимаю, что видел одну из самых тяжелых форм поистине рабского труда заключенных людей. Они были в самом деле рабы. Никто не интересовался ни их здоровьем, ни возрастом, ни квалификацией... Умирили, болели и даже восставали... Надеюсь, что мне удастся еще многое вспомнить и написать о своей норильской жизни. Она была нестандартно разнообразна и творчески интересна. Норильский опыт, профессиональный и житейский, помог мне в дальнейшем: и когда я стал преподавателем в ВУЗЕ, потом проректором по научной работе, и когда не прекращая педагогическую деятельность, я еще 8 лет работал советником по экономическим во-

*Памятная доска
на стене Омского речного училища*

*Андрей Андреевич с женой Ольгой Георгиевной.
Новосибирск, 2015 г.*

просам губернатора Новосибирской области, и когда 8 аспирантов под моим руководством успешно защитили кандидатские диссертации... Таким образом, мой разнообразный стаж работы в общем составил 56 лет.

Мы с женой прожили долгую жизнь, но и теперь часто с благодарностью и очень тепло вспоминаем учебу в Норильском техникуме. Он для нас стал настоящим университетом жизни.

УТОЧНЕНИЯ

В книге десятой опубликованы воспоминания о норильской жизни Ольги Борисовны Бовиной. Через какое-то время я получила от нее письмо и узнала, что она пообщалась по телефону со Светланой Игоревной Нови: о ее отце Игоре Иосифовиче Нови Ольга Борисовна рассказала на стр. 504 книги десятой.

Оказалось, что Ольга Борисовна неточно назвала его отчество: правильно Игорь Иосифович, а не Осипович. О.Б. Бовина очень просила исправить эту ошибку, что я и делаю. При этом замечу, что в свои 80 лет Ольга Борисовна сохранила удивительную память: продолжает писать свои воспоминания.

С ними наши читатели могут ознакомиться и в этой, **четырнадцатой**, книге. Приятно было узнать от Светланы Игоревны Нови, что о книгах «О времени, о Норильске, о себе...» на Украине знают, их читают. Вот только книги, увы, отправлять все дороже и дороже. Например, стоимость доставки в Киев 13 тома обошлась дороже стоимости самой книги в 2014 году. То же можно сказать о Белоруссии, Прибалтике, где живут бывшие норильчане. Очень жаль...

Г.И. Касабова

*Геннадий Иванович
Говоров*

Геннадий Говоров:

*«Всё, что было ВОПРОСИ
в моей жизни, чаще всего оборачивалось для меня добром...»*

Геннадий Иванович Говоров с супругой

Так случилось в жизни, что я вопреки всем житейским обстоятельствам жить был не должен, не только жить, но и даже родиться не должен. Уместно спросить — а почему? А потому, что моя мама понесла меня в 1942 году вне брака. Это было в Орловской области, Краснозоренском районе в глухой деревне, в которой располагался фронтовой госпиталь. Здесь служил боец в звании старшины по имени Иван. Вот он и моя мама по имени Мария и сообразили на двоих, в результате получился я. А нравы в деревне были суровые. Если девушка вне брака забеременела — это считалось позором. Поэтому от ребенка в такой ситуации пытались избавиться любой ценой. Мама просила врачей госпиталя помочь ей в этом. Но медики категорически отказали ей: «Рожай! Идет война, сколько народу полегло, надо восполнять население». Мама обратилась к знахарке из соседнего села. Но я, очевидно, был сделан со знаком качества, крепко засел в ее организме и не поддался насилию.

Моя мама слева в центре

Так я остался развиваться до рождения, ВОПРЕКИ желанию мамы. Да и бабушка моя, когда узнала, то запретила категорически прерывать беременность. Итак, я появился на белый свет в мае 1943 года в то время, когда моя мама сажала картошку, то есть в картофельной борозде. В то время, да и долгое время после войны отпусков на селе по случаю беременности и родов не предоставлялось. Трудовой стаж за работу в колхозах не засчитывался вообще. Стаж работы в колхозе стал засчитываться в общий трудовой стаж для оформления пенсии только со второй половины восьмидесятых годов.

*Моя бабушка
Татьяна Петровна*

Но в связи с тем, что я, вопреки всем обстоятельствам, появился на белый свет, то из картофельной борозды мою маму вместе со мной доставили в госпиталь, где меня по просьбе медсестер назвали Геннадием, это имя я с гордостью ношу восьмой десяток лет.

В 1947 году была сильная засуха, все выгорело. Скот кормить было нечем. С трудом кормили лошадей, без них в деревне нельзя. Я знаю и помню до сих пор, как снимали соломенные крыши с построек. Солому, пересохшую не один год на крыше, резали косами. Солому помещали в козлы вместо бревна и косой ее резали, измельчали. Потом измельченную солому поливали горячей водой и только после этого давали скоту вместо корма. Некоторые коровы стоять не могли и на боках появлялись пролежни. Тогда их подвешивали на вожжах. А весной, когда проросла трава, стали коров волоком вытаскивать

на травку. Животное объедала траву вокруг себя, зачастую с корнями, тогда ее перетаскивали на новое место. После того, как корова обглодала траву вокруг себя в нескольких местах, она набиралась сил и поднималась на ноги.

Людам есть тоже нечего было. Я в четырехлетнем возрасте сильно отекал. Помню, глаза открывал руками, раздвигая опухшие веки, и на руках, нажмешь пальцем, долго оставалась ямка. В это время многие вымерли, и я должен был умереть, но ВОПРЕКИ всему и исключительно благодаря усилиям моей мамы остался жив. В 7 лет мама меня отдала в местную школу в первый класс. Поселок, где я жил, был маленький. Детей школьного возраста набралось 10 человек. Вместе учились первый и третий классы. Учительница к нам ходила из соседнего села. После окончания второго класса нашу школу расформировали, и в 3-м и 4-м классах мы учились в соседнем селе, в 3 км от нас. С 5-го по 7-й класс мы ходили уже в семилетнюю школу, что находилась от нас в 7 километрах.

В памяти осталось еще одно воспоминание. После войны было много волков и разных бандитов,

*Сестры моей бабушки:
Лосева Мария Петровна (слева) и Бочкова Мария Петровна*

**ШИГОЛЕВ
ВАСИЛИЙ
ПЕТРОВИЧ-
ХЛЕБОРОБ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СЕЛЬСКОГО СОВЕТА, УЧАСТ-
НИК ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ**

Бабушкин брат и мой крестный

желающих поживиться нетрудовым путем. Для отпугивания волков жители нашей деревни два или три раза за ночь обходили все дома с колотушкой. Это специальное деревянное приспособление в виде закрытой буквы «П». С одной стороны была сделана ручка, а с другой на кожаном поводке был прикреплен деревянный шарик, которым били по бокам колотушки, издавая отпугивающий шум. После окончания семилетки мать отдала меня в тракторную бригаду для работы прицепщиком. Все, что таскал трактор, я обязан был обслуживать. Но самое мерзкое воспоминание осталось от работы штурвальным на комбайне марки «Сталинец-6». На этом комбайне бесчисленное множество точек смазки. Там стояли подшипники скольжения, и каждую свободную минуту я должен был их смазывать. А сколько пыли и остинок рождалось в чреве этого комбайна! Просто невообразимо. Я до сих пор вспоминаю это с дрожью.

В 17 лет колхоз отправил меня на курсы шоферов. Случилось так, что мне исполнилось 18 лет, и через 4 дня я получил водительское удостоверение. До призыва в армию я работал шофером в том же колхозе «40 лет Октября». Служить мне довелось в ГДР, военная часть моя располагалась в 54 км от Берлина. А учитывая, что я во время службы на автомобиле М-20 «Победа» возил офицеров штаба армии, то приходилось часто ездить в Берлин. Там я побывал везде, где только можно побывать. Пока я служил в армии, моя мама переехала жить к своему брату, в город-порт Дудинку. После службы в армии и я поехал туда же.

Первого сентября 1965 года я демобилизовался и из части направился жить к маме в Дудинку. Тех, кто проживал далее 100 км. от железной дороги, набрался целый эшелон. Везли нас на литерном поезде из Франкфурта-на-Одере до Красноярска. Через Польшу в теплушках, а в Бресте пересадили из теплушек в пассажирские вагоны и повезли через Европу в Азию. В Красноярске я нашел друга детства Леонова Альберта Алексеевича. Я сдал проездные документа на паром, немного доплатил и приобрел авиабилет в Дудинку. Словом, 14 сентября наш ЛИ-2 приземлился в аэропорту «Надежда». Потом на самолете АН-2 за 3 рубля нас быстро перебросили в аэропорт «Дудинка». Из воинской части, где я служил, до места жительства я добирался 14 дней.

В то время навигация в порту подходила к концу, и в порту началось массовое сокращение численности сезонных рабочих. Приема на работу в порт практически не было. Но ВОПРЕКИ всему и благодаря уже накопленному опыту, я уже был шофером второго класса, меня приняли на работу водителем автомобилей всех марок в автобазу Дудинского морского порта. Начальником автобазы был Поздняков Александр Константинович.

В то время в стране «свирепствовал» закон «О всеобщем среднем образовании». Школа рабочей молодежи от моего места жительства была буквально рядом.

Я этим обстоятельством сразу же воспользовался и пошел учиться в восьмой класс. Желание учиться у меня было огромное. Достаточно сказать, что я в 8-м классе пропустил всего один день: я в тот день был на комсомольской конференции порта. В 1969 году я с трудом, **ВОПРЕКИ** всем моим семейным обстоятельствам, окончил ШРМ. Зимой 1968/69 годов пришлось похоронить дядю и маму, поэтому было много пропусков в школе. Надо отдать должное преподавательскому коллективу ШРМ и моему коллективу автобазы за всевозможную поддержку. Спасибо им за это. Один пример такой доброты: моим напарником в автобазе был Журавлев Иван Андреевич. Он был неоднократно судим и отбывал наказания в местах, связанных с лишением свободы. Я его как-то спросил, за что он сидел. Он на меня удивленно посмотрел и сказал, что сидел за расширение зрачков на чужую собственность. Вот этот человек пришел ко мне первым разделить мое горе по случаю кончины мамы.

Надо отдать должное людям, с которыми мне приходилось общаться и работать в Дудинке: в большинстве своем они были добрые и отзывчивые. Старались поддержать, оказать помощь, выручить в трудную минуту. Не зря говорят, что суровые климатические условия Крайнего Севера сплачивают людей. Да и нельзя там выжить по-другому!

Правда, встречались иногда люди завистливые, желчные. И действовали, как правило, исподтишка. С одним таким мне пришлось встретиться и работать под его началом. Уместно вспомнить выражение Ф. Раневской: «Отдашь свою душу в новой упаковке с бантиком, а тебе ее вернут в старом пакете и всю порванную». Так и у меня случилось. Я доверял этому человеку больше родной матери. А он, оказывается, собирал на меня досье, и в нужный для него момент все выплеснул, причем большую часть придумал, чего на самом деле не было.

В Дудинке я начинал шофером в автобазе морского порта, где начальником был Поздняков Александр

Константинович. Потом довелось поработать в комсомоле два года, позже заместителем председателя профкома и председателем профкома Дудинского морского порта в течение всей девятой пятилетки. Профком тогда объединял более 6000 членов профсоюза. Потом стал начальником штаба гражданской обороны. После окончания юридического факультета Красноярского государственного университета меня назначили на должность начальника отдела кадров порта. Путевку в жизнь мне выдал начальник Управления кадров НГМК Савченко Владимир Валентинович. Работа в отделе кадров не сложилась, и мне с семьей пришлось переехать на постоянное место жительства в соседний город Норильск.

В Норильске я многих знал по работе в профсоюзе. С вопросом трудоустройства я обратился в Окружном профсоюзов на Севастопольскую, дом 7, к председателю окружкома профсоюза металлургов Алфименко Федору Андреевичу и к секретарю окружкома Пилиховскому Борису Николаевичу. Они мне обещали поддержку и предложили искать работу. Тогда я отважился обратиться в Управление кадров НГМК. Там начальником отдела ИТР и служащих работал мой приятель Заломанин Владимир Петрович. Скажу более, мы с Заломаниными дружили несколько лет семьями. Они приезжали к нам в гости в Дудинку, а мы к ним в Норильск.

Меня сразу же принял начальник Управления Савченко Владимир Валентинович. Он меня долго расспрашивал о причине моего ухода из отдела кадров Дудинского порта. Как мне показалось, Савченко В.В. сверял мой рассказ о себе с тем, что ему уже сообщили мои недоброжелатели. Вот когда мне довелось многое узнать о себе, чего на самом деле и близко не было... Непонятно: зачем моему бывшему прямому начальнику — заместителю начальника порта по кадрам и быту было выдумывать события, которых просто не могло быть.

После расспросов Савченко В.В. мне сказал, чтоб я искал работу, он возражать не будет. Тогда я, осме-

лев, сказал: «Что искать, когда все вакансии у Вас в руках!» Он посмотрел на меня и говорит: «И то правда». Он по внутренней связи отдал распоряжение начальнику отдела ИТР и служащих Заломанину В.П., чтобы тот подобрал мне работу с такой оплатой, чтобы я мог содержать семью.

На том мы и расстались с Савченко В.В. Я, довольный и радостный, пришел в кабинет Заломанина В.П., где меня ждала жена. Разговор Савченко В.В и Заломанина В.П. в отношении моего трудоустройства она слышала. Заломанин В.П. попросил нас подождать и вышел из кабинета. Он быстро возвратился и сказал, что он был у начальника Управления кадров и сказал ему, что он будет заниматься моим трудоустройством не потому, что мы с ним друзья, а потому, что ему поручил начальник. Далее Заломанин В.П. сказал, что Савченко В.В. спросил его, почему он в свое время промолчал о том, что мы друзья. Если бы он знал раньше о наших дружеских отношениях, тогда моя судьба могла бы сложиться по-другому. И незачем мне было бы писать заявление о переходе из начальников отдела кадров в грузчики. Просто наказали бы меня в дисциплинарном порядке. И всё.

У меня, почему-то, сразу настроение испортилось. Домой к Заломанину В.П. идти уже не хотелось. Вот это друг! Даже нахождение в его рабочем кабинете стало настолько неуютным и нежелательным, что хотелось быстрее уйти от этого человека. Вечер в его квартире прошел скованно, мы с женой поскорей ушли из квартиры, ссылаясь, что мы хотим пешком пройти до железнодорожного вокзала. Поезд Норильск–Дудинка тогда отходил в 23 часа. Примерно через неделю Заломанин В.П. позвонил и предложил мне должность заместителя начальника Горнорудного управления комбината по строительству с должностным окладом 260 рублей. Для меня это были огромные деньги, но я юрист, как и Заломанин В.П. Поэтому я сразу же отказался. Потом предлагалось еще

несколько работ, но все было не мое. И вот, наконец, Заломанин В.П. предложил мне должность начальника отдела безопасности движения Автотранспортной конторы Управления строительства (АТК УС), где начальником работал Поляков Валентин Константинович. Отдел новый, только что создавался. Я сразу же дал свое согласие.

Забегая вперед, хочу сказать, что в свое время, когда Заломанин В.П. оказался не у дел, то я позвонил и предложил ему приобрести статус адвоката с местом работы в Норильске. Он так и сделал. Я был назначен его руководителем практики. Позже я его рекомендовал по просьбе председателя Окружкома профсоюзов металлургов Сахарова Геннадия Ивановича для работы правовым инспектором ЦК профсоюзов с местом работы в Норильске.

Как-то в период застолья, посвященного какому-то празднику, Заломанин В.П. подошел ко мне и сказал, что он сожалеет о том, что нельзя вернуть время назад, многое можно было бы сделать по-другому. Я его успокоил и сказал, что у меня нет обид на него. Он сказал, что я снял с его плеч груз, который его долго мучил. И мы обнялись!

Вскоро я был приглашен в Норильск для встречи с руководителем предприятия. Меня пригласили сразу же в рабочий кабинет Полякова Валентина Константиновича. Передо мной сидел мужчина примерно одного возраста и роста со мной, лысеющий с седеющей прической, его волосы закрывали лысину слева направо. Мощный подбородок говорил о волевом характере этого человека. Лицо круглое, нос, о таких в народе говорят, нос картошкой. Гладко выбрит и курил папиросы «Беломорканал». Из разговора я понял, что его попросил взять меня на работу начальник Управления кадров комбината Савченко В.В.

Поляков меня расспросил об отношении к автомобилям, имею ли я права на управление автотранспортными средствами, о семье. Узнал, что у меня

четыре дочери, покачал головой и заулыбался. Внимательно выслушал причину моего переезда из Дудинки в Норильск, подписал мое заявление о приеме на работу. Я зашел после этого к начальнику отдела кадров Дуднику Геннадию Ивановичу, он просмотрел мое заявление с визой начальника и отправил в отдел кадров Управления строительства комбината. Там моим оформлением на работу занимался Артёменко Анатолий Иванович. Он меня отправил к заместителю главного инженера НГМК по охране труда и технике безопасности и безопасности движения Ильницкому Станиславу Петровичу. Нужно было его письменное согласие. Я ранее знал этого человека. Он и я были членами комиссии по расследованию группового смертельного несчастного случая в Дудинском порту. Мы составом комиссии вместе обедали, даже иногда выпивали немного.

Ильницкий С.П. принимать меня не спешил. Я у него просидел несколько дней в приемной. Он куда-то уезжал, к нему люди заходили, он проводил совещания, а я сидел и ждал приема. Наконец-то меня пригласили к нему. Он со мной поздоровался, как со старым знакомым, задал мне много вопросов и подписал мое заявление о приеме на работу. При этом сказал, если бы он не пил со мной водку в Дудинке, то не дал бы своего согласия на мое оформление на эту работу. Он этот отдел организовывал для своего сына Игоря, который работает в АТК УС заместителем главного инженера по ТБ и БД и сейчас находится в отпуске.

Забегая вперед, хочу сказать, что после возвращения Игоря из отпуска, наши должности нам поменяли: Игоря назначили начальником отдела безопасности движения, а меня заместителем главного инженера АТК УС по технике безопасности и безопасности движения. Правда, отдел безопасности движения подчинили заместителю начальника АТК УС по эксплуатации Королю Леониду Сергеевичу, чему я был безмерно рад. Незачем мне было иметь такой кулак над головой, какой был у Ильницкого С.П.

Я имею в виду его должность. Я продолжил оформление на работу в Управлении строительства уже с визой Ильницкого С.П. Кадровик повел меня для знакомства к председателю профкома Управления строительства Картышову Павлу Ивановичу, с которым я был знаком по работе в профкоме Дудинского порта.

Во время моей работы в профсоюзе в Окружном профсоюзе металлургов в производственном отделе работал Зенюк Евгений Петрович. Потом он перешел работать в Управление строительства комбината на должность заместителя начальника по общим вопросам. Вместе с кадровиком мы поднялись на второй этаж Управления строительства. В этот момент по коридору куда-то спешил Зенюк Е.П. Он пробежал быстро мимо меня. Потом резко остановился, посмотрел в мою сторону, часто заморгал, не веря своим глазам. Он быстро подошел, обнял меня и спросил: «Гена, ты откуда в наших краях и зачем?» Я сказал, что иду к вам на работу, и меня ведут знакомиться с председателем профкома. Он попросил подождать и зашел в кабинет председателя профкома. Через некоторое время Зенюк пригласил меня в кабинет, а Артёменко Анатолию велел идти и оформлять меня на работу.

С Евгением Зенюком и Григорием Клоком

В кабинете председателя находились Картышов П.И., Поляков В.К., Зенюк Е.П.

Картышов П.И. обнял меня, спросил Полякова В.К., действительно ли я иду к нему на работу. И рекомендовал меня Полякову как своего человека, не способного на подлость. Меня оформили на работу и поселили в общежитие ИТР НГМК № 44, что на площади Металлургов.

Итак, я приступил к выполнению обязанностей начальника отдела безопасности движения автотранспортных средств АТК УС с 1 июля 1979 года. Отдел был численностью 5 человек: два старших инженера, два инженера и начальник отдела. В обязанности работников отдела входила проверка знаний Правил дорожного движения при оформлении на работу водителей, разбор нарушений ПДД, разбор ДТП, если таковые имели место, контроль за соблюдением водителями Правил дорожного движения на линии. Отделу безопасности был подчинен отдел наркологов, сотрудники которого производили предрейсовый осмотр водителей. Начальником отдела БД я работал один месяц и одиннадцать дней.

За месяц моей работы был, на мой взгляд, интересный случай. Отделу безопасности был выделен автомобиль МАГИРУС, который работал в 4 смены. Однажды, осматривая подъездные пути доставки известковозами на агломерационную фабрику, я увидел отверстие в проезжей части дороги. Обследовав ее, я обнаружил, что там просел грунт под асфальтом на глубину примерно метров двух. Я тут же нашел длинный шест, привязал к нему красную тряпку, вставил его в эту дыру и предупредил водителей автомобилей, которые заняты на перевозке порошковой извести на агломерационную фабрику, чтобы двигались в этом месте со скоростью не более 5 км/час.

Начальник техотдела фабрики меня заверил, что в течение двух суток максимум этот проем в проезжей части дороги будет устранен. Я через два дня вновь проверил состояние проезжей части дороги

и ужаснулся. Глубина этой дыры увеличилась в два раза, и нижняя часть этой дыры была значительно больше верхней ее части (конусная). И этот конус уходил под центр дороги. Я дал команду диспетчеру АТК УС, чтобы не выпускали известковозы на линию. Я воспользовался своим правом и выдал письменное предписание директору аглофабрики о том, что я запретил выпускать на линию известковозы и что дыру необходимо срочно засыпать, а проезжую часть дороги заасфальтировать. Я приехал в АТК, предупредил Полякова В.К. о том, что я сделал.

Вскорости началась планерка комбината, и на ней директор аглофабрики поднял большой скандал, что какой-то начальник отдела БД закрыл дорогу известковозам. А запасов извести на фабрике хватит максимум на 4 часа. Нарастало напряжение...

Тут появился начальник техотдела аглофабрики на своем «Запорожце» и пригласил осмотреть дорогу к месту разгрузки извести. Подъезжая с другой стороны, я осмотрел дорогу, убедился, что она безопасна для движения автомобилей. И только после этого, я дал команду диспетчеру выпустить на линию известковозы, предупредив водителей о заезде с другой стороны. Работа пошла.

Начальник техотдела фабрики попросил меня зайти к директору. Он проводил меня к нему в кабинет. Директор аглофабрики в то время разговаривал с директором Управления автомобильных дорог и снегоборьбы (УАДиС) Кольцовым Павлом. Мы услышали: «Паша ты меня подставил, обещал отремонтировать дорогу еще вчера и ничего не сделал...» Разговор был грубым на повышенных тонах. После разговора по телефону директор аглофабрики обратился ко мне и спросил, держа в руке мое предписание, а почему предписание было выдано ему, а не в УАДИС.

Я пояснил, что мне не представлена возможность так разговаривать с Кольцовым, как вы. Он заулыбался, спросил, решен ли вопрос. Пожал мне руку и сказал спасибо за то, что общими силами предотвратили

Супруги Говорovy с дочерьми

аварию, предотвратили возможную беду и сохранили технологический цикл фабрики. Так я стал работать ТЭБэшником. Поляков В.К. сказал, что он мне поручает все подразделения (гаражи и ремонтную базу) АТК УС по вопросам охраны труда и техники безопасности, но, если что случится, спустит с меня три шкуры. Я понял, что надо работать исключительно добросовестно, не считаясь со своим временем. Благо, моя семья жила пока еще в Дудинке.

Подразделения АТК УС были разбросаны. Гаражи в Талнахе, Кайеркане, Дудинке. Работники по технике безопасности напрямую подчинялись главному инженеру Большакову Георгию Ксенофонтовичу. Мягко сказать, меня он встретил не очень-то... Что-то ему во мне не понравилось, и это отражалось на работе, пока не вмешался Поляков В.К. Второе прямое подчинение было отделу ТБ Управления строительства во главе с Браило Борисом Александровичем, и конечно, Управлению охраны труда и техники безопасности комбината во главе с Ильницким Станиславом Петровичем.

В моем подчинении был один старший инженер Шиканов Валерий Петрович. Позже его избрали секретарем партийной организации, а на его место пришел Шушунов Сергей Федорович.

Работа для меня была еще неведомой, коллектив был незнаком, как и я для него. Я понял, что к главному инженеру за советом по работе обращаться не следует, а к Полякову не находишься и стал искать советов у руководителей подразделений. Со словами искренней благодарности вспоминаю опытнейшего начальника четвертого гаража Шелестова Валерия Семеновича, заместителя начальника по эксплуатации АТК Короля Леонида Сергеевича, с которым у меня сложились хорошие теплые отношения. Он был участником Великой Отечественной войны и по возрасту годился мне в отцы. К нему я потянулся всей душой. Всегда с удовольствием вспоминаю начальника Талнахского гаража № 5 Клока Григория Гавриловича, начальника колонны БелАЗов Насонова Николая Сте-

Геннадий Иванович с внуками

пановича, начальника гаража № 3 Казанцева Геннадия Ивановича и других.

Я начал с изучения инструкций по ТБ и ИТР, системы охраны труда комбината. За два года дважды пересмотрел все инструкции по технике безопасности, а их было более тридцати. В новые инструкции были включены требования вышедших в то время систем стандартов безопасности труда (ССБТ) и чуть позже вышедших ГОСТов.

Я обратил внимание на оформление квартальных инструктажей рабочих. Дело в том, что в личных карточках по ТБ каждого работника, место отведено для квартального инструктажа в виде клеточки размером 3 на 4 сантиметра. И вот в этой клеточке надо написать о проведении инструктажей. И далее следует ряд номеров инструкций. Для водителей автомобилей было 21 инструкция. Инструктажи проводили механики. И не дай Бог, механик пропустил бы какую-то инструкцию... Вдруг случился бы несчастный случай, указанный в пропущенной инструкции. Это грозило бы тюрьмой для механика.

Главный инженер постоянно высказывал недовольство очередным пересмотром всех инструкций. Хорошо, что меня поддерживал Поляков В.К. и выделял работников, как правило, женщин, которые были на легком труде и умели печатать на пишущей машинке.

При очередном пересмотре инструкций я решил облегчить труд механиков во время оформления квартальных инструктажей. Что я сделал? Я разработал программы и присвоил им номера. Так, программа № 1 была посвящена водителям. Теперь механику не надо было перечислять номера инструкции при проведении квартального инструктажа, а надо было просто написать «квартальный инструктаж по программе № 1» и все. А в программу были заложены все номера инструкций.

После того, как главный инженер утвердил программы и инструкции, я заказал в копировально-множительной лаборатории комбината инструкции с программами в виде книжечек таких размеров, чтобы

их удобно было положить в карман. Книжечки были выданы всем механикам. За эту работу я получил благодарность от всех ИТР. Позже я видел, что некоторые механики всегда носили в карманах эти книжечки. Понравилось это и Полякову В.К. Он, по моим сведениям, мои программы с инструкциями взял с собой в ЦАТК и позже в объединение «Белое Озеро».

Как я говорил ранее, я был подчинен заместителю главного инженера по ТБ Управления строительства Браило Б.А. Однажды замначальника отдела ТБ комбината Маршалко Анатолий Стефанович поручил мне поехать в Дудинку и заказать там унтайки из оленьего камуса. Ему это нужно было для кого-то из Москвы. А Браило, узнав об этом, дал мне 120 рублей и поручил купить там для него унтайки и женскую песцовую шапку. Унтайки стоили тогда примерно 100 рублей, а песцовая шапка стоила в пределах 150 рублей. Я сказал ему, что у меня четверо детей и у меня просто нет лишних денег. Я в Дудинке заказал две пары унтаек. Эти унтайки забрал Маршалко А.С., а унтайки Браило взял Ильницкий С.П. Повторить заказ мне не удалось, и поэтому я 120 рублей возвратил.

Через два месяца Браило Б.А. направил целевую проверку в АТКУС по вопросу учета и расследования

С друзьями и их женами

*С другом Градинаровым Юрием Ивановичем —
автором книг о Заполярье*

несчастных случаев. Проверяющий в травмпункте выписал всех работников АТК, которые с травмами туда обращались. Потом сверил в бухгалтерии оплату больничных этих людей и только потом он сверил данные с журналом учета травм и несчастных случаев. Надо заметить, что работники АТК нашу службу ТБ не информировали о полученных травмах и состоянии их здоровья. Естественно, данные проверяющего не совпали с записями нашего журнала. По результатам этой проверки вышел приказ начальника УС, которым мне объявлялся выговор, и я лишился на 100% квартальной премии. Я понял, что Браило Б.А. этим приказом отомстил мне за то, что я не выполнил его заказ. Я подумал, что он после этого успокоится. Но я глубоко ошибался. Я понял, что Браило Б.А. решил меня убрать с этой работы.

Через три месяца была назначена комплексная проверка охраны труда и техники безопасности АТК УС. Для этого была создана специальная комиссия, которая самым тщательным образом проводила

проверку дней 10. И по ее результатам состоялось заседание технического совета всего управления строительства комбината с выездом в АТК УС. На заседание прибыли все главные инженеры семнадцати строительных управлений и их заместители по ТБ. Весь штат ИТР АТК УС присутствовал здесь. Люди, приближенные к Браило Б.А., мне советовали написать заявление об увольнении, на что я ответил категорическим отказом.

На заседании технического совета докладчиком был, естественно, Браило Б.А. Он долго перечислял обнаруженные комиссией недостатки и не раз подчеркивал, что ТБ в АТК должен возглавлять человек с инженерным образованием, а не юрист, каковым я являлся. На то время я работал на этой должности всего один год. И все отмеченные недостатки были допущены во время работы в ТБ сына Ильницкого С.П. Браило ждал, что я начну говорить об этом. После обстоятельного доклада, естественно, было предоставлено слово мне, как виновнику всех нарушений. Многие ждали, что технический совет УС вынесет решение о моем увольнении. К этому стремился и Браило Б.А. Это было очевидно. Мне отступить было некуда, за моей спиной было финансовое благополучие моей семьи, состоящей из семи человек.

Когда мне предоставили слово для выступления, я сказал, что признаю замечания, которые выявила комиссия, сказал спасибо отделу ТБ УС под руководством Браило Б.А, за то, что они, наконец-то, выполнили мою просьбу и провели комплексную проверку. Предложил техсовету вынести решение, в котором назначить самые жесткие сроки для устранения недостатков. По каждому выполненному пункту буду информировать письменно. Вопросы мне не задали.

На заседании технического совета УС председательствовал главный инженер Ляшенко Петр Гаврилович. Он подвел итог заседания и сказал о том, что раз я признал замечания в работе и попросил на-

значить жесткие сроки на исправление недостатков, надо эту просьбу удовлетворить. На этом заседании техсовета управления строительства комбината было закрыто. Я взглянул на Браило Б.А. У него ходили желваки, что было видно по его щекам. Я понял, что он скрипит зубами. Я остался работать.

Люди быстро разошлись, а я остался сидеть в зале, чтобы осознать, что гроза на этот раз прошла мимо. Через некоторое время секретарь начальника зашла и пригласила меня к начальнику. В кабинете начальника АТК УС Поляков Валентин Константинович крепко пожал мне руку и обнял меня. При этом поздравил с выигрышем битвы с Браило Б.А. Похвалил меня за то, что я не стал опровергать замечания, не стал сваливать ответственность на предшественника.

По итогам заседания технического совета УС был издан приказ, которым мне объявлялся строгий выговор, и я снова лишался премии за квартал на 100%. Вот тебе унтайки, вот тебе песцовая шапка, подумал я. Правда, приказ о лишения премии позже был отменен по просьбе Полякова В.К. Я думаю, что Браило Б.А. даже не знал об этом. Значительно позже, в Москве, я встретился с Караваевым Валерием Максимовичем, бывшим начальником Управления строительства и сказал ему спасибо за отмену приказа о лишении меня квартальной премии. Он меня долго расспрашивал, я ему все честно рассказал...

Работа продолжалась своим ходом. В Управлении строительства участились серьезные травмы женщин, которые были задействованы на разгрузке панелей домов с панелевозов. Дело в том, что бетонные панели на время транспортировки крепились металлическим тросом, который натягивался лебедкой. При разгрузке панели женщины стропали-зацепщики зацепляли панель и при помощи крана слегка поднимали их. По этой причине трос крепления еще сильнее натягивался. А когда стропаль-зацепщик освобождал трос, то рукоятка лебедки вырывалась из рук и серьезно травмировала челюсти женщин.

Для решения этой проблемы было созвано совещание, на которое был приглашен и я. Там пытались обязать водителей панелевозов работать на лебедке при освобождении крепления панели. Я восстал против такого решения вопроса, так как за эту дополнительную работу платить не хотели. Мне дали время доказать, что водители панелевозов не должны этого делать. При помощи книги об автомобильном праве я доказал свою правоту и предложил поручить мне, хотя я не инженер, а юрист по образованию, разработать инструкцию, выполняя которую исключались бы травмы. Мне дали на эту работу неделю.

Через день я принес такую инструкцию в управление, которую подписал как разработчик, согласовал ее главный инженер АТК УС и начальник отдела ТБ УС, а утвердил ее главный инженер управления. В инструкции категорически запрещалось трогать панель до освобождения ее от крепления тросом. Эта инструкция была размножена и изучена соответствующими работниками. Травмы прекратились. Эту работу я выполнял два года, а в 1981 году я перешел работать в адвокатуру Красноярского края, согласно полученному образованию. И по воле случая мне пришлось представлять в суде интересы Ильницкого С.П. (старшего) и защищать на предварительном следствии Ильницкого И.С. (младшего). Мне удалось доказать невиновность Игоря и добиться прекращения уголовного дела за отсутствием состава преступления.

Оглядываясь на прожитые годы в Заполярье, я понимаю, что моя жизнь состоялась только ВО-ПРЕКИ всем трудностям, неприятным житейским и производственным неожиданностям, но все-таки благодаря упорному труду и настойчивости людей особой породы — норильской.

*Вручение губернатором Красноярского края А.И. Лебедем
В.Н. Ханжину удостоверения о присвоении звания
«Заслуженный юрист РФ» по Указу Президента России
от 15 марта 1999 года*

*Фото из альбома Казанского государственного
университета им. В.И. Ульянова-Ленина.
Первый выпуск 1949 – 1953 годов.
Выпускник Ханжин В.Н., направленный на работу
в Красноярский край.*

Вячеслав Ханжин:

*«Партизанские тайны
разведчика Семенова»*

*В литобъединении при редакции газеты
«Заполярная правда». 60-ые годы.*

С легендарны партизаном, Валентином Гавриловичем Семеновым, я познакомился в Норильском городском суде, когда рассматривал бракоразводное дело по иску его второй супруги о расторжении брака. Удивительно, это, пожалуй, единственный случай, когда причиной развода истица указала получение ее мужем «любовных» писем от других женщин. Ответчик этот факт не отрицал, признавая, что он действительно по роду своей военной службы и последующей работы дружил со множеством людей, среди которых было немало женщин.

О некоторых из них, заслуживающих особого внимания, он рассказывал и писал. В частности, о своей первой любви — партизанке Валентине Осмоле, известной под именем Валя Казачка. В ее жилах действительно текла горячая казацкая кровь. В школе она занималась гимнастикой, бегала на лыжах, окончила снайперскую школу, сделала 10 мертвых петель на самолете, до войны — 50 прыжков с парашютом, выходя на плоскость крыла «У-2».

В партизанском же отряде «Победитель» она была радисткой у прославленного разведчика Николая Кузнецова, работавшего под именем немецкого офицера Пауля Зиберта. Там в отряде и познакомился с ней 19-летний командир конной разведки Валентин Семенов, который был заброшен туда в числе 12 десантников на двухмоторном «Дугласе» 22 июня 1942 года. Несмотря на крутой характер Казачки, он добился ее расположения, научив играть на гитаре, за что получил в подарок расшитый бисером бархатный кисет. Отправляясь на задание, он привязывал его к поясу, набив табачком, рядом с двумя пистолетами, гранатами и автоматом.

Их секретное «венчание» без звона бокалов и оркестра произошло 10 мая 1943 года. Но семейная жизнь не выдержала многочисленных испытаний мирного времени, видимо, из-за отсутствия взаимной

выдержки, уступчивости и терпения. Через 10 лет они развелись.

С 1946 по 1949 год Семенов работал завотделом Москворецкого райкома комсомола, а затем в течение трех лет до 1953 — сотрудником МГБ СССР. Теперь мы уже не узнаем, какие задания он выполнял... Есть некоторые основания предполагать, что он работал под началом генерала Павла Судоплатова, начальника спецотдела МГБ. Валентин Гаврилович отзывался о нем с большим уважением, как о профессионале — разведчике и контрразведчике, под руководством которого выполнялись особые задания по уничтожению главарей террористов. В 53-ем году Павел Судоплатов был арестован помощниками Берии, а Валентин Семенов уволился из органов МГБ, не сделав никакой карьеры. Видимо, не отвечал он нужным требованиям, а отчасти и потому, что его любовная лодка разбилась о быт: он развелся со своей женой — тоже сотрудницей госбезопасности, что в те времена не прощалось, сотрудникам органов тем более. Какова была главная причина увольнения, неизвестно. Валентин Семенов в жизни следовал правилу (и другим советовал): «Хочешь долго жить, умей молчать.»

Правы те знатоки человеческих душ, которые утверждают, что никто не может оправдываться только обстоятельствами своей жизни и что всякие испытания, а прежде всего самое страшное испытание войной, проявляют в человеке его истинные, скрытые, основные человеческие качества. То есть плохой становится хуже, если в нем была какая-то червоточина, гниль, а в настоящем, порядочном человеке выгорает все мелкое, наносное, незначительное, и он становится только лучше. Работа в органах госбезопасности явно не пришлась Семенову по душе. Уволившись из МГБ, он уехал на далекую Чукотку, Колыму и Магадан, где начал работать в геологии. Сначала он окончил курсы геофизиков, потом — заочный институт.

В 56-ом после Магадана он приехал в Норильск, где год проработал крепильщиком рудника 7/9, а с 1957 по 1978 год — инженером-геофизиком. В этот период Валентин Гаврилович, не прекращавший помогать жене и двум дочерям, помирился с Валентиной, и она прилетела к нему в Норильск. По этому поводу бывший заместитель командира партизанского отряда «Победитель» Александр Лукин весело поделился новостью с однополчанами: «Надо же, Валька Семенов во второй раз на собственной жене женился!»

Однако свойство их характеров быть лидерами опять привело к тому, что Валентина снова уехала от него на материк.

Близко узнать Валентина Гавриловича и оценить его как человека мне посчастливилось при неофициальном личном общении, когда главврач городской больницы Евгений Арсентьевич Климов собрал вместе своих друзей, заядлых банщиков, и раз в неделю мы собирались вместе в одной сауне. Попариться по партизанской привычке Валентин Гаврилович любил и под легкий пар с соответствующим возлиянием из кружек с «чаем» становился словоохотливее. В одном из таких его рассказов раскрылось то, что так нравилось в нем, относительно пожилом человеке, многим женщинам. У этого сурового, обожженного огнем войны, прошедшего самые суровые испытания мужика сохранилась добрая, чуткая и романтическая душа.

Семенов был лучшим лыжником в отряде спортивным и, несмотря на худобу, выносливым. Но он еще был заядлым лошадиником, очень любил лошадей и недаром был командиром конной разведки. Он многократно сопровождал из партизанского леса Николая Кузнецова — Пауля Зиберта во Львов, Ровно и обратно, и обеспечивал с ним связь.

Часто приходилось выезжать в жуткую погоду, когда темными ночами бушевала пурга или лил дождь. Ночевать даже в самые большие морозы приходилось в лесу, не разжигая костра и без палаток.

Делалось это, как рассказывал Валентин Гаврилович, так. Выбрав место в самой лесной глуши, разведчики рубили хвойный лапник, накидывали на него плащ-палатки и ложились спать вместе со своими лошадьми.

О своей лошади через несколько лет Семенов отзывался так, как не всякий чувствительный мужчина — о своей любимой женщине. Рассказывал, какая она была умная, чуткая и верная: «Похлопаешь ее по холке, и она послушно ложится на хвойный наст, а затем сам ложишься с ней рядом, прислонившись к ее теплой спине. Под утро от сильного мороза продрогнешь, зубы стучат, поднимешься и увидишь, что твоя лошадка как легла с вечера, так и не перевернулась на второй бок. Так всю ночь и терпела, чтобы не побеспокоить своего хозяина, хотя ее шкура сверху замерзла и покрылась инеем.»

Она ему была очень дорога и не раз выручала, но однажды случилась трагедия. В неожиданной перестрелке с немцами лошади перебило две ноги, она упала, тихонько ржала от дикой боли и слезящимися глазами просила помощи у своего хозяина, в которого верила. Но он ей ничем не смог помочь: ни только вынести с поля боя, но даже перевязать. Он вынужден был сделать единственно возможное тогда, чтобы прекратить ее мучения — пристрелить. Он сделал это и заплакал. Может быть, в последний раз за все военные годы.

«Храбрость и смекалка» — так формулировал главные качества Валентина Семенова его партизанский командир Герой Советского Союза Дмитрий Николаевич Медведев, отряд которого прошел от севера Кировской области до границы с Чехословакией в Карпатах. Боевые действия он вел в Ровенской, Волынской, Львовской, Винницкой и других областях. События тех лет описаны во многих романах и воспоминаниях. В своей книге «Сильный духом» Медведев описывает ситуацию, когда понадобился доброволец-смертник для выполнения особого зада-

ния: надо было бросить гранату в машину с проезжающими по Ровно важными немецкими генералами. Переодетый в немецкую форму Валентин Семенов в течение нескольких дней прогуливался по улице в ожидании кортежа и в конце концов примелькался. Он мог быть схвачен немецкими патрулями в связи с незнанием немецкого, но находчивость помогала ему уходить от опасности. Генералы не приехали, и Кузнецов отправил оставшегося в живых смертника в отряд. Прибыв туда, Семенов, здоровый молодой парень, упал в обморок. Доктор определил сильное перенапряжение нервной системы.

В другой раз Валентин Семенов перехитрил самого «мастера смерти», генерала Фон Пиппера, известного своими карательными экспедициями во Франции, Бельгии, Голландии и Польше. Отряд Фон Пиппера в составе 2500 солдат окружил партизанский отряд «Победитель» и уже занял крайние землянки, рассчитывая, что партизанам не уйти, так как с тыла у них находилось непроходимое болото. Так оно было обозначено на всех картах. Валентин Семенов вместе со своим однофамильцем Виктором, рискуя жизнью, нашли безопасный проход, вывели за собой роту по найденной тропе и неожиданно для карателей ударили по ним. Пораженные внезапным появлением русских, фашисты бросились бежать, оставив в пылу боя 600 трупов, более 40 подвод с оружием и 200 подвод с награбленным добром.

Будучи геофизиком геологической экспедиции, Валентин Гаврилович Семенов время от времени выполнял функции экспедитора — перевозчика драгоценных металлов и денег. Однажды в аэропорту он показался подозрительным двум милиционерам, и они потребовали, чтобы он открыл свою большую сумку. Когда милиционеры увидели огромное количество денег (зарплату всех работников геологической партии), они раскрыли рты от изумления. Обретя дар речи, милиционеры спросили у Семенова какое он имеет оружие, чтобы в одиночку перевозить такой

ценный груз. Тогда Валентин Семенов снял с пояса свой охотничий нож. «Неужели все?» — удивились милиционеры. «Да, — ответил он, — но я, как обученный разведчик, за мгновение смогу с вами сделать то, что вы не успеете сделать со мной своими двумя пистолетами». Милиционеры поохали и отпустили необыкновенного экспедитора, который весь груз доставил до места в целости. После службы в НКГРЭ, с 1978 по 1982 год, Валентин Семенов был начальником штаба гражданской обороны на Надеждинском металлургическом заводе, а затем перешел на работу в Норильское авиапредприятие, где три года проработал инженером по мобилизационной работе штаба Норильской объединенной авиаэскадрильи. Оттуда он был уволен 11 мая 1985 года в связи с уходом на пенсию по возрасту. Через некоторое время выехал из Норильска на постоянное место жительства в Кисловодск. Скучая по Норильску и норильчанам, он изредка оттуда писал письма, спрашивая об оставшихся друзьях-товарищах и сообщая о себе с горьким юмором.

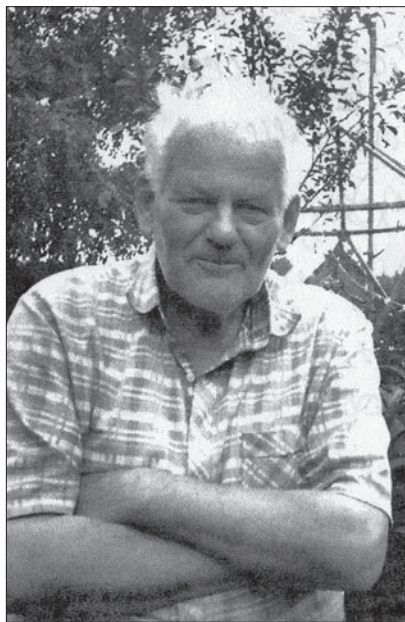
Он писал, в частности, о том, что за свои боевые подвиги и трудовые заслуги получил «огромную» пенсию аж 130 рублей, которых не хватает на нормальную (а по норильским понятиям) жизнь. И он вынужден вновь пойти на службу пойти командиром отряда вневедомственной охраны. Несмотря на побитые и промороженные на войне больные ноги, ему приходится проходить много километров ночами с проверкой сторожевых постов. Писал о том, что все больше его огорчают вести от боевых друзей из Западной Украины — с мест былых партизанских боев, где уничтожаются памятники павшим бойцам, изредка гибнут оставшиеся боевые товарищи и активизируются националисты, сотрудничавшие с фашистско-немецкими оккупантами, а теперь провозгласившие себя новыми героями.

После долгого перерыва он прислал письмо, в котором благодарил за присланные газеты и сообщал,

что в последние месяцы совсем задыхается, что ему сделали операцию на горле, поставили дыхательную трубку и ходить ему все труднее. Заканчивалось послание словами «Видимо, дышать осталось недолго.» Дальше от него писем не было, и до меня дошел слух, что Валентин Гаврилович скончался. В ответ на телеграмму в его квартиру, на улицу Желябова пришел ответ, что квартира закрыта и никто не пришел за телеграммой.

В Норильске немного следов, напоминающих о герое-партизане. В военкомате его личное дело не сохранилось, в большинстве школ стендов, рассказывающих о героях, не осталось. На каких же примерах мы будем воспитывать нашу молодежь?

*Юрий Васильевич Егоров,
2001 г.*

*Фото за столом:
Норильский клан Егоровых, Вишневских, Полозовых.
Кроме одного все — потомки репрессированных*

Юрий Егоров:

*«Крутые развороты
нашей семьи — мы надолго
стали норильчанами»*

РОДОСЛОВНАЯ ЕГОРОВЫХ

Леонид Николаевич Яковлев, ветеран Великой Отечественной войны, геолог, когда вышел на пенсию, решил восстановить историю своей деревни Володово, в которой нынче осталось два дома. К его удивлению, хорошо сохранились Тверской и Торжокский архивы. Володово относилось к Торжокскому уезду Тверской губернии. Документы гласили, что семьи в деревне, как правило, были многодетные. Леонид Николаевич долго разбирался в семейных перипетиях и дошел до года, когда разделились семьи Нечаевых и Егоровых.

Мой пращур Егоров, от него и пошла наша фамилия. Четверо мужиков попросили дать им землю в деревне Татариново. Сейчас ее уже нет, она исчезла, как и многие деревни, располагавшиеся далеко от дорог. Володово стояло на старом Осташковском тракте, почти все его жители переехали в город Кувшиново: на бумажной фабрике здесь была работа.

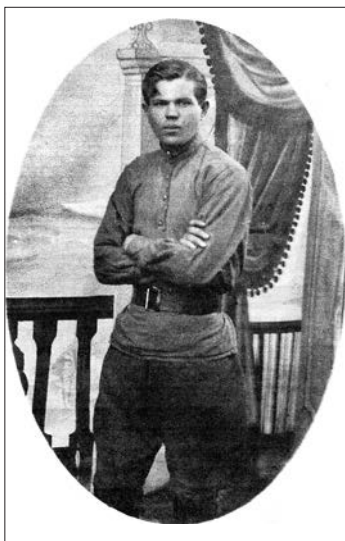
На фотографии 1913 года отец Василий стоит, держа в руке книгу, — он закончил третий класс земской школы, и его послали в Пи-

Мой отец Василий Егоров и его мама Степанида Васильевна. Снимок на память сделан перед отправкой Василия на учебу к портному в Питер, 1913 г.

тер на учение к портному. Дату рождения 1899 год ему «выправили» на 1901-й 31 декабря, иначе бы его не приняли на работу к хозяину. Василий выучился на «брючника», до «пиджачника» не доучился. Заказов не стало, и хозяин отправил его домой. Здесь он занялся сплавом леса, ловил рыбу, затем устроился путевым рабочим на железную дорогу. В 1920 году его, как единственно грамотного человека, отправили сначала рабочим, а потом и заведующим передвижным складом, где он проработал до 1925 года.

Время было революционное, бурное... Василия Александровича избрали председателем месткома производственного объединения «Красный железнодорожник». Он здесь проработал два года: 1928 и 1929. Потом Василий Егоров поступил на фабрику «Москвошвей» и стал учиться в вечерней школе. В 1929 году его назначили директором швейной фабрики «Вперед». Вечерний комвуз им. Сталина он окончил в 1931 году. Василия Егорова избирали в Моссовет трех созывов, а в 1933 году он поступил учиться в вечернюю плановую академию им. Молотова. Закончив ее, он получил назначение в Наркомат торговли СССР — возглавил сектор. Осенью 1937 его направили на работу в облторг Донбасса. А 27 июля 1938 года его арестовали по доносу его же заместителя. 17 июня 1939 года отца приговорили к 15 годам заключения и 5 годам лишения прав. Виновным он себя не признал. Обо всем этом Василий Александрович Егоров узнал много позже...

*Василий Александрович —
председатель месткома
«Красный железнодорожник»,
1926 г.*

АРЕСТ ОТЦА, ВОЙНА...

...Я вспоминаю друзей отца, тех, с кем довелось общаться после окончания техникума, и понимаю: какие же таланты собрались в Норильлаге. Здесь в кабинетах начальников висели настенные часы, сделанные заключенными мастерами. Впрочем, и на вахте предприятий можно было увидеть круглые настенные часы... Умельцы восстанавливали и сгоревшие лампочки, причем светили они ярче: уже не на 12 ватт, а на 24. Помню, когда я работал на ТЭЦ, у нас были большие запасы таких лампочек. В Норильске умели все... И хронометры морские даже делали. А на самодельных часах з/к Трегубенко и Либерзон оставляли метки — свои инициалы ставили...

*Василий Александрович Егоров —
работник ФИНО комбината,
Норильск, 1944 г.*

И еще одно доказательство профессионализма заключенных специалистов из учетной карточки Норильлага. 10.03.43 г. В.А. Егорову ОСО НКВД снизил срок на 2 года и 6 месяцев: он сумел навести порядок в финансовой системе вспомогательных предприятий.

Данные из учетной карточки НОРИЛЬЛАГА (ф. № 2, ИЦ УВД КК)

№ л.д. 23362, арх. 59623. Заполнено 20.07.40 г.
ЕГОРОВ Василий Александрович, 1899 г.р., русский, инженер-экономист. Место жительства МОЛОТОВО (УССР) (позже Сталино. — *авт.*)

Осужден: (нрзб; видимо, облсуд) 17.06.39 г.,
ст. 54-7,17-54-8,11, срок
15 лет и 5 п/п, считая с 21.07.38 г.
10.03.43 г. ОСО НКВД срок снижен на 2 года 6
месяцев.
19.01.44 г. ОСО НКВД срок снижен на 4 года.
Конец срока 21.01.47 г.

Прибыл: 21.08.39 г. из Стал. (видимо, СТАЛИН-
СКОЙ) тюрьмы.
С 27.09.39 г. сидел на 2-м л/о (лаготделении),
с 12.03.41 г. на 5-й командировке,
с 31.12.44 г. на 3-м л/о,
с 8.07.45 г. на 2-м л/о,
с 30.03.46 г. на 9-м л/о (кирпичный завод).
Освобожден 20.01.47 г.

В августе 1939 года на Красноярской пересылке
Норильлага добился переговоров с лагерным на-
чальством и размещении нового этапа в отдельной
секции (для защиты от воров).
После реабилитации работал зам. директора Но-
рильского комбината.

(См. воспоминания А.А. Гаевского.)

26.08.99 г. Гот. В.С. Биргер,
Красноярск, общ-во «Мемориал».
Передано в Донецк, Норильск.

(Эту справку пришлось «выбивать» 11 месяцев. — авт.)

ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ НОРИЛЬСТРОЯ И. К. В. Д. 13/ХІ <i>С. 214</i>	УДОСТОВЕРЕНИЕ.
Сотрудник Финотдела Комбината <i>Егоров</i> <i>Василий Александрович</i> направляется в цеха Управления Эксплуатации для производства обследований финансового состояния. Просим оказывать всемерное содействие в проводимой им работе.	
Зам. Нач. Комбината и Нач. Упр. Эксплуатации - <i>13364</i> (Зверев) Начальник ФИНО К-та - <i>Суп</i> (Гирс)	
8.	

В удостоверении почему-то не указано, что сотрудник финотдела
комбината Василий Александрович Егоров — заключенный...

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
по
Красноярскому краю

Видом на жительство не служат
При утере не восполняется.

отдел _____

13 июля 1964 г.

В 22904

г. Красноярск

СПРАВКА

Выдана гр. ЕГОРОВУ Василию Александровичу, 1909 года рождения, уроженцу с. Володосово, Каменского района, Калининской обл. отп. гр-ну СССР, по национальности русский в том, что он был осужден Военным Трибуналом Харьковского военного округа 17 июля 1939 года по ст. 54-7, 17-54-8, 54-11 УК УССР к лишению свободы на пятнадцать лет, с порыванием в правах на пять лет.

По Постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 26 марта 1952 г. направлен в ссылку на поселение в Красноярский край.

справка

44-06381/54

Определением Военной Коллегии Верховного суда СССР от 19 июля 1954 года, приговор военного трибунала Харьковского Военного округа от 17.07.1939 года и Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 26/3-1952 г. в отношении ЕГОРОВА В.А. отменены, дело за недоказанностью обвинения производством прекращено, от ссылки на поселение освобожден 7 августа 1954 года и следует к избранному месту жительства - город Москва.

И/М НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УМВД

И/М НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ

О чем свидетельствуют эти документы? О том, что заключенному инженеру-экономисту разрешается свободное хождение в течение дня на работу и позднее с нее возвращение. Без расчетов специалистов не могло обходиться производство.

В дальнейшем для годовых отчетов о проделанной работе на Норильском комбинате шесть специалистов

из Норильска даже отправляли поработать в Москву на Лубянку, но об этом позже...

А теперь я расскажу о том, что помню сам... Как все начиналось... В 1938-ом году меня отправили в пионерлагерь, в Мариуполь. Хорошо там было! Утром будил горн: «Подъем!» Умывание, завтрак, затем час свободного времени, он назывался пионерским... До обеда мы все на море! Потом «мертвый час», после подъема полдник и дальше каждый делал, что хотел.

Неожиданно приехала мама. Сказала, что папу перевели в другой город. Она оформила документы, купила билеты, и мы пошли на вокзал. Я спросил, куда переводят папу. И тогда мама рассказала, что папу арестовали как врага народа. Во всем должны разобраться, и тогда отца отпустят. Отпустили! Через 9 лет! А оправдали — через 18!

Мы вернулись домой в Сталино (Донецкой области), зашли в квартиру и увидели, что наши комнаты опечатаны. На кухне лежали матрацы, две подушки и два одеяла. Мы поели и улеглись спать. Ночью я слышал, как мама тихо плакала. Утром после завтрака я спросил, как же мы одежду заберем? Мама ответила: «Ничего не трогай, тут все опечатано.» И мы пошли в НКВД. Мама оставила меня на улице, а сама пошла просить о свидании с отцом. Вышла расстроенная, ей сказали, что пока идет следствие, никаких свиданий. И тогда мы сразу поехали на вокзал и уехали в Москву.

Первое, что сделала мама: написала письмо бабушке, маме отца. Положила в конверт мою метрику и сколько-то денег. Конверт она зашила во внутренний карман моего пальто. А мне она сказала: «Если меня арестуют, ты удирай на Ленинградский вокзал и уезжай до Кувшиново. Оттуда 6 км до деревни Володово. Найдешь Степаниду Васильевну, отдашь ей письмо. К счастью, маму не арестовали. Но начались веселые ночи. В нашей коммунальной квартире жили семь семей. Каждый звонок вечером или ночью заставлял маму вскакивать. Так продолжалось

довольно долго. Мама устроилась работать швейной-надомницей, шила официантские кителя. Были и у меня обязанности: на каждый китель я пришивал 12 пуговиц, а потом относил готовую работу и приносил маме новые заготовки. Еще я ходил в школу и занимался в историческом кружке районного Дома пионеров. Школу я иногда прогуливал, но учился прилично, хотя признаюсь, был изрядным хулиганом: дрался! И пока учитель отворачивался, я пускал голубей и гудел. До сих пор удивляюсь, как я успевал и учиться, и хулиганить...

22 июня 1941 года я пошел в магазин за молоком. Выхожу на улицу, а там стоит ЗИС-101 и около него толпа. Спрашиваю, что там говорят? Война! Немцы на нас напали! Прибежал домой: «Мама, война началась!» Она заплакала, помнила еще Гражданскую, хотя девчонкой была... В тот же день появились пожарные щиты с лопатами, кирками и ведрами с конусным дном. Во дворе выкопали яму и стали носить песок на чердак дома. Вечером того же дня была воздушная тревога. Началась паника. Народ с тюками и чемоданами кинулся в бомбоубежище. Управдом пытался успокоить и образумить народ — не вышло... Тогда он взял черенок лопаты и стал лупить мужиков...

Потом дали отбой, и все разошлись по домам. Месяц было тихо, а в июле немцы стали засыпать город зажигалками... Тревожный месяц не прошел даром: народ кое-чему научился. В наш дом попало шесть зажигалок, их сбросили, хотя пожары были. На Арбате сгорел знаменитый «дом с привидениями». Сейчас на этом месте сквер госпиталя. Начались дежурства на крыше с кастрюльками на голове, на улице. Осколков от зениток падало много...

Так продолжалось до конца сентября. Потом появилось объявление: «Детям явиться в Химкинский речной порт с вещами к 10-ти утра.» Мы с мамой приехали. Всем объявили, что теплоход «Молотов» пойдет в темноте, так как немцы бомбят суда. Когда стемнело, мы погрузились и отчалили. На рассвете

прибыли в Кимры, где опять стояли до темноты. Прибыли в Горький, нас высадили. Через какое-то время подошел еще один пароход, забитый народом. Я изловчился и нашел место в коридоре рядом с машиной, здесь было шумно, но тепло. Через день мы причалили, нас высадили. На берегу никого... Потом приехал грузовик и повез нас в деревню Норки. Нас разместили в школе прилично: выдали матрацы, подушки, одеяла. Кормили хлебом с маргарином и чаем, а утром мы все чесались: воспитатель ахнула. Приехали три машины — две бани и одна прожарка. Для начала нас всех обстригли... Потом мы пошли знакомиться с деревней, увидели неубранный урожай и пустые дома. Девочка Марта, немка, дочь председателя сельсовета, рассказала, что немецкий десант высаживался, некоторые дураки им помогали и теперь их всех отсюда выселяют. Взрослые тут же организовали людей: выкапывали картошку, собирали лук, рубили кочаны капусты и прочее.

При школе был хозблок и погреб. Его заполнили овощами. Благодаря этому мы жили неплохо. Но однажды в декабре кто-то оставил открытой дверь погреба, и овощи замерзли. Их пытались тушить, но ребята отказались их есть. Тогда в эту бурду добавили сахара и масла, льняного или конопляного.

В конце апреля 1943 года нас перевели в детдом села Высокое, а через месяц посадили в сани по 6 человек и повезли в Саратов. Здесь нас посадили в «пятьсотвеселый поезд» (теплушки), еще раз покормили, а высадились мы на Казанском вокзале в Москве. А уж оттуда нас отвезли в школу № 59. Кого-то забрали родители, а я сам пошел домой. Квартира оказалась закрытой, и я лег на широкий подоконник. Проснулся от толчка: «Юра!» Оказалась, маме ничего не сообщили о моем приезде. На другой же день я получил карточки и направление в ремесленное училище. Месяц подрабатывал электриком — пригодились знания, полученные от электрика нашего дома. Рассчитывались кто хлебом, кто крупой.

В конце мая к нам зашел знакомый, он вернулся с фронта после ранения. Н.Ф. Колос до войны работал на Мосфильме, предложил и мне туда пойти. Но я быстро понял, что механик по киносъёмочным камерам из меня не получится и откликнулся на приказ на клепку понтонов. Эта лихая работа длилась по 10–12 часов. Но зато здесь за каждые два сверхурочных часа полагался талон на обед: щи из крапивы, лебеды и сныти, кусок рыбы с макаронами или перловкой (шрапнелью) и 100 граммов хлеба. Завершался обед чаем или компотом из яблок. Однажды отработал 16 часов! Сил хватило только на то, чтобы дойти до комнаты, где на полу лежали старые занавески. Тут мы все и свалились. Никто не возмущался. Война!

Два памятных дня в Москве никогда не забуду. Первые дни войны. Почему-то тогда отправляли поезда и встречали эшелоны с Белорусского вокзала. А нам с другом кто-то сказал, что скоро будут отправлять эшелоны с Киевского вокзала. И мы с ним поехали на вокзал. Недалеко от него стоял товарный состав и около него большая толпа. Кто разговаривал, кто плакал. Раздалась команда: «По вагонам!» Загудел паровоз, оркестр заиграл какой-то марш. Эшелон медленно тронулся... И вдруг раздался крик и плач людей. Все звуки слились в какой-то нечеловеческий вой, который слился со звуками оркестра... Провожающие, их было человек триста, и кричали, и плакали...

Эшелон ушел. Оркестр перестал играть. А народ все стоял и смотрел вслед ушедшему поезду. До сих пор мои уши помнят этот вой в сопровождении оркестра. Не помню, в каком фильме, я видел эту же картину на вокзале, только там не было оркестра, а был дикий вой...

И еще один день врезался в мою память. Я работал в ночную смену. Около трех часов утра в павильоне раздался протяжный крик: «Война кончилась!» Наша работа на этом кончилась тоже. Я побежал к об-

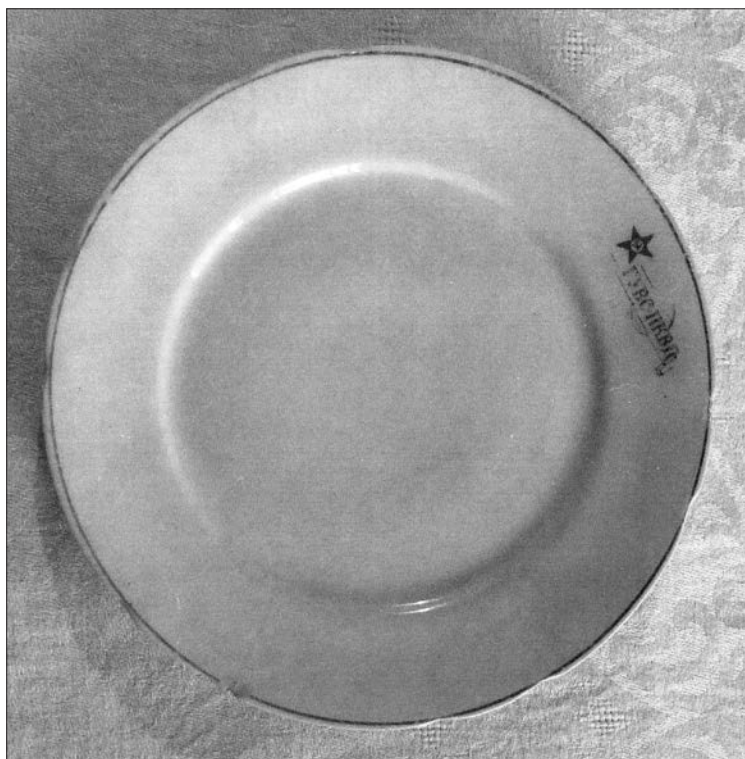
рыву, откуда была видна вся Москва. Уже начали зажигаться огни — потрясающее впечатление.

Вернулся в павильон Мосфильма, где снимали тогда «Адмирал Нахимов», собрал свое хозяйство, отнес на склад. Было 6 часов утра. Троллейбусы еще не ходили, пошел пешком по Бережковской набережной. Народа почти не было. К Бородинскому мосту подошел, а там уже люди ликують, кричат «Война кончилась!» Увидел я и людей, стоявших молча, прислонившихся к чему-нибудь. Они так горько плакали, мужчины и женщины. Возле театра Вахтангова тоже стояли люди и плакали. И что мне запомнилось: никто не кричал «Победа!» Все не сговариваясь, поздравляли друг друга словами «Война кончилась!» Я прошел от Бородинского моста по Смоленской улице по Арбату до театра Вахтангова. В него попала немецкая бомба. Левая его часть была разрушена. Везде, где я шел, встречал толпы людей, которые кричали «Война кончилась!» И тут же стояли женщины и мужчины, которые молча и горько плакали, прислонившись кто к стене, а кто и просто посреди улицы...

* * *

А теперь перенесемся в Норильск. Был у Зверева личный самолет — на нем не имевших права выезда из Норильска командировали в Москву... Представляю удивление читателей: да такого не может быть просто по определению! Но — было до 1950 года... Эти поездки мне, мальчишке, запомнились на всю жизнь. Это было такое счастье — сытое и интересное... Оно длилось, даже когда отец улетал обратно: он оставлял нам свои месячные талоны на обеды в столовых, сам старался питаться в гостинице бесплатно. В шикарной гостинице обеды были очень приличные.

Это было время, когда мы с мамой жили в Москве, а личный самолет директора Норильского комбината Владимира Степановича Зверева, на котором прилетел отец, называли «Портвейном». Дело в том, что он имел бортовой номер «777», три семерки стояли и на

*Тарелка НКВД сегодня —
семейная реликвия друга семьи Егоровых
Виктории Валериановны Вязуновой. Ее подарили в Норильске
приехавшие из Мончегорска супруги по фамилии Полтава.
В те годы многое для населения делали заключенные своими руками:
людям не хватало ни посуды, ни мебели, да много еще чего.
Когда супруги Полтава собрались уезжать из Норильска в Москву,
столь необычную тарелку Виктория попросила подарить ей
на память*

бутылке портвейна, очень популярного в народе. Путь до Москвы был неблизкий, с несколькими посадками. Столица самолет с такими пассажирами принять не могла даже в Быково, за ними приезжал специальный автобус на подмосковный аэродром в Мячково.

В тот приезд, о котором я рассказываю, командированных в Москву норильчан поселили в прилич-

ных номерах по 2–3 человека в гостинице «Селект», сегодня «Пекин». Днем экономисты и бухгалтеры из Норильска работали, а вечером им разрешали гулять-ходить по Москве свободно. Но ночевать все были обязаны в гостинице. Батя мой и мы с мамой все вечера проводили у нас дома, на Арбате, 35. Однажды наш сосед Абрам Ефимович Закс сказал маме, что нашей семьей «интересуются». Она об этом сказала отцу. Утром он послал мать в представительство Норильского комбината и Дальстроя: «Вербуйся на Крайний Север». Батя договорился с представительством, и в результате на пятый день утром мы уже сидели в самолете. Так и мы с мамой стали норильчанами.

Сегодня уже можно пояснить, что же тогда произошло. Через несколько лет Абрам Ефимович признался отцу, что тогда он был уполномоченным НКВД по нашей квартире. Ни тогда, ни сейчас не осуждаю его: «Попробовал бы кто отказаться». А ведь он незадолго до этого говорил маме: «Скажите Юре, чтобы он при мне язык не распускал». Порядочный человек был. А возможно, в нашей квартире или подъезде дублер был из НКВД. В нашей квартире, например, жили 6 семей.

...Мы летели до Красноярска два дня. Ночевали в Новосибирске в каком-то сарае. Нынешних аэропортов тогда не было. При болтанке все принимали аэрон. А мы жевали твердокопченую колбасу, как нам посоветовал отец, и она нам помогала лучше аэрона. В Красноярске нас встретил Петр Михайлович Попков, тоже бывший сиделец. Он помог нам устроиться в гостинице «Север» и купить билеты на пароход. Это еще было тогда колесное судно «на дровах». К нему прицепили баржу с мукой, солью и прочим. Мы останавливались у каждой деревни и так шлепали по Енисею 7 дней. У меня осталось удивительное впечатление о Казачинских порогах: что-то здесь пошло не так. Но я успокоился, когда в рупор капитан объявил всем: «Наконец-то мы преодолели трудные пороги». Народу на пароходе было очень много. Люди

спали на палубе. На подходе к Туруханску заметно похолодало, и вся людская масса переместилась в коридоры. Пройти по нему, не наступив на кого-нибудь, было просто невозможно.

Наконец, мы прибыли в Дудинку. Нас встретил дождь, холодный ветер. Первое впечатление было неважным... Но нас снова встречал очередной приятель отца, тоже сиделец Гаврила Иванович Писарев, он помог нам добраться до «вокзала». Написал в кавычках, потому что это была будка. По узкоколейке мы ехали 12 часов. На стоянках народ из вагонов активно выходил: кто по нужде, а кто ягоды собирал. Тогда-то я и попробовал впервые морошку, бруснику на Таймыре. Паровоз загудел, все сбежались, расселись, и мы поехали дальше...

Следующее впечатление — это Кайерканская зона. Поезд подошел к воротам. В каждый вагон зашли два охранника: «Окна закрыть! Всем сидеть на местах!» Поезд пошел назад, разогнался с бешеной скоростью, непрерывно гудя... Он пролетел зону, останавливался, охрана уходила, окна открывали. Приехали в Норильск вечером, нас встретил Николай Михайлович Бабанин, отвез на Севастопольскую, 5. Сейчас этого дома уже нет. Еще один шок: удобства во дворе. Со временем привыкли.

На следующий день я сдал документы в техникум. 29 августа пошел узнать, где занятия и когда. А мне говорят: «Вы не приняты. Мандатная комиссия вас не пропустила.» Отдали документы. Мама позвонила в Москву бате на работу. Он коротко сказал: «Не дергайтесь». Сижу дома. 1 сентября забрался на гору Шмидтиху, а 3-го на Гудчиху. На обратном пути за 25-ым заводом попал в какую-то грязь вонючую. Вот такие были первые впечатления.

5-го сентября в Норильск прилетел Валентин Бабанин и сказал мне: «Тебя вызывает Сорокин, это директор техникума». Прихожу. «Товарищ Егоров, вы приняты в техникум. Бабанин вас проводит к Медведовскому. Это заведующий электротехническим

отделением». В перерыве Медведевский отвел меня в аудиторию и сказал: «Егоров будет учиться с вами». А документы-то я сдать забыл... Так и проучился три года. Выходит, нелегально? Шучу...

Когда отец приехал из Москвы, я рассказал ему о своих путешествиях и тут же получил взбучку: «Тебя же самоохранник мог убить!» Самоохранниками называли уголовников, самую сволочь. Им давали винтовку и сажали на вышку, при этом они имели какие-то привилегии. Их ненавидели все. И вольные, и заключенные. Они и жили отдельно. Учился я прилично, хотя и были у меня и пятерки, и двойки. А однажды Константин Иванович Чащин поставил даже ноль. Оказалось, это означало разрешение вообще не ходить на занятия. Учись самостоятельно до экзамена. А на экзамене он сказал мне: «Тебе надо бы пятерку поставить, но тебе, разгильдяю, хватит и четверки». И правда, физику я любил, а четверка меня вполне устроила. Еще я любил играть в волейбол и баскетбол, часто играл за техникум. Тренировал нас Пантелеймон Федорович Федоров, фанат спорта.

Учебной лаборатории нужны были лаборанты. Б.С. Медведевский предложил подобрать еще двоих. Миша Вишневский позвал меня и Валентина Бабанина. Мы готовили материалы и приборы для электриков. После работы мы оставались втроем, кипятили чай. После получки мы заранее брали свой «читок» и покупали пару банок крабов — тогда это была самая плебейская закуска. Ими были завалены все магазины. «Читок» мы разводили водой и добавляли туда сироп из варенья розовых лепестков — этого варенья тоже было очень много в наших магазинах. Варенье имело интересную особенность. Если с ним пьешь чай, лепестки приходилось выплевывать. Ничего не поделаешь...

На втором курсе у меня сразу появилось два дела. Я поступил на работу лаборантом. Вел практические занятия с неэлектриками. Мы с Бабаниным были в подчинении Михаила Вишневского. Работали

*Учащиеся техникума в лагере «Таежный».
Снимок на память, 1949 г.*

на полставки, получали ежемесячно по 45 рублей. А потом меня выбрали в редколлегию техникумовской стенгазеты «За отличную учебу». И здесь оставался нашим начальником Вишневский, главный редактор. От каждого отделения техникума в редколлегии был представитель. От металлургов Тамара Кийкова, от обогатителей Люда Гаврилина, поэт и художник Саша Смекалин был от геологов. От горняков в редколлегию не пришел никто. Я представлял электриков. Отличная получилась у нас компания...

Редактор газеты Вишневский по должности был мальчиком для битья. Готовую газету он нес директору или парторгу техникума. Наша редколлегия была вольнолюбивая и смелая, поэтому иногда приходилось заклеивать некоторые места. Правда, за наши «грехи» всегда доставалось Вишневскому. А в общем, пока директором был Сорокин, все было довольно терпимо. А когда появились новый директор, да еще и парторг, совсем стало плохо... Новый парторг тяготел к словам «Вперед, да здравствует, долой»... Это был кошмар... Фамилию писать не буду... Противно...

В лаборатории нашей стоял приемник «ВЭФ»... Мы слушали японцев, шведов. Сначала немцев лови-

ли, а потом их и англичан заглушили совсем... Нам все новости были интересны. А если бы нас застучали у приемника? Ведь все трое мы были из семей «контриков» по 58-ой статье... В такой день мы сидели у приемника допоздна, часто домой не возвращались, ночевали на работе. В нашей группе народ был серьезный, многие успели поработать после ШРМ в войну...

После защиты в техникуме я уехал в отпуск с другом Михаилом Вишневым и его сестрой Жанной, вернулся в конце сентября — опоздал, испортил отношения с директором (по прозвищу «Валенок»). Мне дали два месяца для подготовки на должность сменного инженера. Мне здорово повезло, меня окружали профессионалы высочайшего класса, толковые и доброжелательные люди. Все — сидельцы, кроме Марии. Это начальник электроцеха Сурин Владимир Николаевич, начальник смены Белоусов Дмитрий Дмитриевич, релейщик Годицкий Николай Степанович, турбинный Вальтер Григорьевич Дамме... Больше всех меня погонял Марин Коля, которого я и должен был заменить. Благодаря этим специалистам я стал увереннее работать сменным инженером. Проработал три года, пока не поссорился с директором... Случилась авария.

На следующий день меня вызвали к С.П. Корсаку, начальнику ТЭЦ (ВЭС-2 был филиалом ТЭЦ). Захожу в его кабинет. «Что мне с тобой делать?» — спрашивает Станислав Петрович. Я молчу. «Мастером пойдешь в линейную службу?» Отвечаю: «Пойду. Только надо предупредить на ВЭС-2, что ухожу...» И слышу: «Не надо, там сказали, чтоб твоей ноги там больше не было...» Станислав Петрович вызвал начальника электроцеха: «Представь его Булавскому...» Мы пришли, меня встретили радостным возгласом: «Юра!» Начальник цеха понял, что и с Юрием Андреевичем Булавским и с Сусанной Николаевной Булавской-Зенгер, мы знакомы и ушел. А я в первый же день работы оконфузился: нечаянно сломал реле, которое настраивал Григорий Миронович Браверман.

Полная тишина... Я извинился... До сих пор удивляюсь выдержке эмоционального одессита: как он на это молчанием ответил. В дальнейшем мы хорошо сработались с этим толковым и деловым человеком.

Надо сказать, что бригада у меня была своеобразная: в ней были и бандит, и злостный хулиган, и медвежатник, и убийца, и контрабандисты... Но общий язык мы нашли. Все обзавелись семьями. Оказалось, все они нормальные и хорошие люди. Кроме одного. Этот (он сидел за убийство) позже в лагере опять за убийство получил «вышку». Особняком как-то держался Георгий Евтихиевич Хундадзе. Он опоздал по призыву в армию, эшелон ушел без него. Его забрал патруль. А родне было сказано, что теперь его расстреляют. Его семья, все родственники собрали все свое золотишко и отдали нужным людям. А он потом в Тбилиси получил пять лет лагерей.

Я с благодарностью вспоминаю всех, с кем работал. С ними я прошел хорошую, житейскую и профессиональную школу. Например, Владимиру Петровичу Давыдову можно было доверить самую сложную и ответственную работу — ее не нужно было проверять. Его дочка Татьяна Владимировна Шинова до сих пор работает в лаборатории. Особо хочу выделить и Сусанну Николаевну Булавскую-Зенгер. Сколько релейщиков прошли ее школу, они всегда вспоминают ее с большой благодарностью. Я тоже очень многому научился у нее.

В 1961 году станция расширилась, увеличилась и ее ремонтная команда. Нас, ремонтников, измерителей и высоковольтников, объединили в лабораторию. Тогда же произошел, на мой взгляд, безобразный случай. Булавским объявили, что жена и муж не должны работать вместе. Юрию Андреевичу пришлось уйти в контору электромонтажных работ. И еще одного интересного человека и специалиста «золотые руки» потерял наш коллектив — Константина Константиновича Вольпера, он руководил участком измерений, создал профессиональный коллектив, чисто женский,

кроме одного специалиста — Николая Степановича Годицкого. Сам он из Казахстана, телефонист. Однажды, проверяя линию, залез на столб и подключил трубку: восстановил ли связь. И тут на его беду ехала бдительная машина. Увидела «шпиона» на столбе и «обезвредила» его. Так он оказался в Норильлаге.

В 1962 году случился очередной рецидив гонений и поиск шпионов. Вот тогда и уволили Вольпера. Вместо него поставили партийного человека, к счастью, неплохого и умного парня, но достичь высокого и профессионального уровня Константина Константиновича он не смог. Про таких, как Вольпер, говорят: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Он работал релейщиком, измерителем, высоковольтником, старшему мастеру с таким профессионалом работать легко.

Осенью 1954 года ТЭЦ полностью остановилась — села на «ноль». Раскручивать пришлось ВЭС-2, ее в общем-то для того и держали. Мы на ТЭЦ подали энергию, и они раскрутились... Со многими из тех, кого я сегодня вспоминаю, спустя годы я встречался в Норильске. С Пантелеймоном Федоровичем Федоровым мы встретились много лет спустя, он работал физруком в 5-ой школе, где учились мои ребята. Виктория Валериановна Вязунова имела особые таланты: она умела убедить других поднять интересную тему в газете. Это она познакомила меня с Сусанной Николаевной в 1949 году, они были подружки, а я нахально пользовался талантами Виктории Валериановны в техникуме. С Сусанной Николаевной мы поработали синхронно 26 лет.

В 1956 году официально закончилась лагерная эпоха. В Норильск начали вербовать людей. А тут еще комсомольский десант стал прибывать, из воинских частей демобилизованных пригласили на Таймыр. Такое количество прибывающих к нам стало неожиданностью. Принять столько народа при колоссальном дефиците жилья! Тут и началось! Расселяли людей в лагерные бараки, заселяли в самодельные балки... Многие приезжали в пальтишках, в сандалиях

и босоножках... Пока на митингах говорили горячие речи, работники комбината метались круглосуточно по заселению приезжих. Их заселяли и в новые дома, которые были обещаны лучшим работникам комбината. Скандалы! Квалифицированные работники стали массово уезжать — жить негде, а в Заполярье зима-то суровая.

Самое первое, чему научил меня отец: всегда держи язык за зубами. Он сказал мне, что у нас собирается компания преферансистов. Никогда и никому не говори, о чем мы беседуем. Еще я узнал, что собрание сочинений В.И. Ленина издавалось дважды — в синем и красном переплете. В синем текст был всем известным, а с красным поработал академик Митин. Здесь был упорядоченный текст, многие вещи убрали как неактуальные. Об этом я узнал еще в Москве, потому что красное издание брали букинисты, а синее нет... Например, я узнал о переписке Клары Цеткин с Лениным, о многопартийности. В красном издании этой статьи не было.

Компания у нас собиралась интересная. Бенесьюко Иван Осипович преподавал философию в институте в Киеве. Писарев Гаврила Иванович был начальником семеноводства зерновых культур Наркомсельхоза, Кржыжановский Сергей Федорович — полковник Генштаба, он печатал самые секретные материалы и уцелел только потому, что следователь был полный дурак. О нем он рассказывал так: «Если бы он знал, какие секреты знал я! После печати надо было сдать копиру и ленту в отдельном «конверте». Мой отец, Егоров Василий Александрович, был начальником областного торгового Донбасса. Два высших образования. Плановая академия им. Молотова и Московский университет им. Сталина. Но не помогло и это — донос о враждебной деятельности написал его заместитель. Хотел сесть в кресло начальника и сел! На один год, а потом и он в воронок...

Белько Сергей Петрович, дипломат, тоже бывал у нас. Он к приезду Коллонтай готовил посольство

в Швеции. Один встречал ее на вокзале, шведское правительство отнеслось к ней враждебно: протокол не был соблюден. Сергей Петрович вышел из беднейшей семьи в Белоруссии, но для меня он был идеалом интеллигентности. После реабилитации он работал директором художественного фонда.

...Я помню годы, когда в магазинах Норильска было полно икры, черной и красной — ее черпали на вес. Привозили и замороженное в мисках молоко. Его доставляли в мешках и тоже продавали на вес. Четвертинку спирта называли читок. Он стоял в магазине в ведрах. В конце вечера в нашем доме включали приемник. Это были интересные вечера... И никто и никогда не «застукал» этих интересных контриков...

НОРИЛЬСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП МОЕЙ ПАМЯТИ

Смерть Сталина

Лежу на диване, слушаю радио. Вдруг срочное сообщение: «Сталин умер!» Кричу бате на кухню: «Сталин умер!» Он заходит ко мне и говорит: «Вот сейчас драка-то за власть начнется!» Как в воду смотрел. Интересной была реакция народа: кто плакал, а кто смеялся. Но все праздники и дни рождения отменили, а в магазинах с прилавков убрали спиртное.

Арест Берии

Сижу на ВЭС-2 за своим столом. Заходит Николай Степанович Годицкий (Шайтаныч) и говорит: «Юрий Васильевич, пойдем со мной». Вижу, он какой-то странный. Пошли. Заходим в релейную мастерскую, и я слышу по радио голос диктора: «Враг народа и т.д. Берия арестован». Николай Степанович спрашивает: «Это что — правда?» Своим ушам он не поверил. Я пошел в цех на щитуправление и громко сказал: «Бе-

рия, сволочь, арестован». Как в «Ревизоре» — немая сцена... Я говорю всем: «Идите, послушайте радио...» Все убежали, я остался один. Потом вернулись озабоченные. Вдруг одна молоденькая стажер, дежурная по щиту, говорит: «Юрий Васильевич, а может это провокация? Враги народа на радио пробрались?» И тут всем стало весело. Все смеялись, а она заплакала. Но ее быстро успокоили.

Авария

Забыл, в каком году в день энергетика произошла авария. Когда я прибежал, все было в дыму, и горело масло. Пожарники подали пену, но там, где в пене оказывалась дыра, масло вспыхивало снова. Вдобавок часть панелей здания развернулась градусом на 45, и они грозились упасть. Подали воду под пену по полу. Стало возможно войти. Это был кошмар! Разлетевшийся фарфор, искореженное железо... Все покрылось сажей с маслом. Строители срочно вернули панели на место. Теперь можно было работать внутри...

Работали по 10–12 часов на морозе под 30 градусов. Окружком профсоюза разрешил работу в таком режиме: ведь станция имела половину мощности. Надо отдать должное и завкому ТЭЦ. Людмила Степановна Кравцова организовала горячий чай и бутерброды.

Вот когда стало ясно: кто есть кто. Были такие, что убегали, но основная часть работников понимала: пришла беда, и надо работать столько, сколько надо. Кое-кто ворчал, но работал. Должен сказать, что город вскоре получил тепло. Ограничили только заводы.

Интересные люди — норильчане

Удивительные воспоминания о норильчанах сохранила моя память. Люди разных профессий попадали в Норильлаг. Станных и даже смешных причин,

а точнее, поводов к репрессиям величайшее множество... Однажды возникла острая необходимость в уголовном мастерстве: руководитель ТЭЦ С.П. Корсак вернулся из отпуска и с ужасом обнаружил, что оставил в Москве ключи от сейфа. Ему подсказали: надо в лагере найти медвежатника, который с любым замком может справиться. С помощью милиции нашли такого парня. Борис Николаевич Морозов работал у нас на ТЭЦ, но он с ходу отказался: ни за что! Тогда его стали уговаривать, объяснили чей сейф, почему такое случилось... Начальник ТЭЦ остался без ключа от своего сейфа! Конечно, парень был вынужден согласиться, но поставил условия: начальник милиции пишет приказ, что его обязывают вскрыть сейф, он будет работать без свидетелей, все должны выйти, и третье требование: больше никогда не просить его о подобной работе. Этот парень был умницей и очень добросовестным монтером. Когда-то совсем молодым его старшие дружки поставили на «стрему», когда пошли грабить...

...Мне кажется, простых биографий у тех, кто поневоле стал норильчанином, просто не было. И не важно, добрая или злая судьба привела его на Крайний Север... Житейский опыт убеждал, что отзывчивых, добрых и нежадных людей было в Норильске намного больше.

Я вспоминаю Ангелину Ивановну Анисимову, которая помогла нашему сыну неожиданно для нас без всяких просьб. А мы были в полной растерянности: по русскому языку у нашего сына Вити одни двойки... Мы все воспитательные меры испробовали — ничего не помогало... Вот тут-то и последовал неожиданный звонок от Ангелины Ивановны Анисимовой: «Я слышала, что у Вити неприятности с русским языком, он дома?» Получив утвердительный ответ, она строго сказала: «Сейчас же берите его с собой и приходите ко мне домой». Это прозвучало как приказ, который нельзя было не выполнить. Ангелина Ивановна была женой начальника «Спецстроя» Николая Николаевича

ча Анисимова, очень известного и уважаемого человека в Норильске. Наши семьи время от времени встречались у них в такой компании: Николай Николаевич Зенгер (с подозрительной в те времена немецкой фамилией), дважды «враг народа» Н.Н. Урванцев (нас предупредили, что Николай Николаевич настаивает на ударении в своей фамилии только на первом слогe). По тем временам наша компания с начальником и репрессированными выглядела странной. Подозреваю, что от Сусанны Зенгер Ангелина Ивановна и узнала о неуспеваемости нашего сына.

...Мы с женой растерялись, но я пришел с Виктором к Анисимовым. Пока раздевались, то да се, я «спасибо» сказал и спросил: «Сколько вам заплатить за урок?» Ангелина Ивановна так рыкнула на меня, что я оставил сына и ушел. Виктор пришел домой через два часа и стал ходить на уроки три раза в неделю. Ангелина Ивановна оказалась для нас ангелом-спасителем. Наш сын в конце года, а это месяца через два, уже получал только четверки и пятерки. Вот такой урок мы получили: подход к мальчику надо найти, а главное — не ругать, а помогать ему, убедить, что он со всем справиться и сам может.

Инженеру Николаю Николаевичу Зенгеру повезло, он избежал репрессий только потому, что его, работавшего в Мончегорске, эвакуировали в Норильск. В те годы всех немцев, не только Поволжья, депортировали и судили где бы они ни жили. А теперь думаю: уж не знаю, кому больше повезло — ему или Норильску. Николай Николаевич был гидротехником высочайшего класса. В Мончегорске он эксплуатировал деревянные водоводы без давления — сливные. Это была его идея построить и в Норильске деревянный водовод, с которым блестяще справился В.Н. Всесвятский. Водовод прослужил больше 30-ти лет. Говорили, что о деревянном водоводе кто-то рассказал Звереву, вот тогда и началась работа Всесвятского по расчетам Зенгера. Владимир Николаевич испытал его на себе. С первой водой сам пролетел по деревянной трубе.

Иногда думаю, что судьба жалела тех, кто по неволе стал норильчанином. Если б Николай Николаевич Зенгер, немец, да еще дворянских кровей, не попал на Крайний Север, страшно подумать о его дальнейшей судьбе в сталинских лагерях. Кстати, за деревянный водовод Зверев отблагодарил Зенгера шикарно: во первых, всю семью одели тепло, а во вторых, прикрепили Николая Николаевича к литературному магазину. За питание семьи, а значит, за ее здоровье уже не приходилось беспокоиться.

Еще мне запомнился один начальник по фамилии Байтер Исаак Ионович: он попал в Норильлаг за анекдот. Я встречался с ним у моих друзей. Когда его просили рассказать хоть один, он отвечал: «Я заклялся анекдоты рассказывать». И молчал. Только в компании проверенных друзей он мог рассказывать анекдоты весь вечер, не повторяясь. Он заинтриговал меня на всю жизнь такими словами: «Я знаю, кто заложил меня, но документов об этом не было...»

Норильск и норильчане — это какая-то особая зона с удивительными людьми. Здесь все было нестандартным. Помню случай из школьной жизни сыновей. Они учились в пятой школе. На родительском собрании классный руководитель сказала нам: «Дети стали шуметь на уроках, какое-то массовое непослушание... У строгого учителя ведут себя потише, но все равно шумят и разговаривают». И решили, что мы, родители, будем по дням поочередно сидеть в классе на всех уроках. Выпала и моя очередь. Сажу на последней парте и слышу: парень нагло расшумелся, кто-то его поддержал... Я подошел к нему: «Ты чего шумишь, учителю работать мешаешь?» Он на весь класс отвечает: «А я хочу!» — «А я тебе сейчас по шее дам!» — «Не дашь!» — отвечает. Что мне оставалось делать? Я дал ему по шее. Настала тишина, класс умирился. Учитель продолжил урок.

Кончились занятия. Иду по коридору, директор школы Надежда Ивановна Башук мне навстречу: «Что вы наделали! Будет скандал! Ребенка в школе

избили!» Я успокоил ее, как мог: «К школе это отношения не имеет. Я только родитель, которому нахамили...» И действительно. Кончилась эта история хорошо. На уроках стало тихо.

...Мне кажется, что Норильск — какое-то особое в стране место. Оно оказалось густо населено талантами, специалистами высочайшего класса чуть ли не во всех областях его жизнедеятельности. А кроме того, это были в большинстве своем люди нравственные и сердечные. Проще говоря, хорошие и порядочные. Конечно, в семье не без урода, но погоду в Норильске делали не они. Жаль только, что до сих пор не сосчитано, сколько хороших людей погибло в Норильлаге с 1935 хотя бы по 1954 год.

Чему научила жизнь всех, кто жил в Норильске в его первые десятилетия? Если спрашивать об этом самих норильчан, большинство ответит так, как я: город-лагерь не смог уничтожить Человека в человеке, будь он в/н (временно незадержанный, шутили норильчане) или з/к. Все старались выживать вместе, как могли, сопротивлялись лагерной системе и суровому Заполярью. Жизнь показала, что очень часто норильчане делали то, что казалось просто невозможным. Это было массовое сопротивление репрессивной системе, хотя никто не говорил об этом вслух. Люди охотно помогали друг другу в жестоких условиях Крайнего Севера. Такую науку постиг и я в студенческие годы, и позже эти уроки помогали мне всю мою долгую жизнь. Вот почему я считаю, что учеба в норильском техникуме и работа в Норильске — это мои университеты жизни.

Парусник на реке Норилке

После окончания техникума мы с Вишневым и его сестрой поехали в отпуск. Его сестра готовилась поступать в Днепропетровский мединститут. Там прочитали ее биографию и сказали ей типа «и не суйся». У меня был друг в Москве, он умудрился построить

яхту на своем балконе на 7-ом этаже. Мы пришли от нее в полный восторг. Отдохнули в столице и вернулись в том же составе в Норильск. И вот как-то Миша Вишневский говорит: «А почему бы и нам самим не построить швертбот?» Поискали, почитали разную литературу. О затее нашей узнал Виктор Володин и тоже вошел в нашу компанию.

Из чего делать швертбот? За помощью обратились к Леониду Артемовичу Пода, главному инженеру Горстроя и очень спортивно-му человеку. Он посмотрел чертежи и сказал: «Помогу». Леонид Артемович предупредил, что строить будем под эгидой спортивного общества «Динамо», иначе у нас будут крупные проблемы. Через неделю Михаилу Вишневскому позвонили с вопросом: «Куда везти материалы?» Без помощи Леонида Артемовича Поды, конечно, мы ничего не смогли бы сделать. Мы и мечтать не могли о таких материалах.

Началась работа! Мы с Михаилом тогда были еще холостыми, а Володин женат. Как Виктория Валериановна вынесла его занятость, многочисленные поиски и долгую настойчивую работу по строитель-

Забавы на Норилке, 1955 г.

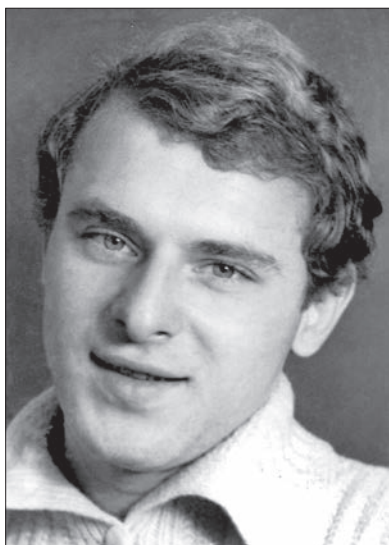
Забавы на озере Долгом, 1962 г.

ству швертбота, до сих пор не понимаю. Все выходные мы занимались столярными работами. А паруса нам шила сестра Миши, моя будущая жена Жанна.

К лету 1953-го года мы построили и спустили на воду Норилки парусник, который построили исключительно по книгам. Мы ходили по Норилке до лета 1958 года настоящими победителями. Строить парусник было и сложно, и трудно, но как увлекательно!

В 1958 году какие-то мерзавцы утащили парусник от насосной на лодочную станцию, выдрали мачту, сняли руль, все это бросили на берегу. Варвары! Искать мерзавцев мы не стали, у нас на наше произведение не было никаких документов.

*Владимир Тимофеевич
Тихомиров*

*Тимофей Федорович и Галина Дмитриевна
Тихомировы*

Владимир Тихомиров:

*«...И кто нам теперь скажет,
за что нам поломанная жизнь
ни за что?»*

*«Здесь моей белочке 8 м-цев.
Он уже сидит и вечно кричит па-па, а меня не зовет.
Мне обидно. ЦБЛ, 27 августа 1948 г.»*
(подпись под фото сделана моей мамой
в лагерной больнице)

Рассказ матери

«...В ДУДИНКУ НАС ВЕЗЛИ В ТРЮМАХ, СРЕДИ ЛЬДОВ»

Зачем, куда, кому моя мама писала эти записки, она не объяснила. А я не спросил, потому что боялся спугнуть нечаянный порыв ее откровения. И то был безмерно рад и благодарен ей, что приоткрыла дверь в свою жизнь и позволила мне заглянуть туда краем глаза.

С ее разрешения я перепечатал эти записки. Пока была жива, запрещала их кому-то показывать. Сейчас мамы больше нет... Но не в том дело. Страна-то осталась, новый век начался, и что-то в нем стало вдруг повторяться — как на той же Украине, к примеру. Поэтому выношу на общий суд незнакомые мне годы жизни самого близкого человека. Вот так она жила — а как мы жить будем?

* * *

«Я, Чигринова (в замужестве Тихомирова) Галина Дмитриевна, родилась 13 сентября 1922 года в го-

*Городок Волчанск Харьковской области,
где родилась Галина Чигринова*

роде Волчанске Харьковской области. Отец, Чигринов Дмитрий Иосипович, умер в голодном 1932 году, спасая нас, так что моя мать осталась одна с тремя детьми. Со мной (мне не было еще и 10 лет) и двумя младшими сестрами.

Мать тогда трудилась в колхозе «Большевик». Голодали так, что были опухшие и уже не поднимались. Мы, две старшие, выжили, а младшая умерла.

После семи классов школы я поступила в педтехникум, который и окончила в 1938 году. Так как занималась хорошо, послали учиться в пединститут города Харькова. Но в это время вышел закон о платном образовании — и мне пришлось работать и учиться заочно.

Работала я в сельской школе деревни Бахтеевки, а сдавала экзамены в Харькове. Но недолго длилась такая счастливая жизнь. Началась война!

Всех нас, студентов, отправили рыть оборонительные рвы против танков, куда-то на реку Десну. Оттуда бежали до Харькова под бомбежками.

Институт уже эвакуировался, сдавать весеннюю сессию было некому. Поехала в Волчанск, к родителям.

В 1941—1942 годах, до июня месяца, фронт был развернут у реки Северский Донец, в 7 километрах от Волчанска. Наступление наших войск на Харьков в марте 1942 года позволило освободить много сел и деревень...

Весь мой труд здесь был связан с райкомом комсомола, потому что была активная комсомолка с 14 лет. Я работала в школе пионервожатой и в горкоме внештатным инструктором. В обязанности при горкоме входило вновь создавать комсомольские организации, восстанавливать документы тех девушек и юношей, которые, испугавшись, уничтожили свои комсомольские билеты.

И еще с нами всегда был и работник органов Вьюник. Уже не помню имени.

Так было до июня 1942 года — а потом немцы двинули наступление. Мы вернулись в город из села —

оказалось, что райкомовские и работники органов уже уехали на машинах. Побежали пешком за ними.

У меня был портфель с пустыми комсомольскими билетами. Пришлось сжечь все и свой билет, так как далеко не ушли...

Тогда на Дону погибло много наших — навстречу двигались уже немецкие танки. И, конечно же, пришлось вернуться в Волчанск. Но отчим очень боялся, что через меня немцы расстреляют всю семью, и по этому мне пришлось... выйти замуж.

Я дружила с Шелеспановым Борисом Александровичем, студентом желдоринститута, он был белобилетчик. Перешла в его семью.

Оккупация Волчанска длилась с июля 1942 по февраль 1943 года — 7 месяцев. Муж работал на ремонте дорог, а я в госпитале военнопленных. Есть-то надо было. Но вскоре меня из госпиталя выгнали. Нашли списки, что ли, комсомольцев — и всех их отправляли на работы в Германию. Благодаря тому, что я была замужем, меня не взяли в эту страну, а младшую сестру отправили — хотя ей еще не было и 16 лет.

В декабре пришли с мужем к моим родителям. Отчим дал нам листовку на немецком языке — почитайте, мол, что пишут. Это было воззвание к немецким солдатам после победы в Сталинграде и окружения армии генерала Паулюса, чтобы сдавались в плен, так как война бессмысленна.

Пока переводила, вошел бывший офицер (лейтенант или капитан) по фамилии Головачев, в свое время сдавшийся в плен немцам и живший с соседкой.

Он работал надсмотрщиком над пленными нашими при немецкой комендатуре. Мы часто у него покупали хлеб, жир, а его жена (или сожительница) открыто торговала продуктами.

Головачев тоже прослушал мой рассказ о листовке. Я еще пошутила — берегись, тебе надо теперь бежать с немцами. Ответил, что это все пропаганда, такую силу победить никто не может.

Это было сразу после наступления 1943 года. А 10 января поздно вечером к нам, Шелеспановым, явилась полиция — забрали меня и мужа. Сначала привели в полицию, где нас допрашивал некий Иванов — следователь. Наутро мужа отпустили, так как ему на работу, а меня отправили под конвоем в гестапо.

И две недели, до 27 января, длился кошмар допросов. Арестовали отчима, Шелеспанов сбежал в деревню, и я оказалась одна. Ежедневно были очные ставки с Головачевым — тем военнопленным, который и донес. Потом подключилась его сожительница.

Отчима отпустили — он был уже стар и ничего не знал, поднял бумажку и все. Ну а мне при Головачеве объявили, что я буду расстреляна, если не назову партизан и так далее. Сожительница его кричала, что я — и работник МВД, и рьяная комсомолка, что меня и отчим за это выгнал из дому. Ну а сам Головачев валялся у ног немецких офицеров и докладывал, как он вредил своим, будучи командиром роты, как он сразу сдался в плен.

В общем, отчима отпустили, Головачева и не арестовывали — он сам приходил ежедневно на допрос. Ну а я сидела в подвале, ожидая своей участи.

Спасибо свекру — через какое-то немецкое начальство он выхлопотал меня, до сих пор не знаю, как ему это удалось. И вот 27 января последний раз нас допросили, получила я оплеуху от своей соученицы (Елены Украинцевой) — она была переводчицей, — и отпустили домой, предупредив, чтобы никуда не уезжала из города.

В ту же ночь я ушла к своей бабушке Анисье в деревню, где скрывался и мой муж. А с 1 февраля началось отступление немцев, и 9-го числа город Волчанск был освобожден.

Мы вернулись домой. Был митинг в кинотеатре, радость, конечно. И тут на митинге я увидела Головачева, уже в партизанской шапке, с оружием, лентами с патронами.

А ночью он явился с еще одним военным и арестовал меня. Повели в подвал — и давай стрелять поверху головы. Поставили к стенке, но, слава богу, не успели сделать свое черное дело, так как муж и мама побежали в комендатуру и все рассказали. В общем, нагрянул патруль, и я была спасена, но арестована для проверки.

Занимался мною СМЕРШ почти месяц. Все проверили, в захваченных документах гестапо моей подписки о работе на немцев не было. И оскорблений, и унижений, и всего пришлось хлебнуть. Помог разобратся начальник НКВД Волчанска — Вьюник, который меня знал по комсомольской работе. Он как раз вернулся из леса, где был командиром партизанского отряда. Случайно увидел меня в КПЗ и заинтересовался, почему я здесь.

В общем, конец такой: выпустили как пострадавшую от немцев, отправили работать в школу, а Головачева разоружили там же в СМЕРШе и послали в штрафной батальон, который формировался в Волчанске.

...Я уехала трудиться в Бакшеевскую школу, где и муж работал военруком. А в августе 1943 года был освобожден Харьков, и мы вернулись в институты — муж в свой, я в свой. Устроилась на работу в 95-ю мужскую школу... Но сожительница Головачева не могла успокоиться — стала писать заявления в НКВД.

В то время я жила у одного ученика на квартире. И вот ночью 4 ноября 1944 года (после окончания первой четверти в школе) выставляла оценки детям. Заглянула хозяйка и говорит: «Вас зовут какие-то военные». Выхожу в коридор, а мне: «Вы арестованы». Оказывается, они уже были в общежитии института — там меня не было, и все-таки в итоге нашли.

Задержали также отчима и мужа. Обвинение — шпионаж, подписка о соучастии, пособничество немцам, ну и все прочее.

Следствие длилось 8 месяцев. Этот кошмар я как-то плохо помню — очные ставки с отчимом, с мужем, угрозы, оскорбления... в общем, полный

набор, еще пожестче, чем у немцев. Все это ночью. Особенно свирепствовал следователь Девятов. Ну, бог ему судья — если жив, отольются ему мои слезы или уже отлились.

Наконец, 2 июня 1945 года мы были осуждены военным трибуналом Харькова за измену родине, за предательство советского офицера, за шпионаж по статье 54—1а УК Украины (в РСФСР это была 58-я). Мне и мужу — по 8 лет лагерей и 3 года поражения в правах. Отчима отпустили — старый, безграмотный.

Еще после суда терзали тем, что предлагали работать подсадной в камерах — мол, за это время подадут документы на помилование. Но так как я никакой вины за собой не знала, то попросила — отправьте в лагерь и никакого помилования не надо. И снова вызвали к следователю, который заявил, что меня сгноят в тюрьме или отправят к белым медведям.

...Так попала на этап. Нас везли Северным морским путем — уже не помню названия парохода. Сначала в Молотовск (Архангельская область), а потом еще две недели мы плыли в трюмах среди льдов до Дудинки.

В Дудинском четырехлагерном отряде часть заключенных оставили для разгрузки и строительства причалов. В одну из бригад попала и я. Вероятно, судьба или Бог помогли — оказалась в бригаде женщин с Западной Украины, со сроками 15—20 лет КТР (каторжных работ). Все они были безграмотные, но труженицы.

Нормировщик Портстроя, только что отбывший свой восьмилетний срок «набора» 1937 года, выдавал нам задания, и ему потребовался помощник. А из 30 заключенных я одна была грамотной.

Нет уже этого человека — Сергея Александровича Абрамова, пусть земля ему будет пухом, но все мои 7 лет Норильлага оказались благодаря ему более-менее легкими. Мало того, что работала в группе нормировщиков, так еще и на курсы нормировщиков-хронометристов при управлении Портстроя была послана.

Речной вокзал в Дудинке встречал репрессированных

Занятия проходили в зоне оцепления — пропуск был не нужен. Я окончила курсы и продолжила работать там же: в Портстрое, в отделе труда. Строили порт и город Дудинку.

В 1945 году к Абрамову приехала семья из Ленинграда — жена-страдалица и дочь. Я часто у них бывала. Сергей Александрович и Варвара Сергеевна считали меня своей дочерью. Сколько полезных советов он мне дал, как научил работать, чтобы и бригаду не обидеть (ведь кормили только за выполнение норм), и начальству угодить... Господи, бывают же такие добрые люди!

Здесь, в Норильлаге, я встретила Тихомирова Тимофея Федоровича, который стал моим вторым мужем.

Но так случилось, что в ноябре 1947 года по Норильлагу вышел приказ: всех матерей, в том числе будущих, решили согнать в Норильске в одном лагере, специально для них предназначенном.

В дудинском отряде бараки мужчин и женщин стояли вместе, был хороший клуб, где развивалась

самодеятельность, шли концерты, кино. Жила я в бараке для ИТР, то есть инженерно-технических работников. На работе меня очень ценили.

И в целом здесь, в Дудинке, чувствовалось, что работает добрый начальник отряда. Уже не помню его фамилию... Вот начальник УВЧ (воспитательная часть) был точно Кирпичников. И всегда он нам говорил: «Еще пожалеете о нашем лагерном отряде».

Так оно и случилось. В ноябре 1947 года нас всех, и беременных, и матерей с детьми, отправили в Норильск, в 7-й лагерный отряд. Но я провела в нем мало времени — уже через неделю на меня пришел из Горстроя наряд как на специалиста, и перевели в 6-й л/о (в спецлагерь).

Но в Норильске — это не в Дудинке. Политические заключенные работали тут только на общих работах. Зато «социально близкие», бандюги всякие, сидели на должностях, как тараканы. Отправили меня на гипсовую шахту, где и трудилась откатчицей — до самых родов 10 января 1948 года. И после тоже вагонетки эти толкала.

Отпусков нам не полагалось. Поэтому, чтобы рожать, политическим заключенным надо было быть очень храбрыми — никаких льгот, амнистий для нас никогда не было.

В 1949 году в Норильлаг перебрался и Тимофей. Было нам очень трудно — тяжелая работа, плохое питание, холод. Сын часто болел, много я с ним лежала в больнице — в 3-м лагерном отделении.

Кстати, главным врачом там была жена знаменитого Николая Урванцева, первооткрывателя норильских руд в 20-е годы. Очень она относилась к нам, матерям, хорошо — чем могла, помогала, спасая и нас, и детей наших. Была еще врач детский Елизавета Петровна, фамилию не помню...

По общему правилу, когда детям исполнялось два года, их отправляли в детдом в Красноярск, но нам помогли переправить маленького Вову к родителям отца, в город Калач Воронежской области.

В сентябре 1951 года я досрочно освободилась, на год раньше. Но оставались еще три года поражения в правах и не разрешался выезд.

Работать осталась там же, на гипсоангидритовой шахте, нормировщиком уже, хотя без всяких льгот.

В 1952 году попросила отпуск и разрешение на поездку за сыном. Все зависело от отдела кадров предприятия. Но когда я пришла туда со своей просьбой, начальница ОК УПСМ Баранцева мне заявила, что таких, как я, стрелять надо, а не в отпуск посылать.

Мне удалось попасть со своей просьбой к начальнику шахты, и только у него каким-то образом получилось уломать кадровика.

В 1954 году кончилось поражение в правах, получила паспорт. Уже была у меня и дочь... Работала до 1957 года в УПСМ, а после перевелась в Норильскую геолого-разведочную экспедицию, где и трудилась долго, хотя уже была на пенсии. Дети учились, нуждались в поддержке — нельзя было останавливаться.

Всю жизнь работала честно, получала одни только грамоты и благодарности. Дома воспитывали с мужем двоих детей. Воспитывали так, чтобы они стали патриотами своей родины, были честными, добрыми, трудолюбивыми...

...Дописываю свои заметки спустя две недели — не могла закончить сразу, нахлынули воспоминания, больно стало. Сейчас отошла немного, уж очень тяжело возвращаться к прошлому. Хотя на бумаге получается не так страшно... но ведь все это надо было пережить, остаться человеком.

В 1956 году, после моих жалоб и на имя Хрущева, и на имя Серова, вызвали в Киев. И снова все сначала. В кабинете военного трибунала встретилась с Голубевой Марией Трофимовной — доносчицей, которая все строчила заявления на меня.

После разбирательства там сказали — пишите заявление о привлечении ее к ответственности за клевету. Я отказалась, так как считала: она и так наказана и богом, и людьми. Сын пьяница, мужей было не счесть, и все ее бросали.

В сентябре 1956 года получила официальный документ о реабилитации — он имеется в Норильске. Теперь вот выдали дубликат № 1540 от 2 июля 1971 года военного трибунала, где сказано: «Приговор от 2 июня 1945 года отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления». Получил такие же бумажки и муж мой, Тимофей Федорович. И кто теперь скажет, за что нам была поломана жизнь?

* * *

Комментарий сына (того самого Володи, что родился в Норильлаге. — *Прим. ред.*):

Читать без содрогания не могу... В этих скурых заметках сказано все о трагедии нашего народа, от которой мы до сих пор еще отойти не можем. Дополню только тем, что знаю от мамы же.

Был у них с Борисом, первым мужем, сын Вова, который умер от голода. А может, после их ареста его сдали, как положено, в детдом, и уже там он сгинул? Кто знает, снегопад времени намел на эти страшные годы сугробы забвения. А спрашивать язык не поворачивался.

А Шелеспанов отсидел в Казахстане, потом, говорят, жил в Молдавии, где вновь и женился.

Не упомянула мама, что я два раза был при смерти и, спасая, мне делали укол, а иголка сломалась, и в поисках ее пришлось меня резать — шрамы так и остались на мягком месте. Тщательно пеленали, а я кричал и старался расцарапать себе лицо — оспа. Похоже, частично это удалось, долго потом на лице оставались пара рытвин от той болезни.

И не в Калач переправили меня сначала, а в Красноярск-25. На фотографиях — вот они, передо мной, — огромный старшина стоит со своими сидящими родителями, Раисой Матвеевной и Андреем Антоновичем Коньковыми. И я у них на коленях с двумя арбузами. А вот с бабой Раей, а вот один, и подписи корявые: «Папе и маме от сына Вовы и бабушки Раи. Красноярск, 24 июля 1950 года».

Вот этот вертухай, добрый человек, и помог переправить, спрятать меня от детдома у своих родных — мать потом рассказывала. Может быть, он и вез меня туда, в детдом? Одного или вместе с моими «подельниками»? Да провез мимо? А там все оформил, как полагается, то ли смертью, то ли еще как? А где мои товарищи по несчастью? Спрашивать о том — грех.

А в мае 50-го я еще в лагерной больнице с ними, корешами моими, вот фотография...

Похоже, рядом с нами как раз тот самый врач, Урванцева Елизавета Ивановна. Она и помогла организовать эту многоходовку, помогла сохранить нашу семью...

А что, вполне возможно — сработало фронтовое братство. Она, хирург, после войны вернулась в Норильск — и Коньков тот, старшина, тоже бывший фронтовик, у нее в лаготделении сторожил этих несчастных матерей... Да и начальником она была отделения этого, по материнскому письму выходит. Это же скольких они спасли так от детдомов, рискуя собой, мужественные люди?!..

И уже потом от бабы Раи, красивой седой женщины (низкий поклон ей и всей ее семье!), мать перевезла меня в Калач. Вот фотографии «Папе от Вовы, июль 1952 года» с бабушкой Настасьей, тетей Таней, дядей Лешей и истощенной худой мамой, одни глаза горят...

А через год матери опять пришлось перевозить меня — из Калача уже на Украину, в Волчанск. Не знаю, как ей удалось вырваться, потому что у тети Тани обнаружился туберкулез: девчонкой

работала в туберкулезном госпитале, стирала там белье. От тети Тани у меня и осталось на легком пятно.

На первых моих волчанских фотографиях стоит дата «26 июля 1953 года». Там мама уже вместе с сестрой, тетей Любой, бабуней и всеми нами, малышкой.

А 9 ноября того же года, уже дома, в Норильске, мама родила дочь Танечку. По метрике так. А отмечаем мы ее день рождения почему-то восьмого...

И отца к тому времени уже освободили.

А в первый день в Волчанске, рассказывали, я пропал — догнали аж возле Молочарки. В Калач к бабушке своей пошел любимой.

Аукнулись эти мои детские скитания уже много позже — после второго курса, при механизаторской практике на родине отца, в деревне Лозовой (бывшая Гнилуша).

Дядько Миша, двоюродный брат папы, там агрономом был — он и устроил меня пахать на ДТ-75 посменно, по 8 часов. Спал я в поле — и так месяц. Потом уже, в институте, что-то стал уставать, температура... И пошло-поехало: сначала больница в Воронеже, затем забрали в норильскую больницу, врачи которой командировали меня в санатории Крыма...

Кстати, интересное кино: там, в Гнилуше, куда ни зайдешь, везде мои родственники, везде Тихомировы. Или братьовья да сестры на седьмом киселе, или дядьки — тетки — бабки — дедки моего плетня.

Семья Тихомировых — после всех испытаний

Потрясающе! Полдеревни Тихомировых, а вторая половина — их родственники или родственники тех родственников. Во дела...

А раз там же, в деревне, под утро я чуть не свалился в глубокий овраг со своим трактором — заснул на миг за рычагами: глаза вроде открыты, а что-то снится. Очнулся уже, когда гусеницы нависли над оврагом. Но, видимо, Бог для чего-то нас сохранил на этой земле — может быть, чтобы мы могли рассказать потомкам, как мы жили, как любили родину и как она нас любила.

Заканчиваю писать. Уже шесть утра. Пора спать.

Рассказ об отце

НЕ ТРУСЬ, СВЯТАЯ РУСЬ, В СИБИРИ МЕСТА МНОГО...

Норильск в феврале. За окном вроде стихло... Надолго ли? В полярную ночь ждешь солнышка, проклиная на чем свет стоит эту темень и снежную кутерьму. А придет полярный день — будешь изнывать от него «биологической» ночью и молить о звездах. Это Север, стихия, кухня погоды, неподвластная нам, бросившим природе гордый и глупый в своей самонадеянности вызов в попытке взять у нее все, что захотим, подчинить дурацким сиюминутным капризам.

...Отец разливал остатки водки на нас двоих. Мать с сестрой Таней унесли грязную посуду на кухню. Увидев маневры отца, мать безнадежно запротестовала:

— Ну что ты делаешь, Тима? Оставь ребенка в покое.

Хорошо выпивший и, как всегда в таком состоянии, веселый, он хохотнул:

— Твой «ребенок» уже жену одну разменял, а ты все нянькаешь его.

Танечка придвинула к нам закуски.

— А теперь, князь Владимир, давай выпьем, не чокаясь, за тех, кто не с нами.

Мы выпили, закусили. Я знал этот папин тост, и все мы знали — он за тетю Таню и вообще всю большую родню, за умерших братьев и за его собственного отца, погибшего на войне. Женщины перестали суетиться, подсели к нам, им тоже налили по граммულке вина. Помянули.

...Тетя Таня умерла в начале 60-х. Мы ездили в воронежский Калач всей семьей, с бабуней. Я был уже чубатым подростком, лет пятнадцати, сестричка Танюшка еще не носила очки. У тети Тани уже ярким

румянцем горели щеки, она все время закашливалась в платок. Я ее очень любил и все не мог от нее отклеиться, и Танюша все ласкалась к тете. Она смеялась, счастливая, обнимая нас, веснушчатое красивое лицо пылало жаром. И только взрослые знали, что это наше последнее свидание с ней, что уже ничего, ничего нельзя сделать.

Она так и не вышла замуж, сознавая всю безнадежность своего положения...

Помянули и мамину родню, Дмитрия Осиповича, Надю, весь тот шлейф незнакомых нам с сестрой родных людей, потерявшихся в круговерти крутых, героических, жестоких и недалеких в общем-то от нас времен...

* * *

У матери открытые серые глаза и удивительно чарующая улыбка. Сколько помню, она всегда выглядела лет на 15 моложе своего возраста. Это генетика, видать, такая, чигриновская, и тетя Люба вон тоже всегда молодо выглядит. Да и Люда им под стать уродилась — прямо-таки три сестры, как у Чехова. Значит, тут бабунины гены не последнюю роль сыграли...

Мама — полная противоположность отцу, полнейшая. Мягкая, добрая, но и принципиальная, когда надо. Всегда поддерживала его, расстроенного, в очередной раз поцапавшегося с каким-нибудь дуболомным начальником:

— Да ты, Тима, не лезь, отойди в сторону. Как мама говорила: «Нэ займай гивна, хай воно нэ воня».

— Тоже скажешь, «нэ займай», — кипятился отец. — Там же люди могут погибнуть!..

— А то ты не знаешь, как у нас ценят жизнь людей, — подводила мать черту под дебатами.

Отец стихал, и они садились решать, куда ему перейти на новую работу. А звали всюду — такие специалисты, с таким опытом и знанием Севера нужны были позарез новым, свободным уже человеческим волнам покорителям советской тундры.

Одну из этих волн звали «комсомольцы призыва 1956 года».

Потом говорили даже, что это они построили Норильск... Хотя город строился еще с 35-го, совсем другими «призывами». Точнее, этапами. И уже в войну давал фронту металл и все, чем был богат.

...Исполнив свой долг перед теми людьми, отец уходил. Высоких постов ему не давали, он всегда был в руководителях среднего звена. Не вернули ему и фронтовые награды, партбилет. От «Переправа, переправа, берег левый, берег правый...» на Днепре остались у него только контузия да осколок в голове... Может быть, потому он порой и слишком горяч, неуравновешен. А мама смягчает его, действует как бальзам на рану.

Всегда умиляло, как отец ведет себя, когда крепко выпьет: ни шуму, ни пыли, а только «Галочка, Галочка...» — оближет ее всю, а она ему помогает добраться до кровати. «Тима, Тима, держись...» — и снимает ботинки. И наутро ни упреков, ни претензий, ведь это так редко случается...

Когда я дорос до женитьбы, учил меня, лукаво поглядывая на мать:

— Если не знаешь, как поступить, спроси у жены. И сделай наоборот.

Та смеялась и толкала его в приличный уже, как он сам выражался, «авторитет»:

— Ну чему ты учишь ребенка!..

* * *

Был отец всегда беспартийным большевиком, сталинские репрессии объяснял нарушением ленинских принципов руководства партией и страной. Попав в эти жернова в 24 года, в 43-м, вынес оттуда непоколебимую уверенность в том, что восстановление ленинских принципов во всех сферах жизни страны сделает ее, наконец, богатой и счастливой. И, конечно, отлучение Хрущева от власти воспринял как личную

обиду, хотя и сам говорил мне, что «многое Никита делал по недомыслию».

Как-то мы с ним подсчитывали — я уже был старшеклассником, — скольких коснулись репрессии у нас и в Китае. И получалось, что советская завируха круче мела.

— Сталин — это народное горе, — говорил он мне и рассказывал о Троцком — создателе Красной армии (надо же, а я и не знал!); о Бухарине, любимце партии, которого высоко ценил Владимир Ильич; о Постышеве, ездившем по деревням на простой бричке узнавать, как живет земляпашцу, и отстоявшем новогоднюю елку для детей (мол, это не буржуйская забава); о комсомольском вожаке Александре Косареве, Блюхере, Тухачевском, Косиоре, Гамарнике, Корке... А я и не знал ничего этого, даже фамилий большинства из них не слышал, хотя изучал историю КПСС.

Любимая присказка его: «Не трусь, святая Русь, в Сибири места много...». Удивительно, но, пройдя под конвоем лагерное чистилище, он не ругался — ни разу не слышал от него мата. И не представляю его без галстука...

Отец любил Некрасова, Есенина, стихи которого узнал только в лагере. Рассказывал, как волосы примерзали к топчанам в палатках, где они коротали ночи, и чтобы встать, приходилось отдирать их ото льда. Как бросил курить в тюрьме и выжил, получая за свои папиросы лишнюю пайку хлеба.

Как били там же, в тюрьме, какого-то генерала, и как тот кричал. В этих застенках оставил отец и свои зубы...

*Мой отец
Тимофей Федорович Тихомиров*

Но по большому счету ни он, ни мама ничего нам с сестрой не говорили о своем лагерном прошлом. А случайно оброненные ими камешки воспоминаний — как, например, во время шока от «Одного дня Ивана Денисовича» — не складываются, как ни стараюсь, в единую мозаику тех лет. «Вечный страх», как говорила мать, боязнь рецидива, боязнь за нас, за наше будущее, за наши неокрепшие души...

* * *

Что любил и во что верил отец, то полюбил, в то поверил и я. Юношеский максимализм, закалившись, плавно переходит в фанатизм молодого человека. Я возненавидел рабство, моими кумирами стали Спартак, Томмазо Кампанелла, просидевший в сыром темном подземелье полжизни за свою светлую идею Города Солнца, Пушкин с его грозovým «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу». Освобождение людей — за это стоит отдать жизнь.

Да, борьба жестока — Гражданская война, красный террор... А потом Сталин начал уничтожать ленинцев... И справедливость должна возродиться.

*«Но если вдруг, когда-нибудь,
мне уберечься не удастся,
Какое новое сраженье
ни покачнуло б шар земной, —
Я все равно паду на той,
на той далекой, на гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной»...*

Эти строчки Булата Окуджавы сегодня многим непонятны, а нам они помогали сформировать идеал и цель в жизни. И я бы хотел умереть там!.. Если раньше бредил Базаровым, гвоздями Рахметова, то теперь уверенно шагаю по жизни «левой». И знаю чуть ли не каждую строку во многих работах Ильича, которыми увлекся еще в последних классах.

И Энгельс мне нравится, его работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» счи-

таю одной из лучших книг человечества. И не вступал в комсомол чуть ли не до конца одиннадцатого класса, считая себя недостойным Павки Корчагина.

И я буду полезен людям. Надеюсь на это.

...Сохранил я и родительское теплое отношение к директору Норильского горно-металлургического комбината Аврааму Павловичу Завенягину, заместителю Берии, кузнецу нашего атомного щита и меча. Легендарным было время, когда начал возводиться комбинат, легендарными — люди, построившие чудо-город на краю ледяной пустыни, почти у самого Ледовитого океана... Город, похожий своим обликом, душой на Ленинград — потому что архитекторами и строителями его стали в числе других и ленинградцы кировского «набора» 1935 года, ежовского «призыва» 1937 года, «ленинградского дела» 1947 года.

Широкий проспект Сталина — Ленина, потрясающей красоты полукруглый въезд, центральная круглая площадь с камнем, на месте которого должен встать памятник покорителям северных недр и строителям Норильска... Мои родители отдали этому городу почти по тридцать лет. И я этим горжусь.

Горжусь и нашим Норильским Заполярным театром драмы имени Владимира Маяковского, где в свое время лагерные начальники собрали один из лучших в Союзе драматических коллективов, где играли Смоктуновский и Жженов, норильские и колымские сидельцы. А артисты советского джаза, кино!.. Да и в области науки, производства, военного дела и политики здешние заключенные могли бы, наверное, во многом соперничать с Академией наук, министерствами промышленности, Генштабом, белой эмиграцией и ЦК ВКП(б).

Хотя, впрочем, людей самого высокого уровня просто ставили к стенке, а в лагеря попадали «враги народа» уже рангом пониже. Кто теперь скажет, кто расскажет?.. А еще отец говорил, да и мать подтверждала, что, отбывая срок, они находились всегда

среди простого люда — крестьян, рабочих, интеллигентов, врачей, учителей... «Врагов народа» по 58-й. Мама слышала, что одну женщину, с которой сидела, осудили только за то, что ей приснился сон, будто у нее на заборе появился портрет Сталина. Смывает его тряпкой, а портрет снова проявляется. Рассказала сон соседке — и «по комсомольской путевке»...

Об уголовниках родители вообще молчали, словно и не было их. Однажды только отец поведал, как уголовники проиграли одного из политических в карты — и побежали за ним на расправу.

А дело было на медеплавильном заводе лютой зимой. И несчастный, спасаясь от этих шакалов, забежал с улицы в цех и прыгнул с верхотуры в заледенелых валенках прямо в ковш с расплавленным металлом. Его тут же выкинуло из ковша наземь — тем и спасся.

И уголовнички оставили его в покое заради такого невероятного случая. А объясняется это, как рассказали отцу, вроде разницей температур обле-

В Норильске отец работал геологом и изыскателем

денелых заснеженных галош, обутых на валенки, и жидкого металла.

Другим уважаемым родителями директором комбината был Владимир Иванович Долгих... Да всех и не перечислить достойных людей, которые отдали жизнь, здоровье, труд и таланты нашему городу, жемчужине Севера. Отдали за медь, никель, кобальт, уран, золото и еще 90 элементов таблицы Менделеева. За эти рудники, шахты и заводы — сердце города, ради которых он и построен здесь, у черта на куличках, где раки не зимуют и куда уж точно Макар телят не гонял. Это кладовая для нашей оборонной промышленности, освоения космоса и много чего еще.

И стоит он в горной котловине, зимой и летом весь в дыму и смоге, что опускаются на него с производств, построенных на тех горах. И только когда ветер приходит от океана, становится легче дышать...

Он круглосуточно залит огнями полярной ночью — но в морозной дымке еле угадываются неоновые надписи. В черную пургу их можно и не увидеть. А полярным днем белый город в белом мареве и свинцовых тучах — или в лучах яркого солнца — плывет по зеленой цветущей тундре... Это мой город! Мой Норильск...

* * *

А еще у нас была тетя Таня, домработница. До сих пор помню ее блины и скучаю по ним. Мог съесть 40 штук в один присест. И она меня научила их стряпать...

Рыжая, некрасивая женщина из Хакасии, мужа трактор гусеницами переехал, дети погибли с голоду, и приехала она после всех несчастий своих по набору.

Но что-то не пошло у нее там, на работе, из-за «дружбы с зеленым змием», и мать предложила ей идти к нам.

Добрая и домовитая, она очень помогла родителям в те годы. Но раз в два-три месяца исчезала куда-то в запой на неделю. И тогда в доме опять на-

чинало все идти наперекосяк. Потом возвращалась, и быт налаживался.

(А кроме блинов, кстати, я мог съесть банку сгущенки с батоном и выпить 3 литра молока — тоже за один присест.)

Жили мы сначала на улице Севастопольской, потом на проспекте Сталина, в здании, где ресторан «Лама»; потом переехали уже на проспект Ленина.

Помогали всем родственникам, особенно отец. Вот и дядю Лешу, младшего своего брата, красавца-морячка, служившего в норильские годы отца на Балтийском флоте, пытался вытащить из пьянства, в которое тот забурился на гражданке: выписал в Норильск, нашел работу, приличную женщину, тетю Соню, сделал все, чтоб тот не упал.

...Родители все носили в дом книги. На что они только не были подписаны! И мы радовались этим залежам литературы. Именно за школьные годы норильские прочитал, кажется, всю классику и не классику, и русскую, и советскую, и прочую. Потом старался в институте, насколько можно было, не забывать, и открывать, и коллекционировать новые книги. И Танька такая же, за книжку пасть порвет.

А каких только журналов не получали, каких сборников, альбомов по искусству, истории, театру и литературной критике!.. Думаю, так родители вознаграждали себя за те годы, когда не могли даже газеты «Правда» прочесть.

И вкус к истории привил мне отец, молча подкладывая под нос эти книги. Кого я только не читал, формируя в себе стержень, который дается прежде всего опытом, знаниями, нравственностью и моралью ушедших поколений. «Не убий!», «Не укради!» — это входило в нас с Танькой и без всякой религии, из книг. Долго считал поэтому, обалдуй, что не родители нас воспитали, а мы сами себя «сделали».

...По утрам отец, когда собирался на работу, уже завязывая галстук, говорил, будя меня:

— Вставай, князь Владимир, труба зовет!

И я вставал под бодрый марш радио, шел под холодный душ до пояса и брался за гантели, которые выточили для меня у него на заводе. На работе у мамы научился печатать на машинке, а у отца, когда он работал на «Медвежьем ручье», — водить бульдозер и сгребать ковшем снег.

По прошествии шести студенческих лет стал понимать, что родители, насколько могли, давали нам все, чего были лишены сами в голодные годы детства и холодные колючие годы своей молодости — опять же голодной. На юность их, ко всему прочему, легли своей тяжестью предвоенные и военные годы...

* * *

...Уже все дрыхнут. Сидел, рассматривал фотографии из родительского альбома, которых у меня нет. И которые, конечно, мне пока не дадут. Вот мы с мамой в зимнем, и подпись: «1949 год. Мне еще 3 года неволи. Вове 15 месяцев». Вот она одна, красивая, с распущенными волосами, выцветшая подпись, где можно разобрать только «На память... 1951 год. Перед выходом из лагеря».

Вот четыре дивчины, и самая красивая тут Галына, в вышитых украинской вязью платьях: «1938 рик. Вовчанск. Пэдтэхныкум». И рядом с мамой тетя Женя, сердечная ее подруга из Херсона, которую хорошо помню еще по Норильску, — она тоже давала мне свою грудь. И все смеялись вокруг, что, дескать, «ласковое теля»...

Вот «Октябрь 1953 года перед появлением Тани». И за маленьким круглым столом веселая компания человек в десять, все худые, изможденные, плохо одетые, и мать с отцом, и на столе банка варенья, и в граненых стаканах вино. В тот же год Норильск стал городом. А вот уже и мать с Таней, и отец с ней, 54-й, 55-й... А вот Танька стоит на поднятой руке отца!..

Отец, в наглухо застегнутом офицерском кителе, горящие глаза на исхудалом лице: «На память маме и сестре. 1946 год». Он же: «Моей дорогой подруге!

В день моего 30-летия. Вспомни меня, когда утром проснешься и робко откроешь глаза. Вспомни меня, когда вечер настанет... На память Гале от Тимофея. 1949 год». А вот они вдвоем, потрясающе красивая пара! И тот же почерк отца: «Норильск, 1949 год. На память маме и сестре от Тимофея... и ждем долгожданную встречу с вами. Фото в честь 30-летия Тимофея и 26-летия Гали».

Вот уже они свободные, но «без выезда», в застольях, с друзьями, смеющиеся, счастливые, берущие от жизни полной мерой, столы ломаются... Это отец, развеселый красавец, облепленный, как мухами, красивыми женщинами, и мать, самая красивая из них, смеется рядом. А это пикник с друзьями на природе, в тундре, летом. И той офицерской формы со споротыми погонами на фотографиях уже нет в помине. Жизнь входила в нормальное русло...

В 1956 году у отца закончилось «поражение в правах». И они первый раз вместе поехали на материк, в отпуск. Шестнадцать лет он не видел своих. И вот Калач, где занимался делами тети Тани. Волчанск, где впервые познакомился с тещей. Крым, где они отдыхали. И, конечно, Херсон, где у него остались бывшая жена и дочь Лиля.

Бывшая жена принадлежала к известному типу южных ярких черных женщин, потомков то ли греков, то ли хазар, а может быть, и печенегов. Она отказалась от Тимофея сразу после его ареста и вновь вышла замуж. Обе пары пытались «дружить семьями», но из этого ничего не вышло: бывшая стала оболыщать «богатенького Буратину», а мать — серьезно ревновать. Семейный корабль сильно штормило. Эти удары волн ощутил на себе и я.

Кончилось все тем, что Лилю (дочку от первого брака) по настоянию отца приняли в нашу семью. Мы с Таней приобрели старшую и любимую сестру. Такая же черная, похожая на свою мать, добрая и интересная в общении, почти на десять лет старше меня. Училась она на филолога, от нее я узнал и полюбил боя-

рыню Морозову, протопопа Аввакума. Боярыня эта, оказывается, не аскетической полустарухой была, как у Сурикова на картине, а молодой красавицей...

Гостила Лиля у нас и в Волчанске, и в Калаче, и в Норильске. И так было много лет. А потом она замкнулась в своем Херсоне и зажила взрослой уже жизнью.

Море семейное давно успокоилось, мы жили дружно и богато. По материковским меркам, конечно. Как и все работающие норильчане...

После освобождения у родителей не было дилеммы, выезжать ли на материк, в нищету и неустроенность... Они остались в Норильске, там же, где трудились до того по принуждению, где были заработаны уже авторитет, уважение.

И позже они не стали «якориться» ни в Волчанске, ни в Калаче. Они вложились в Воронеже в строительный кооператив, который и построил им трехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте... Где я и заканчивал последние два курса института, четвертый и пятый. А по моему счету — пятый и шестой годы, с учетом года академического.

Фотографии все не кончаются. Надо же, и мама не может уснуть!.. Зашла в своей ночнушке, положила передо мной несколько листочков:

— Почитай... До сих пор собачий лай в ушах стоит.

И ушла на кухню водички попить со своими таблетками...

Эти странички — рассказ матери — я и опубликовал в «Красноярском рабочем» 18.09.2014 года под заголовком «...В Дудинку нас везли в трюмах, среди льдов».

*Людмила Степановна
Егорова (Июгина)*

Людмила Егорова:

*«Я родилась и выросла
в Норильске...»*

*Степан Михайлович
Югин*

Я родилась и выросла в Норильске уже после войны. Мой папа, Иогин Степан Михайлович, из семьи потомственных казаков, в 1942 году в возрасте 18 лет подал заявление о своем желании пойти на фронт вслед за старшим братом. Но судьба распорядилась по-своему: он оказался в Норильске. Мама в возрасте 16 лет (из Саратовской области) тоже оказалась в Норильске. Сначала мы жили в балке под Шмидтихой. Рядом проходила железная дорога, по которой возили уголь. Здесь же рядом за колючей проволокой стояли бараки. И было видно, как по территории передвигаются заключенные. Здесь же стояла вышка, на которой постоянно дежурил охранник с винтовкой.

Мой папа был учеником Николая Николаевича Урванцева, оказавшего большое влияние на всю жизнь папы. Папа получил специальность геофизика. До конца дней они переписывались, и в нашей семье осталось несколько книг с дарственной надписью Николая Николаевича.

Зимой в пургу наш балок заметало снегом так, что двери не открывались. И все окна были занесены снегом. Папа с утра расчищал снег, а затем вставал на лыжи и с тяжелыми приборами за спиной ехал «на профиль» и за день проходил не один десяток километров, причем в любую погоду. Вот так норильские геологи и геофизики открывали залежи полезных ископаемых, очень нужных

Мой папа

стране особенно во время войны. Летом мой папа всегда работал в тундре. Зимой за ним часто приезжали, и он уезжал на буровую. Однажды я услышала фразу, которую сказали папе, и запомнила на всю жизнь: «Степан Михайлович, если ты это не сделаешь, никто больше не сделает...». Я поняла, что моего папу очень ценят на работе. Еще я помню, как утром мама будила меня и говорила, что сейчас поведут на работу заключенных, а нам надо успеть перейти дорогу в магазин за продуктами. Обычно вели колонны мужчин. Их сопровождали охранники с собаками, а однажды вели женщин. Их я увидела впервые. Страшно удивилась, глядя на них, а они тоже обратили внимание на меня. Наверное, у них тоже были дети... Я загляделась на них и упала, поцарапала нос и долго плакала. Это было летом 1953 года. Оказывается, в это время в Норильске было восстание заключенных. Позже, повзрослев, не раз спрашивала взрослых про те дни, но даже в 2000-е годы никто о восстании тогда не знал. Мои родители тоже не говорили об этом. Я помню только, что в Норильске тогда все было тихо.

В 1954 году наша семья переехала в так называемый Горстрой, и жили мы в доме на Октябрьской площади, где разместилась техническая библиотека. Та часть дома, которая выходит на ул. 50 лет Октября, тогда называлась Южной линией. Это был дом № 1, мы жили в его угловом подъезде в квартире № 42. В этом же подъезде жил Рехлов, который собирал коллекцию для музея, посвященную памяти Ленина. Через наш двор летом все шли в парк на танцплощадку.

Мне повезло, что я училась в школе № 1, причем все 11 классов. Тогда три выпуска были 11-классовые. Нас не просто приучили к труду, но, заканчивая школу, мы получили еще и профессию. Я училась на мастера по пошиву легкого женского платья, что мне в жизни очень пригодилось.

А вот подробнее написать о своем отце в те годы, когда я училась в младших классах, я затрудняюсь.

С.М. Иогин за работой

Мы его так редко видели дома. Я тогда не могла понять: есть у меня отец или нет? У всех моих одноклассниц отцы вечером, как правило, приходили домой с работы, а мы с братом месяцами его не видели дома. Он был в тундре, или, как он говорил, «в поле». Много работы было летом. Ранней весной в марте начинали в тундру завозить оборудование и продукты. Сначала их возили на собаках, тракторах, позже появились вездеходы, вертолеты, гидросамолеты. Зимой у этих гидросамолетов вместо поплавков были лыжи. Весной папа приезжал загорелый. Его загар был темнее, чем южный. В это время в тундре геологи обязательно ходили в темных очках, так как от белизны снега можно было повредить глаза. На все лето папа уезжал в тундру и возвращался только в сентябре. А зимой тоже частенько уезжал на несколько дней на буровую. Нам даже в отпуск приходилось ездить без него. Только повзрослев, я поняла, какую важную работу он выполнял.

Он и все сотрудники НКГРЭ (Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции) трудились в невероятно тяжелых условиях. В мороз они ночева-

ли в палатке в спальных мешках. Один папин друг зимой даже замерз, когда ехал на тракторе. Фамилию его не помню, знаю, что все его звали дядя Саша, хотя он был совсем молодым. Это случилось в 50-е годы. Еще один геолог сторел в палатке, когда она вспыхнула от печки, а он в это время спал в спальном мешке. Спасти его не успели... Эти люди работали, не жалея себя, не думая о каких-то личных благах. Пусть это прозвучит пафосно, но правда жизни в том, что на таких людях держится Россия. Благодаря им вырос такой замечательный город-красавец, как Норильск, а затем и Талнах.

Папу многие помнят в связи с так называемой «рамкой». Это его хобби – биолокация. Он исходил с этой рамкой многие километры, где приходилось ему бывать. Это и Московская область, и Ленинград, и Новокузнецк, Кисловодск, Сочи... В Норильске с рамкой он начал трудиться в начале 60-х годов. С помощью биофизического метода (БФМ) был выполнен большой объем работ. За этот обобщенный материал папу отметили Почетной грамотой и Дипломом Пре-

Биолокатор С.М. Иогина

зидиума Центрального правления НТО радиотехники, электроники и связи им. А.С. Попова.

Учитель моего отца Н.Н. Урванцев назвал его пионером биолокационного метода поисков богатых медно-никелевых руд в Норильске и Талнахе. Руководство Московского геолого-разведочного института проводило практику студентов с применением БФМ. Этот метод позволил отцу составить карту тектонических нарушений, что позволило избежать строительства в патогенных зонах и сохранить здоровье населения.

В 1966 году папа повёз нас с мамой и братом на Талнах. Он показал нам место, где у него была грядка с редиской, там они работали над открытием месторождения. Ещё не было никакого города Талнах и моста через реку Норилку, стояли только несколько палаток первооткрывателей. А ещё папа писал стихи. Мне они очень нравятся, они написаны от души, и я запомнила их очень легко.

Мой Норильск

*Краса и гордость Заполярья,
Стоишь, как в сказке богатырь,
Трудом прославил Красноярье
И озаряешь весь Таймыр...*

Я геолог

*Где я прошел, там стройка ныне,
И недра тайны выдают.
В тайге и тундре, и в пустыне
Я намечаю свой маршрут.
Иду оврагом, горной высью
По камышам глухих болот...
Тебе пишу скупые письма
И снова двигаюсь вперед.
Пусть я не бог, и не волшебник,
Но для тебя, страна моя,
Ищу богатства ежедневно —
Геолог я, геолог я!*

Мне приятно, что многие норильчане вспоминают отца как скромного, умного, грамотного, преданного своей профессии и исключительно порядочного человека.

После 10-го класса во время летних каникул и я решила поработать в экспедиции. Сначала мы стояли на озере Лама, а затем нас перебросили в другое место. Помню, что очень много было мошкеры. Когда все уезжали «на профиль», мы с геологом Людой Макеевой (я, естественно, под её руководством) снимали показания с магнитометров и делали расчеты. Периодически мы в палатке разжигали мох, чтобы выгнать мошку: тогда какое-то время мы могли спокойно находиться в ней. Один раз мне довелось с Людой ходить за образцами с молотком и рюкзаком.

А однажды меня взяли «на профиль». Папа сидел в вездеходе, там же стояли приборы. А я и студент-практик занимались зондированием. У студента был ножик (мне нож не доверили), и он делал им углубление в почве и ставил туда свой электрод. Наши электроды с ним были соединены проволокой, кажется длиной 50 метров. Затем студент бежал дальше, чтобы делать следующую ямку под электрод, а я должна была найти предыдущую и туда поставить свой электрод. Электроды мы должны были ставить одновременно. Я все время переживала, что не успею добежать, найти и поставить его. Еще боялась, что споткнусь о кочку и упаду. Не хо-

*Люда с отцом на озере Лама
в накомарниках*

*Привычный транспорт в тундре.
За рулем вездехода С.М. Иогин*

телось перед всеми выглядеть слабаком. Таким образом, мы снимали вариации магнитного поля для исключения его влияния в наблюдениях с магнитометрами «на профилях».

...В конце сезона я получила первую в своей жизни зарплату и трудовую книжку с записью «Принята рабочей в хараелахскую геофизическую партию».

Но вернусь к школьным годам. Они были интересными. В активированную погоду мы шли в бассейн, а после бассейна заходили в универмаг «Талнах». Там продавали эскимо. Мы съедали мороженое и перебежками от магазина к магазину, чтобы погреться, бежали по морозу домой. Пока добегала до дома, моя коса под пальто покрывалась льдинками, так как тогда в бассейне ещё не было фена для сушки волос. Однажды, в 11-м классе, на уроке кройки и шитья по радио объявили, что надвигается пурга. Пока мы собирались выйти из школы, она уже началась. Занятия наши проходили в небольшом здании, где позже расположился Норильскпроект. Мы втроем, взявшись за руки,

вышли на Гвардейскую площадь. Здесь нас подхватил сильный ветер и понёс! Так мы оказались в середине проспекта Ленина, куда сгребали снег с проезжей части. Порывы ветра не давали нам встать на ноги. К нам присоединились еще ребята, которые приехали с Кайеркана в кино. Их тоже вынесло на снежную насыпь. И только взявшись за руки, мы смогли выбраться на тротуар. Ребята проводили нас до автобусной остановки и посадили в автобус. Когда я вышла на своей остановке, один прохожий предложил довезти меня до подъезда. Мы тогда жили на Ленинградской, дом 1. Вход в мой двор был через арку дома, в неё войти было непросто: ветер не давал сделать ни шага... С помощью доброго прохожего я добралась до своего подъезда. Такое случалось со многими ребятами, нам помогали добраться до дома взрослые.

Еще мне запомнилась случайная встреча с норильчанином уже на «материке». Мы разговорились, и оказалось, что он работал раньше в Норильске. Мы обрадовались, хотя ранее не были знакомы. Этот случайный знакомый мне сказал, что для него этот день, как праздник: так он рад, что встретил землячку. Я сама пережила подобную радость, когда однажды была в командировке в Калужской области. На предпрятии я тоже встретила бывшую норильчанку. Это была Вера Турченкова. Мы обе обрадовались этой встрече, как будто знакомы были раньше... В следующий мой приезд по её просьбе я для неё привезла несколько томов воспоминаний «О времени, о Норильске, о себе...».

Но самая удивительная встреча была у меня с Лаврушко Инной Леонидовной 1932 года рождения. Она жила в Норильске в 1942–1944 годах, много рассказывала о жизни в эти годы. Приезжала она из Москвы в Подмосковье, чтобы в Интернете посмотреть фото и видео города. Инна Леонидовна хотела знать, каким стал Норильск. Я вспомнила стихи, которые читали пионеры тех лет. Приведу строки, которые запомнились:

*Норильск — город очень славный,
Он с Родиной вместе живет
И банду фашистов — тиранов
Он медью и никелем бьет.*

Заканчивались стихи строчкой, что «железные люди песни о счастье поют...».

До сих пор с благодарностью вспоминаю о Долгих Владимире Яковлевиче и Зинаиде Михайловне. Мои родители с ними дружили. И я считаю себя их другом, и хочу немного рассказать о них. Жаль только, что я общалась с ними в те времена, когда на многие темы взрослые старались с нами, детьми, не говорить. А позже в студенческие годы, мне казалось, что вся жизнь еще впереди, и обо всем я еще успею расспросить взрослых...

Владимир Яковлевич и Зинаида Михайловна закончили Ленинградский университет. Зинаида Михайловна была преподавателем русского языка и литературы. В Норильске в начале 50-х годов до реабилитации она работала в школе № 5. Когда мне исполнилось 13 лет, Зинаида Михайловна уже вернулась в Ленинград и попросила моих родителей, чтобы они на летние каникулы отпустили меня к ней. Тогда я впервые одна на самолете отправилась в Ленинград, а затем мы с ней поехали в Эстонию в город Хаапсалу.

В конце 30-х годов Владимир Яковлевич и Зинаида Михайловна были арестованы. Её сослали в Северный Казахстан. Долгое время семья ничего не знала о Владимире Яковлевиче, но потом каким-то образом жене удалось узнать, что Владимир Яковлевич находится в Норильске, и она стала добиваться, чтобы и её перевели в Норильск. Только в преклонном возрасте в начале 50-х годов их семья наконец-то воссоединилась. Она вспоминала, как в студенческие годы, когда сдавала зачеты, преподаватель, ставя зачет, говорил: «Иди, а то твой астроном уже заждался...». Даже в немолодом возрасте она сохранила потрясающе стройную фигуру. Моя мама тогда училась

в ДИТРе в кружке кройки и шитья. Она оттачивала свое умение на Зинаиде Михайловне: шила ей фартуки и халаты.

Владимир Яковлевич закончил университет по специальности астроном-геодезист. У них дома висели на стенах портреты известных астрономов, его учителей, с которыми ему довелось работать. Он часто бывал в экспедициях по роду своей работы. Владимир Яковлевич рассказал мне, как во время допроса следователь задал ему вопрос: «Почему вы стараетесь работать на станциях вдалеке от людей?». Тогда Владимир Яковлевич ответил: «Лучше жить дальше от людей, таких как вы». Это был ответ смелого человека.

В книге «Далёкое... близкое...» Михаилу Яковлевичу Важнову А.С. Сецкий рассказал, что в 1952 году в первой половине мая они выехали работать в поле. За расчеты координат отвечал геофизик В.Я. Долгих. Он заменил отсутствующую вычислительную технику: блестяще справился со сложной задачей. Владимиру Яковлевичу в то время было уже под пятьдесят. Он прожил яркую жизнь, оставив заметный след в изучении Заполярья. В 1920-е он стал студентом Среднеазиатского, затем Ленинградского университетов. Он побывал на Урале, в Закавказье, на Новой Земле, Земле Франца-Иосифа... Арестовали его в 1938 году по статье 58-10. Он пережил 8 лет лагерей, работал в «шарашке»...

После освобождения Владимир Яковлевич Долгих трудился на Кольском полуострове. Позже в Норильске продолжил работу инженером-геофизиком, исполнял обязанности начальника геофизической лаборатории. Его, прекрасного математика, по необходимости отправляли на помощь «полевикам»: то старшим топографом, то геодезистом...

После реабилитации (примерно в 1955 году) семья Долгих вернулась в Ленинград, где они получили комнату в коммунальной квартире с такими же реабилитированными – профессором ЛГУ с семьей и вдовой капитана. Кстати, когда мы приезжали в Ленинград

в гости, то семья профессора всегда предоставляла в наше распоряжение свою комнату, т.к. они на лето выезжали в Палангу.

После возвращения в Ленинград Владимир Яковлевич не усидел на одном месте: он уехал в Тикси. Зинаида Михайловна периодически приезжала к нему, но всё-таки большую часть времени уже проводили в Ленинграде. Они были семьей широких интересов: в Ленинграде они любили посещать театр оперетты. Я тогда училась в институте, и они часто брали меня с собой. В 1964 году Владимир Яковлевич заболел. Из Тикси самолетом его отправили сначала в Якутск, а затем в Ленинград, где в больнице он и скончался.

Эти интересные, высокообразованные, интеллигентные люди оставили о себе добрую и долгую память. Очень жалею, что в молодости не задала им много вопросов. Иногда в пол-уха слушала, о чем они рассказывали...Видно, не зря сказано: хорошее видится на расстоянии..., а я и сегодня радуюсь, что в моей жизни были Зинаида Михайловна и Владимир Яковлевич Долгих...

Сейчас, когда я обрела житейский опыт и вспоминаю норильскую жизнь и норильчан, я думаю о том, как мне повезло: в моей жизни был Норильск! По-моему, норильчане примером своей жизни в суровые времена репрессий показали свои духовные и физические силы, и свое благородство.

В этом томе, уважаемые читатели, вы впервые прочитали письма, отправленные Алексею Николаевичу Свечникову, норильчанину с большим стажем, историографу Норильска по призванию. В следующем 15-м томе воспоминаний норильчан вы прочитаете его рассказы о тех, кто строил город в условиях Норильлага, он дает слово и самим металлургам. Кроме того, он написал книгу «Кобальт Норильска», которую вы начнете читать также в 15-м томе. Вы окунетесь в трудное рождение истории металлургии и познакомитесь с удивительными людьми, ставшими норильчанами поневоле и по призванию своей души.

*Галина Ивановна
Касабова*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абрамов Сергей Александрович	544-545
Абрамович Хаим Соломонович	234
Агафонов Николай	391
Агафонов Сергей Павлович	5
Агафонова Юлия Сергеевна	5
Аграновская Фаня Абрамовна	83
Аграновский Абрам Давидович	54, 82-84, 87-88, 90
Аграновский Алексей	89
Аграновский Анатолий Абрамович	85-86
Аграновский Валерий Абрамович	55, 86, 87, 91
Акбашев Мулахмет	348
Аксенова-Гладышева Татьяна Артемьевна	27, 36-38
Алфименко Федор Андреевич	481
Андреев Петр	456
Анисимов Николай Николаевич	530-531
Анисимова Ангелина Ивановна	530
Антонова	9
Апазов Герольд Дмитриевич	255
Арендова Д.	26, 27
Аристов Аверкий Борисович	84, 86
Аристов Геральд	86
Артёменко Анатолий Иванович	484-485
Архипов	12
Арцыбашев М.С.	365, 373
Афанасьев Александр Александрович	265, 287
Афанасьев Юрий	15
Афанасьев Петр Михайлович	54-56, 59-60, 79-81, 169, 175, 458
Ахматова Анна Андреевна	73

Б

Бабанин Валентин	521-522
Бабанин Николай Михайлович	521
Багиров Арсен Варсегович	350
Багрянцев Валентин Кузьмич	234
Байтек Исаак Ионович	532

Баранцева	547
Бархатова Анна Яковлевна	312
Башук Надежда Ивановна	532
Бауманис Марта	264
Бек А.	89
Белиходзе Лев Шалвович	456
Белоусов Дмитрий Дмитриевич	524
Белько Сергей Петрович	527
Беляев Анатолий Ильич	242-243
Бенеско Иван Осипович	527
Берий	231
Беркимбаев Шашушет	349
Бизяев А.Д.	44
Бизяева Лидия Михайловна	44
Блохин Вячеслав Васильевич	336-339, 343, 356, 383, 385
Блохина Ирина Владимировна	340
Блюхер	555
Бобылев	115
Бовин Анатолий Сергеевич	468
Бовин Андрей Андреевич	444-446, 454, 462, 466-467, 470
Бовин Иван Александрович	468, 469
Бовин Сергей Александрович	447-448, 468
Бовина Александра Сергеевна	447-448
Бовина Ольга Борисовна	471
Бовина Ольга Георгиевна	470
Бовина Татьяна Ивановна	447-448
Бовин Христофор Павлович	234
Богданова Анна Васильевна	137-138
Большаков Георгий Ксенофонович	488
Борисов	76
Борисова Ольга	466
Бочарников	118
Бочкова Мария Петровна	477
Браверманн Григорий Миронович	524
Брайло Борис Александрович	488, 491-494
Брилева Альбина Александровна	6
Бродницкий К.Н.	35
Брукес Кэтрин	206
Брюханов Николай	112, 170, 179
Брюханова Анна Петровна	112, 170
Бубнов Владимир	61
Булавская-Зенгер Сусанна Николаевна	524-525
Булавский Юрий Андреевич	524-525

Булгакова Оксана Сергеевна	333
Буре Валентин	246
Бухарин Николай	174, 555
Быков	9

В

Важнов Михаил Яковлевич	576
Вайбус	234
Варшавский	56
Васильковский	17
Виноградский Л.	44
Вишневский Абрам	287
Вишневский Михаил	522-524, 533-534
Властовский М.Г.	465
Вождаев Иван Николаевич	49
Вождаева-Шубина Инна	48
Волков Николай	220
Володин Виктор	534
Вольпер Константин Константинович	525-526
Воронцов Александр Емельянович	345-346
Всесвятский В.Н.	281, 531
Вьюник	543
Вязунова Виктория Валериановна	519, 526

Г

Гаврилина Людмила	523
Гаевский А.А.	512
Гайда	56, 63
Гамарник	555
Гармаш Трофим Яковлевич	23, 311, 383, 385
Гарри Алексей Николаевич	70, 82, 96
Гедзинский Семен Михайлович	234
Гелюта Валерий	89
Генис Александр	15, 16
Герасименко Иван Саввич	17, 194
Гераскина Лия Борисовна	86
Гинзбург	287
Говоров Виктор Константинович	234
Говоров Геннадий Иванович	472-474
Годицкий Николай Степанович	524, 526, 528

Головачев	541-543
Головин	113, 115
Голощаков Н.Е.	348
Голубев Владимир	270
Голубева Мария Трофимовна	547
Горбатов Б.	89
Гордатий А.Т.	348
Горев	285
Горохов Василий Андреевич	286
Градинаров Юрий Иванович	31, 332, 492
Гринберг	456
Гринин Я.В.	244
Грицаев Виктор Петрович	234, 251
Грудинин Павел Николаевич	323
Грязнев Евгений	427-428, 430, 441
Грязнева Вера Ивановна	413-414, 427-428, 430-431, 433, 440-441
Гуляев Василий Семенович	299
Гумилев Лев Николаевич	73, 96
Гумейко В.Т	39-40

Д

Давыдов Василий Иннокентьевич	189, 191
Давыдов Владимир Петрович	525
Даме Вальтер Григорьевич	524
Данильченко А.	17
Дарьяльский Владимир Алексеевич	29
Даурская Ольга Ивановна	314
Деятов	544
Денисов В.	326
Дергачёв Иван Федорович	277
Дмитриева Валентина	393
Додояков Яков Иванович	351
Долгих Владимир Иванович	559
Долгих Владимир Яковлевич	575-577
Долгих Зинаида Михайловна	575, 577
Долгов Владимир	311
Драпкина Елизавета	70, 96
Дрейман Анатолий	287
Дроздов Владимир Васильевич	245, 323
Дружников Юрий	7-9, 12, 14-15
Друль Наум Исакиевич	287
Дрюцкий Николай Никитович	350

Дудник Геннадий Иванович	484
Дьяченко Федор Трофимович	18, 19
Дьяков	113, 115
Дьяченко Федор Трофимович	193-194

Е

Евзеров Моисей Исаакович	4
Евзерова-Качурина Инесса Моисеевна	5
Егармины	49
Егармин Иван	50
Егоров Василий Александрович	509-513, 521, 527
Егоров Василий Николаевич	287
Егоров Юрий Васильевич	506-507
Егорова (Иогина) Людмила Степановна	397, 564-565
Елян Эдуард Ваганович	197
Елясов Валентин Иванович	255
Ермаков Иван Петрович	299
Ерман	58, 60
Ерохин Давид Трофимович	299
Еськов Виктор	208
Ефремов Аркадий Васильевич	58, 61
Ефремов Арсений Васильевич	60

Ж

Жженов Георгий	96, 557
Жид Андре	45
Жилко Иван Осипович	350
Жмурко Петр Трофимович	226
Жук Павел Михайлович	286
Журавель Ольга	401
Журавлев Иван Андреевич	480

З

Забрамная Елизавета Евсеевна	323
Забрамный Борис Евсеевич	321-322
Завенягин Авраамий Павлович	21, 42-44, 69, 71, 155, 159, 289-290, 293, 343-344, 351-352, 354, 378, 557

Завьялова Лидия Ниловна	221
Завьялов Нил Александрович	221
Зайдман Любовь Абрамовна	228
Зайцев Василий Борисович	287
Зайцев Петр Михайлович	178
Закс Абрам Ефимович	520
Заломанин Владимир Петрович	481-483
Заостровская Надежда	169, 177
Заплавский Иосиф Иванович	71
Зарембо И.П.	346
Зарянов	57, 59-61
Зверев Владимир Степанович	75, 231, 239, 301-302, 374, 518, 532
Зеeman Б.Б.	66
Зеeman Елена Васильевна	78
Зеленская Ирина Анатольевна	211
Зенгер Николай Николаевич	531-532
Зенюк Евгений Петрович	485-486
Зингер Михаил Акимович	42-43, 279
Знаменский С.В.	247
Золотарев	84
Золя Э.	45
Зубова (Попова) Наталья	411
Зубовы	436

И

Иванов	542
Иванов Александр Александрович	319, 324-326, 328-330
Иванов Александр Никифорович	315
Иванов Борис Никифорович	318-319
Иванов Борис Николаевич	319, 333-335
Иванов Валерий Никифорович	318
Иванов Василий Карпович	234, 241
Иванов Василий Никифорович	313
Иванов Виктор Никифорович	318
Иванов Владимир Никифорович	318
Иванов Денис Александрович	317
Иванов Никифор Александрович	316, 318-319, 326, 332
Иванов Никифор Иванович	312
Иванов Николай Александрович	309, 319, 327, 331-334
Иванов Николай Никифорович	311
Иванов Юрий Никифорович	318

Иванова Евдокия Александровна	314
Иванова Елена Александровна	316-317
Иванова - Забрамная Лидия Александровна	309, 312, 316-317, 319-322, 324, 331, 335
Иванова - Сотникова Елизавета Никифоровна	308, 312
Иванова Ольга Никифоровна	318
Иванова (Попова) Фекла Ивановна	315-316, 325
Иванова Эмилия Никифоровна	318
Ивановы	307, 309-312, 314, 319, 327-328, 330, 333, 335
Ильницкий Станислав Петрович	484-485, 488, 491, 493, 495
Ильницкий И.С.	495
Иогин Степан Михайлович	566-567, 569-570, 573
Истомин	66

К

Казанцев Геннадий Иванович	490
Казачкин Петр	346
Кайдан-Дешкин Сергей Федорович	207-208, 212
Калинин М.	83
Кандель	322
Кандинский Иннокентий Васильевич	299
Каргышов Павел Иванович	485-486
Касабова Галина Ивановна	2, 51, 55, 210-211, 310, 339-340, 385, 471, 578
Кассиль Лев	100, 104
Каоугаль В.В.	56, 61
Караваев Валерий Максимович	494
Карацуба И.	41
Каргинов Казбек Георгиевич	255
Карпов Илья	20
Кац Р.М.	66
Кашин Анатолий Васильевич	393, 397
Кашин Василий Павлович	391
Кашина Тамара Васильевна	386-388
Кашина Татьяна Ивановна	398
Каширина Софья Ивановна	264

Керсновская Ефросинья Антоновна	383, 401-403, 419, 431-434, 437-438
Кийкова Тамара	523
Киреенко Ф.Т.	37, 49
Киров С.М.	115
Кирпичников	546
Климов Евгений Арсентьевич	501
Клодель Поль	45, 46
Клок Григорий Гаврилович	485, 489
Ключевский Василий Осипович	53, 213
Ковалев Василий Александрович	299
Коваленко Сергей	17
Коваленко Кама Петровна	122, 123, 165
Ковальчук Дмитрий Андреевич	190-193
Коган И.Е.	297
Коган Иосиф Михайлович	228, 234
Козловский	116
Козырева-Кургинян Валентина Васильевна	31-34
Кокуллер Леонид	67
Колесников Борис Иванович	174
Колесникова Надежда Степановна	173
Колмакова Нина Ивановна	299
Колос Н.Ф.	517
Кольцов	70
Кольцов Павел	487
Кольцов Павел Константинович	299
Комаров Ростислав	462
Коновалов Сергей	67
Коновалова Татьяна	400
Кононович Георгий Осипович	303-304
Коньков Андрей Антонович	548-549
Конькова Раиса Матвеевна	548
Коньлбаев Нурмухамет	348
Кореньков Михаил Андреевич	202-204
Корк	555
Коровина Вера	431
Король Леонид Сергеевич	484, 489
Корсак Станислав Петрович	524, 530
Корякин Владислав	311
Косарев Александр	70, 91, 555
Косиор	555
Костецкий Н.Н.	302
Кочетков Георгий	215
Красилов Александр	17, 196
Красницкий Евгений Константинович	75, 457, 459

Красновицкий	77
Красновицкая Екатерина Петровна	77
Краснопеева Ольга	315
Красносельский	114
Крестников Георгий Николаевич	219
Крестников Михаил Георгиевич	220-221
Крестников Михаил Михайлович	219
Крестникова (Шаранова) Наталья Павловна	222, 227, 235-237
Крестников Ростислав Михайлович	216-217, 222
Кривицкий Александр	20
Кривобородов Иван Прохорович	255
Круглов	292
Крупен Георгий Тимофеевич	299
Крыжановский Сергей Федорович	527
Ксинтарис Василий Николаевич	232, 281, 288, 291, 293, 297, 302
Кугультинов Давид	93-96
Куделин С.И.	86
Кудреватых Л.	70
Кудрявская Анна	89
Кузмичева Евдокия Яковлевна	299
Кузнецов	75
Кузнецов Николай (Пауль Зиберт)	499, 501
Кузнецов Виктор Алексеевич	247
Кузнецов Юрий	391
Кузьмина Людмила Ефимовна	393
Кулакова Анна	35

Л

Ладогин	57
Лаврушко Инна Леонидовна	574
Лановой Василий	87
Ларионов Валентин	463
Ласкин Борис Савельевич	103-104
Ласкина Евгения Самойловна	99-101, 103
Латенко Александр	437
Лебедь Александр Иванович	496
Левин Михаил Ильич	4
Лейман Артур Янович	293
Леонов Альберт Алексеевич	479
Леута Станислав Николаевич	247
Либерзон	511

Листовский Валентин	87
Лихачев Иван	30
Львов Анатолий	17, 311, 332
Левин Михаил Ильич	4
Линский М.П.	450
Логинов А.Б.	39, 456
Лозовой Константин Игнатъевич	455
Лосева Мария Петровна	477
Лукин Александр	501
Любимов М.В.	240
Ляликов	303-304
Ляшенко Петр Гаврилович	493
Люри Владимир Владимирович	457-458

М

Макаров Владимир Иванович	80, 172, 175
Макарова Алла Борисовна	382
Макарова Юлия Васильевна	80
Макеева Людмила	572
Маленков	78
Марин Николай	524
Маршалко Анатолий Стефанович	491
Марченко Виктор Иванович	255
Масленников В.Н.	69
Матвеев Владимир Зосимович	42-43, 279, 289, 344, 349, 351-352, 378
Матонцев	297
Матросов Александр	17
Махновецкий Михаил Иосифович	40
Махоткин Василий Михайлович	346
Медведев Б.С.	365
Медведев Дмитрий Николаевич	502
Медведовский	521-522
Мезенцев Казбек Тимофеевич	255
Мизрах	56
Мильчаков Александр Иванович	71, 96
Миронов А.А.	79
Миронов М.К.	85
Митин	527
Михайлов Леонид Алексеевич	31
Михайлусенко Ефросиния	349
Михно Яков Кириллович	286, 292

Младших Нина Николаевна	299
Молоков	346
Молотов	72, 77
Морозов Борис Николаевич	530
Морозов Павлик	7-10, 12, 14
Морозова Татьяна	13,14
Морозов Трофим	14
Морозовы Данила и Сергей	11
Морозовы Федяи Алексей	13
Москалев В.	69
Мосолов Геннадий Федорович	255
Мосягин Виктор	264
Мошкина Анастасия	27
Мошков Борис Николаевич	198-199
Мрачковский С.В.	114
Мудров Сергей Иванович	294
Муромец	458
Мухамеджанов Чойкш	349
Мухитдинов Юсуп	168

Н

Наливайко Дмитрий Константинович	299
Нанейшвили Мария Викторовна	70, 96
Насонов Николай Степанович	489
Наумкин Владимир	186
Нахалкин	70
Нетто Лев Александрович	341
Нови Игорь Иосифович	471
Нови Светлана Игоревна	471
Новоселов Н.М.	269
Носова	169

О

Одинцов Николай Алексеевич	280-284, 290-291
Ойхман	287
Окуджава Булат	556
Окулов	118
Омельченко Зинаида	421
Опанасенко Максим Петрович	351
Орджоникидзе Серго	278

Ортенберг Давид	20
Осмол Валентина (Валя Казачка)	499

П

Павлов Борис Семенович	458
Павлов Василий Кондратьевич	292
Паншина А.Ф.	6
Панюков А.А.	32, 75, 116, 289, 357, 360
Панюшкин А.М	297
Парамонов Анатолий Иванович	80
Парушкин	56
Паршуткин Иван Максимович	287
Петри Лев Оттович	303
Петрушенко Л.П.	356
Пидченко-Брюханова Надежда Ивановна	28
Пилиховский Борис Николаевич	481
Пирогов	293
Писарев Гаврила Иванович	521, 527
Пихлак Арно-Тоомас	47-48
Пищик Зиновий Львович	323
Плотянский Петр Трофимович	200
Пода Леонид Артемович	534
Поживилов	461-462
Поздняков Александр Константинович	479-480
Полевой Б.	89
Полицук Владимир Иванович	24
Полтава	519
Поляков Валентин Константинович	483, 486-488, 490-491, 494
Поляков Юрий Васильевич	255
Попков Александр	466
Попков Петр Михайлович	520
Попов	75
Попов	286
Попов Благой	96
Попов Александр	439, 441
Попов Александр Андреевич	234
Попов Георгий	364
Попов Евгений Александрович	412, 432, 440-441
Попов Петр Иванович	188, 209
Попов Николай Петрович	180-183, 187, 207-210, 212-215

Попова Екатерина Александровна	435
Попова Л.К.	432
Попова М.Е.	433
Попова Наталья	394, 435, 441
Поповы	399, 408-409, 411-412, 417-418, 421-423, 427, 433, 438
Поспелов П.Н	84-85
Постников Егор Иванович	299
Постышев	555
Потапов Михаил Георгиевич	69, 354
Предтеченская Нина Анатольевна	311, 319
Привалов Иоанн	206, 215
Прокопенко Александр Петрович	234, 238-243
Пушкин Александр Андреевич	31

Р

Райвигер М.Ф.	290
Райzman Юлий	420
Раневская Ф.	480
Ремейко Олег Александрович	39-40
Решетняк Константин Петрович	234
Рехлов	568
Родионов Владимир	289
Романович Иван Николаевич	221
Романович Марфа Александровна	221
Романович Римма Ивановна	221
Ромашова Екатерина	27
Руденко Ефим Фокович	299
Рукоусевы Раиса и Ольга	27
Рулёв Андрей Михайлович	447
Румер Залман Афроимович	91-92, 97, 100-102, 104-105
Румянцев	66
Рябчиков Евгений Иванович	71, 93, 96-97

С

Сабсай Александр Васильевич	287
Савин Павел Павлович	265-266, 280
Савченко Владимир Валентинович	481-483

Самошин Павел Петрович	277-278, 284
Самошина Олимпиада Михайловна	277-278, 280
Сахаров Геннадий Иванович	483
Светлов М.	89
Свечников Алексей Николаевич	24, 28, 30-31, 36, 49, 578
Свирин А.В.	373
Семёнов Валентин Гаврилович	499-504
Семченко Борис	409
Семыкина Ольга	360
Сен Тю Лю	351
Серов	547
Серов Василий Ануфриевич	286
Серов Федор Васильевич	299
Серова Валентина	104
Сецкий А.С.	576
Симонов Алексей Константинович	99, 105
Симонов Константин Михайлович	55, 91, 93, 95-105
Синцов П.	350
Ситникова Нина	37
Ситяев	297
Скульгэ Арвид Мартынович	348
Смекалкин Александр	523
Смирнов Александр Сергеевич	306, 309-310
Смирнов Елизар	11
Смирнов Михаил Федорович	323
Смирнов С.	89
Смирнова (Гришина) Лидия Георгиевна	312, 330
Смоктуновский	557
Смычков Тарас Михайлович	286
Снегов Сергей Александрович	43-44, 361-362
Сновский Александр	280
Соколовский Александр Николаевич	221
Соколовская Лариса Александровна	221
Солженицын А.И.	4
Соловьев Александр Федорович	261, 268-269
Соловьев Леонид Федорович	270
Соловьев Павел Александрович	258-259, 278, 305
Соловьева (Гавриленко) Любовь Ильинична	262
Соловьева (Цих) Элла Соломоновна	273-274
Сорокин	523
Сорокин Михаил Петрович	458
Сотников Александр Александрович	308, 309, 311, 313- 314, 330-331

Сотников Александр Киприянович	313-314
Сотниковы	307, 309-311, 317, 327-328, 330, 335
Спиваков Владимир Теодорович	211
Старостин Андрей Петрович	247
Стаханов Алексей	71
Степанов	35
Степанов	114
Степанов Станислав	360-361
Степанченко М.К.	61-62, 65-66, 74
Стишевская Надежда	151
Стриганов	113, 114
Суварин Борис	45
Суворов В.М.	66
Судоплатов Павел	500
Сурин Владимир Николаевич	524
Сурков А.	89
Сухаревы	50
Сыпачева Нина	408

Т

Табачников	277
Тарабан Н.Г.	244
Тарасов А.	21
Тен Ун Тен	351
Тендряков Владимир	87
Тенцер Борис Исаакович	315-316
Тихомиров Владимир Тимофеевич	536-537
Тихомиров Тимофей Федорович	537, 545, 555
Тихомирова (Чигринова) Галина Дмитриевна	537, 539
Тихомировы	550-551
Трегубенко	511
Троцкий	555
Трус Леонид Соломонович	341
Труфанов	61
Тумель В.Ф.	347
Туполев	57
Турченкова Вера	574
Тухачевский	555
Тююшев	57-58

У

Уганин Семен Артемьевич	190
Украинцева Елена	542
Уралова Тамара Николаевна	221
Урванцев Николай Николаевич	42, 70, 311, 330, 531, 546, 567, 571
Урванцева Елизавета Ивановна	549
Усанов	293
Усевич Игнат Васильевич	463
Усольцева Зинаида	27
Уткин Константин	246
Ушаков Федор Афанасьевич	220
Уюсова Валентина Александровна	316-317. 334

Ф

Фадеев Александр Алексеевич	73
Фалько Александр Александрович	299
Фаткулбаянова Галина Антоновна	365
Федораев	58-60
Федоров Пантелеймон Федорович	522, 526
Федоровский Николай Михайлович	74, 75, 457
Ферсман А.Е.	74
Фоминых	66
Форзун Яков Цалевич	205
Фукс	66
Фурич Станислав	13

Х

Хакимулина О.Н.	356
Ханжин Вячеслав	496-497
Хлопонин А.	21
Холмогоров Михаил Алексеевич	299
Хохоля Георгий Харитонович	299
Хопов	315
Хребтова-Михалева Евгения Аркадьевна	30
Хромых Василий Лазаревич	299
Хундадзе Георгий Евтихиевич	525

Ц

Царева Наталья Ивановна	354
Цих Анна	273
Цих Соломон Андреевич	273-274

Ч

Чаковский А.	89, 92
Чанчиковы Юрий и Валерий	40
Чапаев Александр	187
Чаплин Виктор Павлович	286
Чащин Константин Иванович	452, 455, 522
Черемнов Леонтий	17, 196
Черненко К.У.	86
Чехвадзе	293
Чехов	89
Чигринов Дмитрий Иосипович	540
Чупрова Лидия Николаевна	318-320, 326

Ш

Шабает Сергей	275
Шамшура Георгий Яковлевич	458
Шахматов	54
Шаройко А.Е.	74
Швед Софья	166-168, 177
Шебалков Андрей Георгиевич	196-197
Шевелев А.И.	365, 373
Шевляков	17
Шекшеев Александр Петрович	311, 317, 331
Шелеспанов Борис Александрович	541-542, 548
Шелестов Валерий Семенович	489
Шестаков Василий Михайлович	385
Шиканов Валерий Петрович	489
Шинова Татьяна Владимировна	525
Шляпочников	287
Шмидт О.Ю.	278, 345-346
Штырков Иван Иванович	301-302

Щ

Щеглов (Норильский) Сергей Львович	83, 211, 311
Щиголов Василий Петрович	478

Э

Эйнштейн	74
----------	----

Я

Ягода Г.	41
Язвицкий Павел	466
Яковлев А.С.	71
Яковлев Леонид Николаевич	509
Ярутина (Зайцева) Вера Петровна	112, 119, 120-122, 124, 165, 167, 169
Ярутина Елена	175
Ярутин Петр Яковлевич	54, 72, 80, 106, 109, 112-122, 165, 174-175, 458
Ярутины	54-55, 81, 107-108, 112, 173, 178

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово к читателю</i>	3
<u>Да, это было... С нами и со страной...</u>	
<i>Петр Афанасьев:</i> «Мы ехали в единственном составе, который не дошел до Норильска. Нас выгрузили в тундре...»	56
<i>Аграновские:</i> «Дед, сыновья, внук...»	82
<i>Валерий Аграновский:</i> «Вариации на тему “Жди меня”»... ..	91
<i>Ярутины:</i> История семьи в документах, письмах и воспоминаниях	106
<i>Николай Попов:</i> «Автографы Победы»	180
<i>Ростислав Крестников:</i> «Норильск — моя судьба...»	216
<i>Павел Соловьев:</i> «Следы НКВД в истории рода Соловьевых...»	258
<i>Александр Смирнов:</i> «Малоизвестное о жизни легендарных родов Ивановых и Сотниковых...»	306
<i>Вячеслав Блохин:</i> «Мне хотелось сухим языком приказов показать еще одну грань истории комбината и города»	336
<i>Тамара Кашина:</i> «Нулевой пикет — исторически значимое место и для Норильска, и для меня...»	386
<i>Андрей Бовин:</i> «Норильский техникум для меня — университет жизни»	444
<i>Геннадий Говоров:</i> «Всё, что было ВОПРЕКИ в моей жизни, чаще всего оборачивалось для меня добром...»	472
<i>Вячеслав Ханжин:</i> «Партизанские тайны разведчика Семенова»	496
<i>Юрий Егоров:</i> «Крутые развороты нашей семьи — мы надолго стали норильчанами»	506
<i>Владимир Тихомиров:</i> «...И кто нам теперь скажет, за что нам поломанная жизнь ни за что?»	536
<i>Людмила Егорова:</i> «Я родилась и выросла в Норильске...»	564
<i>Именной указатель</i>	579

Для заметок

Литературно-художественное издание

**О ВРЕМЕНИ,
О НОРИЛЬСКЕ,
О СЕБЕ...**

Редактор-составитель
Г. И. Касабова

Литературный редактор
Н.В. Сакиян

Корректоры
Г.И. Касабова
Н.В. Сакиян

Компьютерная верстка
Д.В. Анохин

**Издание частных книжных проектов
с «Первой Образцовой типографией»**

Сервис самостоятельного издания
PRIME Publish ждет ваши книги:
творческие проекты, семейные истории,
литературные опыты, стихотворения,
научные сборники, фотоальбомы и многое другое.

Помощь в подготовке, низкие цены и максимальные
возможности печати в крупнейшей типографии страны!

www.primepublish.ru

тел. 8(495)984-97-49

115054, г. Москва, ул. Валовая, д. 28

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»

Подписано в печать _____ Заказ № _____

142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1